

Г. В. Прутцков

ИСТОРИЯ зарубежной журналистики 1800–1929

*Допущено УМО по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению 030600 «Журналистика»
и специальности 030601 «Журналистика»*

Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Я. Н. Засурского

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2010

УДК [070+808.5] (100) (076.6)
ББК 76.01(0)я73–3+83.7(0)я73–3
П85

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук,
генеральный директор ООО «ПОЛПРЕД Справочники»
Г. Н. Вачнадзе;

доктор филологических наук, профессор факультета
журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
А. А. Тertyчный

Прутков Г. В.

П85 История зарубежной журналистики. 1800–1929: Учебно-методический комплект (учебное пособие, хрестоматия) / Г. В. Прутков; Под ред. Я. Н. Засурского. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 416 с.

ISBN 978–5–7567–0589–8

Учебно-методический комплект «История зарубежной журналистики» выходит в нашей стране впервые. Он включает в себя учебное пособие с контрольными вопросами для повторения, списком рекомендуемой литературы по каждой теме и хрестоматию. В нее вошли произведения публицистов и журналистов, чье творчество оказало значительное влияние на развитие прессы, свободы слова и печати, а также переводы из ведущих европейских и американских газет XIX — начала XX века. Многие тексты публикуются на русском языке впервые.

Для студентов факультетов и отделений журналистики вузов, преподавателей истории зарубежной журналистики и всех, кто интересуется историей зарубежной журналистики.

УДК [070+808.5] (100) (076.6)
ББК 76.01(0)я73–3+83.7(0)я73–3

ISBN 978–5–7567–0589–8

© Прутков Г. В., 2010
© ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2010

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс «История зарубежной журналистики (1800–1929)» является второй частью предмета «История зарубежной журналистики» — одной из фундаментальных учебных дисциплин всех факультетов и отделений журналистики вузов.

Фундаментальные исследования по истории печати начали публиковаться в нашей стране в начале XX века. К ним, в первую очередь, можно отнести сборник очерков «Периодическая печать на Западе» (1903), курс лекций профессора истории Николая Новомбергского под общим названием «Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России» (1906). В 1909 году была издана переведенная с немецкого языка «Всеобщая история прессы» историка и журналиста Людвиг Саламона.

С возникновением в Московском государственном университете регулярного журналистского образования (1947) появилась необходимость в подготовке и преподавании курса истории зарубежной печати. Этот курс разработал Я. Н. Засурский, возглавивший в 1957 году новую кафедру истории зарубежной печати и литературы. Изначально дисциплина состояла из двух частей: первая — «История зарубежной коммунистической и рабочей печати», вторая — «Критика буржуазной печати». Впоследствии, на рубеже 1980–1990-х годов, профессор Засурский коренным образом переработал этот курс, расширил его рамки. Теперь он стал называться «История зарубежной журналистики» и предваряться предметом «Введение в мировую журналистику». На факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова история зарубежной журналистики изучается в течение четырех семестров.

Учебно-методический комплект «История зарубежной журналистики», предлагаемый вниманию читателей, выходит в нашей стране впервые. Он состоит из двух частей. Учебное пособие сопровождается контрольными вопросами для повторения, списками обязательной и дополнительной литературы по каждой теме. Хрестоматия знакомит с произведениями публицистов и журналистов, чье творчество оказало значительное, а в некоторых случаях и определяющее влияние на развитие прессы, свободы слова и печати. По сравнению с изданием 2007 года в содержание хрестоматии внесены серьезные изменения, многие тексты публикуются на русском языке впервые. В настоящее издание

включены переводы из ведущих европейских и американских газет XIX — начала XX века. Таким образом, у студентов появилась возможность не только узнать о газетах прошлых столетий, но и почитать их в переводе. В приложении представлен список основных дат и событий в истории мировой журналистики от начала XIX века до конца 1920-х годов.

Автор-составитель выражает глубокую благодарность президенту факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующему кафедрой зарубежной журналистики и литературы, заслуженному профессору Ясену Николаевичу Засурскому за постоянную помощь и поддержку в работе.

A decorative rectangular border with ornate, symmetrical scrollwork at each corner and midpoints of the sides, framing the central text.

**УЧЕБНОЕ
ПОСОБИЕ**

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В XIX ВЕКЕ

Технические и технологические изобретения (Средства передачи информации. — Средства связи. — Средства фиксации информации. — Новые средства массовой информации. — Журналистские изменения). — Социально-политические изменения.

В XIX веке решающее влияние на развитие мировой журналистики оказало совершенствование техники и технологии издательского дела. Пожалуй, ни одно другое столетие не было таким богатым на всевозможные технические изобретения и открытия, как XIX. Использование новых достижений в повседневной жизни привело к изменению внутреннего и внешнего облика газеты, приблизив его к современному виду. Постепенно начала формироваться и система прессы в сегодняшнем ее понимании.

Практически все изобретения и открытия XIX века, которые привели к изменениям в журналистике, можно условно разделить на две категории: **технические и технологические** и **социально-политические**.

Технические и технологические изобретения

Технические и технологические изобретения разделяются, в свою очередь, на **средства передачи информации, средства связи и средства фиксации информации**.

Средства передачи информации

С античных времен и вплоть до XIX столетия новости развозили гонцы. Основными средствами передачи информации были, как и в древнем обществе, лошади (или верблюды, ослы — в зависимости от климатической зоны), парусные суда. Информация передавалась медленно, и свежими считались новости, поступившие в течение года. Об этом красноречиво свидетельствует, в частности, название одной из первых дошедших до нас рукописных газет, выпускавшейся в Лейпциге: «Новые известия, сколько получено их от 26 октября 1587 года по 26 октября 1588 года из Нюрнберга». При этом расстояние от Нюрнберга до Лейпцига — чуть более 200 километров.

Спустя два с лишним столетия скорость передачи информации практически не изменилась. Так, в американских газетах XVIII века счита-

лась свежей информация из Европы полугодичной давности. Жители Аляски (которая принадлежала тогда России) узнали о смерти императрицы Екатерины Второй только в июне 1797 года, спустя семь месяцев после ее смерти.

Скорость передачи информации стала постепенно увеличиваться только в XIX веке, с внедрением в жизнь новых технических изобретений.

Пароход. 17 августа **1807 года** в США вышел в рейс первый в мире пароход *North River Steamboat* («Пароход Северной реки»), курсировавший по реке Гудзон между городами Нью-Йорк и Олбани со скоростью 11 километров в час. Его создал инженер и изобретатель **Роберт Фултон** (1765—1815). Фултон был известен своим проектом подводной лодки «Наутилус», который он в 1800 году тщетно предлагал взять на вооружение Наполеону. Наполеон отверг и предложение Фултона создать пароходный флот, считая изобретателя сумасшедшим. В 1796 году Фултон опубликовал в Лондоне проект чугунного моста. На его основе в 1808 году в Петербурге был построен Зеленый (Полицейский) мост на Невском проспекте через Мойку, который в расширенном виде сохранился до наших дней.

Российский император Александр Первый предоставил Фултону монополию на постройку и эксплуатацию пароходов в России. Но американский инженер нарушил условия договора, не построив за три года ни одного парохода, и контракт с ним был расторгнут.

Первый русский пироскаф (так в начале XIX века называли пароход) «Елизавета» построил русский инженер и промышленник шотландского происхождения Карл Берд (1766—1843). С 3 ноября **1815 года** пироскаф совершал регулярные рейсы между Петербургом и Кронштадтом. Его средняя скорость была 9,3 километра в час. Вскоре Берд получил монополию на строительство пароходов по всей стране. За двадцать лет он построил 52 парохода и наладил сообщение между Петербургом и Ригой, Ревелем (ныне Таллин), Гельсингфорсом (ныне Хельсинки) и другими крупными городами Российской империи.

Первый почтовый пароход стал курсировать между Германией и Швецией по Балтийскому морю с 1 мая 1824 года. И хотя пароходы стали господствовать на морях только со второй половины XIX века, их появление резко ускорило передачу информации между Европой и Америкой: до пяти—семи дней к началу XX века.

Паровоз. В **1814 году** в Англии изобретатель и инженер-механик **Джон Стефенсон** (1781—1848) создал первый в мире паровоз, предназначенный изначально для перевозки вагончиков с углем. В 1823 году Стефенсон основал паровозный завод в городе Ньюкасл-апон-Тайн, на котором был построен паровоз *Active* («Активный»). Он же спроектировал оптимальную, на его взгляд, ширину железнодорожной колеи, ко-

торая до сих пор используется в Европе. 27 сентября **1825 года** Стефенсон сам повел грузо-пассажирский состав в первый рейс. Расстояние в 35 километров между городами Дарлингтон и Стоктон-он-Тис он преодолел со средней скоростью 7,5 километра в час.

В 1816 году Стефенсона посетил путешествовавший по Англии будущий российский император Николай Первый. Он покатался на паровозе и, вернувшись на родину, решил построить железную дорогу в России.

Первая железнодорожная ветка в нашей стране — из Петербурга в Царское Село и Павловск — вступила в строй 30 октября **1837 года**, связав зимнюю и летнюю резиденции императора. Теперь оперативную информацию стали передавать с поездом, и существовавший до того оптический телеграф ушел в прошлое.

Открытие железной дороги ознаменовало новый этап в развитии общества. Паровоз приобрел такую популярность, что сразу стал символом наступившей эпохи. В Александринском театре Петербурга поставили даже водевиль «Поездка в Царское Село», главным героем которого был паровоз.

1 ноября **1851 года** железнодорожное сообщение связало две российские столицы. Это была самая длинная на тот момент железная дорога в мире. Первый поезд шел со скоростью 37,4 километра в час и преодолел расстояние от Петербурга до Москвы за 21 час 45 минут. С того времени газеты стали помещать информацию о жизни второй столицы суточной давности (как это происходит и сегодня), тогда как до этого почтовый путь между двумя городами занимал около недели.

Почта быстро воспользовалась распространением железных дорог. На всех линиях были введены почтовые вагоны, где почтальоны перерабатывали почту прямо во время движения поездов. Первый такой почтовый вагон («летучая почтовая контора») появился в 1837 году в Англии на железнодорожном маршруте из Ливерпуля в Бирмингем.

Самолет. К XIX веку относятся и разработки самолета. Особых успехов в этом деле добились американцы братья **Райт** — Уилбер (1867—1912) и Орвилл (1871—1948). Их трудовой путь начался в журналистике: с марта 1889 года они редактировали и издавали еженедельную газету *The West Side News* («Новости Вест сайда») в городе Дейтоне, штат Огайо. С 1890 года она стала выходить ежедневно под названием *Evening Item* («Вечерние события»), но спустя четыре месяца, не выдержав конкуренции, закрылась. В 1892 году братья открыли мастерскую и магазин велосипедов. Заработанные деньги они тратили на авиационные опыты.

17 декабря **1903 года** в местечке Китти-Хок, штат Северная Каролина, Райты дважды подняли в воздух построенный из ели самолет *Flyer-1* («Летун-1») и смогли управлять им в полете. Первый полет протяженностью около 40 метров длился 12 секунд на высоте около трех метров

от земли. Его снял на карточку фотограф, специально приглашенный братьями для такого случая. В 1909 году Райты создали двухместный самолет, который мог летать в течение часа со средней скоростью 64 километра в час, и продали его военным за фантастическую по тем временам сумму в 30 тысяч долларов.

С помощью авиации стало реальным передавать информацию и перевозить почтовые грузы с невиданной доселе скоростью. Так, почтовые отправления, посланные авиапочтой, стали доходить из Берлина в Москву за сутки, тогда как по железной дороге — за восемь—десять дней. Совершенствование летательных аппаратов со временем привело к возможности совершать авиаперелеты из Америки в Европу и обратно.

Средства связи

Телеграф. С незапамятных времен люди передавали информацию на расстояние при помощи оптического телеграфа. Так называлась система передачи информации при помощи световых сигналов — сначала костров, затем зеркал, а с конца XVIII века специальных семафоров на длинных шестах. Еще в V веке до Р.Х. великий древнегреческий драматург Эсхил (525—456 гг. до Р.Х.) вывел в трагедии «Агамемнон» образ Дозорного. Он, лежа на плоской крыше царского дворца в Аргосе, ждет света костра, который должен возвестить о взятии Трои:

А я все жду условленного светоча,
Столба огня, который возвестит, взыграв,
Что пала Троя¹.

Подобный способ широко использовался и в Московской Руси для оповещения о приближении татарских полчищ. Костры разжигали на колокольнях церквей, которые специально строили на расстоянии видимости друг от друга. Благодаря этому информация о приближении неприятеля приходила в столицу, как правило, через несколько часов после начала вторжения.

Эту систему передачи информации, существовавшую тысячелетия, разрушило в XIX веке появление телеграфа.

21 октября **1832 года** русский ученый-электротехник барон Павел Львович **Шиллинг** (1786—1837) устроил у себя на квартире в Петербурге первый в мире электромагнитный телеграф. Сигналы, передававшиеся по электрическим проводам, оператор на другом конце провода легко расшифровывал по разработанной Шиллингом специальной таблице. В ней каждая буква русского алфавита передавалась через определенные символы, которые проявлялись на телеграфном аппарате черными и белыми кружочками.

---

¹ Эсхил. Трагедии / Пер. с древнегреческого С. Апта. М., 1971. С. 217.

В Германии электромагнитный телеграф построили в 1833 году физики Карл Фридрих Гаусс (1777—1855) и Вильгельм Эдуард Вебер (1804—1891). Описание немецкой модели телеграфа увидел в 1836 году американский художник, профессор начертательных искусств Нью-Йоркского университета **Сэмюэл Финли Бриз Морзе** (1791—1872). Он решил усовершенствовать эту модель и с тех пор полностью посвятил себя изобретательству. В 1837 году Морзе разработал и запатентовал телеграфный код — систему передачи букв алфавита комбинациями точек и тире. Эта система впоследствии стала известной во всем мире как Азбука Морзе (или Код Морзе).

В 1844 году Морзе с компаньонами построил 40-километровую телеграфную линию между городами Вашингтон и Балтимор. 24 мая 1844 года по этой линии было послано первое телеграфное сообщение по азбуке Морзе — «Чудны дела Твои, Господи!».

Телеграф Морзе быстро нашел себе применение в редакциях газет, управлениях банков, на железных дорогах. Уже через несколько десятилетий телеграфные линии буквально оплели весь мир.

На принципе использования телеграфа была построена работа созданных в середине XIX столетия информационных телеграфных агентств.

Информационные агентства. Первый информационный передел мира. К концу 1860-х годов три крупнейших европейских телеграфных агентства — Гавас, Вольф и Рейтер — жестко конкурировали между собой в распространении информации за пределами своих стран. Так, например, агентство Рейтер, стремясь подчинить себе информационные потоки континентальной Европы, открыло филиал в германском городе Ганновере. Это был прямой вызов агентству Вольфа.

Руководители агентств, обеспокоенные ужесточением этой борьбы, решили поделить доступные покрытию их информацией страны и территории на зоны влияния. В 1870 году они подписали Картельный договор о создании всемирной сети обмена информацией.

Согласно этому договору Рейтер приобретал приоритетное право в распространении информации на территории Великобритании и ее многочисленных колоний, а также в Восточной Азии; Гавас — во Франции, всех франкоязычных странах и колониях; Вольф — в Германии, Северной Европе, Австро-Венгрии и России. Вместе с тем агентства договорились о регулярном обмене новостями. Таким образом, была создана первая в мире международная сеть информации.

На территории американского континента монопольное право признавалось за американским информационным агентством «Ассошиэйтед пресс».

Так произошел первый в истории мировой журналистики информационный передел мира. Он просуществовал до Первой мировой войны (1914—1918).

В 1856 году было принято решение соединить телеграфной линией Европу и Америку. Для этого по дну Атлантического океана предстояло уложить четыре с половиной тысячи километров армированного телеграфного кабеля — от берегов Ирландии до канадского острова Ньюфаундленд. Эту нелегкую задачу взяло на себя акционерное общество *Atlantic Telegraph Company*.

Трансатлантическая телеграфная связь вступила в действие 5 августа **1858 года**. По этому случаю британская королева Виктория и президент США Джеймс Бьюкенен послали друг другу поздравительные телеграммы. Передача по телеграфу послания королевы Виктории, состоявшего из 103 слов, заняла 16 часов.

Но спустя месяц связь между Европой и Америкой прервалась из-за несовершенства кабеля. Несколько лет ушло на его технические доработки. Новая трансатлантическая телеграфная линия протяженностью 5100 километров заработала в 1866 году.

Вскоре был проложен телеграфный кабель из Европы в Африку и в Азию. В 1870 году заработала прямая телеграфная связь между Англией и ее крупнейшей колонией Индией (линия Лондон—Бомбей). К концу XIX века телеграф соединил практически все страны мира.

Телефон. Изобретателем телефона считается американец **Александр Грэхем Белл** (1847—1922). Он родился в столице Шотландии Эдинбурге в семье профессиональных риториков и, получив образование, долгое время работал преподавателем красноречия и музыки. С 1873 года Белл преподавал физиологию речи в одном из университетов Бостона и в то же время занимался изобретательством.

На чердаке в своем доме Белл оборудовал лабораторию и протянул оттуда в квартиру двенадцатиметровый провод. По этому проводу Белл с чердака наладил голосовую связь с помощником Ватсоном, дежурившим внизу. 10 марта **1876 года** Белл передал первую членораздельную фразу, которая вошла в историю: «Мистер Ватсон, идите сюда, Вы мне нужны!»

Вашингтонское патентное бюро выдало Беллу патент на изобретение телефона — «говорящего телеграфа», аппарата для передачи речи и других звуков по телеграфу с помощью электрических волн. Изобретенный Беллом телефон был на первых порах несовершенен: его трубка служила и для передачи, и для приема голоса абонента, в нем отсутствовал звонок, а дальность действия первой телефонной линии составляла лишь около полукилометра.

Когда Белл умер, все телефоны в США отключили одновременно на одну минуту, чтобы таким образом почтить его память.

Несмотря на несовершенство первых телефонных аппаратов, новый вид связи быстро завоевал прочные позиции в редакциях газет и журналов. Уже в конце XIX века репортеры ведущих газет мира передавали по телефону свои репортажи с мест событий, которые порой отстояли на сотни километров от редакций.

Средства фиксации информации

Из технических изобретений той эпохи большую важность для развития журналистики представляет появление **фотографии**. Долгое время все попытки зафиксировать изображение предмета, человека или события заканчивались безрезультатно. Лишь в 1822 году французский изобретатель и ученый Жозеф Нисефор Ньепс (1765—1833) после шести лет работы смог при помощи серебряной соли получить негатив. Первое зафиксированное изображение — накрытого стола — не сохранилось. До наших дней дошел нечеткий снимок Ньепса, сделанный в 1826 году: вид из окна. Ньепс экспонировал его восемь часов.

Чтобы внедрить новое изобретение в жизнь, требовалось уменьшить время экспонирования снимка. Опыты Ньепса продолжил его ученик, французский художник, изобретатель и химик **Луи Жак Дагер** (1787—1851). 9 января **1839 года** он представил на рассмотрение Французской Академии наук результат одиннадцати лет опытов — принцип фотографирования. Изобретение Дагера — дагеротипия — было основано на получении изображения с помощью паров ртути, которые при подогревании проявляли снимок. Затем его нужно было зафиксировать концентрированным раствором пищевой соли и горячей водой.

Изобретение Дагера быстро приобрело популярность и распространилось по всему миру, а имя изобретателя было включено в список величайших ученых Франции, который помещен на первом этаже Эйфелевой башни в Париже. Уже в середине XIX века в книгах, а затем и в газетах стали печатать фотоснимки. Они были еще низкого полиграфического качества, но, несмотря на это, знаменовали появление нового этапа в развитии журналистики, когда текстовый материал стал подкрепляться фотоиллюстрацией.

Впервые фотожурналистика проявила себя на полях сражений Крымской войны (1853 — 1856). Среди репортеров, освещавших боевые действия с обеих воюющих сторон, были и фотожурналисты.

Новые средства массовой информации

Радио. К концу века мир обогащается изобретениями, которые привели к возникновению новых средств массовой информации. **7 мая 1895 года** русский ученый **Александр Степанович Попов** (1859—1906) на заседании Русского физико-химического общества продемонстрировал изобретенный им прибор «грозоотметчик», предназначенный для регистрации электромагнитных волн. Это был первый в мире радиоприемник — аппарат беспроводной телеграфии. С его помощью в 1897 году Попов наладил радиосообщение между военным кораблем, находившимся в море, и берегом. Вскоре радиосвязь стала широко использоваться на военных и спасательных судах.

Изобретение Попова стало широко известным в Европе и в мире. Европейские научно-популярные журналы неоднократно подробно писали о нем. В июне 1896 года итальянский радиотехник и предприниматель **Гульельмо Маркони** (1874–1937), живший в Лондоне, прочитал об опытах Попова, слегка усовершенствовал созданный им приемник. В 1897 году Маркони запатентовал его как свое собственное изобретение и создал акционерное общество «Маркони и К^о». Его силами в том же году была построена первая в мире стационарная радиостанция на британском острове Уайт. В 1901 году Маркони налаждал регулярную передачу радиосигнала из Европы в Америку через Атлантический океан.

В 1909 году Маркони была присуждена Нобелевская премия по физике. Позднее он переехал в Италию и с приходом там к власти фашистов стал в 1923 году членом фашистской партии, а незадолго до смерти вошел в ее высший руководящий состав.

Развитие радио на рубеже XIX–XX веков шло быстрыми темпами. К началу 1920-х годов оно стало средством массовой информации.

Кинематограф. Кинематограф — непосредственный предшественник телевидения, созданного на основе синтеза радио и кино. Его изобрели французы братья **Луи Жан** (1864–1948) и **Огюст Луи Мари Николя** (1862–1954) **Люмьеры**. Точнее, непосредственно изобретательством и технической стороной дела занимался Луи, а Огюст был менеджером и организатором. Их отец владел фабрикой фотоматериалов, на которой работали сыновья.

В 1895 году Луи Люмьер изобрел и запатентовал киноаппарат для съемки и воспроизведения кинофильмов — «движущихся фотоснимков», которые он сам назвал «кинематограф». 28 декабря **1895 года** в подвале «Гран-кафе» на бульваре Капуцинок в Париже прошла платная демонстрация первых в истории документальных фильмов: «Прибытие поезда на Северный вокзал в Париже», «Выход рабочих с фабрики братьев Люмьеров», «Завтрак младенца», «Вылавливание красных рыбок» и др.

В Россию кинематограф пришел спустя полгода, в мае 1896 года. Первый русский фильм был посвящен коронации императора Николая Второго.

Позднее, в начале XX века, на основе синтеза радио и кинематографа был изобретен принцип телевидения.

Журналистские изменения

Экономическая революция в прессе. К собственно журналистским изменениям относится, прежде всего, экономическая революция в прессе, которая началась в 1830-е годы сначала во Франции, США, затем в Англии, позднее — в других странах. Благодаря энергичной деятельности **Эмиля де Жирардена** (1806–1881) и, в частности, изобретенной

им рекламно-тиражной спирали, газета стала экономически выгодным предприятием, дешевой и доступной широким слоям читателей¹.

Рост экономики способствовал развитию грамотности, культуры. Кроме того, к середине XIX века появился новый читатель — человек невысоких доходов, с трудом воспринимавший язык и стиль элитарной прессы. Рекламодатели впервые заинтересовались людьми с относительно небольшими доходами: дешевые товары считались наиболее выгодными для извлечения прибыли.

Появление массовой прессы. Вплоть до 1830-х годов среди типологических характеристик прессы не было деления на качественную (элитарную) и массовую журналистику, поскольку массовых газет, рассчитанных на читателей с минимальным образованием и невысоким уровнем доходов, практически не существовало. Впрочем, такие читатели еще не появились.

Социально-политические и экономические изменения в мире в первые десятилетия XIX века (наполеоновские войны, промышленная революция и пр.) породили армию новых читателей. Как правило, это были вчерашние крестьяне, которые, уехав на заработки в города, стали рабочими. Для успешной работы они получили, по крайней мере, минимальный уровень образования.

Для таких читателей в противовес качественной и появилась **массовая пресса**. Первой массовой газетой в Европе была основанная Эмилем Жиранденом в 1836 году *La Presse* («Ля Пресс» — «Пресса») во Франции, в США — *The New York Sun* («Нью-Йорк сан» — «Нью-Йоркское солнце»), которую основал в 1833 году Бенджамин Генри Дей (1810–1889)².

В читателях с невысоким уровнем доходов были заинтересованы не только журналисты и издатели, но и рекламодатели, поскольку дешевые товары — самый выгодный способ извлечения прибыли. Впрочем, многие элитарные газеты отказывались публиковать рекламу дешевых товаров и потому остались дорогостоящими.

Появление рекламы в газете позволило сделать газету не только окупаемой, но и прибыльной, а цена газеты снизилась до общедоступного уровня.

С появлением рекламы возникла **коммерческая печать**, не знавшая политических и партийных границ. Она оказалась очень прибыльной, поскольку была надпартийной и, соответственно, пользовалась успехом у читателей независимо от их политических симпатий.

Концентрация прессы. В 1870-е годы газеты стали скупать первые синдикаты и тресты. Таким образом, начался процесс **концентрации прес-**

---

¹ Подробнее о Жирандене и его деятельности будет рассказано в разделе «Экономическая революция во французской прессе».

² Подробнее о первых массовых газетах будет рассказано в последующих разделах.

сы. Были созданы газетные империи, которыми управляли газетные магнаты. Экономика газет активно включилась в финансовую и экономическую сферы. Газета из информационно-политического института постепенно превращалась в институт информационно-политико-коммерческий.

Одновременно с газетным развивалось и журнальное дело. Но настоящие массовые журналы в Европе и Америке появились только на рубеже XIX—XX веков.

От персонального — к дифференцированному журнализму. В связи с новыми экономическими условиями, появлением новых информационных институтов и техническими изобретениями изменилась и структура газеты. Прежде один человек вполне мог самостоятельно выпускать периодическое издание, и журналистика до 1840-х годов носила в целом **персональный** характер.

Теперь в редакциях газет создавались отделы, появились журналистские специализации репортеров, колумнистов, аналитиков, сборщиков информации. Постепенно складывался **дифференцированный журнализм**, и газета начала приобретать современную структуру.

Принцип перевернутой пирамиды. Большая часть информации поступала в периодические издания по телеграфу. Из-за технического несовершенства телеграфная лента часто рвалась, и журналисты в редакции оставались без информации, которую ждали. Во многом чтобы не зависеть от исправности телеграфного аппарата, постепенно западная пресса стала уходить от старого, традиционного принципа составления журналистского материала, который строился от постепенного изложения основной мысли к заключению. Сложился принцип **усеченной (или перевернутой) пирамиды**: самая главная новость шла фактом в начале текста, затем следовали ее пояснение и комментарии. Так традиционный стиль написания оказался перевернутым на 180 градусов, отчего и получил это название.

Теперь в случае обрыва телеграфной ленты редакция все равно успевала получить факт и уже имела возможность прокомментировать его. Так со временем сложился западный принцип журналистики — журналистики фактов.

Впрочем, принцип перевернутой пирамиды не стал единственным и абсолютным в западной журналистике. Материалы, построенные по этому принципу, нацелены, как правило, на читателя, которому некогда читать весь текст и которого нужно увлечь, убедить покупать газету. В то же время всегда существовала большая категория серьезных читателей, предпочитавших глубокие, аналитические материалы. Поэтому принцип прямой пирамиды в журналистике по-прежнему сохранился.

Социально-политические изменения

К **социально-политическим** изменениям в журналистике относятся, прежде всего, появление **партийной печати** — газет и журналов политических партий, упразднение предварительной цензуры и переход многих государств от авторитаризма к демократическим концепциям журналистики.

Газеты и прежде могли поддерживать ту или иную политическую силу (например, британская «Таймс» всегда выступала на стороне консерваторов). Такая поддержка обуславливалась исключительно личными симпатиями издателя, редактора или журналистов. Теперь же появились периодические издания, основанные специально как официальные органы политических партий и движений. Так, в середине XIX века в Германии, а затем в других странах появилась социалистическая пресса. Ее основатели Карл Маркс и Фридрих Энгельс внесли значительный вклад в журналистику¹.

Вопросы для повторения

1. Изобретения XIX века, повлиявшие на развитие журналистики.
2. Технологические изменения в прессе в XIX веке.
3. Изменение внутреннего облика газеты в XIX веке.
4. Средства передачи информации, появившиеся в XIX веке.
5. Средства связи, появившиеся в XIX веке.
6. Средства фиксации информации, появившиеся в XIX веке.
7. Информационные телеграфные агентства XIX века.
8. Первый информационный передел мира.
9. Новые средства массовой информации, появившиеся в конце XIX века.
10. Пресса XIX века: от персонального — к дифференцированному журнализму.
11. Появление принципа усеченной (перевернутой) пирамиды.
12. Пресса в процессе социально-политических изменений.

Рекомендуемая литература

Андрунас Е. Ч. Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. М., 1991.

Беглов С. И. Четвертая власть: Британская модель. М., 2002.

Берлин П. Очерки современной журналистики (Периодическая печать на Западе) // История печати. М., 2001. Т. 2.

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного бюллетеня. М., 1999.

Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001. Т. 1.

---

¹ Подробнее о журналистской и публицистической деятельности Маркса и Энгельса будет рассказано в разделе «Развитие английской журналистики в XIX веке».

Панкина О. Г. Зарубежная коммунистическая и рабочая журналистика. М., 1989.

Ситников В. П. Издательское дело. Основы. История. Взаимосвязь техники и технологии. М., 2002.

Ситников В. П. Техника и технология СМИ: Печать, телевидение, радиовещание. М., 2004.

Ученова В. В. У истоков публицистики. М., 1989.

Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА В ЭПОХУ НАПОЛЕОНА I

Наполеон Бонапарт. — Консульский указ о газетах 17 января 1800 года. — Газета *Le Moniteur Universel*. — Дальнейшая политика Наполеона в отношении прессы. — Военная пресса. — Политика в области прессы в завоеванных странах. — Новаторство Наполеона в отношении прессы. — Пресса в период Ста дней.

Наполеон Бонапарт

В истории мировой журналистики найдется немного политических деятелей, которые оказали бы решающее влияние на развитие журналистики. Одним из таких политиков был **Наполеон Бонапарт** (1769—1821). Он родился на средиземноморском острове Корсика в небогатой аристократической семье. Окончив Королевскую кадетскую школу в Париже в звании младшего лейтенанта артиллерии, Наполеон стал профессиональным военным.

В годы Французской революции он выдвинулся как талантливый полководец, стремительно пройдя путь от поручика до генерала. 9 ноября 1799 года (что соответствовало 18 брюмера VIII года по республиканскому календарю) Наполеон совершил государственный переворот и провозгласил себя первым консулом Франции. В эти годы по его инициативе и при его активном участии были проведены важные реформы, например, принят в 1804 году Гражданский кодекс (или Кодекс Наполеона) — классический свод законов, который действует и сегодня.

Спустя четыре с половиной года, 18 мая 1804 года, Наполеон упразднил консульство и объявил себя императором. Захватив практически всю Европу, 12 (24) июня 1812 года он напал на Россию. Разгоревшаяся Отечественная война привела, в конечном итоге, к поражению французской армии. 19 (31) марта 1814 года русские войска взяли Париж. Наполеон отрекся от престола и был сослан на маленький средиземноморский остров Эльба, но вскоре бежал оттуда и 20 марта 1815 года без единого выстрела захватил Париж. 22 июня того же года в битве при Ватерлоо Наполеон потерпел окончательное поражение. Последние годы жизни он провел в ссылке на острове Святой Елены в Атлантическом океане.

Консульский указ о газетах 17 января 1800 года

Став первым консулом Франции, Наполеон спустя два месяца, **17 января 1800 года** (27 нивоза VIII года по республиканскому календарю), опубликовал консульский указ о газетах, который открыл новый этап в развитии журналистики.

Наполеон утверждал, что газеты «могут служить оружием в руках врагов Республики». Чтобы этого не произошло, согласно первому параграфу декрета, из семидесяти трех газет, выходивших в то время в Париже и ближайших пригородах, закрытию подлежали шестьдесят. Оставшиеся тринадцать газет подлежали строгому контролю фактически предварительной цензуры. Впрочем, Наполеон не употреблял слово «цензура», предпочитая пользоваться эвфемизмами, и лицемерно называл должность цензора постыдной.

Второй параграф декрета уполномочивал министра полиции **Жозефа Фуше** (1759–1820) следить за прессой, редакторами газет и представлять доклады о провинциальной печати.

Третий параграф запрещал создание каких бы то ни было новых газет — как в Париже, так и в провинции.

Консульский указ о газетах был первым в череде многочисленных указов, декретов, ордонансов Наполеона в отношении прессы и ознаменовал начало нового этапа в развитии французской журналистики.

Газета *Le Moniteur Universel*

Главной французской газетой, рупором и орудием наполеоновской политики стала ***Le Moniteur Universel*** («Монитор универсаль» — «Всеобщий инструктор»¹). Ее основал в 1789 году, на заре Французской революции, известный издатель и журналист **Шарль Жозеф Панкук** (1736 — 1798). До революции он владел небольшой газетой *Mercure de France* («Меркюр де Франс» — «Вестник Франции»), выпустил в свет в 1785 году знаменитую тридцатипятитомную *Энциклопедию* («Толковый словарь наук, искусств и ремесел» — фундаментальный труд под общей редакцией просветителя Дени Дидро).

Когда началась революция, Панкук решил издавать большую универсальную газету. Ее первый номер вышел в свет 24 ноября 1789 года. Сначала газета имела название *Gazette Nationale ou Le Moniteur Universel* («Национальная газета, или Всеобщий инструктор»). Она быстро завоевала популярность и, став одной из самых известных газет, распространялась не только во Франции, но и в других европейских странах.

---

¹ Другой перевод названия *Moniteur* — «Наставник».

Le Moniteur имел читателей даже за океаном, в незадолго до того освободившихся от Англии США.

2 декабря 1799 года Наполеон, едва став первым консулом, объявил *Le Moniteur* официальной государственной газетой. Ответственным за ее выход в свет и содержание был назначен один из секретарей Наполеона, опытный политик и журналист Уго Бернар Маре (1763—1839).

Став правительственным официозом, газета сразу же изменилась: вместо изложений парламентских дебатов на ее страницах стали публиковать указы и статьи Наполеона, сводки о военных действиях, которые вела наполеоновская Франция, и полемические статьи против заклятого врага Наполеона — Англии.

Все другие газеты должны были ориентироваться на *Le Moniteur*. В провинциях создавались отделы этой газеты. *Le Moniteur* обладала монополией на международную информацию.

«Я сделал *Le Moniteur* душой и сердцем моего правительства, — писал Наполеон незадолго до смерти. — Он был посредником между мной и народом, был выразителем общественного мнения в стране и за ее пределами, он был проникнут духом моего правительства».

Дальнейшая политика Наполеона в отношении прессы

Наполеон кардинально переосмыслил авторитарную модель печати, зародившуюся в середине XVII века при участии короля Людовика XIII, кардинала Ришелье и Теофраста Ренодо, и, по мере укрепления своей власти, вывел ее на принципиально новый уровень. Впервые в истории мировой журналистики сформировалась вертикальная система управления прессой из единого центра.

Прессе Наполеон придавал огромное значение. «Четыре газеты смогут принести врагу больше зла, чем сотысячная армия», — утверждал он. Ежедневно Наполеон читал ведущие французские и зарубежные газеты, часто сам писал статьи — преимущественно в *Le Moniteur*. В его 32-томной переписке, изданной в середине XIX века, вопросы развития печати занимают в общей сложности несколько томов. Прежде всего, это письма, адресованные министру полиции Фуше.

«Подавляйте газеты еще и еще, — писал Наполеон министру Фуше в апреле 1805 года. — Публикуйте хорошие статьи. Дайте понять редакторам *Journal de Debats*¹ и *Publiciste*, что недалек тот день, когда газеты,

---

¹ Поскольку, по мнению Наполеона, время революций, дебатов и споров прошло, газета *Journal de Debats* («Газета дебатов») перестала отражать сущность эпохи, то, по настоянию императора, была в 1805 году переименована в *Journal de l'Empire* («Газета империи»). Сразу после отречения Наполеона от престола, в апреле 1814 года, газета вернула себе прежнее название.

рассказывающие мне сказки, будут закрыты мною. Пусть даже останется только одна газета, но безусловно верная мне. Время революции прошло, и я не потерплю, чтобы во Франции осталась хотя бы одна газета или партия, которая бы раздражала меня или выступала против моих интересов».

В 1800 году была принята новая конституция Франции, где уже ничего не говорилось о свободе печати. Таким образом, пресса окончательно потеряла независимость.

Правительственный контроль над прессой все время ужесточался. Наполеон объяснял это так: «Если я перестану держать печать на вожжах, я не останусь у власти и трех дней». В 1801 году было создано бюро общественного настроения — с одной стороны, для дополнительного контроля и проверки соблюдения газетами указаний Наполеона, с другой стороны, для сбора информации об отношении французов к режиму Наполеона — сначала первого консула, а затем, с 1804 года, императора.

В штат каждой газеты был введен фактически цензор, зарплату которому в размере $\frac{1}{6}$ дохода издания должна была платить редакция. Эта сумма значительно превышала оклады самих журналистов и даже редакторов. Так, годовая зарплата публициста и цензора Жозефа Фьева (1767 — 1839), следившего за материалами *Journal de l'Empire*, составляла 24 тысячи франков.

Декрет от 6 ноября 1807 года запрещал всем провинциальным газетам писать какие бы то ни было статьи по политическим вопросам, за исключением перепечаток из правительственного официоза. Кроме того, для всех газет устанавливался единый налог в пользу государства в размере $\frac{1}{6}$ дохода.

В 1809 году министр полиции постановил, что в каждом департаменте должно существовать не более одной политической газеты (а их насчитывалось около ста семидесяти). Удивительно, что этот указ способствовал появлению политической прессы в некоторых отдаленных провинциях Франции, где доселе не было ни одной газеты.

Наполеоновскими декретами от **8 февраля** и **17 сентября 1811 года** закрывались все парижские газеты, кроме четырех: *Le Moniteur Universel*, *Journal de l'Empire* («Журналь дель ампир» — «Газета империи»), *Journal de Paris* («Журналь де Пари» — «Газета Парижа») и *La Gazette de France* («Ля Газетт де Франс» — «Газета Франции»). Эти оставшиеся газеты были объявлены собственностью государства на том основании, что за долгие годы существования они уже принесли достаточно дохода своим владельцам.

При этом лишь *Le Moniteur* имел право публиковать политические материалы, хотя и эта привилегия была относительной. «Если правительство узнает неприятную новость, ее не следует публиковать до тех

пор, пока она не подтвердится, — писал Наполеон в письме Жозефу Фьеве в июне 1805 года. — А когда она подтвердится, то зачем ее публиковать: ведь о ней уже известно».

При Наполеоне во французской журналистике существовал ряд запретных тем. Так, например, не разрешалось писать о прошедшей революции, свергнутой королевской династии Бурбонов. До 1807 года запрещалось упоминать в положительном контексте Россию. После заключения Тильзитского мира между Наполеоном и российским императором Александром Первым вектор французской политики изменился, и о России — вплоть до 1811 года, когда Наполеон решил начать войну против нашей страны, — разрешили писать лишь положительные статьи. Рекомендовалось также по возможности не упоминать Римского папу Пия VII (1742–1823), который попал в плен к Наполеону и жил под домашним арестом в замке Фонтенбло.

Как известно, Наполеон не терпел никакой, даже малейшей критики со стороны прессы в свой адрес. В то же время он был категорически против слащавых, безмерно лестных материалов о себе. Например, прочитав 1 апреля 1811 года в *La Gazette de France* льстивую заметку о рождении своего сына, Наполеон рассердился и потребовал уволить главного редактора.

«Кто позволил *La Gazette de France* поместить очень глупую статью, которая сегодня напечатана там обо мне? — писал он министру полиции Жану Мари Савари (1774–1833)¹. — Поистине, этот молодой человек [имеется в виду главный редактор. — Г. П.] делает слишком много пошлостей. Отнимите у него редактирование газеты!»

Основной принцип Наполеона в отношении прессы сводился, по словам крупнейшего российского исследователя наполеоновской журналистики историка Е. В. Тарле, к следующему: «Газеты обязаны не только молчать, о чем прикажут молчать, но и говорить, о чем прикажут, и главное, как прикажут говорить»².

Военная пресса

В течение практически всего своего пребывания у власти Наполеон вел захватнические войны. На первых порах его армия уступала по численности и обученности войскам противника, в военных походах нередко были случаи нехватки продовольствия, обмундирования. Для подъема боевого духа солдат и офицеров Наполеон решил издавать и

---

¹ Савари (он же герцог Ровиго) стал министром полиции в 1810 году. Он отличался от своего предшественника на этом посту, Жозефа Фуше, исключительной исполнительностью и полной покорностью Наполеону.

² Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I // История печати. М., 2001. Т. 2. С. 379.

распространять в войсках специальные газеты. Так, еще в годы Директории, в 1797 году, по его инициативе были созданы газеты «Курьер итальянской армии» и «Франция глазами армии». Наполеон публиковал там, в частности, военные бюллетени и приказы по армии.

«Солдаты! С вершин Апеннинских гор вы обрушились, словно горный поток, сокрушая и разрушая все, что пыталось встать у вас на пути, — писал Наполеон в приказе, опубликованном на первой полосе «Курьера итальянской армии». — Пусть трепещут те, кто занес над Францией кинжал гражданской войны! Час отмщения настал! Но пусть все народы будут спокойны: мы — друзья всех народов... Свободный французский народ, почитаемый всеми странами, принесет Европе прочный мир!»

Помимо газет, во всех военных походах Наполеон издавал бюллетени, листовки и прокламации, обращенные к армии.

Кроме того, во многих светских газетах появились должности военных корреспондентов. Такая инициатива была предпринята в ответ враждебной Наполеону Англии: в 1808 году, когда французские войска напали на Испанию, ведущая британская газета *The Times* командировала на франко-испанский фронт штатного журналиста Генри Робинсона. Его заметки о войне испанцев против захватчиков не только вдохновляли английских читателей на дальнейшую борьбу с французами, но и вызывали крайнее недовольство Наполеона.

Политика в области прессы в завоеванных странах

В завоеванных странах Европы Наполеон издавал собственные газеты. Кроме того, впервые в истории по его инициативе была создана система распространения прессы.

Во время военного похода в Египет (1798–1801 гг.) Наполеон выпускал газету *Courrier de Egipte* («Египетский курьер»). Она была рассчитана на политических и религиозных лидеров Египта.

В каждом покоренном государстве создавались газеты наполеоновской администрации, ориентированные, как правило, на *Le Moniteur*. Так, официальной газетой в оккупированной французами Италии была *Monitore di Roma* («Инструктор Рима»).

Кроме того, всячески поощрялась местная печать, поддерживавшая Бонапарта. Так, например, в захваченном французами 8 (20) июля 1812 года Минске стала издаваться пронаполеоновская «Часовая Минская газета» («Временная Минская газета»). Она выходила еженедельно, в общей сложности за полгода оккупации Минска вышло в свет 25 номеров этого периодического издания.

Часто газеты, выпускавшиеся в захваченных странах и городах, были билингвальные, то есть издавались параллельно на двух языках: французском и языке захваченной страны или региона. Например, с 1810 по 1814 год в захваченной французами Барселоне выходила газета *Diari del Govern de Catalunya y de Barcelona* («Газета правительства Каталонии и Барселоны») — одновременно на каталанском и французском языках.

Такая пресса, подконтрольная французам, отражала события и явления в свете, выгодном Наполеону. Впрочем, в некоторых оккупированных странах местная пресса сначала искренне поддерживала Наполеона. Например, захватив в 1808 году северную часть Испании, где проживали угнетавшиеся испанским королем каталонцы, галисийцы и баски, Наполеон разрешил им издавать газеты на их родных языках. И малые народы Испании решительно поддержали Бонапарта. Но к 1811 году национальная пресса северной Испании осмелела и стала критиковать политику французских захватчиков. Закрытие властями всех этих газет (или переход их только на французский язык) привело к партизанской войне и изгнанию Наполеона из Испании в 1814 году.

Во время неудачной войны с Россией, в 1812 году, Наполеон издавал бюллетени, обращенные к русской армии, а также к населению захваченных районов страны. Для этого в распоряжении штаба французской армии был типографский станок с кириллическими литерами. Но практически никакого успеха эти бюллетени не имели.

Новаторство Наполеона в отношении прессы

Отличие созданной в начале XIX столетия во Франции авторитарной концепции от аналогичной концепции XVII—XVIII веков в том, что для Людовика XIII и кардинала Ришелье пресса была инструментом власти, ее использовали в интересах правительства. Наполеон превратил журналистику в орудие власти, поставив практически всю прессу на службу себе. Кроме того, наполеоновская журналистика практически впервые в истории мировой прессы стала элементом пропаганды. «Мы должны управлять общественным мнением» — это высказывание Наполеона на заседании Государственного совета в июне 1804 года стало широко известным.

Задумывая войну с той или иной страной, Наполеон за некоторое время до начала боевых действий продумывал план пропагандистского прикрытия военного вторжения. К примеру, с конца 1811 года он стал готовить общественное мнение Франции и при возможности завоеванных стран Европы к необходимости завоевать Россию. В ход пускались не только газетные статьи, читатели которых подводились к мысли о том, что Россия — дикая, варварская страна. Распространялись также сфальсифицированные заведомые фальшивки, самая известная из кото-

рых — так называемое «Завещание Петра Великого» (текста которого в действительности никогда не существовало), где якобы говорилось о необходимости завоевать соседние с Россией страны и выйти к берегам Индийского океана. Таким образом, Наполеон стремился выглядеть в глазах общественного мнения защитником Европы от русских варваров.

Наполеон широко использовал политику дезинформации противника через подконтрольную прессу. По его приказу в газетах публиковались выгодные для Франции слухи о военных и политических победах над врагами. Так, например, накануне бегства из Москвы осенью 1812 года Наполеон пытался представить сложившуюся ситуацию в выгодном для себя свете. Он писал подчиненным ему германским князьям: «Я не только желаю, чтобы мне посылались подкрепления, но я желаю также, чтобы преувеличивалась численность этих подкреплений и чтобы князья заставили свои газеты печатать о большем числе отправляемых [в Россию] войск, удваивая это число».

Нередко Наполеон подкупал иностранных журналистов, а иногда и целые газеты враждебных ему стран, чтобы, таким образом, повлиять на общественное мнение и склонить его в пользу Франции. В то же время по его инициативе в Париже была создана англоязычная газета *Argus* («Аргус» — «Бдительный страж»). На ее страницах перепечатывались из европейских газет статьи, авторы которых писали про Францию и Наполеона в положительных тонах. Большая часть тиража газеты распространялась в Англии — стране главного противника.

Эффективность политики Наполеона в отношении прессы была очевидной даже его врагам. Так, министр иностранных дел Австрии Клемент Лотар фон Меттерних (1773—1859) писал в июне 1808 года: «Трехсоттысячное войско не сможет завоевать страну и ее пределов быстрее, чем дюжина перьев наполеоновских журналистов».

Пресса в период Ста дней

Потерпев поражение в 1814 году, Наполеон вскоре бежал из ссылки и 20 марта 1815 года захватил Париж. Вот как последовательно писала о событиях этих дней газета *Le Moniteur*.

- 9 марта. Монстр покинул место ссылки.
- 10 марта. Тигр высадился на побережье.
- 12 марта. Ужасный зверь занял город Гап.
- 14 марта. Злодей осадил Гренобль. Удивительно его продвижение.
- 16 марта. Тиран находится в 60 километрах от Парижа. Но горожане могут быть спокойны: ему не бывать снова в столице!
- 18 марта. Наполеон в пригородах Парижа. Многие войска переходят на его сторону.

20 марта. Его Величество император Наполеон Бонапарт объявил Фонтенбло своей загородной резиденцией и дал первый бал. Никто не мог сдержать радости от его славного возвращения!

Наступил последний период деятельности Наполеона — *Сто дней* (фактически он длился 95 дней). В течение этого короткого времени его взгляды полностью переменялись, и печать получила практически неограниченную, всеобщую свободу. Одним из первых был опубликован указ о ликвидации должности королевских цензоров. Министром полиции, отвечавшим за прессу, вновь стал Фуше.

Наполеон стал считать, что может удержаться у власти только при свободной прессе. «Чего вы хотите? Политических дебатов, свободных выборов, ответственных министров, свободы прессы? — говорил Наполеон в апреле 1815 года, беседуя с писателем и публицистом Бенджаменом Анри Констаном (1767–1830). — Я также всего этого желаю и в особенности свободы печати. Было бы абсурдом стараться задавить ее. Я твердо убежден в этом»¹.

Эти мысли Наполеон вскоре законодательно закрепил. 22 апреля он утвердил соответствующий Дополнительный акт конституции Французской империи. В Акте говорилось: «Каждый гражданин имеет право печатать и обнародовать свои мысли за своей подписью, без всякой предварительной цензуры, под условием законной ответственности на суде присяжных, которые определяют и меру исправительного наказания». По сути это был Декрет о свободе печати.

Но такие демократические меры оказались запоздалыми: союзные армии 22 июня 1815 года свергли Наполеона. Его сослали на удаленный от цивилизации остров Святой Елены в Атлантическом океане, где в 1821 году он умер. Судя по всему, принципами свободы печати Наполеон оставался верен до конца своих дней. Так, незадолго до смерти он писал: «Сын мой должен царствовать со свободой печати. В настоящее время это необходимость. Свобода печати принадлежит к таким учреждениям, о которых не спорят, хороши ли они. Вопрос только в том, долго ли можно отказывать в них духу времени и общественному мнению?»².

После падения Наполеона политика власти по отношению к журналистике неоднократно, вплоть до 1881 года, претерпевала значительные изменения.

Вопросы для повторения

1. Наполеон и его политика в области печати.
2. Развитие законодательства о печати при Наполеоне.

---

¹ Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001. С. 235.

² Там же. С. 236.

3. Указ Наполеона о газетах от 17 января 1800 года.
4. Наполеоновская пресса как орудие в руках власти.
5. Газета *Le Moniteur Universel*.
6. Развитие прессы в захваченных Наполеоном странах.
7. Трансформация журналистики в период Ста дней Наполеона.
8. Новаторство Наполеона в отношении прессы.
9. Элементы пропаганды в наполеоновской журналистике.
10. Методы дезинформации в наполеоновской пропаганде.
11. Авторитарная печать во Франции XVII века и в 1799–1814 годах: сходства и различия.

Рекомендуемая литература

- Волковский Н. Л.* История информационных войн. СПб., 2003. Т. 1.
- Новомбергский Н.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001. Т. 1.
- Попов Ю. В.* Печать Франции эпохи Консульства и Империи // Вестник МГУ. 1982. № 1–2. Серия «Журналистика».
- Саламон Л.* Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.
- Смирнов Е.* Периодическая печать во Франции // История печати. М., 2001. Т. 2.
- Тарле Е. В.* Печать во Франции при Наполеоне I // История печати. М., 2001. Т. 2.
- Трыков В. П.* Зарубежная журналистика XIX века. М., 2004.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

Пресса накануне перемен. — Июльская революция 1830 года и пресса. — Первые агентства (*Agence Havas*). — Новый класс читателей. — Эмиль де Жирарден (*Voleure. La Mode. Garde Nationale. Journal de connaissance utile. La Presse*). Новаторство Жирардена. Жирарден и конкуренты. Жирарден — политик. Жирарден в последние годы жизни).

Пресса накануне перемен

После свержения Наполеона во Франции была восстановлена монархия Бурбонов. Король Людовик XVIII (1755–1824) возвратил страну к законодательству о печати, существовавшему до 1789 года. 20 июля и 8 августа 1815 года по его инициативе были приняты ордонансы, регламентирующие работу периодической печати. Так, под эгидой министерства полиции воссоздавалась цензура (впрочем, она распространялась только на издания объемом менее двадцати страниц), и всем газетам и журналам требовалось пройти перерегистрацию. «Ни одно периодическое издание ни в Париже, ни в провинции, — гласил текст ордонанса, — не может выходить без специального разрешения, которое в любое время можно взять обратно».

Позднее, в 1820 году, при министерстве внутренних дел была создана комиссия, состоявшая из двенадцати цензоров. В ее обязанности входила цензура печати. Но и этой комиссии власти, судя по всему, не очень доверяли, так как одновременно создавалась еще одна комиссия — из девяти университетских профессоров, которой вменялся в обязанности контроль над цензорами. Именно эта комиссия могла принять решение о приостановлении выхода в свет газеты или журнала.

Всего за 1815–1830-е годы было принято восемнадцать законов и ордонансов о прессе. Отношение королевской власти к журналистике было неровным: периоды ужесточения цензуры сменялись годами либерализации, за которыми снова следовало «закручивание гаек». В 1824 году король Карл X (1757–1836), заняв трон, на некоторое время даже упразднил цензуру. Впрочем, это обстоятельство особо не мешало продолжать неугодные газеты.

Июльская революция 1830 года и пресса

В конце 1829 — начале 1830 года Карл X резко ужесточил политику в отношении свободы печати. Королю не нравилось, что либеральные газеты выражали несогласие с консервативным курсом его правительства

и с большей или меньшей настойчивостью требовали политических перемен. Так, газета *National* («Насьональ») смело выступала за конституционную монархию, где власть короля была бы чисто символической; газета *Tribune* («Трибюн») открыто стояла на республиканских позициях.

26 июля 1830 года правительственная газета *Le Moniteur Universel* опубликовала пять ордонансов, которые получили широкую известность как **Июльские ордонансы Карла X**. Король, превысив свои конституционные полномочия, по сути, совершил государственный переворот: он распускал палату депутатов, изменял избирательный закон и восстанавливал предварительную цензуру.

Кроме того, ордонансы ужесточали правила издания прессы. В частности, отныне правительственное разрешение на выход в свет газет и журналов предоставлялось только на три месяца, после чего его следовало получать заново. Эти правила автоматически делали невозможным выпуск практически всех периодических изданий, не поддерживавших Карла X и его правительство.

На Июльские ордонансы журналисты ответили коллективным призывом к восстанию. Возглавила протест основанная в январе 1830 года газета *National* и ее редактор **Арман Каррель** (1800 — 1836). В тот же день, 26 июля, соратник Карреля журналист и будущий президент Франции Адольф Тьер (1797—1877) написал прокламацию, которую подписали редакторы сорока четырех парижских газет. «Сегодня правительство нарушило законность, — говорилось в прокламации. — Мы освобождены от повиновения, мы попробуем сегодня опубликовать наши писания, не спрашивая должного разрешения. Именно к этому нас побуждает гражданский долг, и мы его выполним!»

Таким образом, журналисты коллективно объявили об отказе подчиняться ордонансам и решении выпускать свои газеты без предварительной цензуры.

Эту прокламацию опубликовали 27 июля газеты *National* и *Temps* («Тан» — «Время»). Прочитав ее, на парижские улицы вышли с протестами сотни, а затем и тысячи людей. Узнав о том, что началось восстание, возмущенный Карл X воскликнул: «Это же бунт!» Один из придворных ответил королю: «Это не бунт, Ваше Величество, это революция».

Испуганный монарх сразу же отменил свои ордонансы и даже отправил в отставку нескольких консервативных министров, затем пытался умирить восставших с помощью оружия. Но никакие меры не дали результатов. 2 августа Карл X отрекся от престола и с позором бежал в Англию. Журналисты и депутаты образовали временное правительство, которое решило пригласить на трон представителя Орлеанского дома — младшей ветви французской королевской династии — Людовика (Луи) Филиппа (1773—1850). Он принял приглашение и правил страной с 1830 по 1848 год. Эти годы вошли в историю как Эпоха Реставрации.

Результатом Июльской революции 1830 года стала не только смена власти, но и усиление влияния и авторитета журналистики, а также либерализация законодательства о прессе. Новый король в первые же месяцы своего правления предоставил прессе ряд льгот и привилегий. Так, например, 7 августа 1830 года была принята новая Конституционная хартия. В ее восьмом параграфе, в частности, говорилось, что «цензура не может быть никогда восстановлена».

Законом от 8 октября 1830 года преступления печати передавались на рассмотрение суда присяжных. 10 декабря было отменено требование о получении предварительного разрешения полиции на продажу печатной продукции и расклеивание объявлений. Закон от 14 декабря понизил размеры залогов, почтовых сборов и стоимости пересылки газет и журналов.

Несмотря на то что через некоторое время Луи Филипп продолжил политику своих предшественников в области преследования печати, это значительное смягчение законов открыло новый период истории французской журналистики и привело не только к появлению большого количества новых периодических изданий, но и к началу экономической революции в прессе.

Первые агентства

В 1826 году в Париже открылась книгоиздательская и торговая фирма Луи Ашетта, которая через некоторое время превратилась в агентство по распространению прессы *Hachette* («Ашетт»). Ашетт начал деятельность с выпуска книг французской и мировой классики, а с распространением во Франции железных дорог заключил договоры с их владельцами о доставке газетной и книжной продукции в регионы поездами.

Agence Havas

На принципе использования телеграфа была построена работа созданных в середине XIX столетия информационных телеграфных агентств. Первое агентство «Гавас» основал в Париже француз **Шарль Луи Гавас** (1783—1858) в 1835 году. В молодости Гавас был банкиром, но впоследствии разорился. В 1825 году он решил переводить с иностранных языков новости, опубликованные в европейских газетах и журналах, и стал предлагать их редакторам парижских изданий. Услуги Гаваса оказались востребованными, и вскоре он создал собственную компанию — «Бюро переводов Гаваса», на базе которой возникло первое в мире информационное агентство *Agence Havas* («Агентство Гавас»).

Гавас первым убедился в необходимости создания инфраструктуры французской журналистики. Он разработал концепцию информа-

ционного агентства, согласно которой источниками информации были не только заграничные газеты, но и сеть собственных корреспондентов в крупнейших городах Европы, а затем и мира. Полученную таким образом информацию Гавас продавал на первых порах в столичные газеты, затем в провинциальные, а завоевав безоговорочный авторитет на информационном рынке, — и в зарубежные периодические издания.

В первые годы и даже десятилетия своей деятельности, когда новые средства связи и передачи информации еще были развиты слабо, Гавас использовал голубиную почту — способ, известный с глубокой древности. В середине XIX века голубиная почта передавала информацию быстрее, чем железнодорожное и пароходное сообщения. Специально натренированным голубям прикрепляли к лапкам листочки с информацией, они летели в другие города и даже страны. Там их встречали корреспонденты Гаваса, забирали эти листочки и, прикрепив новые, отпускали обратно в Париж. Так, почтовые голуби, выпущенные из французской столицы в полдень, при хорошей погоде прилетали в Лондон к трем часам дня.

Французское правительство, осознавая важность деятельности Гаваса, финансировало значительную часть работы его информационного агентства.

Новый класс читателей

Резкий рост промышленного производства в начале XIX века привел к производству новых товаров, нуждавшихся в рекламе. Приблизительно в эту же эпоху значительно выросла грамотность населения: каждый второй француз умел читать и писать. Со временем сформировался новый потенциальный читатель, которому из-за недостаточного образования и небольших доходов были неинтересны и недоступны классические, элитарные газеты. А газет, рассчитанных на такого читателя, практически не было.

Годовая подписка на газету составляла в начале 1830-х годов примерно полтора ежемесячных оклада рабочего и три четверти оклада среднего чиновника. Поэтому мало кто из потенциальных читателей среднего достатка мог позволить себе регулярное чтение даже одной газеты или журнала, не говоря уже о двух-трех.

В то же время были изобретены новые средства передачи информации — пароход, паровоз, средства связи — телеграф, которые за короткий срок привели к резкому увеличению потока информации¹.

---

¹ Подробнее об изобретениях, оказавших влияние на развитие журналистики, рассказано в разделе «Совершенствование техники и технологии издательского дела в XIX веке».

Крупные сдвиги наметились и в экономике газеты. Таким образом, удовлетворить потребности такой большой категории читателей стало и возможно, и выгодно.

Кроме того, после Июльской революции пресса стала играть активную роль в политической борьбе, поэтому различные политические силы — от короля и правительства до оппозиции — были заинтересованы в создании дешевой газеты, доступной не только элите, но и простым людям.

Эмиль де Жирарден

Создать новый тип газеты — дешевую прессу — решил **Эмиль де Жирарден (1806–1881)**, который, по сути, стал организатором новой французской журналистики.

Жирарден был внебрачным сыном графа Александра де Жирардена, ставшего впоследствии генералом французской армии. В 1827–1828 годах Жирарден выпустил два автобиографических романа, но затем решил заняться журналистикой, причем создать принципиально новую газету.

Voleure

В том же 1828 году Жирарден стал издавать еженедельную газету *Voleure* («Волёр» — «Вор»), которая стала первым в истории журналистики дайджестом. Материалы для своей газеты он подбирал сам, перепечатывая из парижских газет наиболее интересные заметки за неделю, без разрешения их авторов и редакторов. Друзья советовали Жирардену дать газете нейтральное название, например «Волшебный фонарь». Но начинающий журналист настоял на своем варианте: он считал, что надо называть вещи своими именами. Кроме того, по мнению Жирардена, название «Вор» на фоне привычных названий газет «Монитёр», «Журналь де деба», «Насьональ», «Конститусьонель» и им подобных сразу будет бросаться в глаза покупателям.

Расчет Жирардена оказался точным: и необычное, шокирующее название газеты, и развернувшаяся в печати резкая критика методов сбора публикаций послужили лучшей рекламой нового и необычного издания, а сам издатель сразу же приобрел скандальную репутацию в журналистском мире Парижа, да и всей страны.

Задумка Жирардена о газете-дайджесте удалась: читателям было гораздо выгоднее покупать раз в неделю одну газету и читать в ней самые интересные материалы, чем ежедневно тратить немалые деньги на покупку всех газет, откуда они были перепечатаны. А вопросы журналистской этики и авторского права подавляющее большинство читателей волновали очень мало.

В июне 1831 года Жирарден продал *Voleure*.

La Mode

Жиранден не стал останавливаться на достигнутом и в 1829 году основал еженедельный журнал *La Mode* («Мод» — «Мода»). Он был задуман для широкой публики: «как для двора, так и для простонародья», но не просто как журнал о моде — такие издания существовали и прежде, а, прежде всего, как политическое издание с разделами о жизни королевского двора и парижской элиты, о моде, женщинах, детях, семье и браке.

Для работы в журнале Жиранден привлек Оноре де Бальзака (1799—1850), Александра Дюма (1802—1870), Жорж Санд (1804—1876), Эжена Сю (1804—1857) — в будущем знаменитых французских писателей, а тогда начинающих авторов. Сначала они публиковали в *La Mode* только журналистские материалы. Но затем Жиранден стал публиковать на страницах журнала их романы. Так появился жанр романа с продолжением.

В XIX веке подавляющее большинство художественных произведений пришло к французскому читателю через романы с продолжением, которые были сначала опубликованы в газетах Жирандена и только потом выходили в свет отдельными книгами. Писатели получали за них огромные гонорары и были крайне заинтересованы в таких публикациях. Это сотрудничество выгодно было и Жирандену, поскольку тем самым росла популярность его прессы.

Первоначально Жиранден платил писателям гонорары в зависимости от количества строк. Но некоторые писатели (например, Александр Дюма), стремясь получить больше денег, строили романы на диалогах, так что в строке иногда было всего по несколько слов. Тогда Жиранден изменил правила и стал платить только за строки, в которых количество знаков превышало половину газетной строки. И количество диалогов в романах таких авторов значительно снизилось.

Романы с продолжением, публиковавшиеся в *La Mode*, крепко привязывали читателей к журналу. Более того: романы верстались таким образом, что можно было их вырезать из журнала, а по окончании публикации переплести, чтобы получилась книга. Книги в магазинах стоили дорого, и далеко не каждый любитель литературы мог позволить себе регулярно покупать книжные новинки. А регулярные читатели *La Mode* собирали домашнюю библиотеку, не заходя в книжные магазины.

Вскоре по примеру Жирандена и другие парижские газеты стали публиковать романы с продолжением. Этот жанр быстро распространился и за пределами Франции. Со временем освоили его и русские периодические издания.

В апреле 1831 года Жиранден продал *La Mode*.

Garde Nationale

В сентябре 1830 года Жиранден начал издавать газету, рассчитанную на более широкую аудиторию, чем читатели еженедельника *La Mode*.

Она называлась *Garde Nationale* («Гард насьональ» — «Национальный гвардеец») и была, по замыслу Жирардена, адресована элите французской нации.

Чтобы газета уже с первого номера имела успех, Жирарден принял необычную рекламную компанию. Он подписал на *Garde Nationale* короля Луи Филиппа, королеву, членов королевского двора, премьер-министра и всех министров — разумеется, не спрашивая у них разрешения. И в первом же номере сообщил читателям о столь высокопоставленных подписчиках. Читатели, польщенные возможностью читать ту же газету, что и руководство страны, с удовольствием ее покупали.

Но такая реклама не могла быть действенной долгое время. Вскоре число подписчиков начало снижаться, и *Garde Nationale* стала терпеть убытки. Тогда Жирарден закрыл газету.

Неудачная судьба этого издания привела Жирардена к мысли о необходимости провести реформу прессы, которая заключалась бы в уменьшении ее зависимости от политических партий. Для этого, по мнению Жирардена, следовало бы привлечь больше подписчиков.

Journal de connaissance utile

Закрыв *Garde Nationale*, продав *La Mode* и *Voleure*, Жирарден в том же 1831 году основал *Journal de connaissance utile* («Журнал де конессанс ютиль» — «Газета полезных сведений»). Это был тридцатидвухполосный еженедельник, где печаталась полезная информация политического, коммерческого и сельскохозяйственного характера: выдержки из законов, официальных документов, советы читателям и т.п.

Объявляя подписку на *Journal de connaissance utile*, Жирарден снизил ее стоимость до четырех франков в год, в то время как годовая подписка на аналогичные периодические издания стоила около 15 франков. Успех не заставил себя ждать: если первые номера газеты имели тираж 400 экземпляров, то спустя год *Journal de connaissance utile* насчитывал уже 132 тысячи подписчиков, а Жирарден завоевал массовую известность.

Альманах-ежегодник *Almanach de France* («Альманах де Франс» — «Альманах Франции»), который Жирарден выпустил в 1832 году, разошелся во многом благодаря славе издателя фантастическим тиражом в 1 миллион 300 тысяч экземпляров.

La Presse

Вершиной журналистской деятельности Жирардена и первым периодическим изданием принципиально нового типа стала ежедневная информационная газета *La Presse* («Ля Пресс» — «Пресса»). Ее первый номер увидел свет **1 июля 1836 года** огромным для того времени тиражом пять тысяч экземпляров. Подписная цена газеты — 40 франков

в год — была вдвое ниже всех остальных ежедневных французских периодических изданий. Такая дешевизна достигалась, в первую очередь, за счет платных объявлений и рекламы: из-за большего, чем у других газет и журналов, тиража реклама в *La Presse* стоила дороже, чем у конкурентов.

Успеху *La Presse* способствовала и выбранная Жиарденом позиция газеты: не затеряться среди массы других газет. Вот как пишет В. Е. Аникеев о намерениях Жиардена: «Его главной задачей было представить свою газету в качестве органа, стоящего над другими изданиями. Само ее название должно было способствовать этому, как бы олицетворяя всю прессу, не отдавая предпочтения какому-либо политическому оттенку»¹.

Кроме того, Жиарден перенес и успешно сгенерировал в *La Presse* приемы и журналистские находки, которые он использовал в предыдущих своих газетах. Из этих новаций самый большой успех имели романы с продолжением. Их авторы, лучшие французские писатели того времени — Виктор Гюго (1802–1885), Теофиль Готье (1811–1872), Оноре де Бальзак, Александр Дюма и другие, — с первых номеров были литературными сотрудниками *La Presse*. Гюго, например, заведовал в *La Presse* разделом политики. Рубрику «Парижская хроника» вела под псевдонимом *Виконт де Лоне* жена Жиардена Дельфина де Жиарден (1804–1855), которая была хорошо известна не только как самобытный журналист и публицист, но и поэт и драматург.

Через месяц после начала выхода в свет тираж газеты вырос до десяти, затем — до двадцати тысяч экземпляров, что явилось абсолютным рекордом.

La Presse старалась не ссориться с властями и, как правило, поддерживала политику главы государства.

Новаторство Жиардена

Успех *La Presse* в частности и массовой прессы в целом объясняется созданием Жиарденом так называемой **тиражно-рекламной спирали**. Он понял, что рекламодатель покупает не место в газете, а количество читателей. И чем выше тираж газеты, тем больше цена рекламы в ней. Соответственно, увеличение тиража газеты приводило к повышению цены на рекламу, а вырученные деньги опять шли на рост тиража. Из-за этого такие газеты всегда продавались ниже себестоимости. В них было большое количество рекламы товаров и услуг, объявлений.

Жиарден первым разделил газетные расходы на **убывающие** и **прогрессирующие**. К убывающим расходам относятся затраты, не зависящие от тиража издания: например, на редактирование, типографский набор, административные расходы. Прогрессирующие расходы зависят

---

¹ Аникеев В. Е. История французской прессы (1830–1945). М.: МГУ, 1999. С. 8.

от тиража: на бумагу, изготовление газеты, печать тиража, почтовые сборы, налоги.

Но популярность газет Жирардена объяснялась не только успехом экономической концепции. Читателей привлекали интересные литературные материалы. Для них Жирарден придумал газетный жанр романа с продолжением. Практически каждый известный французский писатель XIX века начинал публиковаться в печати именно таким образом.

Французская массовая газета была рассчитана на достаточно образованного читателя. Возможно, сегодня такая газета считалась бы качественной. Жирарден, открыв серию других массовых газет, ставил перед собою цель просветить читателя. Он считал, что новая газета должна быть энциклопедической, то есть представлять весь спектр интересов и взглядов (тогда как его английские и американские коллеги, прежде всего, желали обогатиться).

Жирарден и конкуренты

За долгие годы своей деятельности Жирардена сопровождали как взлеты, так и падения. Первые годы его решительно не признавали старшие коллеги. Редактор республиканской газеты *National* Арман Каррель обвинил Жирардена на страницах своего издания в спекулятивном характере его журналистской деятельности и вызвал его на дуэль. Поединок между ними состоялся 22 июля 1836 года. Жирарден смертельно ранил Карреля, и через несколько дней он умер.

Однако год за годом все больше издателей и редакторов стали использовать достижения и новации Жирардена в своих изданиях. Иногда из-за этого тиражи газет Жирардена падали. Так, например, приятель и компаньон Жирардена Арман Дютак одновременно с *La Presse* стал издавать собственную газету *Le Siecle* («Секль» — «Век»), где активно использовал концепцию успеха, придуманную Жирарденом. Из-за жесткой конкуренции между двумя газетами тираж *La Presse* упал в 1840 году до 13 500 экземпляров, тогда как тираж *Le Siecle*, наоборот, повысился до 33 366 экземпляров. В дальнейшем этот разрыв сохранялся: к началу 1848 года он составлял у *La Presse* 23 тысячи, а у *Le Siecle* — 38 тысяч экземпляров.

На фоне этих тиражей газеты, выступавшие против реформ Жирардена, — например, *La Gazette de France*, *Journal des Debats*, *Constitutionnel*, — продолжали терять читателей.

Жирарден — политик

Еще в самом начале своей карьеры, в апреле 1831 года, Жирарден представил премьер-министру Казимиру Перье свой план реформы прессы — Ноту о периодической печати. Жирарден, в частности, предлагал отменить налог на газеты — гербовый сбор, который составлял

более половины расходов редакции. Премьер-министр не согласился с этим предложением: он не без оснований полагал, что отмена налога вызовет резкий рост числа периодических изданий. Жирарден ответил, что его программа развития прессы есть одновременно программа ее ослабления, так как «чем больше газет, тем больше они борются между собою, а не с правительством. И если премьер-министр хочет ослабить прессу, он должен способствовать ее развитию».

Тем не менее программа Жирардена не была принята властями.

Достигнув известности и финансового успеха, Жирарден в 1834 году, в возрасте 28 лет, стал депутатом Национального собрания. «Мы в оппозиции, но не из оппозиции» — так характеризовал Жирарден свою парламентскую деятельность. Впрочем, его политическая позиция менялась вместе с трансформацией политической системы Франции.

В парламенте Жирарден неоднократно становился организатором и фигурантом различных политических акций и даже скандалов. Вот что писал об одной такой акции русский журнал «Современник»¹:

«...Г. Жирарден, как депутат, постоянно принадлежал к большинству, т.е. к консервативной партии, хотя и не во всем разделял убеждения министерства. Некоторые из депутатов большинства, недовольные действиями министерства, образовали недавно из себя особую партию: консерваторов-прогрессистов, и журнал² *La Presse* сделался их органом. С этого времени г. Жирарден открытее и резче стал нападать на министерство. В одном из майских номеров своего журнала он обвинил министерство в разных злоупотреблениях и, между прочим, что оно продавало обещания на звание пэра³ за 80 000 франков. Палата пэров, оскорбленная этою выходкою, отнеслась⁴ в палату депутатов, прося выдачи г. Эмиль Жирардена для преследования его судебным порядком... По этому случаю 17 июня в палате депутатов было одно из самых шумных заседаний...

Г. Жирарден приступил к оправданию себя и обвинению министерства. Объяснения, представленные им, были очень неудовлетворительны и неопределенны; речь его отзывалась неловкостью и принужденностью. Он набросил только тень подозрения на министерство и прочел письмо к королю отца своего генерал-лейтенанта графа Александра де Жирардена, в котором тот жалуется, что г. Гизо обещал ему звание пэра, которого он добивался, не иначе как с условием, чтобы журнал, издаваемый сыном его, сделался органом министерства...

Затем, при сильном большинстве, последовало решение отправить г. Эмиль де Жирардена на суд палаты пэров. Дело, начавшееся так громко,

---

¹ Современник. 1847. № 7. С. 44—45 пятой пагинации.

² В то время разница между газетой и журналом была еще невелика. Поэтому в разных источниках часто можно встретить именование той или иной газеты журналом и наоборот.

³ *Пэр* (фр. *pair*) — звание представителей высшей аристократии во Франции, а также в Англии.

⁴ То есть обратилась.

кончилось ровно ничем: г. Жирарден оправдан палатою пэров, министерство успокоилось, *Journal des Debats* торжествует и гордо вызывает оппозицию на бой».

Накануне революции, 14 февраля 1848 года, Жирарден сложил с себя депутатские полномочия и 24 февраля участвовал в отречении от престола короля Луи Филиппа. Впрочем, вскоре он разочаровался в наступившей республике и стал публиковать в *La Presse* едкие заметки против временного правительства. За них в июне 1848 года Жирарден был арестован, а издание *La Presse* прекращено.

Жирарден вышел на свободу уже через одиннадцать дней и снова окунулся в гущу политической борьбы, поддержав Наполеона III, когда тот еще был президентом Французской республики. Однако после переворота, когда Наполеон провозгласил себя императором, Жирарден выступил с антинаполеоновских позиций. От преследований Наполеона III он вынужден был целый год скрываться в эмиграции, в Бельгии.

Жирарден в последние годы жизни

Вернувшись во Францию, Жирарден вскоре продал *La Presse* и в 1866 году стал издавать газету *Liberté* («Либертэ» — «Свобода»). Всего за несколько недель *Liberté* из малоизвестного издания стала одной из популярнейших газет с тиражом 60 тысяч экземпляров.

В 1873 году Жирарден купил массовую газету *Petit Journal* («Пти журнал» — «Маленькая газета»), которую основал в 1863 году Моиз Полидор Мийо (1813—1871). Через пять лет ее тираж составил полмиллиона экземпляров.

В 1874 году Жирарден стал владельцем политической газеты *La France* («Франс» — «Франция»). В том же году его снова избрали депутатом Национального собрания.

В 1878—1881 годах Жирарден активно участвовал в разработке **Закона о печати**¹. На заключительном этапе обсуждения закона Жирарден предложил отменить наказания для журналистов за ложные новости. Но депутаты парламента, несмотря на большое уважение к Жирардену, проголосовали против этого предложения. Это была последняя инициатива Жирардена: через несколько дней он умер. Закон о печати — детище Жирардена — был принят **29 июля 1881 года**, спустя три месяца после его смерти.

Вопросы для повторения

1. Журналистика Франции в 1815—1830 годах.
2. Июльская революция 1830 года и пресса.

---

¹ Подробнее о Законе будет рассказано в разделе «“Золотой век” французской прессы».

3. Борьба за свободу печати при королях Карле X и Луи Филиппе.
4. Экономическая революция во французской прессе.
5. Информационное агентство *Agence Havas*.
6. Предпосылки создания массовой прессы.
7. Эмиль Жирарден — журналист, редактор, издатель и государственный деятель.
8. Новаторство Эмиля Жирардена.
9. Становление новой экономики газеты.
10. *La Presse* — первая массовая газета Франции.
11. Журналистская судьба Армана Карреля.

Рекомендуемая литература

- Аникеев В. Е.* История французской прессы (1830—1945). М., 1999.
Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.
Трыков В. П. Зарубежная журналистика XIX века. М., 2004.

Дополнительная литература

- Бальзак Оноре де.* Газетные очерки // Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 23.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА МЕЖДУ ДВУМЯ РЕСПУБЛИКАМИ (1848–1871)

Революция 1848 года и пресса. — Наполеон III и журналистика. — Печать Второй империи (*Le Figaro. Le Temps*). — Моиз Полидор Мийо (*Le Petit Journal*). — Журналистика в период Крымской войны (1854–1856). — Французская пресса накануне революции 1870 года. — Печать Парижской Коммуны.

Революция 1848 года и пресса

В феврале 1848 года во Франции началась очередная революция. 24 февраля король Луи Филипп отрекся от престола и эмигрировал. В стране была провозглашена республика, и власть перешла к временному правительству. Новая власть сразу же законодательно изменила положение прессы. Так, например, правительственные декреты от 5 и 6 марта 1848 года отменяли все существовавшее доселе законодательство о печати. Был также принят ряд законов, освобождавших журналистику от политического давления, упразднялись наиболее одиозные налоги — гербовый сбор и предварительный залог, требовавшийся для издания газеты.

Результатом этих революционных изменений стало резкое увеличение числа периодических изданий. Если за год до революции, в конце 1846 года, в Париже издавалось 26 ежедневных газет, то в течение 1848 года появилось более 450 новых газет и журналов, из них около половины возникли в первые два месяца революции. В 1849 году было основано еще около двухсот газет. По сведениям Н.Я. Новомбергского, в период с 1848 по 1851 год число парижских газет и журналов «достигло прямо баснословной цифры: одних политических изданий было до 789, а неполитических было больше 400»¹.

Значительно увеличивались и тиражи уже существовавших газет. Так, например, *La Presse* Эмиля Жирардена в течение 1848 года подняла свой тираж с 23 до 78 тысяч экземпляров.

Из новых газет особым успехом у читателей пользовались *Le Representant du peuple* («Репрезентан дю пепль» — «Представитель народа») социолога, публициста и основоположника анархизма Пьера Жозефа Прудона (1809–1865), *Le Vrai republique* («Врэ републик» — «Истинная республика») философа и политического деятеля Пьера Леру (1797–1871).

---

¹ Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001. Т. 1. С. 245.

Некоторые новые периодические издания использовали названия газет времен Великой французской революции 1789–1794 годов. Например, газету *L'Ami du peuple* («Амии дю пепль» — «Друг народа»)¹ издавал химик, врач и публицист Франсуа Венсан Распай (1794–1878); с 19 мая по 1 июля 1848 года выходила газета *Le Vieux Cordelier* («Вье корделье» — «Старый монах-францисканец»)²; великий польский поэт Адам Мицкевич (1798–1855) с декабря 1848 по март 1849 года выпускал газету *Tribune des peuples* («Трибюн дю пепльс» — «Трибуна народов»)³.

Многие революционные газеты назывались в честь персонажа французского фольклора Папаши Дюшена, ставшего в ходе Великой Французской революции воплощением революционного народа: *Le Pere Duchene* («Пер Дюшен» — «Папаша Дюшен»)⁴ — ее издавал с апреля по август 1848 года Эмиль Кольфаврю; *Le Pere Duchene ancien fabricant de fourneaux* («Пьер Дюшен, старый фабрикант кухонных печей»), выходившая с 12 мая по 1 декабря 1848 года; *Le Vrai pere Duchene* («Истинный папаша Дюшен»), издававшаяся с 21 по 30 мая 1848 года; *Les Lunettes du pere Duchene* («Подзорная труба папаши Дюшена») — в июне 1848 года; *Le Travailleur par la mere Duchene* («Работник мамыши Дюшен») — с 29 мая по 24 июня 1848 года; *Le Petit-fils du pere Duchene* («Внук папаши Дюшена») — с 14 по 26 июня 1848 года.

Большим успехом пользовались газеты, выпускавшиеся для целевой аудитории. Например, с 18 июня по 5 августа 1848 года в Париже выходила газета для женщин *La Politique des femmes* («Женская политика»); с 15 июня 1848 по 15 мая 1849 года издавалась военно-патриотическая газета *Le Petit Caporal* («Маленький капрал»⁵), придерживавшаяся бонапартистских взглядов.

Во второй половине 1848 года временное правительство, испугавшись июньского восстания в Париже, ужесточило законы, ввело в столице осадное положение и запретило одиннадцать газет. Репрессиям подверглись и некоторые журналисты. Так, Эмиль Жирарден в июне 1848 года был арестован и провел в заключении одиннадцать дней, а его *La Presse* — временно закрыта.

29 августа был принят закон, восстанавливавший многие прежние ограничения для прессы (в частности, гербовый сбор и предварительный залог). Кроме того, вводился дополнительный налог на публикацию романов с продолжением.

Политический кризис в стране привел к разочарованию большинства французов в революции и тем самым способствовал выдвижению

---

¹ Газету с таким названием издавал в 1789–1793 годах Жан Поль Марат.

² Газету с таким названием издавал в 1793–1794 годах Камиль Бенуа Демулен.

³ Газету с таким названием издавал в 1795–1796 годах Грахх Бабеф.

⁴ Газету с таким названием издавал в 1790–1794 годах Жан Рене Эбер.

⁵ Маленьким капралом еще в конце XVIII века стали звать Наполеона Бонапарта.

и постепенному приходу к власти племянника Наполеона Бонапарта Луи Наполеона.

Наполеон III и журналистика

Наполеон III (Шарль Луи Наполеон, 1808–1873) с 1814 года и до начала революции 1848 года жил за пределами Франции, но постоянно заявлял о своих притязаниях на руководство страной и даже дважды пытался захватить власть. Как ни странно, король Луи Филипп и палата пэров, судившая Луи Наполеона за попытку переворота, проявили к нему исключительное снисхождение. Находясь с 1840 года под домашним арестом в крепости Гам, узник пользовался значительной свободой и даже писал статьи в журнал *Le Progrus du Pas-de-Calais* («Прогресс Пад-де-Кале»), где высказывал, по сути, социалистические планы преобразования общества. Например, он хотел сделать рабочих собственниками и для этого разработал и опубликовал план создания государством сельскохозяйственных ферм, которыми бы владели рабочие. Эти идеи поддерживали не только редактор журнала Де Жорж, но и многие интеллектуалы того времени.

В 1846 году Луи Наполеон, переодевшись рабочим, бежал из крепости в Англию, но, как только во Франции началась революция, вернулся на родину. Он публично отказался от претензий на трон и исповедал себя республиканцем. 10 декабря 1848 года на первых в истории Франции прямых президентских выборах¹ Луи Наполеон одержал убедительную победу, получив 75 процентов голосов избирателей.

Вскоре, 27 июля 1849 года, по его инициативе был принят Закон о прессе. В нем определялись новые преступления журналистов, например, оскорбление чести и достоинства президента, а также усиливались наказания за эти преступления.

В ночь на 2 декабря 1851 года (это была годовщина Аустерлицкой битвы 1805 года, в ходе которой Наполеон Бонапарт разбил русско-австрийские войска) Луи Наполеон совершил государственный переворот и ровно через год провозгласил себя императором Наполеоном Третьим. О демократических и социалистических идеях своей молодости он больше не вспоминал.

Печать Второй империи

Фактически отмененная в конце 1848 года, свобода прессы была официально упразднена. Декреты от 17 и 23 февраля 1852 года регули-

---

¹ Эти выборы, впрочем, не были всеобщими, так как существовал избирательный ценз и женщины не имели права голоса. Следующие прямые президентские выборы прошли во Франции лишь в 1965 году.

ровали положение печати во Франции вплоть до 11 мая 1868 года, когда был принят либеральный закон о печати и публичных собраниях.

К 1854 году в Париже осталось тринадцать газет, главной среди которых по-прежнему была правительственная *Le Moniteur Universel*.

Тем не менее, несмотря на политические преследования и экономические препятствия развитию печати, Наполеон III при всем желании уже не мог вернуть прессу к тому положению, в котором она пребывала при его дяде. Ему приходилось идти на уступки. Одной из таких уступок явилось принятие декрета от 24 ноября 1860 года, который разрешал издавать новые политические газеты.

Le Figaro

Le Figaro («Фигаро») была основана 15 января 1826 года. Долгое время газета выходила на четырех полосах маленького формата нерегулярно. Название она получила по имени Фигаро — героя пьесы Пьера Огюстена Бомарше (1732–1799) «Женитьба Фигаро» (1784), полного ума и энергии слуги. Девиз *Le Figaro* был взят из самой пьесы: «Где нет свободы критики, там никакая похвала не может быть приятна».

В 1854 году газета была возобновлена как качественное периодическое издание, рассчитанное на аристократию и буржуазию, недовольную политикой Наполеона III. Сначала она выходила еженедельно, затем — дважды в неделю. С 16 ноября 1866 года *Le Figaro* стала выходить ежедневно. Ее издателем и редактором стал известный журналист **Жан Ипполит де Вильмессан** (1812–1879).

Вильмессан прославился в 1840 году изданием газеты для женщин *Silfida* («Сильфида»), первый номер которой он от первой до последней полосы надушил духами. Он регулярно организовывал для подписчиков концерты, ужины. Вильмессан стоял у истоков метода скрытой рекламы: под видом различных житейских и сентиментальных историй он публиковал в газете скрытую рекламу — прежде всего, адреса магазинов. Но за первоначальным успехом пришли крупные неприятности: *Silfida* не выдержала конкуренции и ее пришлось закрыть. Имущество газеты было описано судебными приставами, а сам редактор попал в парижскую долговую тюрьму Клиши.

Выйдя из заключения, Вильмессан некоторое время работал в *La Presse* у Жиардена, где приобрел ценнейший опыт, который успешно использовал потом в своей газете *Le Figaro*.

Первый номер *Le Figaro* в новом шестиполосном формате разошелся тиражом 56 тысяч экземпляров. Успех газеты — прежде всего, среди правой оппозиции, — позволил Вильмессану заявить, что он платит своим журналистам зарплаты министров. Тем не менее влияние газеты на политическую жизнь Франции долгое время было невелико.

Le Figaro стала пионером в области верстки: она первой ввела новую структуру макета. Каждая из шести полос имела свою четкую организацию («Информация», «Культура», «За рубежом» и т.д.), тогда как до этого все газеты верстались от столбца к столбцу.

И сегодня, в начале XXI века, *Le Figaro* является одной из крупнейших и авторитетнейших французских газет.

Le Temps

25 апреля 1861 года журналисты **Огюст Нефтиер** (1820—1876) и **Шарль Эдмон**¹ (1822—1899) начали издавать в Париже близкую к правительству газету *Le Temps* («Тан» — «Время»). Первый номер вышел тиражом всего три тысячи экземпляров. К концу правления Наполеона III, в 1869 году, тираж поднялся до одиннадцати тысяч, а спустя десять лет, в 1880 году, удвоился.

Важное место в *Le Temps* занимала политическая информация, в том числе из-за рубежа. Газета имела своих собственных корреспондентов в основных европейских столицах и даже в США (Джордж Бруни и Адольф Кон), которые присылали в редакцию эксклюзивную информацию. Так, например, американец Адольф Кон (1851—1930), сотрудничавший в 1876—1884 годах с официозной газетой *Journal Officiel de la Republica Francesa* («Официальная газета Французской Республики»), перешел в *Le Temps* и в течение одиннадцати лет, до 1895 года, был собкором газеты в США. Содержать сеть собственных корреспондентов могли себе позволить только самые богатые периодические издания.

В конце XIX века *Le Temps* стала одной из ведущих французских качественных газет и сохраняла позиции до Второй мировой войны. Последний номер *Le Temps* вышел в свет 30 ноября 1942 года.

Моиз Полидор Мийо

Моиз (Моисей) Полидор Мийо (1813—1871) родился в городе Бордо в семье мелких торговцев. В юности он перепробовал много профессий, пока не занялся журналистикой. Мийо прославился в 1833 году изданием у себя на родине информационно-рекламной газеты *Le Lutin* («Лютен» — «Домовой»). В ней, в частности, рядом с некрологами сообщалось, у какого врача лечился умерший.

В 1836 году Мийо переехал в Париж. Там он сначала издавал несколько театральных газет, а затем занялся бизнесом, создал собственный банк, строил железную дорогу из Парижа в Версаль. Одновременно Мийо издавал несколько периодических изданий для различных категорий читателей: еженедельную судебную газету *L'Audience*

---

¹ Шарль Эдмон был польским эмигрантом. Его настоящее имя — Эдмунд Чожески.

(«Одянс» — «Судебное заседание»), выходявшую с 1839 по 1845 год; еженедельник *La Gazette de la Jeunesse* («Газет де ля женес» — «Молодежная газета»), издававшуюся в 1840—1845 годах; ежемесячную *Journal des Familles* («Журналь де фамиль» — «Семейная газета»), которая выпускалась с 1840 по 1847 год.

Во время революции 1848 года Мийо основал несколько газет. Он и его издания поддерживали политику Наполеона III.

В 1856 году Мийо купил у Жирардена сорок процентов акций газеты *La Presse* и стал, таким образом, ее соиздателем. Но вскоре он решил создать газету, адресованную более массовому и менее взыскательному читателю, чем газеты Жирардена.

Le Petit Journal

Мийо не оставлял идеи создать дешевую общедоступную газету. По его замыслу, дешевизна могла во многом достигаться за счет аполитичности газеты: почтовый налог и гербовый сбор должны были платить лишь политические периодические издания. Кроме того, газету малого формата (примерно равному современному таблоидному формату А3) было дешевле и проще печатать.

Вечером 1 февраля **1863 года** вышел в свет первый номер массовой газеты *Le Petit Journal* («Пти журнал» — «Маленькая газета»). Она продавалась по очень низкой цене — пять сантимов, тогда как остальные газеты стоили в четыре раза дороже. Новая массовая газета отличалась расширенным объемом, четким делением на отделы и большим количеством иллюстраций (в том числе и фотографий). Особым успехом пользовались разделы криминальных происшествий (где печатались, помимо прочего, отчеты о громких судебных процессах), романов с продолжениями — Мийо стал публиковать романы-детективы, и ежедневной хроники.

Раздел ежедневной хроники вел выдающийся журналист Лео Леспес (1815—1875), работавший под псевдонимом *Тимоте Тримм*. В порядке саморекламы и продвижения *Le Petit Journal* Леспес едва ли не впервые в истории журналистики писал заметки в газету в публичных местах: как правило, в кафе, на виду у многочисленных зевак. Читателей удивляла оперативность Леспеса: утром они наблюдали, как он ездил в экипаже по парижским бульварам в поиске материалов, затем, сидя за чашечкой кофе в кафе, сочинял хронику, а вечером ее уже с интересом читали в свежем выпуске *Le Petit Journal*. Это шоу, продолжавшееся изо дня в день, во многом способствовало постоянному увеличению тиража газеты.

В 1869 году, когда тираж *Le Petit Journal* стал в два раза превышать совокупный тираж остальных парижских газет, Поль Даллоз — основатель и редактор основанного в 1864 году *Le Petit Moniteur* («Пти мо-

нитер»), вечернего приложения к правительственной *Le Moniteur Universel*, — перекупил Лео Леспеса в надежде повысить популярность официальной прессы. В *Le Petit Journal* Леспес получал 50 тысяч франков в год, а Даллоз положил ему оклад в 100 тысяч франков. Мийо не стал удерживать перебежчика журналиста, он придумал оригинальный ход. Полоса хроники теперь подписывалась псевдонимом не *Тимоте Тримм*, а похожим по написанию *Томас Гримм*. Под этим именем писал известный журналист Анри Эскофье (1837–1891), а иногда и сам Мийо. Читатели практически не заметили подмену, и тираж *Le Petit Journal* не только не снизился, но по-прежнему рос как ни в чем не бывало.

В то же время хроники Леспеса в *Le Petit Moniteur*, вопреки ожиданиям Даллоза, не привели к повышению тиража (который составлял в то время 200 тысяч экземпляров — в два раза меньше, чем тираж *Le Petit Journal*) и росту популярности этой газеты. Леспес был вынужден уйти из *Le Petit Moniteur*. Некоторое время он перебивался случайными заработками и умер в крайней бедности и полном забвении.

Тираж *Le Petit Journal* все время рос: в конце 1863 года он составлял 50 тысяч экземпляров, в 1865 году — 250 тысяч, а в 1867 году достиг 410 тысяч экземпляров. К концу XIX века газета распространялась тиражом около миллиона экземпляров.

Популярность газете придавали и разнообразные еженедельные приложения: например, *Le Journal Illustre* («Журнал иллюстрэ» — «Иллюстрированная газета»), *Le Journal des lectures* («Журнал дю лектю» — «Газета для чтения»), *La Revue pour tous* («Рувю пюр ту» — «Журнал для всех») и другие. По примеру *Le Petit Journal* многие другие ежедневные газеты стали выпускать подобные приложения.

После смерти Мийо газету купил в 1873 году Жирарден и довел тираж до 500 тысяч экземпляров. Он владел ею до самой смерти в 1881 году. В 1883 году *Le Petit Journal* приобрел Ипполит Огюст Маринони (1823–1904), известный изобретатель, на творческом счету которого — машина для быстрого автоматического складывания газет, ротационная машина, способная отпечатать 40 тысяч оттисков газеты в час, скоростная многокрасочная машина для печати цветных иллюстраций.

Le Petit Journal выходил до 27 августа 1944 года.

Журналистика в период Крымской войны (1854–1856)

Официальная французская пресса была враждебно настроена к России, чей флот под командованием адмирала П.С. Нахимова разгромил турецкий флот в Синопском сражении 18 (30) ноября 1853 года. Крат-

кая информация об этом была опубликована в *Le Moniteur Universel* спустя десять дней, 10 декабря. В следующем номере газеты приводились подробности битвы.

Объявив России войну, Наполеон III рассчитывал, таким образом, взять реванш за поражения своего дяди в 1812–1814 годах. Проправительственные периодические издания преподносили читателям эту войну как «крестовый поход против православной ереси»¹.

«Для Европы предпочтительнее слабая и беззащитная Порта², чем всемогущая и деспотическая Россия, — писала в те дни *Le Moniteur Universel*. — Россия в Константинополе — это смерть для католицизма, смерть для западной цивилизации. И однако именно такая катастрофа висит над нашей головой. Право против насилия, католицизм против православной ереси, султан против царя, Франция, Англия, Европа — против России».

Ни одна из французских газет не выступила против такой, по сути, средневековой мотивации войны.

В годы Крымской войны французская пресса не гнушалась публикацией лживых сообщений и тем самым активно дезинформировала противника (Николай I регулярно читал английские и французские газеты).

Французская пресса накануне революции 1870 года

Если в 1852 году разовый тираж французских газет составлял 150 тысяч экземпляров, то в 1870 году превысил один миллион. При этом число грамотных людей к 1869 году составляло 73 процента.

Закон, принятый 1 июля 1868 года, отменял предварительную цензуру, но сохранял возможность конфискации газет после их выхода в свет за нарушение цензурных норм. Отмена цензуры привела к возникновению в Париже около ста сорока газет, причем не только оппозиционных, но и новых правительственных изданий. Например, с 1 января 1869 года стала выходить газета *Journal Officiel* («Журнал офисьель» — «Официальная газета»). Она стала официальным правительственным органом, заменив, таким образом, консервативную *Le Moniteur Universel*.

К концу 1870 года в Париже насчитывалось 34 политических ежедневных газеты общим тиражом 470 тысяч экземпляров. Коммерческие газеты выходили общим тиражом около 600 тысяч экземпляров.

---

¹ Аналогичные мотивы были и у российского императора Николая I, который писал в манифесте по случаю начала войны: «Против России, сражающейся за православие, рядом с врагами христианства [т.е. Турцией. — Г. П.] становятся Англия и Франция».

² *Порта* — Турция.

Печать Парижской Коммуны

19 июля 1870 года началась Франко-прусская война. Поражения французской армии следовали одно за другим. 2 сентября Наполеон III, командовавший войсками, сдался вместе со своей более чем восьмидесятитысячной армией в плен. В Париже началась революция. Было объявлено о свержении монархии (на этот раз уже навсегда) и провозглашена республика. К власти пришло временное правительство, которое возглавил Адольф Тьер (1797–1877), активный участник Июльской революции 1830 года, который в то время работал журналистом в газете *National* Армана Карреля.

Новое республиканское правительство не смогло повлиять на военную ситуацию в стране. 28 января 1871 года германские войска заняли Париж, и Тьер от имени Франции вынужден был подписать капитуляцию — унижительный для страны Версальский мирный договор. При этом правительство объявило о закрытии газет, выступивших против договора.

Многие журналисты, не согласные с политикой временного правительства, уехали из Парижа. Среди них был, например, Эмиль Жирарден. Еще во время осады немцами французской столицы он переселился в город Бордо и там издавал газету *Liberté* («Либертэ» — «Свобода»), в которой страстно критиковал республиканское правительство Тьера.

Недовольные антинациональной политикой властей парижане вышли на улицы с оружием в руках. Началось всеобщее восстание. Тьер не смог сломить сопротивление народа и **18 марта 1871 года** вынужден был бежать в Версаль. В тот же день в Париже к власти пришла Коммуна¹ — первое в мире рабочее правительство, первая в истории диктатура пролетариата.

Семьдесят два дня правления Парижской Коммуны — с **18 марта по 28 мая 1871 года** — представляют собой очень важный этап развития французской журналистики. 20 марта коммунары захватили редакцию правительственной *Journal Officiel* и превратили ее в главный орган власти, назвав *Journal Officiel de la Commune* («Журналь офисьель де ля Комюн» — «Официальная газета Коммуны»). В официальной части газеты помещались документы центрального комитета рабочего правительства, в неофициальной — городская, французская и зарубежная информация, различные полемические материалы. В. Е. Аникеев называет *Journal Officiel de la Commune* своеобразной летописью борьбы Парижской Коммуны².

---

¹ Изначально коммуной называлась административно-территориальная единица в Париже и орган местного самоуправления. В этом качестве коммуна Парижа существовала и до, и после событий 1871 года.

² Аникеев В. Е. История французской прессы (1830–1945). С. 24.

Journal Officiel de la Commune выходил двумя изданиями: утреннее, формата А2, продавалось по 15 сантимов; вечернее, за пять сантимов, имело подзаголовок *Petite édition du soir* («Малый вечерний выпуск»). В общей сложности было выпущено 65 номеров газеты, последний номер увидел свет 24 мая 1871 года.

Из популярных городских газет особым успехом пользовались *Le Cri du peuple* («Кри дю пепль» — «Крик народа»), которую издавал писатель и политический деятель Жюль Валлес (1832–1885), — ее тираж достигал ста тысяч экземпляров; *Le Vengeur* («Ванжер» — «Мститель») — эту газету с тиражом 60 тысяч экземпляров редактировал писатель и публицист Феликс Пиа (1810–1889). Поэт и журналист Эмиль Вермеш (1843–1878) возродил газету *Le Pere Duchene* («Пер Дюшен» — «Папаша Дюшен»). *Le Pere Duchene* повторяла название одноименной газеты Жана Рене Эбера, выходившей в годы Великой французской революции (1789–1794). Девиз газеты гласил: «Республика или смерть!» Тираж *Le Pere Duchene* доходил до 70 тысяч экземпляров. Как и в дни Революции 1848 года, выходили газеты *La mere Duchene* («Мамаша Дюшен»), *Le Fils du Pere Duchene* («Сын папаша Дюшена»).

Газеты Коммуны издавались, как и буржуазные, на коммерческой основе, их издатели так же должны были покупать бумагу, краску.

Отсутствие профессиональных редакторов — одна из особенностей газет Парижской Коммуны. Большую часть газет составляли письма читателей. Многие журналисты были из числа читателей. Поскольку коммунары не запретили оппозиционные периодические издания, существовала жесткая конкуренция, шла постоянная борьба за читателей. Лейтмотивом большинства рабочих газет было недовольство мягкостью Коммуны к своим врагам, требования разоблачения аристократии, Церкви, закрытия храмов.

Но руководство Коммуны ограничивалось лишь предупреждениями в адрес наиболее радикальных газет. 4 апреля были запрещены лишь три газеты: *Journal des Debats*, *Paris Journal* и *Constitutionnel*, 18 апреля — еще четыре. И лишь в последние недели своей власти коммунары закрыли двадцать газет. Однако большинство оппозиционных периодических изданий, поменяв название, буквально через несколько дней возобновили выход. Например, 7 мая был приостановлен выход *Le Temps*. Но спустя всего двенадцать дней, 19 мая, газета снова вышла к читателям. Журналисты других антикоммунарских газет сумели перебраться в Версаль, где была временная резиденция правительства, и там наладили выпуск своих газет.

Впрочем, рабочее правительство Коммуны поддерживали даже не все республиканские периодические издания.

После поражения Парижской Коммуны республиканские газеты были сразу же закрыты, а оставшиеся в живых журналисты-коммунары

казнены или репрессированы и сосланы в ссылку. Их полностью амнистировали только в 1881 году.

Опыт журналистики первого рабочего правительства внимательно изучался в Советском Союзе. Так, В.И. Ленин писал в статье «Памяти Коммуны» в 1911 году, что Парижская Коммуна потерпела поражение из-за милосердия к врагам, не ответив на их террор красным террором и даже не конфисковав предприятия у крупной буржуазии; потому, что свободно издавалась буржуазная пресса.

Придя к власти в России в 1917 году во главе партии большевиков, Ленин учел эти и другие ошибки коммунаров и быстро закрыл все оппозиционные периодические издания.

Вопросы для повторения

1. Революция 1848 года и пресса.
2. Наполеон III и его политика в области печати.
3. Пресса Второй империи.
4. Новые газеты при Наполеоне III.
5. Газета *Le Figaro*.
6. Газета *Le Temps*.
7. Газета *Petit Journal*.
8. Журналистика Франции в период Крымской войны (1854–1856).
9. Французская пресса накануне революции 1870 года.
10. Известные журналисты Франции в эпоху Второй империи.
11. Сравнительная характеристика и особенности политики в области печати Наполеона I и Наполеона III.
12. Пресса в дни Парижской Коммуны.
13. Коммунарская и оппозиционная пресса в марте — мае 1871 года.
14. Особенности печати Парижской Коммуны.
15. Опыт журналистики Парижской Коммуны в Советском Союзе.

Рекомендуемая литература

- Аникеев В. Е.* История французской прессы (1830–1945). М., 1999.
- Волковский Н. Л.* История информационных войн. СПб., 2003. Т. 1.
- Новомбергский Н.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001. Т. 1.
- Саламон Л.* Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.
- Смирнов Е.* Периодическая печать во Франции: Периодическая печать на Западе // История печати. М., 2001. Т. 2.
- Трыков В. П.* Зарубежная журналистика XIX века. М., 2004.

Дополнительная литература

- Ленин В. И.* Памяти Коммуны // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 217–222.
- Панкина О. Г.* Зарубежная коммунистическая и рабочая журналистика. М., 1989.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

Закон о свободе печати 1881 года. — Французская журналистика после принятия Закона о свободе печати (*Le Petit Parisien. Le Journal. Le Matin*). — Политическая пресса (*L'Echo de Paris. L'Humanité. Le Croix*). — Типология прессы к концу XIX века. — Пресса и Дело Дрейфуса. — Публицистика Эмиля Золя в деле Дрейфуса.

Закон о свободе печати 1881 года

После 1871 года борьба за восстановление свободы печати перешла в законодательную сферу. Необходимо было подготовить единый закон, поскольку существовавшее к тому времени французское законодательство о печати состояло из 42 законов, декретов и ордонансов (которые, в свою очередь, насчитывали в совокупности 325 пунктов), принятых в разное время и часто друг друга взаимно исключавших. Даже опытные юристы не могли с уверенностью сказать, находится в силе тот или иной закон о прессе или уже отменен.

Эта подготовительная работа началась в 1878 году и закончилась **29 июля 1881 года**. В тот день был принят долгожданный **Закон о свободе печати** (*Loi sur la liberté de la presse du 29 juillet 1881*). Он продолжил и развивший идеи 11-й статьи Декларации прав человека и гражданина 1789 года, гласившей:

«Свободное выражение мыслей и мнений является одним из драгоценнейших прав человека. Каждый гражданин вправе, следовательно, свободно говорить, писать и печатать, отвечая за злоупотребления этой свободой лишь в случаях, предусмотренных законами».

Закон состоял из пяти глав. Первые три главы регламентировали соответственно типографский промысел и книготорговлю, периодическую печать и торговлю произведениями печати. Четвертая глава посвящалась преступлениям печати, пятая — процессуальным постановлениям.

Закон навсегда отменял цензуру, предварительное разрешение, залог, гербовый сбор и многие другие существовавшие ограничения для прессы. Отменялись также наказания за так называемые преступления мнений: выступления против конституции, всеобщего избирательного права, частной собственности, культов, семьи. Отныне для издания газеты достаточно было всего лишь направить по почте письмо прокурору Парижа с указанием названия предполагаемой газеты, имени, адреса издателя и владельца. Однако для регулярного издания прессы требовалось обладать огромными деньгами: не менее 500 тысяч франков.

Ограничения для журналистов и журналистики состояли из восьми пунктов. Прессе запрещалось: подстрекательство к преступлениям и правонарушениям, прямые или косвенные призывы к бунту и мятежу, тяжкое оскорбление президента, правительства и парламента, а также дипломатов и руководителей других государств, публикация ложных сведений, нарушающих порядок и общественное спокойствие, тяжкое оскорбление нравственности, клевета. Виновность газеты мог устанавливать лишь суд присяжных.

В разработке Закона о свободе печати активное участие принимал Эмиль де Жирарден, вновь избранный депутатом Национального собрания. Он высказал много идей и соображений, которые легли в основу многих параграфов закона. Лишь одно предложение общепризнанного мэтра прессы — отменить наказание журналистам за публикацию заведомо ложных новостей — депутаты не поддержали. Жирарден был очень огорчен этим фактом и через несколько дней умер, не дожив двух месяцев до своего семидесятипятилетия.

Закон был принят почти единогласно: 448 депутатов Национального собрания проголосовали за и только четыре — против.

Закон о свободе печати 1881 года оказался одним из самых совершенных в мире. Он действует 130 лет, до сегодняшнего дня, а возникающие с тех пор вопросы и проблемы деятельности средств массовой информации решались и решаются в дополнительных законах, опирающихся на этот фундаментальный законодательный акт.

Закон 1881 года стал образцом для соответствующих законодательств многих других стран, в том числе для России. Когда российские законодатели разрабатывали в 1990 году Закон о печати, то опирались на французский опыт.

Французская журналистика после принятия Закона о свободе печати

По мнению многих историков французской прессы, с принятием Закона о свободе печати во Франции наступил *«золотой век» прессы*. Полученные свободы сразу же привели к необычайно бурному росту количества и тиражей газет. Так, если в 1882 году в стране издавалось около 3800 периодических изданий, то спустя десять лет — уже 6 тысяч. В Париже только за три года, в 1881—1884 годах, число ежедневных газет увеличилось в два раза, а к концу XIX столетия — почти в три раза: от двадцати трех в 1881 году до шестидесяти в 1899-м. В то же время многие газеты сознательно сделали упор, в первую очередь, на сенсационность, а затем уже на правдивое изложение информации.

В 1890-е годы самыми популярными французскими газетами (их называли «большой четверкой») были *Le Petit Journal* («Пти журнал» —

«Маленькая газета»), *Le Petit Parisien* («Пти паризьен» — «Маленький парижанин»), *Le Journal* («Журналь» — «Газета») и *Le Matin* («Матэн» — «Утро»). В начале XX века ежедневный тираж каждой из этих газет составлял более одного миллиона экземпляров.

Le Petit Parisien

Первый номер газеты *Le Petit Parisien* («Пти паризьен» — «Маленький парижанин») вышел в свет на шести полосах 15 октября 1876 года под руководством журналиста, юриста и политика **Луи Андре** (1840–1931), который в то время занимал должность начальника полиции Парижа.

Настоящую популярность газета завоевала после 1884 года, когда ее возглавил журналист, юрист и государственный деятель **Жан Дюпюи** (1844–1919). В конце XIX — начале XX века он был сенатором, затем в правительстве занимал должности министра сельского хозяйства, торговли и промышленности, государственного министра.

Дюпюи тщательно изучил опыт массовой прессы не только во Франции, но и в других странах, стажировался в желтых газетах США и, став главным редактором *Le Petit Parisien*, активно использовал полученные в Европе и Америке знания. В газете публиковали романы с продолжениями знаменитые французские писатели Жюль Верн (1828–1905), Ги де Мопассан (1850–1893), Анатоль Франс (1844–1924). В результате тираж *Le Petit Parisien* всего за два года, с 1888 по 1890-й, увеличился с 300 до 650 тысяч экземпляров.

Одним из первых Дюпюи организовал для своих читателей различные конкурсы, викторины, победители которых получали большие денежные призы. «Наибольший эффект имел конкурс, в котором нужно было определить, сколько пшеничных зерен поместится в бутылке из-под вина и их общий вес, — пишет В.Е. Аникеев. — Ставка была явно сделана на сельского читателя, и, хотя главный приз в 25 тысяч франков выиграл городской житель, кровельщик по профессии, тираж газеты подскочил до 1 миллиона 300 тысяч экземпляров (1 миллион в провинции, 300 тысяч — в Париже)»¹.

Миллионный тираж, достигнутый в 1900 году, был не последним рекордом *Le Petit Parisien*: за полтора десятилетия начала XX века ее тираж увеличился до двух миллионов экземпляров. Рекордная популярность дала право газете выйти 4 апреля 1904 года с подзаголовком «Самый большой тираж в мире». Этот подзаголовок сохранялся в течение тридцати лет.

Le Petit Parisien была закрыта 24 августа 1944 года.

---

¹ Аникеев В. Е. История французской прессы (1830–1945). С. 31.

Le Journal

Газета *Le Journal* («Журнал» — «Газета») была основана 18 сентября 1892 года и продавалась по пять сантимов. Ее первый главный редактор журналист **Фернан Артюр Пьер Ксо** (1852—1899) активно использовал рекламу в продвижении своих газет на рынке и широко применял достижения американских массовых периодических изданий. Так, например, первый номер газеты разошелся тиражом 200 тысяч экземпляров во многом благодаря продуманной рекламе: в ночь его выхода в свет все центральные парижские бульвары были оклеены лентой с названием *Le Journal*.

В конце XIX — начале XX века газета стала одной из ведущих парижских ежедневных массовых газет и вошла в «большую четверку» наиболее успешных массовых изданий Франции. В *Le Journal* публиковались многие известные публицисты и писатели, в том числе Альфонс Доде (1840—1897), Эмиль Золя (1840—1902) и другие. К 1899 году тираж газеты составлял 450 тысяч экземпляров, а спустя десятилетие достиг миллиона экземпляров.

Ксо, а после его смерти новый главный редактор *Le Journal* Анри Летелье выпускали различные приложения к газете, которые также пользовались большой популярностью у французов: *Le Journal pour tous* («Газета для всех»), *La Mode du journal* («Мода из газеты»), *La Vraie mode* («Настоящая мода»), *Le Journal. Edition du littoral* («Газета. Приморское издание»).

С *Le Journal* сотрудничали не только «золотые перья» Франции. С первого дня основания в газете работала под видом мужчины с вымышленным именем *Марсель Кламор*, некая молодая журналистка (ее настоящие имя и фамилия остались неизвестными). Практически все ее журналистские материалы Фернан Ксо подписывал своим именем. В 1892 году Марсель Кламор отправилась в Россию в качестве специального корреспондента *Le Journal* и других газет, которые издавал Ксо. Из Москвы она уехала в Одессу, а затем на Кавказ, где работала преподавателем французского языка. На юге Марсель Кламор заболела, вернулась во Францию больной и вскоре умерла.

Le Journal была закрыта в 1944 году.

Le Matin

Газета *Le Matin* («Матэн» — «Утро») также принадлежала к «большой четверке» ведущих парижских периодических изданий. Ее основал 26 февраля 1884 года журналист **Альфред Эдвардс** (1856—1914), взяв за пример британскую газету *The Morning News* («Монинг ньюс» — «Утренние новости»). Редакция *Le Matin* с первых дней была оснащена по последнему слову техники, в ней даже работал собственный телеграф.

Интересно, что, в отличие от подавляющего большинства парижских газет, *Le Matin* сознательно отказалась от выражения своих политических

симпатий и антипатий и стремилась предоставлять свои полосы представителям разных политических течений. Здесь регулярно выступали монархисты и республиканцы, сторонники Наполеона и консерваторы.

Такое разнообразие мнений привлекало читателей и делало *Le Matin* непохожим на другие периодические издания. Поэтому тираж газеты неуклонно рос. В 1900 году он составлял 100 тысяч экземпляров, в 1910 году — 700 тысяч, а накануне Первой мировой войны дошел до миллиона экземпляров. К 1914 году в *Le Matin* работали 150 журналистов и около пятисот технических сотрудников.

Последний номер *Le Matin* вышел 17 августа 1944 года.

Политическая пресса

На рубеже XIX–XX веков политические деятели стали героями не только новостей, но часто и скандалов. Информация об их частной жизни стала доступной благодаря, прежде всего, массовым газетам. Так, например, скоропостижная смерть президента Франции Феликса Фора (1841–1899) во время встречи в рабочем кабинете с любовницей моментально стала достоянием бульварной прессы.

Вместе с тем политика перестала быть уделом элиты. Начиная с последней четверти XIX века, французы регулярно участвовали в выборах на различных уровнях и могли, таким образом, влиять на политику страны. Вдумчивый читатель, желая ближе узнать программы политических партий, выдвигавших своих кандидатов на выборы, не мог довольствоваться информацией из бульварных газет. Он обращался в первую очередь к политической прессе, которая также была заинтересована для пропаганды своих идей и ценностей в увеличении числа читателей.

Правительство тоже стремилось к влиянию на французов через печать. Из крупных газет наиболее близкой к власти была газета *Le Temps*, тираж которой превышал 100 тысяч экземпляров.

К началу XX века во Франции выходили периодические издания практически всех основных политических партий и течений.

L'Echo de Paris

Газета *L'Echo de Paris* («Эко де Пари» — «Эхо Парижа») увидела свет в 1884 году. Ее основал журналист **Фернан Артюр Пьер Ксо**, который впоследствии, в 1892 году, создал и газету *Le Journal*. *L'Echo de Paris* была самой крупной и влиятельной газетой правого политического спектра. Она представляла интересы консерваторов и правых националистов. Тираж *L'Echo de Paris* доходил к началу Первой мировой войны (1914 г.) до 120 тысяч экземпляров.

Газета была закрыта 21 августа 1944 года.

L'Humanité

18 апреля 1904 года вышел первый номер газеты *L'Humanité* («Юмани́те» — «Человечество») с подзаголовком «Ежедневная социалистическая газета». Ее основал известный политик и руководитель Французской социалистической рабочей партии **Жан Жорес** (1859—1914). В редакционной статье первого номера Жорес делился с читателями своим видением новой газеты: она должна быть основана на финансовой независимости и поиске разнообразной и правдивой информации, с тем, чтобы предоставить «всем свободно мыслящим гражданам возможность понять мировые события и вынести о них свое мнение».

L'Humanité выступала с позиций интернационализма и пацифизма, что не всегда находило отклик у массового читателя, мыслившего стереотипами. Кроме того, политика финансовой независимости не могла не сказаться на экономике газеты. Так, если первые номера *L'Humanité* вышли тиражом 140 тысяч экземпляров, то вскоре, уже в 1905 году, тираж упал до 15 тысяч, но потом стал медленно расти. В 1912 году он составил уже 80 тысяч экземпляров.

L'Humanité — газета с богатой историей. Она издается и сегодня, являясь одним из старейших французских периодических изданий.

Le Croix

В 1880 году в Париже священник Римско-католической церкви **Эммануэль д'Альзон** (1810 — 1880), основавший ранее несколько религиозных периодических изданий, наладил выпуск ежемесячного католического журнала *Le Croix* («Круа» — «Крест»). С 16 июня 1883 года *Le Croix* начал выходить как ежедневная газета. Она быстро завоевала лидирующее место в системе французской католической прессы.

По своей политической направленности газета не стала ни консервативной, ни либеральной: она выражала и до сих пор выражает политику Римско-католической церкви по различным вопросам внутренней и внешней политики. В то же время *Le Croix* никогда не была чисто религиозной газетой. На ее страницах читатели регулярно знакомились с мировыми новостями, читали заметки и статьи на темы экономики, культуры, религии, науки, семьи и брака.

Начав с 25 тысяч экземпляров, *Le Croix* в начале XX века увеличила тираж до 170 тысяч экземпляров. Сегодня она является одной из старейших газет Франции.

Типология прессы к концу XIX века

В 1890-е годы окончательно сложилась типология газет: политические партийные (в том числе клерикальные), политические беспартийные, коммерческие (в том числе массовые, бульварные).

Многие парижские газеты стали выходить тремя тиражами. Первый тираж печатался поздним вечером, накануне дня, указанного в выходных данных, и поездами развозился в дальние регионы, с тем чтобы утром попасть к читателям. Второй тираж печатался ночью и на лошадях (а затем на автомобилях) распространялся по столичным пригородам. Третий выходил из-под печатных станков ранним утром и предназначался для Парижа. Таким образом, свежие номера газет приходили к читателям по всей стране практически одновременно — утром и без опозданий.

Пресса и дело Дрейфуса

В то же время, несмотря на очевидный взлет журналистики, на «золотой век» приходился и ряд кризисов печати. Самый крупный из них был связан с так называемым *делом Дрейфуса*, которое длилось в общей сложности с 1894 по 1906 год.

Капитан французского генерального штаба еврей по национальности **Альфред Дрейфус** (1859—1935) под надуманными предлогами в октябре 1894 года был обвинен в шпионаже в пользу Германии и арестован. В декабре того же года над ним состоялся суд. Он проходил при закрытых дверях, носил явно тенденциозный характер и имел ярко выраженную антисемитскую окраску. Дрейфуса признали виновным в измене Франции, разжаловали и приговорили к пожизненной каторге на колониальном острове Дьявола в Атлантическом океане, недалеко от северного побережья Южной Америки.

Показательно, что подавляющее большинство парижских газет добровольно встало на сторону обвинения — несмотря на существование прогрессивного Закона о свободе печати 1881 года, который позволял журналистам проводить собственные расследования. Особенно преуспели в травле Дрейфуса газеты *L'Echo de Paris*, *L'Eclair* («Эклер» — «Молния»), *Le Petit Journal*. Впрочем, некоторые периодические издания, например *Le Matin*, все же осмеливались робко высказываться о том, что вина Дрейфуса не доказана с полной убедительностью и он стал жертвой судебной ошибки.

Спустя некоторое время, в 1896 году, полковник французского генштаба Жорж Пикар, вступивший в должность начальника разведки, нашел документы, из которых следовало, что Дрейфус осужден невинно, а настоящий шпион майор Ф. Эстерхази остался на своем посту. Но военные и гражданские власти не захотели признать свою вину и пересмотреть дело Дрейфуса. Более того, Пикар был выслан из Парижа — продолжать военную службу в колониальном Тунисе.

Публицистика Эмиля Золя в деле Дрейфуса

После неудачных попыток оправдать Дрейфуса Пикар обратился за помощью к известному писателю и борцу за права человека **Эмилю Золя**

(1840–1902). Золя написал страстное письмо в защиту Дрейфуса «**Я обвиняю. Письмо президенту Французской республики Феликсу Форю**», которое — несмотря на законодательно подтвержденную свободу печати и всемирную славу Золя — не решилось опубликовать ни одно парижское периодическое издание. Только небольшая и малоизвестная газета *L'Aurore* («Опор» — «Заря»)¹, которую редактировал будущий премьер-министр Франции Жорж Клемансо (1841–1929), 13 января 1898 года поместила на своих страницах «Я обвиняю».

В этом письме Золя с полной решимостью утверждал, что обвинения против Дрейфуса сфабрикованы, а французский генштаб сознательно свалил вину на шпионаже на Дрейфуса, чтобы тем самым выгородить по-настоящему виновного Эстерхази.

«Я вновь повторяю то, во что верую пламенно: истина шествует и никакие препоны не в силах остановить ее, — писал Золя, обращаясь к президенту. — Когда правду хоронят во мраке подземелья, она набирает там такую неодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, разрушающий все и вся».

Письмо Золя произвело неизгладимое впечатление на читателей — как во Франции, так и за ее пределами. С этого момента дело Дрейфуса привлекло внимание всего мира. Вся Франция поделилась на сторонников и противников Дрейфуса — дрейфусаров и антидрейфусаров.

Сразу же после публикации «Я обвиняю» тираж *L'Aurore* резко увеличился, и она превратилась в одну из популярнейших столичных газет.

Золя посвятил делу Дрейфуса еще тринадцать статей. Так, в статье «Письмо Франции» писатель обрушился, в частности, с гневной критикой на периодические издания, шельмовавшие Дрейфуса и тем самым дезориентировавшие французское общество.

«Общественное мнение в значительной мере основывается на ложных сведениях, на невероятных и глупейших выдумках, каждое утро распространяемых газетами, — писал Золя. — Нет ничего удивительного в том, что блудливые газетенки, выходящие в количестве нескольких тысяч экземпляров, вопят и лгут для того, чтобы взвинтить свой тираж, — да и вреда от них особого нет. Но когда *Le Petit Journal*, чей тираж превышает миллион экземпляров, который обращается к бедному люду и проникает всюду и везде, способствует распространению ошибки и сбивает с толку общественное мнение, это чревато крайне опасными последствиями».

За свою деятельность Золя был приговорен к тюремному заключению сроком на один год и штрафу в размере три тысячи франков. Но, предупрежденный об аресте, он уехал в Англию, где продолжал борьбу за освобождение своего подопечного. Эта борьба привела к политическому кризису во Франции.

---

¹ Газета *L'Aurore* была основана в 1897 году и выходила до начала Первой мировой войны (1914 г.).

Под давлением общественного мнения президент Франции Эмиль Лубе (1838 — 1929) в 1899 году помиловал Дрейфуса. Но Золя не прекратил борьбу: он настаивал на полной реабилитации Дрейфуса. В 1902 году писатель неожиданно умер при загадочных обстоятельствах. Многие были уверены, что эта смерть подстроена противниками Дрейфуса.

В 1906 году (уже после смерти Золя) Дрейфуса полностью реабилитировали, восстановили на службе и наградили орденом Почетного легиона — высшей наградой Франции.

Дело Дрейфуса со всей наглядностью показало, какой силой обладает пресса, как она может взбудоражить всю страну и добиться правды, несмотря ни на какие препятствия. И в то же время стало ясно, как еще слабы и непрочны демократические традиции прессы Франции — родины прав человека.

Вопросы для повторения

1. Закон о свободе печати 1881 года.
2. Влияние Закона о свободе печати 1881 года на дальнейшее развитие журналистики.
3. Журналистика «золотого века» французской прессы.
4. «Большая четверка» французских газет в конце XIX века.
5. Газета *Le Petit Parisien*.
6. Газета *Le Journal*.
7. Газета *Le Matin*.
8. Политическая пресса конца XIX — начала XX века.
9. Газета *L'Echo de Paris*.
10. Газета *L'Humanité*.
11. Типологические особенности французских газет на рубеже XIX — XX веков.
12. Пресса и дело Дрейфуса.
13. Публицистика Эмиля Золя в деле Дрейфуса.

Рекомендуемая литература

- Аникеев В. Е.* История французской прессы (1830—1945). М., 1999.
- Саламон Л.* Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.
- Смирнов Е.* Периодическая печать во Франции: Периодическая печать на Западе // История печати. М., 2001. Т. 2.
- Новомбергский Н.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001.
- Трыков В. П.* Зарубежная журналистика XIX века. М., 2004.

Первоисточники

- Золя Э.* Истина шествует // Собр. соч.: В 26 т. М., 1967. Т. 26.

Дополнительная литература

- Мопассан Ги де.* Газетные статьи и очерки // Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 11.

ЖУРНАЛИСТИКА ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА

Особенности журналистики Германии. — Карл Маркс (Маркс — публицист и журналист. Фридрих Энгельс. Совместная публицистика Маркса и Энгельса в 1840-е годы. *Neue Rheinische Zeitung*. Публицистика Маркса и Энгельса после 1849 года). — Информационное агентство Вольфа. — Отто фон Бисмарк (Бисмарк и печать. Бисмарк и Наполеон). — Концентрация печати. Газетные магнаты.

Особенности журналистики Германии

Главная особенность развития германской журналистики — в местном характере прессы. С XIII века и до 1871 года территория Германии была разделена на множество крупных и мелких княжеств. После Тридцатилетней войны (1618—1648) существовало около трехсот княжеств и восьмидесяти вольных городов. К середине XIX века насчитывалось уже 35 княжеств (Пруссия, Саксония, Бавария, Гессен-Дармштадт, Шлезвиг-Гольштейн и многие другие) и четыре вольных города (Бремен, Гамбург, Данциг, Любек). Каждое княжество имело свою прессу, монету, законодательство, таможи.

Объединял германские земли только немецкий язык. Естественно, при таких условиях не могла возникнуть единая общегерманская пресса. Региональный характер германская журналистика имеет и по сей день.

Некоторые германские земли и княжества имели более или менее либеральные законы. Так, например, в начале XIX века цензура была упразднена в Баварии, Вюртемберге, Ганновере, Гессене, Мекленбурге и Нассау. В 1818 году конституция Баварии провозгласила свободу печати. В 1819 году аналогичные свободы были закреплены в конституции Вюртемберга.

В то же время цензура в Пруссии, Саксонии, Австрии по-прежнему оставалась очень жесткой. «Общим признаком газет и журналов этой эпохи является скудность содержания, — пишет Г. Ф. Вороненкова. — Цензура не допускала обсуждения событий, настроений и требований эпохи — именно те вопросы, которые волновали сердца, запрещено было затрагивать в печати»¹.

---

¹ Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества (Национальное своеобразие средств массовой информации Германии). С. 73.

В объединенной Германии дольше, чем в других ведущих европейских странах, сохранялась цензура, что, в первую очередь, отражалось на качестве журналистики. Государство вплоть до начала XX века имело множество рычагов воздействия на прессу. В результате продолжительной борьбы за свободу печати в стране возникла мощная политическая печать.

Серьезное влияние на развитие германской журналистики оказали Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Отто фон Бисмарк.

Карл Маркс

Карл Генрих Маркс (1818–1883) родился в маленьком городе Трире (Рейнская провинция Пруссии) в семье адвоката. Окончив юридический факультет Берлинского университета, Маркс в 1841 году защитил диссертацию на тему «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» и получил диплом доктора философии. В 1843 году он женился на племяннице основателя концерна *Philips* Жени фон Вестфален (1814–1881). Из их шестерых детей лишь три дочери дожили до совершеннолетия.

Маркс — публицист и журналист

В 1840 году на прусский престол взошел король Фридрих-Вильгельм IV, который издал 24 декабря 1841 года *цензурную инструкцию*. Эта инструкция носила двусмысленный, лукавый характер. С одной стороны, в ней осуждались несправедливые притеснения, которым подвергались журналисты и литераторы, говорилось о необходимости и значении смелой публицистики. С другой стороны, инструкция предписывала цензорам соблюдение цензурного эдикта 1819 года, носившего дискриминационный характер.

«Чтобы *уже теперь* освободить печать от неуместных ограничений, не соответствующих высочайшим видам, Его Величество король Высочайшим указом королевскому министерству от 10 сего месяца (т.е. от 10 декабря 1841 года) соизволил выразить решительное неодобрение всяким неподобающим стеснениям литературной деятельности и, признавая значение и необходимость честной и благонамеренной публицистики, сообразовал уполномочить нас вновь призвать цензоров к точному соблюдению статьи 2-й указа о цензуре от 18 октября 1819 года» — такими высокопарными словами было проникнуто введение к инструкции.

Не только германские обыватели, но и большинство образованных людей восприняли появление этой инструкции с радостью. Одним из немногих решительных критиков новой цензурной инструкции был молодой Карл Маркс. Статья Маркса, написанная весной 1842 года, называлась «Заметки о новейшей прусской цензурной инст-

рукции». В ней Маркс вскрыл истинный характер инструкции, показал лицемерие короля и предложил ликвидировать цензуру: «Действительным, радикальным излечением цензуры было бы ее уничтожение, ибо негодным является само это учреждение, а ведь учреждения более могущественны, чем люди».

Несмотря на запрет публикации «Заметок о новейшей прусской цензурной инструкции», статья Маркса вскоре стала известна всем, а сам он обратил на себя внимание как смелый и принципиальный публицист. Впервые статья была опубликована в сборнике «Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики» под псевдонимом *Житель Рейнской провинции*. Сборник вышел в феврале 1843 года за пределами Пруссии — в Швейцарии, где свобода печати была гарантирована конституцией 1818 года.

Вскоре Марксу пришлось переехать из Берлина в Кельн, где законодательство было либеральнее, чем в Пруссии. В частности, там все еще продолжал действовать Кодекс Наполеона. В апреле 1842 года Маркс поступил работать в либеральную газету *Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe* («Райнише цайтунг фюр политик, хандель унд гевербе» — «Рейнская газета политики, торговли и ремесел»), которая возникла в Кельне 15 декабря 1841 года.

5 мая 1842 года Маркс начал публикацию цикла критических статей под общим заголовком «Дебаты о свободе печати». Поводом к написанию послужили дебаты депутатов Рейнского ландтага¹ шестого созыва при обсуждении вопросов о публикации протоколов заседаний ландтага.

Дебатам VI Рейнского ландтага Маркс посвятил три статьи. В первой статье, написанной в апреле 1842 года, автор продолжил критику прусской цензуры и противопоставил ей образ смелой народной печати. Маркс рассматривал печать как «око народное», выражение национального духа, самостоятельную ценность:

«Свободная печать — это зоркое око народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и с целым миром; она — воплотившаяся культура, которая преобразует материальную борьбу в духовную и идеализирует ее грубую материальную форму. Свободная печать — это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание, как известно, спасительно. Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости. Она — дух государства, который доставляется в каждую хижину с меньшими издержками, чем материальное средство освещения. Она всесторонняя, вездесущая, всеведущая. Она — идеальный мир, который непрерывно бьет ключом из реальной действительности и в виде все возрастающего богатства духа обратно вливается в нее животворящим потоком».

---

¹ Ландтаг — сословное собрание Рейнской провинции, заседал в Дюссельдорфе.

Партийная печать, по Марксу, — важный инструмент, оружие в политической борьбе. Рассуждая о свободной печати, о ее экономической свободе, Маркс выделил два аспекта свободы печати: свобода писателя, журналиста и свобода промысла — и пришел к выводу, что главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом.

В свободе печати Маркс видел не инструмент (как впоследствии Ленин), а зеркало народного духа. «Вопрос не в том, должна ли существовать свобода печати, она всегда существует, — писал Маркс. — Вопрос в том, составляет ли свобода печати привилегию отдельных лиц или же она есть привилегия человеческого духа».

В статье Маркс также рассматривал вопрос о представительном строе в Германии. На примере дискуссий о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания Маркс убедительно доказал, что ландтаг не имеет ничего общего с народным представительством, ибо упрямо отстаивает сословные привилегии вопреки интересам всего народа.

Статья «Дебаты о свободе печати» была опубликована в шести приложениях к *Rheinische Zeitung* — с 5 по 19 мая 1842 года за подписью *Житель Рейнской провинции*.

15 октября 1842 года Маркс стал главным редактором газеты. По его инициативе *Rheinische Zeitung* начала выходить с подзаголовком «Первая политическая газета Германии». Как редактор, Маркс поднял тираж до 3400 экземпляров. Это являлось невиданным успехом и вызвало раздражение у властей, которые неоднократно преследовали газету и, наконец, 21 января 1843 года запретили ее. Последний номер *Rheinische Zeitung* вышел 31 марта того же года.

Фридрих Энгельс

К этому периоду жизни и деятельности Маркса относится его знакомство с **Фридрихом Энгельсом** (1820–1895). Энгельс родился в окрестностях города Вупперталя в Вестфалии. Он происходил из богатой немецкой семьи: его отец был совладельцем одного из крупнейших в Европе текстильных предприятий, *Ehrmen & Engels* («Эрмен энд Энгельс»), имел заводы в Германии и Англии. Фабрикант отец хотел направить сына по своим стопам и послал его учиться торговать в городок Бармен. Там, начиная с марта 1839 года, в свободное от учебы время Энгельс писал заметки в газеты *Stuttgarter Morgenblatts* («Штутгартер моргенблатс» — «Штутгартская утренняя газета») и *Augsburger Allgemeine Zeitung* («Аугсбургер альгемейне цайтунг» — «Аугсбургская всеобщая газета»).

Хотя Энгельс не имел даже высшего образования, он был разносторонне образованным человеком, знал несколько иностранных языков, в том числе русский. Он писал в *Rheinische Zeitung* очерки о жизни Вупперталя, расположенного недалеко от Кельна, и статьи о положении рабочих в Англии. Энгельс хорошо разбирался в этих темах, по-

скольку в этих местах располагались предприятия, которыми владела его семья.

Сотрудничество Маркса и Энгельса с тех пор продолжалось всю их жизнь и переросло в глубокую дружбу. Энгельс стал не только единомышленником, соратником и соавтором Маркса, но и регулярно помогал ему материально. По данным Института марксизма-ленинизма, за тридцать лет Маркс получил от Энгельса около шести миллионов французских франков золотом.

Совместная публицистика Маркса и Энгельса в 1840-е годы

После закрытия *Rheinische Zeitung* Маркс и Энгельс издавали в Париже альманах «Немецко-французский ежегодник» (единственный вдвоенный номер вышел в феврале 1844 года тиражом 1000 экземпляров), затем некоторое время сотрудничали в еженедельнике «Вперед» и «Немецко-брюссельской газете», где публиковали статьи о принципах коммунистической печати.

В 1847 году Маркс и Энгельс основали «Союз справедливых», который вскоре переименовали в «Союз коммунистов». Его лозунг был «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». По сути, это была первая в мире коммунистическая партия. В феврале 1848 года Маркс и Энгельс написали ее программу — «Манифест Коммунистической партии», который стал гневным вызовом капиталистическому строю и традиционным буржуазным ценностям.

«Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность... Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя... — писали Маркс и Энгельс в “Манифесте”. — Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией!»

Neue Rheinische Zeitung

Когда началась Мартовская революция 1848 года, Маркс и Энгельс возвратились в Германию. «Нам нужен был именно Кельн, а не Берлин, — писал впоследствии Энгельс, объясняя причину их возвращения не в столицу Пруссии, как ожидали многие. — Во-первых, Кельн был центром Рейнской провинции, которая пережила Французскую революцию, усвоила через кодекс Наполеона современное правосознание, развила у себя наиболее крупную промышленность и вообще во всех отношениях была тогда самой передовой частью Германии... На Рейне

же мы располагали безусловной свободой печати и использовали ее до последней возможности».

В Кельне Маркс и Энгельс приступили к изданию *Neue Rheinische Zeitung* («Нойе Райнише цайтунг» — «Новая Рейнская газета»), первый номер которой увидел свет **1 июня 1848 года**. Эта газета явилась прообразом коммунистической прессы.

«Конституция редакции сводилась просто к диктатуре Маркса», — вспоминал Энгельс в статье «Карл Маркс и *Neue Rheinische Zeitung*». Сам Энгельс руководил международным и военным отделами газеты. В *Neue Rheinische Zeitung* работали также известные немецкие поэты Георг Верерт (1821—1856), писавший фельетоны и памфлеты на злободневные темы, и Фердинанд Фрейлиграт (1810—1876) — мастер политической поэзии.

Программа *Neue Rheinische Zeitung* сводилась к двум пунктам: скорейшая победа революции и провозглашение республики; война с Россией, которая одна в Европе противостояла революционным беспорядкам. «Европа [стоит] перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы — России», — писал Энгельс в дни революции.

Интересно, что, по мнению Энгельса, народы Европы делятся на революционные и реакционные¹.

«Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и еще теперь сохранили жизнеспособность; это — немцы, поляки и мадьяры (т.е. венгры). Поэтому они теперь революционны, — писал Энгельс. — Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны».

Neue Rheinische Zeitung отличалась особым вниманием к теоретическим вопросам. Ее тональность была активно полемической, большую роль играла сатирическая направленность многих материалов.

Когда революция пошла на спад, **19 мая 1849 года** *Neue Rheinische Zeitung* была закрыта властями, а Маркс выслан из Кельна за границу. Последний номер газеты вышел в красном цвете.

Публицистика Маркса и Энгельса после 1849 года

После *Neue Rheinische Zeitung* Маркс уже не редактировал газеты, хотя сотрудничал с целым рядом периодических изданий. Например, с августа 1851 по март 1862 года он был европейским корреспондентом аме-

---

¹ См.: Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 175—186.

риканской газеты *The New York Tribune* («Нью-Йорк трибьюн» — «Нью-Йоркская трибуна»). Маркс в то время еще не знал английский язык, и статьи за него писал Энгельс, подписывая их фамилией Маркса.

Публикации за подписью Маркса появлялись также в британском рабочем журнале *The Democratic Review* («Демократическое обозрение»), либеральной австрийской газете *Die Presse* («Пресса») и других периодических изданиях.

Весной 1871 года Маркс и Энгельс горячо приветствовали Парижскую Коммуну и посвятили ей несколько статей. Маркс был уверен, что восставшие коммунары руководствовались его идеями. Но, как впоследствии выяснилось, они даже не читали трудов Маркса и Энгельса.

Главная заслуга Маркса и Энгельса перед журналистикой состоит в том, что они основали социал-демократическую, коммунистическую прессу, отражавшую идеи рабочего класса, и выработали принципы партийной печати.

Информационное агентство Вольфа

В дни Германской революции 1848 года одним из корреспондентов-стажеров в информационном агентстве Гаваса в Париже был сын берлинского банкира **Бернгард Вольф** (1811 — 1879). Поработав несколько месяцев у Гаваса, Вольф, когда революция пошла на спад, вернулся на родину и в конце того же **1848 года** создал в Берлине информационное агентство *Wolffs Telegraphisches Bureau (WTB)* — «**Информационное телеграфное бюро Вольфа**»).

Базой для нового агентства стала новая столичная газета *National Zeitung* («Националь цайтунг» — «Национальная звезда»). В редакции — впервые в истории прусской прессы — был установлен телеграф, по которому Вольф получал новости (в том числе экономические, биржевые) из других городов и стран. Чтобы окупить большие расходы на телеграф, Вольф стал продавать биржевые новости редакциям других периодических изданий, которые не могли себе позволить столь дорогое новшество, банкирам и финансистам.

В 1865 году Вольф продал свое агентство Континентальной телеграфной компании. Новый владелец сохранил название *WTB*.

Отто фон Бисмарк

Непримиримым и последовательным противником социал-демократической и коммунистической прессы был **Отто фон Бисмарк (1815—1898)** — первый канцлер объединенной Германской империи, собравший «огнем и мечом» разрозненные княжества в одно мощное государство, долгие десятилетия доминировавшее в Европе.

Бисмарк родился в семье помещика. Он учился на юридическом факультете сначала Геттингенского, а затем Берлинского университета и прославился как прогульщик, скандалист и дуэлянт. Дурную репутацию он сохранил и после окончания университета, живя в своем поместье.

Политическая карьера Бисмарка началась неожиданно: в 1847 году знакомые консерваторы пригласили его поехать в Берлин на заседание ландтага вместо заболевшего депутата. Первое же выступление Бисмарка произвело возмущение в зале. Тогда он прямо на трибуне взял газету и, повернувшись спиной к разбушевавшимся депутатам, стал ее читать. Когда шум утих, Бисмарк развернулся к залу и завершил речь. Вскоре он стал одним из самых известных ораторов ландтага.

Бисмарк с крайней неприязнью встретил революцию 1848 года. Даже сам король Фридрих-Вильгельм IV называл его заядлым реакционером и не торопился предоставить ему какой бы то ни было государственный пост.

Когда в июне 1848 года начала выходить консервативная и антиреволюционная газета *Neue Preussische Zeitung* («Нойе пройсише цайтунг» — «Новая прусская газета»), Бисмарк под псевдонимом писал туда статьи.

5 декабря 1848 года король обнародовал либеральную конституцию, в которой, с одной стороны, подтверждал нерушимость монархии, а с другой стороны, предусматривал создание двухпалатного парламента и провозглашал всеобщее избирательное право для мужчин (которое, впрочем, было вскоре отменено). В феврале 1849 года Бисмарк победил на первых всеобщих парламентских выборах и стал депутатом.

В мае 1851 года Бисмарк был назначен официальным представителем от Пруссии в Союзном сейме Франкфурта, а в январе 1859 года — посланником в Санкт-Петербурге. За три с половиной года пребывания в России он выучил русский язык, регулярно читал столичную прессу и, вернувшись на родину, навсегда сохранил уважение к нашей стране. Позднее Бисмарк завещал новым поколениям германских политиков никогда не воевать с Россией.

«Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственных русских, — писал Бисмарк. — Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединяются друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это нерушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей».

23 сентября 1862 года Бисмарк стал главой правительства Пруссии. За восемь лет он сумел объединить германские княжества под властью Берлина, подавив притязания Австрии, руководители которой также хотели возглавить объединение разрозненных земель. 18 января 1871 года было провозглашено создание Германской империи —

Второго рейха¹. В течение почти двадцати лет, с 1871 по 1890 год, Бисмарк являлся первым рейхсканцлером (т.е. премьер-министром) объединенной Германии. За жесткую и бескомпромиссную политику он получил уважительное прозвище *Железный канцлер*.

Бисмарк и печать

Неприязненное отношение Бисмарка к прессе и презрение к журналистам недвусмысленно выражено в его знаменитой фразе «Печать — это не общественное мнение».

Бисмарк не только внимательно следил за содержанием газет, но и лично контролировал прессу — как столичную, так и провинциальную, а против провинившихся перед ним изданий неоднократно возбуждал судебные процессы. С помощью прессы Бисмарк не раз расправлялся со своими политическими противниками.

Впрочем, как пишет Г. Ф. Вороненкова, «на самом деле Бисмарк был политиком, но никогда журналистом, и газету он рассматривал как средство для достижения определенных политических целей»¹.

Объединив страну, Бисмарк решил создать общегерманскую газету, которая была бы официальным органом правительства и трибуной для высказывания политических взглядов самого рейхсканцлера. Такой газетой стала *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* («Норддойче альгемейне цайтунг» — «Северогерманская всеобщая газета»). Ее основал 1 июля 1861 года в Берлине журналист и политик-республиканец Август Брасс. Первоначально газета называлась *Norddeutsches Wochenblatt* («Норддойчес вохенблат» — «Северогерманский еженедельник») и распространялась тиражом около десяти тысяч экземпляров.

По инициативе Бисмарка было создано министерское газетное бюро, которое с 1862 года официально называлось литературным бюро королевского государственного министерства. Оно было подчинено министру внутренних дел и готовило ежедневные сводки газетных материалов, а также выделяло субсидии для правительственных газет и журналов. Источник финансирования — учрежденный Бисмарком тайный и неподконтрольный парламенту так называемый *Рентильный фонд*. Впрочем, Бисмарк подкупал не только проправительственные издания в целом и конкретных журналистов в частности, но даже «карманную» оппозицию. Обыватели, читая подобные «оппозиционные» издания, наивно верили в свободу прессы. Им и в голову не могло прийт-

---

¹ *Reich* (*Reich*) в переводе с немецкого — страна, государство. Первым рейхом называли средневековую Священную Римскую империю, которая находилась и на германских землях. Третий рейх — время правления в Германии национал-социалистов во главе с Гитлером (1933–1945).

² Вороненкова Г. Ф., Чесанов А. А. Периодическая печать Германии. С. 68.

ти, что эта якобы оппозиционность щедро оплачивается из Рептильного фонда Бисмарка.

Бисмарк использовал прессу как инструмент политики, причем нередко устраивал через газеты провокации. Так было, например, в случае с «эмсской депешей» — письмом короля из германского курортного местечка Эмс в адрес руководства Франции, опубликованным 13 июля 1870 года в *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Бисмарк переделал его из обычного дипломатического послания в провокационную ноту. Из-за нее и началась 19 июля 1870 года франко-прусская война, приведшая к окончательному объединению Германии и полному военному поражению Франции.

7 мая 1874 года рейхстаг (т.е. парламент) принял новый **закон о печати**. Он носил ярко выраженный разрешительный характер. Его первый параграф гласил: «Свобода прессы подлежит лишь тем ограничениям, которые допускаются или предписываются настоящим законом». Несмотря на жесткую регламентацию деятельности журналистики, этот закон, вопреки сопротивлению Бисмарка, содержал зачатки хоть и ограниченной, но реальной свободы печати: отмену предварительной цензуры, ограничение случаев судебного разбирательства.

В 1878 году по инициативе Бисмарка вступил в силу закон против общественно опасных устремлений социал-демократов, который более известен как *исключительный закон против социалистов*. Запрет партий и партийной печати привел к скорому возобновлению газет левых политических партий за пределами Германии. Так, в Швейцарии переехала из Берлина ежедневная рабочая газета *Vorwärts* («Форвертс» — «Вперед»), в Великобритании — газета *Socialdemokrat* («Социал-демократ»). Эти и другие издания тайно ввозились в Германию — как правило, в чемоданах с двойным дном. За двенадцать лет действия «исключительного закона» — до самой отставки Бисмарка — германская пресса левых партий приобрела ценнейший опыт подпольной работы и борьбы.

Бисмарк ушел в отставку 18 марта 1890 года, отказавшись от графского титула, который пытался ему присвоить император Вильгельм II. Несмотря на отход от политической деятельности, Бисмарк до конца своих дней внимательно и ревниво следил за внутренней и внешней политикой Германии. Он писал полемические статьи с критикой новых порядков в газету *Hamburger Nachrichten* («Гамбургер нахрихтен» — «Гамбургские новости») и журнал *Zukunft* («Цукунфт» — «Будущее»).

Бисмарк и Наполеон

В своей политике в области печати Бисмарк во многом брал пример с Наполеона Бонапарта. Как и Наполеон, Бисмарк не ограничивался правкой газетных передовиц: он рассматривал журналистику как одно из лучших средств манипуляции общественным мнением. Но в то же время его

методы сильно отличались от наполеоновских. Бисмарк жил и руководил уже в совершенно другую эпоху. Ему приходилось считаться с парламентом. Поэтому помимо свойственной Наполеону прямолинейной политики он действовал хитростью, устраивал провокации, сам участвовал в газетной полемике, активно использовал методы пропаганды.

Бисмарк не мог, как Наполеон, в одночасье запретить семьдесят газет: процесс наложения санкций на периодическое издание стал гораздо сложнее, чем в начале века. Не было у него реальных возможностей и повлиять на ситуацию, когда тиражи консервативных и проправительственных газет значительно уступали тиражам неправительственных и оппозиционных изданий.

Невозможно представить, чтобы Наполеон судился с тем или иным периодическим изданием. Бисмарк же регулярно возбуждал против неудобных ему газет и журналистов судебные процессы.

Концентрация печати. Газетные магнаты

С уходом Бисмарка из политики в Германии — позднее, чем в других странах Европы, — стал набирать силу процесс концентрации печати, появилась коммерческая, массовая пресса. Первыми газетными магнатами в Германии были Рудольф Моссе, Леопольд Ульштайн и Август Шерл.

Рудольф Моссе (1843 — 1920) первым занимался созданием многопрофильного издательства. Его процветанию способствовало объединение Германии. В декабре 1871 года он основал газету *Berliner Tagenblatt* («Берлинер тагенблат» — «Берлинский ежедневный листок»), которая к началу XX века стала одной из самых читаемых немецких газет с тиражом более 300 тысяч экземпляров.

Леопольд Ульштайн (1826—1899) был основателем одного из первых германских газетно-журнальных концернов. Наиболее известные газеты, издававшиеся им, — *Berliner Zeitung* («Берлинер цайтунг» — «Берлинская газета»), *Berliner Morgenpost* («Берлинер моргенпост» — «Берлинская утренняя почта»).

Главную конкуренцию Ульштайну составлял **Август Шерл** (1849—1921). Его первая газета *Berliner Lokal-Anzeiger* («Берлинер локал анцайгер» — «Берлинская местная газета объявлений») с первоначальным тиражом 200 тысяч экземпляров в 1883 году положила начало созданию нового типа германских газет. Ее основу составляли объявления простых немцев. В 1899 году Шерл основал иллюстрированный еженедельник *Der Woche* («Вохе» — «Неделя»), в 1900 году — газету *Der Tag* («Таг» — «День»).

К началу XX века германская пресса стала исключительно разнообразной: появились экономические издания, газеты мнений, бульварные газеты, политическая и партийная печать.

Вопросы для повторения

1. Исторические особенности развития германской журналистики.
2. Эволюция развития германской журналистики в XIX веке.
3. Карл Маркс — публицист.
4. Маркс о свободе печати.
5. Фридрих Энгельс — публицист.
6. «Новая Рейнская газета» и революция.
7. Совместная журналистская деятельность Маркса и Энгельса.
8. Информационное агентство Вольфа.
9. Отто фон Бисмарк и печать.
10. Элементы пропаганды в политике Бисмарка.
11. Сравнение политики Бисмарка и Наполеона в отношении печати.
12. Политическая пресса в Германии.
13. Развитие прессы левых политических партий в Германии.
14. Концентрация германской печати на рубеже XIX—XX веков.
15. Газетные магнаты Германии конца XIX — начала XX века.
16. Зарождение массовой прессы в Германии.

Рекомендуемая литература

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества (Национальное своеобразие средств массовой информации Германии). М., 1999.

Вороненкова Г. Ф., Чесанов А. А. Периодическая печать Германии. СПб., 2001.

Вороненкова Г. Ф. История и культура германоязычных стран Европы. М., 2008. Ч. I.

Гроссман Г. Периодическая печать в Германии: Периодическая печать на Западе // История печати. М., 2002. Т. 2.

Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001.

Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.

Трыков В. П. Зарубежная журналистика XIX века. М., 2004.

Первоисточники

Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 1.

Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья 1) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 1.

Энгельс Ф. Карл Маркс и «Новая Рейнская газета» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 21.

Дополнительная литература

Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 3 т. (Любое издание.)

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. (Любое издание.)

Панкина О. Г. Зарубежная коммунистическая и рабочая журналистика. М., 1989.

РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В XIX ВЕКЕ

Английская журналистика в первой половине XIX века. — Пресса чартизма. — Информационное агентство *Reuter's*. — Печать в годы Крымской войны. — Рост журналистики в 1855-м–1870-е годы. — Джордж Ньюнес и его издания. — Пресса братьев Хармсворсов. — Артур Пирсон и его методы распространения прессы. — Качественная журналистика в конце XIX — начале XX века.

Английская журналистика в первой половине XIX века

Политическое и экономическое развитие Великобритании в XIX веке было достаточно стабильным. В отличие от Франции, Германии и многих других стран континентальной Европы, здесь не происходило революций и социальных потрясений. Более того, в Англию обычно эмигрировали революционеры, публицисты и политики, конфликтовавшие с властями в своих странах. Так, например, в 1848 году сюда прибыл свергнутый революцией французский король Луи Филипп; здесь в 1898–1899 годах жил Эмиль Золя, спасаясь от несправедливых притеснений властей из-за дела Дрейфуса. В Англии жили и умерли изгнанные из Германии Карл Маркс и Фридрих Энгельс; в Лондоне русский эмигрант Александр Иванович Герцен (1812–1870) открыл в 1853 году Вольную русскую типографию, где, в частности, издавал газету «Колокол» и альманах «Полярная звезда».

С 1837 по 1901 год королевой Великобритании была Виктория (1819–1901). При ней монархия окончательно утратила функции исполнительной власти и приобрела символический, церемониальный характер. В викторианскую эпоху страна достигла пределов своего политического и экономического могущества.

Вплоть до второй половины XIX века английская журналистика развивалась в русле традиций, сложившихся еще в конце XVIII столетия. С одной стороны, свобода печати, провозглашенная в Билле о правах 1689 года¹, способствовала быстрому развитию прессы — в первую очередь, политической, партийной журналистики. С другой стороны, сохранялось большинство налогов, препятствовавших созданию дешевых

---

¹ Девятый параграф Билля о правах гласил: «Свобода слова, прений и всего, что происходит в парламенте, не может быть поводом для преследования, быть предметом рассмотрения в суде и нигде кроме парламента».

газет. Прежде всего, это штемпельный налог, взимавшийся с каждого экземпляра периодического издания в зависимости от его тиража и даже количества полос; налоги на публикацию рекламы, бумагу.

Из-за высоких налогов британские газеты и журналы в середине XIX века стоили дороже, чем, например, во Франции, и, соответственно, были менее доступны читателям и меньше влияли на общественное мнение.

Пресса чартизма

Внутренние проблемы общественно-политической жизни Британии привели к появлению в середине 1830-х годов **чартизма**¹ — социального движения рабочих. Их требования были изложены в 1838 году в виде законопроекта, получившего название «Народная хартия». Чартисты выступали за введение всеобщего избирательного права для мужчин: в то время население страны составляло более двадцати миллионов человек, а избирательное право было предоставлено лишь менее чем 200 тысячам британцам. Об избирательном праве для женщин тогда не могло быть и речи.

Кроме того, требования чартистов предусматривали сокращение рабочего дня, ежегодное переизбрание парламента — это, по их мнению, привело бы к социальной справедливости и улучшению положения рабочих. Впрочем, парламент отверг все их основные пункты «Народной хартии».

В своей борьбе чартисты активно использовали прессу. Главной газетой чартистского движения была еженедельная *The Northern Star* («Нортерн стар» — «Северная звезда»). Ее основал 26 мая 1838 года в городе Йоркшире один из лидеров чартизма, оратор и публицист **Фергюс Эдвард О'Коннор** (1796—1855). Газета имела сеть собственных корреспондентов в основных европейских столицах. Пик популярности *The Northern Star* пришелся на 1848 год, когда на ее страницах регулярно появлялись эксклюзивные материалы из охваченных революционным движением Франции, Германии, Австрии. В те месяцы тираж газеты доходил до рекордной цифры в 50 тысяч экземпляров.

В середине XIX века пользовались популярностью также чартистские издания: газета *The People's Paper* («Пиплс пэйпа» — «Народная газета»), журнал *The Laborer* («Лэйборе» — «Труженик»). Их редактировал выдающийся чартист, политик и публицист **Эрнст Чарльз Джонс** (1819—1869). Он видел исторические корни чартизма в Новом Завете и считал Иисуса Христа первым чартистом.

---

¹ От англ. *charter* — хартия.

Джонс был хорошо знаком с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. В *The People's Paper* неоднократно публиковались политические статьи Маркса. Журнал *The Laborer* поместил на своих страницах написанный Марксом и Энгельсом «Манифест Коммунистической партии».

Кризис чартизма конца 1840-х годов привел к падению популярности чартистских газет и журналов. Так, в декабре 1851 года тираж *The Northern Star* упал до 1200 экземпляров, и О'Коннор в 1852 году продал газету. Вскоре она была закрыта.

Информационное агентство *Reuter's*

Поль Джулиус Рейтер (1816 — 1899) родился в семье раввина в маленьком германском городке. В ранней молодости он руководил издательскими фирмами в Берлине, Париже, а затем и Лондоне, где для продвижения по службе принял христианство. Сотрудники Рейтера переводили информацию из иностранных газет и журналов и продавали ее заинтересованным лицам.

В 1848 году Рейтер приехал в Париж и начал стажироваться в агентстве Шарля Гаваса. В 1849 году он стал выпускать новостной листок на французском языке. Жена Рейтера переводила его на немецкий язык и рассылала подписчикам в Германию. Но этот листок не принес прибыли издателям и, просуществовав меньше года, был закрыт за долги. А сам Рейтер уехал в германский город Аахен, который имел выгодное географическое расположение — недалеко от границ Германии, Франции, Бельгии и Нидерландов. Там он открыл информационное агентство, используя для его работы как уже построенные телеграфные линии до Берлина и Парижа, так и голубиную почту — до тех городов, куда телеграф к тому времени еще не проложили.

На этот раз к Рейтеру пришел успех, и его агентство быстро завоевало популярность. Накопившийся опыт и налаженные связи Рейтер захотел применить в Англии. Переехав туда, он 4 октября 1851 года основал в здании Лондонской фондовой биржи компанию *The Underwater telegraph* («Подводный телеграф»). Эта дата считается днем основания информационного агентства *Reuter's* («Рейтер», или, согласно английской фонетике, «Ройтерс»). В первые годы деятельности Рейтер работал, в основном, с распространением биржевой информации о деятельности английских и континентальных бирж.

Рейтера не сразу приняли в Англии. Редакции крупных газет (в первую очередь, *The Times*, у которой были собственные корреспонденты в большинстве крупных городов мира) заподозрили в нем шпиона, засланного из Германии для подрыва информационной безопасности страны. Живший в Лондоне Карл Маркс подозревал в Рейтере разведчика,

работавшего на ненавистную ему Россию. И даже смена вывески — в 1853 году агентство Рейтера стало называться *The Continental Telegraph* («Континентальный телеграф») — не изменила ситуацию.

Тем не менее долгая и напряженная конкуренция с *The Times* привела к победе Рейтера. 8 сентября 1855 года агентство Рейтера первым сообщило англичанам долгожданную новость о взятии англо-французскими войсками после 349-дневной осады российского Севастополя в Крымской войне (1854—1856). С этого времени британские газеты стали постоянно пользоваться информацией Рейтера, а сам он расширил информационный диапазон, включив в него не только биржевые, но и политические новости. В 1858 году заключила соответствующий договор с Рейтером и *The Times*. В 1865 году агентство первым в Европе сообщило об убийстве президента США Авраама Линкольна.

Со временем заслуги Рейтера признала и власть. В 1891 году королева Виктория присвоила Рейтеру дворянский титул барона. Аналогичный титул получил он двумя десятилетиями раньше и от германского герцога.

Печать в годы Крымской войны

Ведущие английские газеты были в целом лояльны России — до тех пор, пока русский флот под командованием адмирала П. С. Нахимова не разгромил турецкий флот в Синопском сражении 18 (30) ноября 1853 года. Британия, считавшая себя владычицей морей, восприняла эту победу русского оружия как прямую угрозу своим национальным интересам и описывала ее не иначе как зверское побоище, предательски учиненное русскими варварами.

«Где была Великобритания, которая еще недавно утверждала, что ее знамя развевается на морях, чтобы помочь своей старинной союзнице Порте (т.е. Турции)? Она осталась неподвижной. До сих пор она не посмела пройти даже через проливы¹. Это значит, что мы уже дошли до предела позора. Жребий брошен. Дальше отступать уже нельзя, не омрачая чести Англии несмываемым пятном!» — писала в те дни *The Times*.

27 марта 1854 года королева Виктория объявила России войну. Боевые действия велись, в основном, вокруг Севастополя. Впервые в истории журналистики ход войны освещался специальными военными корреспондентами, которых командировали в Крым редакции ведущих английских газет. Свои материалы они отправляли в редакции по телеграфу. Например, военный корреспондент газеты *The Times*

---

¹ Имеются в виду проливы Босфор и Дарданеллы, соединяющие Средиземное и Черное моря. Пройдя через них, британский флот оказался бы недалеко от места Синопского сражения и мог бы не только помочь Турции, но и непосредственно угрожать России.

Уильям Рассел (1820—1907) освещал в репортажах не только ход боевых действий, но и разоблачал бездарность военной и хозяйственной администрации. Из его корреспонденций англичане узнали, в частности, о холере и других инфекционных болезнях, губивших английских солдат едва ли не больше, чем русские пули.

Поскольку в Англии не было цензуры, репортажи Рассела публиковались без купюр. Они привели к резкому усилению влияния *The Times* и значительному росту ее тиража. В то же время британское общество испытало шок от полученной информации. Во многих газетах звучали требования отставки правительства и прекращения войны. Дошло до того, что Рассела обвинили в разглашении военной тайны и шпионаже в пользу России. Так, командующий английскими войсками под Севастополем фельдмаршал лорд Раглан (1788—1855) писал в январе 1855 года, незадолго до своей гибели, военному министру: «Я задаю вопрос: мог ли платный агент русского императора лучше служить своему хозяину, чем это делает корреспондент газеты *The Times*, имеющей самый большой тираж в Европе?»

Оперативность *The Times* в освещении событий Крымской войны была такой, что даже российский император Николай I, регулярно читавший ведущую британскую газету, узнавал многие военные новости из репортажей Рассела.

Крымская война — первый в мире военный конфликт, запечатленный фотографами. С момента изобретения фотографии прошло всего полтора десятка лет, и уже появилась техническая возможность делать батальные фоторепортажи. Особых успехов в военной фотографии добился румынский фотограф **Карол Попп Сатмари** (1812—1885). Румыния сохраняла нейтралитет в войне, поэтому Сатмари имел возможность фотографировать на передовой и в тылу представителей всех воевавших стран. Многие из этих снимков сохранились до наших дней.

Рост журналистики в 1855-м — 1870-е годы

Во второй половине XIX века английская журналистика кардинальным образом изменилась. Этому способствовало постепенное упразднение различных налогов, сдерживавших развитие прессы. В 1853 году был отменен налог на публикацию рекламы в газетах, в 1855 году — штемпельный налог (гербовый сбор с каждого экземпляра газеты), в 1861 году — налог на бумагу.

Устранение последних препятствий к развитию журналистики привело к резкому росту числа периодических изданий. Так, если в 1861 году в Великобритании выходило 563 газеты и журнала (в том числе 17 ежедневных), то спустя всего шесть лет, в 1867 году — 1294 газеты и журнала

(в том числе 84 ежедневных). Появилось много новых дешевых периодических изданий.

Например, в 1855 году возникла ежедневная газета *The Daily Telegraph* («Дэйли телеграф» — «Ежедневный телеграф»), продававшаяся в розницу всего за один пенс. Газета подражала лучшим образцам французской массовой прессы. Редакционная линия *The Daily Telegraph* состояла в поддержке политики партии лейбористов (вигов).

В том же 1855 году появилась ежедневная газета *Standard* («Стандарт»). Она стала главным конкурентом *The Daily Telegraph* и рупором консервативной партии (тори). Впрочем, британская пресса ни формально, ни финансово не принадлежала политическим партиям.

В 1870 году британский парламент принял закон о всеобщем начальном образовании. В результате спустя десятилетие появилась новая, огромная по численности категория читателей — потенциальная аудитория массовой прессы. Поэтому в последние два десятилетия XIX века наступила эпоха расцвета дешевых периодических изданий, рассчитанных на невзыскательного читателя. Тогда же начали формироваться первые газетно-журнальные концерны.

Джордж Ньюнес и его издания

В 1881 году манчестерский предприниматель Джордж Ньюнес (1851—1910) стал выпускать в Манчестере еженедельник *Tit-Bits* («Титбитс» — «Лакомые куски») — первый в Англии дайджест местной и зарубежной прессы. На шестнадцати страницах журнала, продававшегося за один пенс, Ньюнес печатал разнообразные новости, причем не только традиционные, но и не вполне привычные для англичан: например, о различных скандалах, происшествиях, спортивных событиях. Новости спорта в то время вообще почти не публиковались¹, да и само понятие *спорт* едва только начало формироваться. Таким образом, Ньюнес одним из первых в Англии почувствовал эту зарождающуюся потребность в спортивной информации.

На страницах *Tit-Bits* регулярно помещались письма и корреспонденции читателей, устраивались различные конкурсы, розыгрыши призов среди читателей. Например, в 1884 году еженедельно в течение трех месяцев в *Tit-Bits* публиковалось по десять вопросов, адресованных любознательным и эрудированным читателям. Ньюнес пообещал, что победитель конкурса, представивший наиболее полные и развернутые ответы, получит высокооплачиваемую должность в его журнале.

---

¹ Например, когда в 1896 году были возрождены Олимпийские игры, ведущие британские, да и европейские газеты освещали ход соревнований поверхностно. В частности, далеко не всегда публиковались фамилии спортсменов-олимпийцев, почти никогда — достигнутые ими результаты.

Три тысячи знатоков соревновались за это право. В «Очерке периодической печати в Англии» Д. Сатурина приводятся примеры таких вопросов, взятые из одного номера *Tit-Bits* за 1884 год:

«— Сколько многозначных слов может быть сделано из слова *Mediterranean*?

- Какие восемь бед постигли Ирландию?
- Кто изобрел гелиограф?
- Какой город сдался мертвому генералу?
- Какие десять животных были допущены в рай?
- Кто, по преданию, был удержан на горе Иде за гвозди сапог?
- Какой возраст имеет земля?
- Когда начинается эра современной истории?»¹.

В 1884 году *Tit-Bits* переехал в Лондон, где Ньюнес выпускал еще несколько развлекательных изданий, и стал самым читаемым еженедельником на Британских островах. От него в английский язык прочно вошло выражение *the penny press* («пенни пресс» — «копеечная пресса»).

Специально для журнала Ньюнеса *The Strand Magazine* («Стрэнд мэгэзин» — «Прибрежная полоса», издавался с 1891 года) писатель Артур Конан Дойл (1859–1930) писал в 1900–1902 годах детективные истории про сыщика-любителя Шерлока Холмса, которые потом составили повесть «Собака Баскервиль». Тираж этого журнала доходил к началу XX века до 300 тысяч экземпляров.

Пресса братьев Хармсворсов

Идею дайджеста пытались копировать многие английские издатели. Корреспонденты *Tit-Bits* братья **Альфред (1865–1922) и Гарольд (1868–1940) Хармсворсы**² изучили опыт не только Ньюнеса, но и американских газетных магнатов. Так, Альфред Хармсворс проходил стажировку в газете *The New-York World*, которую издавал один из крупнейших газетных магнатов США Джозеф Пулитцер. Братья решили создать сеть периодических изданий для людей разных профессий и возрастов с небольшим уровнем доходов.

Первым таким изданием стал основанный в 1888 году Альфредом Хармсворсом еженедельник *Answers to Correspondents* («Ансез ту корреспондентс» — «Ответы корреспондентам»³). Для привлечения

---

¹ Сатурин Д. Очерк периодической печати в Англии: Периодическая печать на Западе // История печати. Т. 2. С. 197.

² Фамилия Хармсворс (*Harmsworth*) встречается в различных российских источниках с разным написанием: *Хармсворд*, *Хармсворт* и даже *Гармсвуорт*.

³ Одно из практически неиспользуемых ныне значений слова *корреспондент*: лицо, состоящее во взаимной переписке с кем-либо.

читателей Хармсворс придумал несколько трюков. Об одном из них пишет С. И. Беглов:

«Газета объявила, что будет выплачивать пожизненное пособие тем читателям, которые верно угадают, какие суммы будут фигурировать в балансовом отчете Банка Англии в назначенный день. Редакцию буквально засыпали градом писем, общее число которых достигало 780 тысяч. Через несколько месяцев газета стала приносить достаточно прибыли, чтобы расширить свой бизнес»¹.

Для женщин-работниц братья издавали еженедельник *Forget-me-not* («Фогетминот» — «Незабудка»), для домохозяек — еженедельник *The Home Chat* («Хоум чат» — «Домашняя беседа»), для детей — *Comic Cats* («Комик кэтс» — «Смешные коты») и *Union Jack* («Юнион Джек»)².

Поскольку все лондонские вечерние газеты были элитарными, Хармсворсы решили создать массовое вечернее издание и в 1894 году купили газету *The Evening News* («Ивнинг ньюс» — «Вечерние новости»), которая быстро завоевала популярность и стала приносить хозяевам существенную прибыль.

4 мая 1896 года Хармсворсы основали ежедневную утреннюю массовую газету *The Daily Mail* («Дэйли мэйл» — «Ежедневная почта»), которая продавалась за полпенни. Это было в два раза дешевле, чем стоили самые дешевые столичные газеты. Первая и последняя полосы газеты были чисто рекламными. Новости начинались со второй полосы, причем размер каждой заметки не должен был, по замыслу издателей, превышать трехсот слов. Дело в том, что англичане читали, как правило, газеты по дороге на работу, и слишком большой объем того или иного материала не мог быть полностью прочитан и произвести должное впечатление. К вечеру же, когда англичане приходили домой, утренние новости устаревали и к их услугам была свежая вечерняя пресса.

Для привлечения читателей Хармсворсы нанимали писателей, которые публиковали в каждом номере *The Daily Mail* главы собственных романов с продолжением, причем эти главы требовалось написать накануне, специально в номер.

За четыре года тираж *The Daily Mail* с 200 тысяч экземпляров поднялся к 1900 году до 989 тысяч экземпляров, что было абсолютным рекордом для британской прессы. Но Хармсворсы на этом не остановились. Они и здесь организовывали конкурсы и розыгрыши призов. Например, в 1909 году, когда появились первые самолеты, газета объявила, что первый, кто перелетит через пролив Ла-Манш (отделяющий Англию от материковой Европы), получит в качестве приза тысячу фунтов стерлингов. За столь необычным соревнованием журналисты и зевачи

¹ Беглов С. И. Четвертая власть: Британская модель. С. 49.

² «Юнион Джек» (*Union Jack*) — название британского государственного флага.

наблюдали с обоих берегов пролива. Приз получил француз Луи Блерио, авиаконструктор-любитель.

С тех пор Хармсворсы ежегодно проводили такие конкурсы, всякий раз усложняя условия: в 1910 году требовалось перелететь на аэроплане из Лондона в Манчестер, в 1912-м — вокруг Британских островов, в 1914 году — из Англии через Атлантический океан в Канаду.

В 1903 году Альфред Хармсворс решил издавать ежедневную газету *The Daily Mirror* («Дэйли миррор» — «Ежедневное зеркало») — периодическое издание специально для женской аудитории. Подобные газеты и журналы выходили и прежде; особенности этого проекта заключались в том, что впервые речь шла о ежедневной газете и работать в ней должны были только женщины.

Первый номер *The Daily Mirror* увидел свет 21 ноября 1903 года в Лондоне. В редакционной статье Хармсворс сообщал, что газета «действительно будет зеркалом женской жизни», а женщины-журналистки станут писать обо всем на свете: от политики до вышивания и моды. Задача *The Daily Mirror*, по словам Хармсворса, — «быть интересным, не будучи фривольным, и серьезным, не будучи унылым». Магнат пригласил читать новую газету не только женщин, но и мужчин.

Необычное начинание заинтересовало читателей: 265 тысяч экземпляров тиража первого номера быстро разошлись по стране. Цена в один пенс также способствовала успеху. Но уже со второго номера тираж газеты сократился почти вдвое. К концу января 1904 года он упал до 24 тысяч экземпляров.

Видя провал своего проекта, Хармсворс обвинил женщин-журналисток в том, что они не умеют «не только читать, но и писать», и уволил их. Освободившиеся места заняли опытные журналисты мужчины, стараниями которых тираж *The Daily Mirror* достиг ко второй половине 1904 года 300 тысяч экземпляров. При этом женская тематика не была полностью отвергнута, о чем, в частности, заявлял подзаголовок: «Газета для мужчин и женщин».

Провал первой женской газеты можно объяснить не только недостаточным профессионализмом женщин. Британское общество еще не было готово принять массовую женскую журналистику. Да и дальнейший опыт развития средств массовой информации показал, что ставка исключительно на гендерный аспект в становлении периодического издания не может быть оправданной.

К 1910 году Хармсворсы имели шесть ежедневных и четырнадцать еженедельных газет в Великобритании, одну газету в Париже. В 1908 году они приобрели основанную в 1785 году ведущую британскую ежедневную газету *The Times* («Таймс» — «Времена»).

В Канаде братья купили фабрику леса, две железных дороги — от фабрики до океана, несколько пароходов для перевозки леса и бумаги.

Таким образом, концерн Хармсворсов стал многоотраслевым и впервые в мире включал в себя весь процесс производства и распространения газеты: от рубки леса и изготовления из него бумаги до продажи свежих номеров читателям.

Заслуга Хармсворсов не только в создании дешевой массовой прессы, но и в том, что они создали различия внутри самой массовой прессы. К первой группе относились газеты для чиновников, мелких торговцев, там публиковалось много политических материалов. Пример такой прессы — газеты *The Daily Mail*, *The Daily Express*. Вторая группа газет была рассчитана на более массовую и непритязательную аудиторию, политические материалы здесь сводились к минимуму. Пример второй группы массовой прессы — газета *The Daily Mirror*. Хармсворсы первыми разделили рынки читателей по вкусам, доходам, профессиям, полу и т.д.

За труды в деле развития журналистики братья Хармсворсы были удостоены дворянских титулов: Альфред стал называться *лорд Нортклиф*, Гарольд — *лорд Потермир*.

Артур Пирсон и его методы распространения прессы

Газетный магнат **Артур Пирсон (1866—1921)**, как и Хармсворсы, был учеником Ньюнеса. Его отец, сельский священник, выписывал еженедельник Джорджа Ньюнеса *Tit-Bits*. В восемнадцатилетнем возрасте Пирсон, решив поучаствовать в одном из конкурсов, ездил каждую неделю на велосипеде в ближайший город за 45 километров. В городской библиотеке, роаясь в книгах и журналах, он находил ответы на самые каверзные вопросы и посылал их в редакцию. В результате Пирсон стал победителем и получил главный приз — должность секретаря в редакции *Tit-Bits*. Он переехал в Лондон и за пять лет работы освоил практически все существовавшие тогда журналистские и редакционные специальности.

В 1890 году Пирсон расстался с Ньюнесом и основал свой собственный журнал *Pearson's Weekly* («Пирсонс уикли» — «Еженедельник Пирсона»). Это было первое периодическое издание в Британии, названное по имени его владельца. В нем Пирсон, в первую очередь, использовал устоявшиеся методы *Tit-Bits*: публиковал шарады, ребусы, объявил премии за лучшие ответы на каверзные вопросы.

От читателей нового еженедельника требовалась не только эрудиция, но и оригинальность при ответах на самые разные во всех отношениях редакционные вопросы: «Какое колониальное предприятие было наиболее разорительным для Шотландии?», «Счастливее ли женщины, чем мужчины?», «Есть ли основания предполагать, что в доисториче-

ские времена Америку населяла нация, находившаяся на достаточно высокой ступени цивилизации?», «В каком возрасте девушка становится старой девой?» и т.п.

Впрочем, Пирсон не только слепо копировал опыты Ньюнеса, но и находил все более и более изощренные способы борьбы за читателя: например, проводил различные лотереи, конкурсы, победители которых получали значительные денежные призы.

Так, в 1891 году, когда тираж *Pearson's Weekly* достиг 200 тысяч экземпляров, Пирсон предложил читателям угадать слово, специально пропущенное в одной из статей свежего номера. Это слово нужно было написать на бумаге и вложить в конверт, а вместе с ним — двадцать шиллингов¹, и послать в редакцию. При этом общую сумму Пирсон обещал поделить между победителями.

Предложенный *Pearson's Weekly* конкурс на угадывание слова произвел на читателей эффект, которого не знала прежде мировая журналистика. Когда в еженедельнике было опубликовано сообщение о том, что первые победители этого конкурса получили по семьдесят фунтов стерлингов, сотни тысяч азартных британцев, которые никогда прежде не держали в руках *Pearson's Weekly*, стали его читателями. В течение трех месяцев тираж еженедельника увеличивался на сто тысяч экземпляров в неделю и достиг 1 миллиона 250 тысяч экземпляров. В редакцию ежедневно приходили десятки мешков с письмами, и Пирсону пришлось нанять пятьсот (!) сортировщиков этих писем.

Резкое увеличение тиража привело к дефициту газетной бумаги, тем более что Пирсону в той или иной форме стали подражать более двухсот английских газет, тираж которых также значительно увеличился.

Но неожиданно в дело вмешались неудачливые конкуренты Пирсона. Они подали на *Pearson's Weekly* в суд, обвинив еженедельник в пропаганде запрещенных законом азартных игр. Сложившуюся ситуацию в журналистике рассматривала даже специальная комиссия британского парламента. Суд запретил Пирсону проводить конкурсы на угадывание пропущенных слов. Спустя неделю после этого тираж *Pearson's Weekly* упал на 950 тысяч экземпляров.

Поскольку отрицательное решение суда касалось не только еженедельника Пирсона, но самого метода привлечения читателей, серьезные убытки понесли и другие периодические издания, проводившие вслед за Пирсоном аналогичные конкурсы.

Тогда Пирсон пошел для привлечения читателей по другому пути. Он заключил договор с владельцами железных дорог о продаже *Pearson's Weekly* на вокзалах, железнодорожных станциях и платформах. Чтобы

---

¹ Один шиллинг равнялся двадцати пенсам, в одном фунте стерлингов насчитывалось пять шиллингов.

пассажиры, сядя в поезда, покупали именно этот еженедельник, Пирсон придумал необычный ход: он поместил объявление о том, что семье любого пассажира, погибшего на железной дороге со свежим номером *Pearson's Weekly* в кармане или в багаже, будет выплачена солидная денежная компенсация в размере две тысячи фунтов стерлингов. Естественно, выплаты не распространялись на родственников самоубийц.

Впоследствии еженедельник стал подобным образом платить родственникам погибших во время игры в футбол и велосипедной езды. За десять лет такие компенсации получили около пятисот наследников несчастных читателей.

Пример Пирсона взяли на вооружение конкурирующие издания, заключавшие договоры с владельцами паромных контор, автобусных парков и т.п. о продаже соответствующей прессы на пристанях, автобусных остановках и выплатах компенсаций родственникам потенциальных жертв.

В 1896—1899 годах Пирсон издавал ежемесячный литературный и политический журнал *Pearson's Monthly* («Пирсонс мансли» — «Ежемесячник Пирсона»). В нем печатались, в частности, такие выдающиеся писатели, как Эптон Синклер, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Максим Горький. С 1899 года журнал стал продаваться и в США.

В 1900 году Пирсон основал массовую газету *The Daily Express* («Дэйли экспресс» — «Ежедневный экспресс»), которая и по сей день является одной из ведущих массовых британских газет.

Качественная журналистика в конце XIX — начале XX века

В Англии деление газет на качественные (элитарные) и массовые (популярные) было выражено наиболее четко по сравнению с другими странами.

К началу XX века ведущими элитарными английскими газетами оставались ежедневные *The Times*, *The Daily Telegraph*, *The Guardian* («Гардиан» — «Защитник», основана в 1821 году), *The Financial Times* («Файнэншл таймс» — «Финансовые времена», основана в 1888 году).

Из воскресных газет самой крупной и влиятельной были основанная в 1822 году *The Sunday Times* («Санди таймс» — «Воскресные времена») и *The Observer* («Обзервер» — «Обозреватель»), выходившая с 1791 года.

Вопросы для повторения

1. Особенности развития английской журналистики в первой половине XIX века.
2. Британская печать и государство.

3. Чартистская пресса.
4. Информационное агентство *Reuter's*.
5. Британская журналистика в годы Крымской войны.
6. Изменения в прессе в 1855-м — 1870-е годы.
7. Развитие качественной прессы в XIX — начале XX века.
8. Развитие массовой прессы в XIX — начале XX века.
9. Концентрация печати в конце XIX — начале XX века.
10. Крупнейшие газетные империи Англии.
11. Джордж Ньюнес — издатель и редактор.
12. Братья Хармсворсы и британская пресса.
13. Артур Пирсон — газетный магнат и журналист.
14. Типология английской прессы к началу XX века.
15. Ведущие качественные газеты Англии в конце XIX — начале XX века.

Рекомендуемая литература

- Беглов С. И.* Четвертая власть: Британская модель. М., 2002.
- Волковский Н. Л.* История информационных войн. СПб., 2003. Т. 1.
- Матвеев В. А.* Империя Флит-стрит. М., 1961.
- Новомбергский Н.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001.
- Саламон Л.* Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.
- Сатуриен Д.* Очерк периодической печати в Англии: Периодическая печать на Западе // История печати. М., 2001. Т. 2.
- Трыков В. П.* Зарубежная журналистика XIX века. М., 2004.

Дополнительная литература

- Диккенс Ч.* Журнальные статьи // Собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 28.

ЖУРНАЛИСТИКА США В XIX ВЕКЕ

Особенности журналистики США в XIX веке. — Создание массовой прессы (Бенджамин Дей и *The New York Sun*, *The New York Herald*, *The New York Tribune*, *The New York Times*). — Персональный и новый журнализм. — Информационное агентство *Associated Press*. — Пресса в Гражданскую войну (1861–1865). — Джозеф Пулитцер и его газетная империя. — Уильям Рэндольф Хёрст и его газетная империя. — Движение «разгребателей грязи». — Американская пресса на рубеже XIX–XX веков.

Особенности журналистики США в XIX веке

21 декабря 1791 года Конгресс США принял первую поправку к Конституции, регламентировавшую взаимоотношения государства и прессы. Она гласит: «Конгресс не будет издавать законов, ограничивающих свободу слова, или печати, или права народа мирно собираться».

С того времени, несмотря на минимальное влияние в течение долгого времени на политическую жизнь страны, американская пресса развивалась очень быстро. Газеты и журналы являлись, по сути, коммерческими продуктами на информационном рынке. Уже в 1820 году в стране выходило двадцать четыре ежедневных газеты, что было мировым рекордом. Но образование журналистов и уровень читателей были в те годы очень низкими.

Вместе с тем в начале XIX века в США появились так называемые *бродячие журналисты*. Любой желающий мог купить передвижную типографию и ездить с ней в обозе по городам страны. Один человек собирал материалы, верстал номер, печатал газету, распространял тираж, на вырученные деньги покупал бумагу и собирал материалы для нового номера. Через некоторое время бродячий журналист перебирался со своей типографией в другой город и начинал работать там. Особенно много бродячих журналистов было в городах западных штатов, которые только недавно вошли в состав США и где не появились еще свои стационарные газеты.

Американская журналистика XIX века отличалась исключительным разнообразием. В стране выходили десятки негритянских газет, имели успех издания аболиционистов — сторонников отмены рабства. В то же время — особенно в южных штатах — издавались расистские газеты. Активно развивалась еврейская пресса — в первую очередь на языке идиш. Но при всем этом разнообразии совершенно отсутствовала официальная партийная пресса.

К середине XIX века сложились основные особенности американской журналистики. Главная из них заключалась в местном характере прессы: газеты и журналы, как правило, не выходили за пределы городов и штатов, где они издавались. Соответственно, отсутствовали или оставались неразвитыми общенациональные периодические издания.

Во многом такое положение вещей было связано с особенностями восприятия читателями рекламы в прессе. Американцы предпочитали не имиджевую, абстрактную, но адресную рекламу: где, когда, в каком магазине, с какими скидками можно приобрести тот или иной товар. Публиковать такую рекламу в общенациональной прессе практически невозможно — ей место исключительно в местных периодических изданиях. В них доля рекламы занимала до 75 процентов объема.

Подобным отношением к рекламе объясняется еще одна особенность американской журналистики XIX века: преобладание вечерней прессы над утренней. Рекламные объявления удобнее всего было читать вечером, когда американцы приходили домой с работы. Реклама в утренних газетах, которая версталась накануне, к вечеру часто устаревала.

Создание массовой прессы

Бенджамин Дей и The New York Sun

Первая массовая газета *The Daily Evening Transcript* («Дэйли ивнинг транскрипт» — «Ежедневная вечерняя копия») выходила с 24 июля 1830 года в Бостоне. Главный редактор Линдон Уолтер продавал ее всего за один цент. Но через месяц, 28 августа, выпуск был приостановлен из-за финансовых трудностей. Когда *The Daily Evening Transcript* вернулась к читателям, то не смогла серьезно соперничать с уже возникшими массовыми газетами.

После смерти Уолтера главным редактором *The Daily Evening Transcript* в 1842 году стала его сестра Линда Уолтер (1815–1847). Она была первой в США женщиной — редактором газеты.

Настоящая история регулярной массовой прессы началась в Соединенных Штатах только через три года. Ее основателем считается типографщик из городка Спрингфилд в штате Массачусетс **Бенджамин Генри Дей** (1810–1889). В четырнадцать лет он бросил школу и устроился учеником в городскую газету *The Springfield Republican* («Спрингфилд республикэн» — «Спрингфилдский республиканец»), где в совершенстве освоил профессию типографщика.

В неполные двадцать лет Дей переехал в Нью-Йорк и стал работать наборщиком в различных периодических изданиях. Вместе с тем он задумал издавать дешевую газету для рабочих. Такие попытки уже делались, но неизменно заканчивались неудачей. Дей внимательно изучил отрицательный опыт коллег и **3 сентября 1833 года** выпустил первый номер газе-

ты *The New York Sun* («Нью-Йорк сан» — «Нью-Йоркское солнце») с характерным девизом: «Оно [т.е. солнце. — Г. П.] светит для всех».

The New York Sun стала первым в стране массовым периодическим изданием, рассчитанным на простого читателя. Чтобы газету было удобнее читать в любой обстановке, Дей придумал новый, уменьшенный формат — 20 × 30 сантиметров, тогда как все остальные газеты издавались форматом 60 × 90 сантиметров.

На первой полосе *The New York Sun* печатались объявления, которые Дей брал из других газет. Городские новости публиковались на развороте второй и третьей полос. Большую часть этих новостей составляли полицейские сводки. Затем шла информация из других городов и стран — как правило, не политического характера.

Редактором *The New York Sun* был компаньон Дея Джордж Винсер, а сам Дей занимался рекламой, изготовлением и распространением газеты.

The New York Sun продавалась по одному центу за экземпляр, тогда как все остальные нью-йоркские газеты стоили не менее шести центов. Впервые в истории американской журналистики газета распространялась в розницу. Для этих целей Дей нанял мальчишек-распространителей (*newsboys*), каждый из которых получал по 87 центов от продажи ста экземпляров.

В погоне за читателями Дей сочинял новости, устраивал различные мистификации. Например, в 1835 году он опубликовал на первой полосе газеты сенсационный репортаж об открытии жизни на Луне. Героем репортажа стал реальный человек — известный английский астроном Джон Гершель (1792–1871)¹, который действительно, изучал Луну в обсерватории на юге Африки, у мыса Доброй Надежды. Дей вложил в уста ничего не подозревавшего ни о мистификации, ни, вероятно, о существовании газеты *The New York Sun* астронома, красочное описание «человекообразных существ ростом четыре фута², с телами, покрытыми рыжей шерстью, и с перепончатыми крыльями, как у летучих мышей».

«Когда мы разглядывали их, — якобы делился впечатлениями Гершель, — было отчетливо видно, как эти существа беседуют друг с другом».

Однако этот номер газеты дошел до Англии, и оттуда пришло официальное опровержение. Впрочем, Дея подобные недочеты в работе не смущали: тираж *The New York Sun* постоянно рос. В конце 1833 года он составил пять тысяч экземпляров и за два первых года увеличился почти в четыре раза: до 19 тысяч экземпляров к концу 1835 года. Когда в 1837 году Дей продал газету, она распространялась тиражом в 30 тысяч экземпляров.

---

¹ Гершель был иностранным почетным членом Петербургской Академии наук.

² Чуть больше 120 сантиметров.

Мозес Бич (1800—1868), сводный брат Дея, купивший *The New York Sun* за 40 тысяч долларов, продолжил редакционную политику Дея.

Сам Дей в 1842 году основал еженедельник *Brother Jonathan* («Бразэ Джонатан» — «Брат Джонатан»), который имел большой успех у читателей и стал первым иллюстрированным периодическим изданием в США.

Большая заслуга Дея перед журналистикой состоит в том, что, заду-мывая газету или журнал, он одним из первых глубоко изучил потенци-альную целевую аудиторию: потребности своих читателей, их образ жиз-ни и мышления, а также рынок печатной продукции. В результате Дей выработал принципы, которые легли в основу всей массовой прессы США.

The New York Herald

Конкуренцию *The New York Sun* составила четырехполосная газета *The New York Herald* («Нью-Йорк геральд»). Ее основал 6 мая 1835 года **Джеймс Гордон Беннет** (1795 — 1872), имея всего пятьсот долларов. Он приехал в США в девятнадцатилетнем возрасте и отличался сложным, неуживчивым характером, но при этом искренне верил в высокую, почти религиозную миссию журналистики. «Газета может вознести больше душ в рай и спасти от ада, чем все церкви Нью-Йорка», — писал Беннет.

Главный принцип *The New York Herald*, выработанный Беннетом, — «сообщать как можно скорее все новое и интересное, не жалея никаких издержек». При этом отсутствовали запретные темы для публикации.

Такая газетная политика привела к тому, что уже в 1836 году тираж *The New York Herald* составил 20 тысяч экземпляров. Газета стала оперативнее и разнообразнее, чем *The New York Sun*. Именно Беннет впервые в американской журналистике ввел в своем издании регулярную страницу для женщин, давал советы влюбленным и вместе с тем публиковал воскресные проповеди.

В 1836 году *The New York Herald* провела первое в истории журналистское расследование: параллельно с судебно-следственными органами журналисты газеты шаг за шагом расследовали убийство двадцатитрехлетней нью-йоркской проститутки Хелен Джуитт и регулярно публиковали в газете соответствующую информацию. Вскоре выяснилось, что журналистам удалось собрать больше сведений и фактов, чем следствию. На суде и прокурор, и адвокат апеллировали к материалам из *The New York Herald*. В результате предполагаемого убийцу проститутки признали полностью невиновным, как это установили журналисты.

Беннет одним из первых в США понял, что любое периодическое издание ценно, прежде всего, эксклюзивной информацией. Он создал широкую сеть корреспондентских пунктов *The New York Herald* по всей стране и даже за ее пределами, посылал специальных корреспондентов

освещать события и происшествия туда, где не было корпунктов газеты. Собственные и специальные корреспонденты посылали в газету информацию по телеграфу — *The New York Herald* была первой газетой на американском континенте, установившая телеграфный аппарат прямо в редакции. Это случилось в 1846 году, всего через полтора года после ввода в строй телеграфной линии между Вашингтоном и Нью-Йорком.

Когда 12 мая 1846 года сенатор и идеолог рабовладельческой политики Джон Колдвелл (1782—1850) выступал в Конгрессе США с речью об объявлении войны Мексике, Беннет получил эту речь по телеграфу и сразу же опубликовал ее. Он послал к местам боевых действий военного корреспондента, который в течение всех двух лет войны направлял в редакцию эксклюзивные военные сводки.

По телеграфу Беннет получал и биржевые новости, которые тоже оперативно публиковал в газете. Биржевая информация очень интересовала американцев, многие из которых играли на бирже, имели акции, держали ценные бумаги в различных инвестиционных фондах.

Беннет считается основателем жанра интервью. Интересно, что в первых публиковавшихся на страницах *The New York Herald* интервью вопросы журналистов не приводились, а только ответы интервьюируемых лиц.

В 1867 году газету возглавил сын Беннета — **Джеймс Гордон Беннет-младший** (1841—1918). К этому времени *The New York Herald* выходила на 72 полосах тиражом более 60 тысяч экземпляров. Беннет-младший продолжил редакционную политику отца. Желая привлечь внимание читателей не разовыми сенсациями, а продолжительными громкими и захватывающими новостями, он в 1871 году послал специального корреспондента на поиск пропавшей в Африке экспедиции английского путешественника Давида Ливингстона (1813—1873). Этим корреспондентом был **Генри Мортон Стэнли**¹ (1841—1904). Он регулярно публиковал в *The New York Herald* репортажи о ходе поисков и в 1872 году разыскал экспедицию. Вместе с Ливингстоном Стэнли исследовал африканское озеро Танганьика.

В 1874—1877 годах Стэнли как спецкор *The New York Herald* сопровождал экспедицию, исследовавшую африканскую реку Конго с востока на запад и проследившую все ее течение. Стэнли открыл не известные ранее семь крупных речных порогов между конголезскими городами Убунду и Кисангани. Эти пороги впоследствии были нанесены на все географические карты как *водопады Стэнли*.

В 1879 году Беннет на редакционные средства снарядил экспедицию полярного исследователя Джорджа де-Лонга (1844—1881) из Сан-Франциско через Берингов пролив к Северному полюсу на паровой яхте

---

¹ *Генри Мортон Стэнли* — это был псевдоним журналиста Джона Роуллендса.

«Жанетта». *The New York Herald* регулярно публиковала отчеты с борта яхты — до тех пор, пока связь с экипажем не прервалась. И только весной 1882 года выяснилось, что, не дойдя до цели и сбившись с пути, все участники этой экспедиции погибли осенью 1881 года в устье российской реки Лена. Тогда Беннет опубликовал найденный дневник де-Лонга, который путешественник вел до последнего дня жизни.

Когда популярность *The New York Herald* пришла в Европу, Беннет с 1878 года стал издавать еженедельный, а затем ежедневный дайджест газеты в Париже — специально для читателей Старого Света.

The New York Tribune

В 1831 году шотландец **Гораций (Хорас) Грили** (1811–1872) приехал в Америку, не имея никаких средств к существованию. Тем не менее он начал реализовывать свой замысел: создать серьезную газету для простых людей. Так со временем появилась газета *The New York Tribune* («Нью-Йорк трибьюн» — «Нью-Йоркская трибуна»). Ее запуск в производство потребовал вложения трех тысяч долларов. Первый номер вышел в свет 10 апреля 1841 года тиражом пять тысяч экземпляров и продавался за один цент.

Грили был известен своими социалистическими взглядами. Он создал жанр газетной передовицы и писал на страницах *The New York Tribune* передовые статьи против пороков общества: рабства, притеснения черного населения, пьянства, выступал против войн и насилия.

По мнению Грили, классическая литература — удел прошлого, ее должна заменить честная и правдивая журналистика. «Книги... уже отслужили свое, — писал он в одной из передовиц. — Настоящую национальную литературу нужно теперь искать в речах ораторов, памфлетах и газетных статьях».

В поиске новых форм и подходов к читателям Грили привлекал к сотрудничеству в газете женщин. Одной из первых в мире женщин-журналисток была американская писательница, публицистка и литературный критик **Маргарет Фуллер** (1810–1850). В 1840–1844 годах в Бостоне она редактировала литературно-философский журнал *The Dial* («Циферблат»), выходивший раз в три месяца, а с 1844 года сотрудничала в *The New York Tribune*. Здесь Фуллер публиковала очерки, которые вошли потом в книгу «Женщина в девятнадцатом столетии» (*Woman in the Nineteenth Century*) — одно из первых исследований о месте и роли женщины в обществе.

Всего Фуллер написала для *The New York Tribune* более двухсот очерков на злободневные общественные темы и литературно-критических статей. Особенно горячо она выступала за равноправие женщин и была, по сути, первой феминисткой. Грили, отдавая должное таланту и популярности Фуллер, говорил, что «муж и двое-трое детей отвлекли бы ее от всяких глупостей, вроде борьбы за равноправие женщин».

1 августа 1846 года Фуллер отправилась в Европу в должности европейского корреспондента газеты. К тому времени она была широко известна не только в США, но и в европейских странах. Фуллер участвовала в Итальянской революции 1848 года, писала репортажи с баррикад. Там судьба свела ее с будущим мужем, маркизом Джованьего Оссоли, который сражался в рядах республиканцев.

19 июля 1850 года, пароход, на котором Фуллер с мужем и дочерью возвращались в Нью-Йорк, утонул в пятидесяти метрах от американского берега. Они были единственными жертвами кораблекрушения.

Вместо погибшей Маргарет Фуллер Грили пригласил на должность европейского корреспондента газеты жившего в Англии Карла Маркса, от имени и за подписью которого Фридрих Энгельс неоднократно публиковал в *The New York Tribune* статьи с августа 1851 по март 1862 года.

В 1855 году штат газеты насчитывал десять редакторов и четырнадцать корреспондентов. Среди них была первая в истории женщина — специальный корреспондент в Конгрессе США феминистка и аболиционистка Джейн Грей Суиссхелм. Ее сообщения и репортажи из Конгресса пользовались большим успехом, и *The New York Tribune* стала влиятельной газетой.

Когда в 1860 году развернулась предвыборная кампания кандидатов в президенты США, Грили, стоявший у истоков создания Республиканской партии, помог с помощью своей газеты республиканцу Аврааму Линкольну (1809 — 1865) победить на выборах. В 1872 году он сам выставил свою кандидатуру на выборы президента, но проиграл Улиссу Гранту (1822—1885) и умер.

The New York Times

В противовес массовым изданиям **Генри Раймонд** (1820—1869) 18 сентября 1851 года основал газету *The New York Times* («Нью-Йорк таймс» — «Нью-Йоркские времена»). Для этого ему понадобилось 70 тысяч долларов. Отказавшись от сенсаций, газета отдавала приоритет серьезным публикациям.

В 1896 году газету купил **Адольф Окс** (1858—1935). Он считал, что *The New York Times* должна быть энциклопедией новостей, и серьезно занялся реформой газеты. Теперь она стала выходить в двух тетрадках, с девизом в прямоугольной рамке «Все новости, достойные печати» (*All the News, That's Fit to Print*).

Усилия Окса не пропали даром: так, если в 1900 году тираж газеты составлял 82 тысячи экземпляров, то за первое десятилетие XX века он резко увеличился и составил к началу Первой мировой войны (1914 г.) около 200 тысяч экземпляров.

Персональный и новый журнализм

В последние десятилетия XIX века постепенно набирал силу процесс концентрации печати. До этого и редактором, и издателем, и главным автором публикаций мог быть один человек (**персональный журнализм**). С развитием средств связи, средств передачи информации одному сотруднику стало не под силу справляться с резко возросшим объемом информации. Так в газете появляются отделы, складывается жанровое разнообразие. Разделение труда охватывает всю структуру газеты.

В то же время возникли новые журналистские специализации, например, сборщика новостей (*legman*), обработчика новостей (*rewriter*). У известных публицистов появились персональные колонки, рубрики в газетах. Персональный журнализм постепенно уступил место **новому (дифференцированному) журнализму**. Отныне главный редактор газеты или журнала управлял делами (*manager-editor*), а редакторы полос отвечали за подготовку материалов к печати.

Со временем вместо газеты мнений, газеты взглядов (*viewspaper*) появилась газета новостей (*newspaper*).

Информационное агентство Associated Press

В мае 1848 года в США возникло информационное агентство *Associated Press* («Ассошиэйтед пресс»). Издатель крупнейшей массовой газеты Нью-Йорка *The New York Sun* Мозес Бич предложил редакторам других периодических изданий объединиться в совместное предприятие по сбору и обработке новостей, поступающих с фронтов Американо-мексиканской войны (1846–1848). На это предложение откликнулись газеты *The Journal of Commerce* («Джонал оф коммерс»), *New York Herald*, *The Courier and Enquirer* («Курьер энд энквайер»), *The New York Evening Express* («Нью-Йорк ивнинг экспресс»). В январе 1849 года к этим изданиям присоединилась газета *The New York Tribune*.

Газеты разделили обязанности по сбору информации. В течение нескольких лет была налажена сеть корреспондентских пунктов агентства по штатам. Чтобы оперативно доставлять подписчикам новости из Европы, агентство купило пароход: он приходил в канадский город Галифакс (который уже имел телеграфную связь с Англией по дну Атлантического океана), получал новости с телеграфной ленты и шел в Бостон, откуда по телеграфной линии передавал их в Нью-Йорк, в штаб-квартиру агентства. Позднее, когда телеграф напрямую соединил Нью-Йорк и Галифакс, необходимость в подобных поездках отпала.

Уже во второй половине XIX века *Associated Press* стало ведущим американским информационным агентством. Его журналисты умели добывать самую закрытую информацию. Так, например, в 1903 году журналист *Associated Press* Томсон вошел в доверие к лечащему врачу

тяжело больного Папы Римского Льва XIII. Когда Папа умер, врач тут же сообщил эту грустную новость Томсону. От него мир узнал о смерти понтифика всего через час, тогда как по сложившемуся с давних времен ритуалу эту информацию должны официально сообщать в полдень следующего после кончины Папы дня.

Пресса в Гражданскую войну (1861–1865)

Гражданская война в США шла между республиканским Севером и рабовладельческим Югом. Началась она 12 апреля 1861 года с мятежа одиннадцати южных штатов, где сохранялось рабство. Южане хотели сохранить рабство и распространить его по всей стране. Война шла с переменным успехом и закончилась победой республиканцев 9 апреля 1865 года.

Первый выстрел в войне по позициям северян южане доверили журналисту Эдмунду Раффину, который активно выступал в прессе за независимость Юга.

Когда начались боевые действия, Конгресс в Вашингтоне принял решение о временном ограничении свободы слова на период войны. Была введена цензура на военные новости, закрыты несколько антиправительственных газет, поддерживавших рабство (например, *The New York Daily News*), арестовано несколько издателей и журналистов, отказавшихся подчиняться временным правилам и продолжавших выступать за победу Юга.

Многие журналисты ушли воевать. С южанами сражались Генри Раймонд, Гораций Грили. 63 репортера из *The New York Herald* освещали ход боевых действий прямо с линии фронта.

В ходе войны впервые появилась чисто военная пресса, где работали как профессиональные журналисты, так и военные, осваивавшие журналистское мастерство прямо на фронте.

За годы Гражданской войны значительно возрос авторитет прессы, а профессия журналиста получила общественную значимость.

Джозеф Пулитцер и его газетная империя

К концу XIX века журналистика приобрела индустриальный характер. Возникли концерны, тресты, синдикаты прессы.

Одним из первых газетных магнатов в США был **Джозеф Пулитцер** (1847–1911). Он родился и вырос в Венгрии, а в семнадцать лет отправился наемником в США для участия в Гражданской войне. Но повоевать Пулитцер не успел. Война кончилась, и несколько лет он перебивался случайными заработками: был грузчиком, официантом, носильщиком, погонщиком скота. Случайность привела Пулитцера на берег

Миссисипи, в город Сент-Луис. Там он выиграл в бильярд место в редакции городской газеты. Так началось его восхождение к вершинам газетного бизнеса.

Разбогатец, Пулитцер в 1883 году купил нью-йоркскую газету *The New York World* («Нью-Йорк уолд» — «Мир Нью-Йорка») и создал первый в стране концерн. В этой газете — впервые в истории американской журналистики — он ввел редакционную полосу (*editorial page*). Таким образом, произошло отделение новостей от мнений — важный признак нового журнализма.

В 1887 году Пулитцер начал издавать газеты *Evening World* («Ивнинг уолд» — «Вечерний мир») и *Sunday World* («Санди уолд» — «Воскресный мир») — на манер английских газет. Именно в газетах Пулитцера утвердился принцип «перевернутой пирамиды» как тип новостей, тип подачи материалов¹.

Пулитцер стремился к сенсационности, но стиль дешевых газет типа *The New York Sun*, где сенсацией считалась новость о якобы живущей на Луне человекообразной обезьяне, был ему чужд. Пулитцер не стремился выдумывать псевдособытия, он сам создавал сенсации.

Однажды, например, журналистка **Нелли Блай**² (1864—1922), прославившаяся циклом репортажей из нью-йоркского сумасшедшего дома, предложила редактору *The New York World* отправить ее от редакции в кругосветное путешествие. Она собиралась обогнуть земной шар за восемьдесят дней — по примеру Филеаса Фога, героя знаменитого романа Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней».

Нелли Блай, за которой, благодаря громким анонсам в *The New York World*, стала следить вся страна, выехала из Нью-Йорка пароходом в Лондон 14 ноября 1889 года. Каждый день журналистка присылала в редакцию по телеграфу или телефону заметки о своем путешествии, которые неизменно публиковались на первой полосе.

Нелли Блай возвратилась в Нью-Йорк через семьдесят два дня, шесть часов, десять минут и одиннадцать секунд 25 января 1890 года, перекрыв, таким образом, рекорд жюльверновского героя. К этому времени она уже была едва ли не национальным героем, а *The New York World* многократно увеличила свою популярность. Сам Жюль Верн прислал в редакцию телеграмму: «Я не сомневался в успехе Нелли Блай. Она доказала свое упорство и мужество. Ура в ее честь!»

Это кругосветное путешествие стало одной из первых громких рекламных акций и принесло империи Пулитцера огромные деньги. В 1891 году Нелли Блай совершила еще два кругосветных путешествия:

---

¹ Подробно о принципе перевернутой пирамиды рассказано в разделе «Совершенствование техники и технологии издательского дела в XIX веке».

² Настоящие имя и фамилия Нелли Блай — Элизабет Кокрен.

одно за 67 дней, другое — за 66, по-прежнему оставаясь героем первых полос всех американских газет.

Пулитцер предпринимал и много других громких акций. Так, он создал в газете юмористическую полосу с комиксами под общим названием «Похождения Желтого мальчика». Автором комиксов был известный художник-карикатурист **Ричард Фелтон Аутколт** (1863—1928).

В 1885 году Пулитцер стал конгрессменом от Демократической партии США. Тогда же он организовал через *The New York World* сбор средств для установления в Нью-Йорке Статуи Свободы — подарок французов к столетию принятия Декларации о независимости США. Статуя была установлена в 1886 году.

В 1890-е годы Пулитцер заболел тяжелой нервной болезнью. Последние годы жизни он провел в звуконепроницаемых бункерах, построенных специально для него в нью-йоркском особняке и на личной яхте.

В 1903 году Пулитцер на личные средства создал высшую школу журналистики в Колумбийском университете Нью-Йорка. Он завещал свои деньги на выплату ежегодных премий для журналистов и периодических изданий.

С 1917 года Пулитцеровская премия вручается ежегодно в первый понедельник мая попечителями Колумбийского университета. Размер премии составляет десять тысяч долларов США. Существуют различные номинации, причем их количество увеличивается: так, в 2006 году возникла номинация для блогеров. Пулитцеровская премия давно стала самой престижной журналистской наградой как в Соединенных Штатах, так и во всем мире.

Уильям Рэндольф Хёрст и его газетная империя

Главным конкурентом Пулитцера был **Уильям Рэндольф Хёрст** (1863—1951), происходивший из семьи калифорнийского миллионера. В 1880 году отец подарил ему на день рождения газету *San-Francisco Examiner* («Сан-Франциско икземинер» — «Сан-Франциский экзаменатор»). Учась в университете, Хёрст в 1885—1887 годах во время летних каникул стажировался у Пулитцера в *The New York World* и, работая репортером, хорошо изучил журналистские методы и приемы этой газеты.

В 1895 году Хёрст приобрел в Нью-Йорке газету *The New York Journal* («Нью-Йорк джорнал» — «Нью-Йоркский журнал»), которая стала образцом желтой прессы. «Политика *The New York Journal* заключается в том, что привлекать внимание столь же важно, как и добывать факты, — писал Хёрст. — Публика жаждет развлечений гораздо больше, чем новостей».

В отличие от Пулитцера, Хёрст выдумывал сенсации, допускал нечестные методы в конкурентной борьбе. Однажды, например, в *The New York Journal* появилась заметка о мальчике, собиравшем на нью-йорк-

ских улицах подаяние. Автор указывал, что этот мальчик — сирота, он живет в крайне стесненных условиях, со старенькой больной бабушкой и младшими братьями и сестрами, а получаемая милостыня — единственный источник доходов семьи. Когда сотрудники благотворительных организаций, прочитав заметку, решили помочь бедной семье, выяснилось, что история про несчастного мальчика — фальсификация. Но Хёрста это ничуть не смутило.

В 1896 году Хёрст перекупил художника Аутколта из пулитцеровской *The New York World*, который рисовал в газете комиксы из цикла «Похождения Желтого мальчика». Тогда Пулитцер нанял другого художника, Джорджа Лакса (1867—1933), который продолжил эту серию комиксов. Развернулась жестокая борьба за авторские права между двумя изданиями. Именно тогда, в ходе судебных разбирательств, за которыми следила вся страна, появилось понятие *желтая пресса*.

В 1898 году газеты Хёрста спровоцировали испано-американскую войну из-за принадлежавшей испанцам Кубы. Хёрст послал на Кубу художника Фредерика Ремингтона (1861—1909), чтобы тот рисовал картинки в газеты. Художник по прибытии послал телеграмму Хёрсту: «Все спокойно. Волнений здесь нет. Войны не будет. Я хочу вернуться». Хёрст написал в ответ: «Пожалуйста, оставайтесь. Вы обеспечиваете рисунки, а я обещаю войну».

Несмотря на поднятые *The New York Journal* антикубинские и анти-испанские настроения, президент США Уильям Мак-Кинли (1843—1901) был против объявления войны. Тогда журналисты Хёрста выкрали и опубликовали частное письмо испанского посла на Кубе, в котором тот нелестно отзывался об американском президенте. Вскоре, 15 февраля 1898 года, на рейде недалеко от кубинской столицы Гаваны неожиданно подрывался на mine и затонул американский военный корабль «Мэн». Подлинные причины взрыва были неизвестны, однако и хёрстовская, и пулитцеровская пресса развязали гнусную кампанию с требованием объявить Испании войну. Поддавшись провокации, Конгресс США проголосовал за начало войны.

В те дни редактор журнала *The Nation* («Нэйшен» — «Нация») Эдвин Годкин, анализируя агрессивную линию *The New York Journal* и *The New York World*, писал: «Никогда еще история американской журналистики не знала ничего столь постыдного, как поведение этих двух газет».

В 1901 году Хёрст организовал в своей прессе травлю президента Мак-Кинли, называя его человеком, «которого ненавидят больше всех на американском континенте». Хёрстовские газеты недвусмысленно намекали на необходимость физического устранения президента. «Если от плохих учреждений и плохих людей можно избавиться, только убив их, то убийство должно быть совершено», — писала *The New York Journal* 13 сентября 1901 года. На следующий день президента Мак-Кинли убил

фанатик анархист. У него в кармане нашли тот самый номер *The New York Journal*, где слова «убийство должно быть совершено» были подчеркнуты красным карандашом.

Это обстоятельство стало сигналом к бойкоту хёрстовской прессы. «В Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско толпы людей отнимали у мальчишек-продавцов газеты Хёрста и сжигали их, — пишет Е. Ч. Андрунас. — Бойкот его газет объявили многие киоски, библиотеки и клубы. Но даже после этого тиражи хёрстовских газет остались самыми высокими в мире»¹.

В начале XX века ежедневный тираж газет Хёрста составил восемь миллионов экземпляров, журналов — около одиннадцати миллионов экземпляров. Несмотря на такую мощную информационную поддержку, Хёрст не смог победить на выборах губернатора штата Нью-Йорк. В 1902 году он был избран в Конгресс, надеясь в будущем стать президентом США от Демократической партии, но проиграл предварительные партийные выборы 1908 года и расстался с мечтой о президентском кресле.

Империя Хёрста пережила много взлетов и падений. Хёрст всегда поддерживал самые правые силы. Во время обеих мировых войн он был сторонником врагов США, гордился дружбой с Муссолини и Гитлером, считал, что фашизм в Америке был бы лучшим средством против угрозы коммунизма.

Движение «разгребателей грязи»

В начале XX века в США возникает движение *разгребателей грязи* — журналистов, специализировавшихся на критике коррупции в аппарате власти и в различных концернах, трестах и монополиях, на железных дорогах.

Понятие *разгребатели грязи* появилось после серии публикаций в 1900—1902 годах в журнале *McClure's Magazine* («Макклурс мэгезин» — «Журнал МакКлюра»²) цикла разоблачительных статей журналистки **Айды Марианны Тарбелл** (1857—1944) о нефтяной компании Рокфеллера *Standard Oil*. Эффект от этих публикаций был, по свидетельствам современников, подобен взрыву бомбы. Так, тираж *McClure's Magazine* поднялся до 350 тысяч экземпляров. Президент США Теодор Рузвельт (1858—1919), недовольный разразившимся громким скандалом, назвал таких журналистов, как Айду Тарбелл, разгребателями грязи.

«Разгребатели грязи» создали серию еженедельных журналов. Среди них выделялись *McClure's Magazine*, *American Magazine* («Америкэн мэгезин» — «Американский журнал»), *Cosmopolitan Magazine* («Космополи-

¹ Андрунас Е. Ч. Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. С. 15.

² Эмигрант из Ирландии, глава издательского синдиката, Самюэль МакКлюр создал свой журнал в 1893 году.

тэн мэгезин» — «Космополитический журнал»)¹. Там работали такие известные журналисты, как **Джозеф Линкольн Стеффенс** (1866–1936), **Эптон Билл Синклер** (1878–1968), **Дэвид Грэхем Филипс** (1867–1911), Айда Тарбелл. Сложилась традиция помещать на страницах этих периодических изданий хотя бы один критический, разоблачительный материал.

Разоблачения «разгребателей грязи» доходили до самых вершин власти. Например, Стеффенс в своих статьях приходил к выводу о том, что методы и цели коррупционеров в провинции и в руководстве страной одинаковы. Как пишет М. В. Тлостанова, «подобное “открытие” было шоком не только для самого Стеффенса, но и для его читателей. Так, бывший президент США, Гровер Кливленд², даже пригласил Стеффенса для беседы и сказал, что не может заставить себя поверить в факты, изложенные в его статьях, хотя умом и понимает, что все это — правда»³.

Основные принципы «разгребателей грязи» — объективность, принципиальность, критическое отношение к власти — легли в основу нового журнализма.

Спад активности «разгребателей грязи» наступил после финансового кризиса 1911 года. *McClure's Magazine* был закрыт, другие журналы изменили профиль. Например, Хёрст переделал *Cosmopolitan Magazine* в женский журнал, каким он остается и по сей день.

Американская пресса на рубеже XIX–XX веков

В 1900 году американская пресса удерживала первое место в мире по количеству газет и тиражам. Если в 1850 году в стране выходило 254 ежедневных газеты общим разовым тиражом в 758 тысяч экземпляров, то в 1900 году — 2235 газет общим тиражом в 15 102 тысячи экземпляров.

Главная особенность американской массовой прессы заключалась в том, что в погоне за сенсациями газеты не собирались просвещать читателя (как это было во Франции, а позже и в других европейских странах), а, прежде всего, заработать как можно больше денег.

Вопросы для повторения

1. Особенности американской журналистики в XIX веке.
2. Разнообразие журналистики США.
3. Появление и развитие массовой прессы в США.
4. Газета *The New York Sun*.
5. Газета *The New York Herald*.
6. Газета *The New York Tribune*.
7. Газета *The New York Times*.

---

¹ Владелец этого журнала был Уильям Рэндольф Хёрст.

² Гровер Кливленд (1837–1908). Был президентом США в 1885–1889 и в 1893–1897 годах.

³ Тлостанова М. В. «Разгребатели грязи» // История литературы США / Под ред. проф. Я. Н. Засурского. Т. 5. С. 464.

8. Маргарет Фуллер — журналистка.
9. Генри Мортон Стэнли — журналист.
10. Информационное агентство *Associated Press*.
11. Пресса в Гражданскую войну (1861–1865).
12. Реклама в американских газетах и журналах.
13. Способы привлечения читателей массовыми газетами.
14. Журналистика США: от персонального к новому журнализму.
15. Концентрация печати в конце XIX — начале XX века.
16. Ведущие газетные магнаты США.
17. Газетная империя Джозефа Пулитцера.
18. Газета *The New York World*.
19. Газетная империя Уильяма Рэндольфа Хёрста.
20. Газета *The New York Journal*.
21. Методы создания сенсаций в американской прессе.
22. Нелли Блай — журналистка.
23. Движение «разгребателей грязи» и пресса.
24. Американская пресса на рубеже XIX–XX веков.

Рекомендуемая литература

- Андрунас Е. Ч.* Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. М., 1991.
- Гурвич И.* Американская печать: Периодическая печать на Западе // История печати. М., 2001. Т. 2.
- Живейнов Н. И.* Капиталистическая пресса США. М., 1956.
- Саламон Л.* Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.
- Глостанова М. В.* «Разгребатели грязи» // История литературы США / Под ред. проф. Я. Н. Засурского. М., 2009. Т. 5.
- Трыков В. П.* Зарубежная журналистика XIX века. М., 2004.

Первоисточники

- Нелли Блай (Элизабет Кокрен).* Вокруг света за 72 дня // История зарубежной журналистики 1800–1945: Хрестоматия. М., 2007.
- Стеффенс Дж. Л.* Висконсин: Возвращение представителя правительства // История зарубежной журналистики 1800–1945: Хрестоматия. М., 2007.

Дополнительная литература

- Балдицын П. В.* Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы. М., 2004.
- Денисова Т. Н.* Литература и публицистика аболиционизма // История литературы США / Под ред. проф. Я. Н. Засурского. М., 2000. Т. 3.
- Зверев А. М.* Маргарет Фуллер // История литературы США / Под ред. проф. Я. Н. Засурского. М., 1999. Т. 2.
- Малаковский А. К.* Очерки истории журналистики США второй половины XIX века. М., 1997.
- Марк Твен.* Сатирические рассказы о журналистике. Очерки. Публицистика // Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 10, 11.
- Якименко Н. Л.* Ораторы и проповедники // История литературы США / Под ред. проф. Я. Н. Засурского. М., 1999. Т. 2.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ СТРАН ЗАПАДА В 1914–1929 ГОДАХ

Журналистика эпохи Первой мировой войны (1914–1918). — Пропаганда в годы войны. — Западная журналистика и революция в России. — Пресса Коминтерна. — Публицисты Запада о Советской России (Джон Рид. Герберт Уэллс. «Россия во мгле»). — Становление и развитие радиовещания в Европе и Америке. — Зарождение публичных рилейшнз. — Новое в западной прессе 1920-х годов. — Эгон Эрвин Киш.

Журналистика эпохи Первой мировой войны (1914–1918)

До 1914 года западная журналистика развивалась в основном в русле традиций, сложившихся в последние десятилетия XIX века.

1 августа 1914 года началась Первая мировая война (1914 — 1918). Россия, Франция, Великобритания воевали против Германии, Австро-Венгрии. Позднее в войну втянулись и другие страны (например, Турция, Япония, затем, в 1915 году, Италия, в 1917 — США). В общей сложности в мировую войну было вовлечено 38 государств.

В прессе воевавших стран произошли значительные изменения. Многие читатели мужчины (всего 74 миллиона человек) были мобилизованы в армию. Из них за четыре года войны на фронте оказались 29 миллионов солдат и офицеров. Регулярная и своевременная доставка газет и журналов на передовую была проблематичной. Появились перебои с бумагой, выросли цены на сырье и типографские услуги. По этим и некоторым другим причинам тиражи большинства газет значительно сократились. Многие периодические издания и вовсе прекратили существование.

В то же время у большинства женщин — жительниц воевавших государств впервые появился регулярный интерес к качественной прессе. Читательницы стали интересоваться, в первую очередь, военными новостями, особенно из тех регионов, где воевали их родные и близкие.

Мировая война привела к появлению практически во всех сохранившихся крупных периодических изданиях должностей военных корреспондентов. В их число — впервые в истории войн — входили также художники, фотожурналисты и кинооператоры. Очень часто журналисты, собиравшие информацию о положении на фронте, работали сразу для нескольких периодических изданий.

В то же время в войсках появились фронтовые и армейские газеты. Их читали в перерывах между боями. Большинство таких изданий ставили своей целью поднять боевой дух солдат и офицеров.

В воевавших странах была введена предварительная цензура на военную информацию.

Пропаганда в годы войны

В годы войны впервые начала широко применяться пропаганда: на войска противника, на население противника, на собственные войска и на собственное население. Важным элементом пропаганды во всех странах была не только печать, но и кинематограф.

Впервые во всех воевавших странах появились и широко развили деятельность государственные учреждения, отвечавшие за пропаганду.

В Германии было учреждено **Бюро печати** при министерстве иностранных дел. При генеральном штабе работало **Управление печати**. В 1917 году начало работу **Бюро военной прессы**, в ведении которого находились цензура, внешняя и внутренняя пропаганда. На информационном пространстве Германии монополистом оставалось телеграфное агентство ВТБ (*Wolfsche Telegrafenburg* — Вольфше телеграфенбюро).

Во Франции при министерстве иностранных дел был создан отдел по изучению зарубежной прессы. При военном министерстве появилось бюро прессы, занимавшееся цензурой. В 1916 году приступила к работе Межминистерская комиссия по делам печати. В ее ведение входили такие, например, вопросы, как распределение бумаги между периодическими изданиями, контроль цен на печатную продукцию. В 1918 году Комиссия была преобразована в Национальную службу печати.

В Великобритании первым официальным органом пропаганды стало **Военное пропагандистское бюро** (*War Propaganda Bureau*) при парламенте. Военный министр Гораций Герберт Китченер (1850—1916) и первый лорд адмиралтейства **Уинстон Черчилль** (1874—1965) предложили создать для контроля над информацией Пресс-бюро. Оно стало подчиняться министерству внутренних дел.

Черчилль хорошо разбирался в вопросах военной пропаганды. В молодости он занимался военной журналистикой. В конце XIX — начале XX века работал военным корреспондентом и посылал в газеты *The Daily Graphic* («Дэйли грэфик» — «Ежедневная графика»), *The Daily Telegraph* («Дэйли телеграф» — «Ежедневный телеграф»), *The Morning Post* («Морнинг пост» — «Утренняя почта») заметки с Кубы, из Индии, Судана, Южной Африки, где шли войны с участием англичан.

В январе 1917 года был образован **Департамент пропаганды**. Он состоял из четырех отделов и занимался распространением официальной информации в прессу дружественных и нейтральных стран. В фев-

рале 1918 года в британском правительстве появилось министерство пропаганды. Его возглавил лорд **Уильям Максвелл Бивербрук** (1879—1964) — владелец газетного концерна «Бивербрук ньюспейперс Лимитед», издатель газеты *The Daily Express*. Один из отделов министерства — пропаганды во вражеских странах — возглавил газетный магнат **Альфред Хармсворс (лорд Нортклиф)**. Эффективность работы Нортклифа признавали даже непосредственные адресаты пропаганды — немцы и австрийцы.

В США, вступивших в войну 6 апреля 1917 года, по инициативе президента Вудро Вильсона (1856 — 1924) 14 апреля того же года был образован государственный орган регулирования пропаганды — **Комитет общественной информации** (*Committee on Public Information — CPI, Cu-nu-ai*). Им руководил известный американский журналист, бывший «разгребатель грязи» **Джордж Крил** (1876—1953).

«Главной и определяющей чертой деятельности Си-пи-ай, — пишет Е.А. Привалова, — стало комплексное воздействие на аудиторию путем использования печатных (газеты, в том числе и правительственные издания, брошюры, листовки и т.д.), наглядных (кинофильмы, фотографии, плакаты, карикатуры, значки, открытки, художественные выставки и т.д.) и устных (лекторы, “четырёхминутные ораторы”) средств массовой информации и пропаганды. Такого рода эксперимент проводили впервые в истории США»¹.

Си-пи-ай издавал ежедневную газету *The United States Official Bulletin* («Юнайтед Стейтс официал булетин» — «Официальный бюллетень Соединенных Штатов») тиражом 100 тысяч экземпляров, выпускал информационные бюллетени о ходе войны, посылал военную информацию в 16 тысяч газет и журналов, подготовил за короткий срок семьдесят пять тысяч пропагандистов. Крил создал также отдел пропаганды в американском экспедиционном корпусе в Европе. Эта структура занималась пропагандой среди войск противника.

Западная журналистика и революция в России

25 октября (7 ноября) 1917 года к власти в России пришла Российская коммунистическая партия (большевиков) во главе с **Владимиром Ильичом Ульяновым-Лениным (1870—1924)**. С этого момента и вплоть до последнего десятилетия XX века решающее влияние на развитие журналистики оказывало не развитие техники и технологий, как было в XIX столетии, а социально-политические факторы. XX век — эпоха невиданной доселе идеологизации журналистики во всем мире, когда

---

¹ Привалова Е. А. «Русский эксперимент»: Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917—1920 гг.). С. 26.

практически ни одно серьезное периодическое издание не могло быть полностью свободным от политики и идеологии.

Период с 1917 по 1923 год отмечен, прежде всего, появлением и активным развитием во всем мире **коммунистической прессы**. Эти газеты и журналы, как правило, являлись органами коммунистических партий. Коммунистическая пресса издавалась во многих странах и до 1917 года, но только теперь она стала всемирным явлением.

Рост коммунистической прессы был во многом вызван массовым ожиданием мировой революции, которую предрекали еще Маркс и Энгельс. Они утверждали, что, начавшись в одной стране, революция через несколько лет победит во всем мире. Такого же мнения придерживался и Ленин. Когда в 1919 году в некоторых европейских странах и землях на короткое время возникли советские республики: в Венгрии, Баварии, он повторял во многих выступлениях: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена! Грядет основание Международной Советской республики!»¹, «... недалек день, когда вся Европа соединится в единую Советскую республику, которая уничтожит господство капиталистов во всем мире!»².

Но к 1924 году даже самым убежденным сторонникам Всемирной советской республики стало ясно, что мировая революция в обозримом будущем не произойдет. Наступил период стабилизации капитализма, который продолжался до октября 1929 года — начала Великой депрессии, крупнейшего всемирного экономического и финансового кризиса.

Пресса Коминтерна

В начале марта **1919 года** в Москве был создан **III (Коммунистический) Интернационал (Коминтерн)**, который объединил коммунистические и рабочие партии всего мира³. Исполнительный комитет Коминтерна издавал с 1919 по 1943 год ежемесячный журнал *«Коммунистический Интернационал»*. Он выходил на русском, английском, французском, немецком, испанском и китайском языках, распространялся через коммунистические партии по всему миру и был, по сути, первым глобальным периодическим изданием.

На средства Коминтерна издавались газеты и журналы большинства коммунистических партий. Наиболее известными и тиражными

---

¹ Речь при закрытии I Конгресса Коминтерна 6 марта 1919 года.

² Речь на конференции красноармейцев Ходынских лагерей 15 июля 1919 года.

³ I Интернационал (Международное товарищество рабочих) был создан Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в 1864 году в Лондоне, распущен в 1876 году. II Интернационал основал в 1889 году в Париже Энгельс как международное объединение социалистических партий. В настоящее время известен как Социалистический Интернационал (Социнтерн).

газетами того времени были *Die Rote Fahne* в Германии, *L'Humanité* во Франции, *L'Unità* в Италии.

Газету *Die Rote Fahne* («Роте Фане» — «Красное знамя») основали руководители коммунистической партии революционеры и публицисты Германии Карл Либкнехт (1871—1919) и Роза Люксембург (1871—1919) в 1918 году. Она стала органом компартии Германии — одной из крупнейших в Европе. Созданная Жаком Жоресом в 1904 году в Париже социалистическая газета *L'Humanité* («Юманите» — «Человечество») перешла в 1920 году под знамена только что созданной Французской коммунистической партии. Чуть позже, в 1924 году, в Италии начала выходить газета *L'Unità* («Унита» — «Единство») — орган Итальянской компартии.

В некоторых странах, где коммунистические идеи пользовались особой популярностью (например, во Франции, в Германии), со временем сложилась система коммунистической печати.

С другой стороны, во многих странах коммунистические партии были малочисленными, а их пресса — малоизвестной и не пользовалась спросом. К таким изданиям относилась, например, американская марксистская газета *Daily Worker* («Дейли уоркер» — «Ежедневный рабочий»), основанная в 1924 году в Чикаго.

Публицисты Запада о Советской России

Революция 1917 года в России вызвала огромный интерес на Западе и, как следствие, мощную волну публицистики. Но информация о жизни и развитии Советской России очень редко была объективной, так как исходила либо от коммунистической прессы, воспринимавшей все происходящее в нашей стране только с положительной стороны, либо от антикоммунистических периодических изданий, не жалевших для изображения советской действительности черных красок.

Поскольку объективных сведений о нашей стране в западной прессе не доставало, многие писатели и журналисты стремились поехать в Россию и лично увидеть происходящие там события, чтобы потом объективно рассказать об этом читателям в своих странах. Очерки и репортажи о Советском государстве писали Герберт Уэллс, Теодор Драйзер, Бернард Шоу, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер, Уильям Сароян и многие другие выдающиеся писатели Запада.

Джон Рид

Одним из немногих иностранных журналистов, оказавшихся в Петрограде в октябре 1917 года, был американец **Джон Рид** (1887—1920). Он родился в состоятельной семье, учился в Гарвардском университете, а затем стал писать очерки в нью-йоркские журналы. В годы Первой миро-

вой войны Рид ездил по воюющим странам и написал книгу очерков «Война на Восточном фронте». Его антивоенные статьи публиковал в США только леворадикальный журнал *Masses* («Мэссиз» — «Массы»), который осенью 1917 года за антимилитаристскую пропаганду был закрыт.

В конце августа 1917 года Рид с женой, журналисткой Луизой Брайант (1890 — 1936), приехал в Петроград в качестве специального корреспондента журнала *Masses*. Он стал свидетелем большевистского переворота: присутствовал при захвате вооруженными солдатами Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября¹ 1917 года, был на II Всероссийском съезде Советов, слушал выступления Ленина и других деятелей революции. В первые месяцы советской власти Рид участвовал в работе Бюро революционной пропаганды при наркомате² иностранных дел. В начале 1918 года он уехал в Америку, активно участвовал в создании коммунистической партии США, неоднократно подвергался арестам и штрафам.

На основе увиденного в России Рид написал и в марте 1919 года издал документальную публицистическую книгу *«Десять дней, которые потрясли мир»* — взгляд иностранного журналиста, симпатизировавшего большевикам, на революционные события в России³. Вскоре книга была переведена на русский язык. Ленин писал в предисловии к ней: «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки».

Осенью 1919 года Рид снова приехал в Советскую Россию. Он работал в Коминтерне и собирал материалы для новой книги о русской революции, но умер от тифа, не дожив нескольких дней до тридцати трех лет. Рида похоронили в Москве на Красной площади.

Несмотря на восторженное предисловие Ленина, книга «Десять дней, которые потрясли мир», после 1924 года в течение тридцати с лишним лет в СССР была фактически запрещена. Дело в том, что в книге среди руководителей большевистского переворота не упоминалось имя Сталина и, наоборот, большое внимание уделялось революционерам, уже репрессированным к тому времени и объявленным «врагами народа».

Герберт Уэллс. «Россия во мгле»

Осенью 1920 года в Советскую Россию прибыл всемирно известный английский писатель-фантаст **Герберт Уэллс** (1866—1946). Он не был коммунистом, как Джон Рид, но с интересом и сочувствием относился к русской революции. В Москве, в Кремле, Уэллс имел долгую беседу

---

¹ По новому стилю — в ночь с 7 на 8 ноября.

² Наркомат — народный комиссариат, аналог министерства в Советской России и СССР в 1917—1946 годах.

³ Чуть раньше, в конце 1918 года, подобную книгу издала в США жена Рида Луиза Брайант — «Шесть месяцев в красной России».

с Лениным, которого назвал впоследствии «кремлевским мечтателем». Творческим итогом этой поездки стала публицистическая книга «Россия во мгле» — жесткий, критический, но, по большому счету, доброжелательный взгляд на революционные события.

Уэллс осознал весь трагизм положения России, сложившегося в результате мировой войны и революции. «Основное наше впечатление от положения в России — это картина колоссального непоправимого краха, — пишет он в «России во мгле». — Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию».

В то же время Уэллс понимал, что ни одна другая политическая сила, кроме большевиков, не способна была бы справиться с катастрофическим положением дел: «Среди этой необъятной разрухи руководство взяло на себя правительство, выдвинутое чрезвычайными обстоятельствами и опирающееся на дисциплинированную партию, насчитывающую примерно 150 000 сторонников, — партию коммунистов. Ценой многочисленных расстрелов оно подавило бандитизм, установило некоторый порядок и безопасность в измученных городах и ввело жесткую систему распределения продуктов. Я сразу же должен сказать, что это — единственное правительство, возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что ее сплачивает».

Становление и развитие радиовещания в Европе и Америке

К концу 1910-х годов журналистика перестала быть только прессой. У печати появился мощный конкурент — радио. Первые пробные радиостанции возникли в Европе и Америке еще до Первой мировой войны. Но регулярное радиовещание началось уже в послевоенное время.

В ноябре 1920 года экспериментальная радиостанция в американском городе Питтсбурге, штат Пенсильвания, провела первую радиопередачу. Она была посвящена итогам президентских выборов, победу на которых одержал Уоррен Гардинг (1865—1923). Так было положено начало регулярному радиовещанию в США.

В начале 1920-х годов уже многие страны мира стали проводить регулярные радиопередачи.

В 1922 году в Великобритании при участии Гульельмо Маркони была создана *British Broadcasting Company* (Британская радиовещательная компания, Би-Би-Си), имевшая статус общественной организации.

В декабре 1922 года Би-Би-Си начала ежедневное радиовещание в Лондоне, а с 1923 года — в Манчестере и Бирмингеме.

В США в 1926 году открылась частная Национальная вещательная компания *National Broadcasting Company* (Нэшинэл бродкастинг Компании, Эн-Би-Си), в 1927 году возникла *Columbia Broadcasting System* (Коламбия Бродкастинг систем — Колумбийская вещательная система, Си-Би-Эс).

Со временем появились музыкальные, развлекательные, спортивные радиопередачи, особую популярность приобрел жанр радионовостей. Были заложены основы радиорепортажа и радиointервью.

В 1920-е годы возникли две школы радиовещания: американская (частное радио) и европейская (общественно-правовое радио). В Советском Союзе (а впоследствии и в нацистской Германии) существовало государственное радиовещание.

Зарождение паблик рилейшнз

Первые практические исследования журналистики появились из-за необходимости повысить эффективность рекламы.

В середине 1920-х годов в США создавалась система исследований общественного мнения — *public relations* (паблик рилейшнз). Начало этому положили книги американских исследователей **Уолтера Липмана** (1889–1974) *The Public Opinion* («Общественное мнение») и **Эдварда Луиса Бернайса** (1891–1995) *Cristylising Public Opinion* («Кристаллизация общественного мнения»). Липман исследовал механизм воздействия журналистики на сознание через стереотип, сформулировал особенности формирования общественного мнения, манипулирования сознанием. Бернайс научил, какими способами можно воздействовать на общественное мнение.

Теория стереотипизации, которую разработал американский социолог **Пауль Феликс Лазарсфельд** (1901–1976), исследовала зависимость восприимчивости материала от степени доверия читателя к материалу.

Новое в западной прессе 1920-х годов

В 1919 году в США появился новый тип массовой прессы — таблоид: издание форматом А3 и фотографией на всю первую полосу. Это была газета *The New York Daily News* («Нью-Йорк дейли ньюс» — «Нью-Йоркские ежедневные новости»).

К середине 1920-х годов западная пресса впервые превысила практически все довоенные журналистские показатели. В Европе и Америке продолжался процесс концентрации и монополизации печати. В то

же время начавшаяся конкуренция между печатью и радио требовала от редакторов газет и журналов поиска новых путей и подходов к читательской аудитории.

В 1920-е годы в США были созданы новые типы журналов. Среди них выделялись экономические, элитарные издания (*Fortune* — «Форчун» — «Судьба»); еженедельные журналы новостей (*Time* — «Тайм» — «Время»); иллюстрированные еженедельники (*Life* — «Лайф» — «Жизнь»); дайджесты (*Reader's Digest* — «Ридерс дайджест» — «Читательский дайджест») и др.

Эгон Эрвин Киш

Из публицистов этой эпохи особенной известностью пользовался писатель и журналист **Эгон Эрвин Киш** (1885—1948). Он родился в Праге, входившей в состав Австро-Венгрии, в небогатой семье торговца сукном. Бросив технический институт, Киш отслужил в армии, после чего устроился репортером уголовной хроники (эта должность считалась унижительной) в пражскую германоязычную газету *Bohemia* («Богемия»). Здесь в полной мере начал раскрываться его журналистский талант.

В 1914 году Киш переехал в Берлин и стал работать в крупнейшей массовой газете *Berliner Tageblatt* («Берлинер тагенблат» — «Берлинский ежедневный листок»). Но вскоре началась Первая мировая война, и он был призван в армию. На фронте Киш глубоко проникся социалистическими идеями, а после демобилизации вступил в коммунистическую партию.

1920-е годы — период расцвета журналистского творчества Киша. Он много путешествовал по миру и оформлял свои впечатления в репортажи и очерки. Результатом этих поездок стали книги очерков «Неистовый репортер», «Гонка во времени», «Неистовый репортер в России: Цари. Попы. Большевики», «Путешествия по преступлениям», «Рискованные предприятия по всему свету». Именно тогда за Кишем навсегда закрепилось почтительное прозвище *Неистовый репортер*.

В 1923 году в Берлине Киш издал антологию «Классический журнализм», где изложил свое видение журналистики. В основе его концепции репортажа — точные факты и творческая фантазия. Совместить эти две, на первый взгляд, противоположные составляющие репортажа можно, по убеждению Киша, с помощью *метода логической фантазии*.

«Конечно, факт — это лишь компас репортера, — описывал Киш преимущества своего метода. — Отправляясь в путешествие, репортер нуждается в подзорной трубе — логической фантазии. Потому что с помощью исследования места события, рассказов участников и свидетелей события и высказываемых при этом предположений никогда нельзя получить целостную картину положения вещей. Репортер должен сам воссоздавать ход

события и переходы от причин к следствиям, следя лишь за тем, чтобы линия его поведения ни на волос не отклонялась от известных ему фактов»¹.

Вопросы для повторения

1. Первая мировая война и журналистика.
2. Развитие пропаганды на Западе в годы Первой мировой войны.
3. Революция в России 1917 года и развитие мировой журналистики.
4. Особенности развития западной журналистики в 1917–1923 годах.
5. Развитие коммунистической печати на Западе в первые послереволюционные годы.
6. Коммунистический Интернационал и журналистика.
7. Западные публицисты о революции в России.
8. Джон Рид — публицист и журналист.
9. Герберт Уэллс о Советской России.
10. Научные исследования в области журналистики.
11. Зарождение публической речей.
12. Становление и развитие радиовещания на Западе в 1918–1929 годах.
13. Журналистика Европы и Америки в 1923–1929 годах.
14. Эгон Эрвин Киш — публицист и журналист.

Рекомендуемая литература

Андрунас Е. Ч. Информационная элита: Корпорации и рынок новостей. М., 1991.

Аникеев В. Е. История французской прессы (1830–1945). М., 1999.

Беглов С. И. Четвертая власть: Британская модель. М., 2002.

Волковский Н. Л. История информационных войн. СПб., 2003. Т. 2.

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного бюллетеня. М., 1999.

Вороненкова Г. Ф., Чесанов А. А. Периодическая печать Германии. СПб., 2001.

Евсеева Л. П. Печать Коминтерна. М., 1974.

Живейнов Н. И. Капиталистическая пресса США. М., 1956.

Колесник С. Г. Возникновение и становление американского телевидения (экспериментальное телевидение в 20–30-х годах) // Вестник МГУ. 1975. № 6. Серия «Журналистика».

Любимов Б. И. Общественное вещание: Британская модель. М., 2006.

Любимов Б. И. Семьдесят лет британского вещания: Краткая история радиовещания и телевидения Великобритании. М., 1995.

Привалова Е. А. «Русский эксперимент»: Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917–1920 гг.). М., 2006.

Привалова Е. А. В союзе с белогвардейской прессой: Американское бюро печати в Советской России (1917–1920 гг.). М., 1990.

Ситников В. П. Техника и технология СМИ: Печать, телевидение, радиовещание. М., 2004.

---

¹ Цит. по: *Орлов Ю. Я.* Эгон Эрвин Киш // Киш Эгон Эрвин. Репортажи. М., 1964. С. 20–21.

Первоисточники

Киш Эгон Эрвин. Репортажи. М., 1964.

Киш Э. Э. Приключения на шести континентах. М., 1985.

Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. (Любое издание.)

Уэллс Г. Россия во мгле. (Любое издание.)

Дополнительная литература

Беглов С. И. Внешнеполитическая пропаганда: Очерк теории и практики. М., 1980.

Вороненкова Г. Ф. История и культура германоязычных стран Европы. М., 2008. Ч. I.

Драйзер Т. Статьи и выступления // Собр. соч.: В 12 т. М., 1955. Т. 12.

Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса. М., 1991.

Основные даты и события

- 17 января 1800 года** — Консульский указ Наполеона о газетах.
- 1807 год** — спуск на воду в США первого парохода, изобретенного Робертом Фултоном.
- 8 февраля и 17 сентября 1811 года** — указы Наполеона о закрытии газет.
- 1814 год** — Джон Стефенсон изобрел паровоз.
- 20 марта — 22 июня 1815 года** — Сто дней Наполеона.
- 26 июля 1830 года** — ордонансы Карла X против печати.
- 1832 год** — Павел Львович Шиллинг изобрел телеграф.
- 3 сентября 1833 года** — Бенджамин Генри Дей начал издавать газету *The New York Sun*.
- 1835 год** — Шарль Луи Гавас основал в Париже информационное агентство *Agence Havas*.
- 1 июля 1836 года** — Эмиль Жирарден начал издавать газету *La Presse*.
- 1838 год** — Фергюс Эдуард О'Коннор основал чартистскую газету *The Northern Star*.
- 1839 год** — Луи Жак Дагер изобрел принцип фотографирования.
- 1841 год** — цензурная инструкция прусского короля Фридриха-Вильгельма IV.
- 15 декабря 1841 — 31 марта 1843 года** — издание «Рейнской газеты» в Кельне.
- 1 июня 1848 — 19 мая 1849 года** — издание Марксом и Энгельсом «Новой Рейнской газеты».
- 1848 год** — Теодор Вольф основал в Берлине информационное агентство *WTV*.
- 1851 год** — Поль Джулиус Рейтер основал в Лондоне информационное агентство *Reuter's*.
- 1851 год** — Генри Раймонд начал издавать газету *The New York Times*.
- 1854 год** — возобновление издания французской газеты *Le Figaro*.
- 1859 год** — в США основано информационное агентство *Associated Press*.
- 1863 год** — Моиз Полидор Мийо начал издавать в Париже газету *Le Petit Journal*.
- 18 марта — 28 мая 1871 года** — Парижская Коммуна.
- 1874 год** — закон о печати в Германии.
- 1876 год** — Александр Грэхем Белл запатентовал телефон.
- 29 июля 1881 года** — Закон о свободе печати во Франции.
- 1881 год** — Джордж Ньюнес начал выпускать еженедельник *Titbits*.
- 1883 год** — Джозеф Пулитцер купил газету *The New York World*. Создание первого американского концерна прессы.
- 1888 год** — братья Альфред и Гарольд Хармсворсы начали создавать сеть периодических изданий для небогатых англичан.
- 1894–1906 годы** — дело Дрейфуса.
- 1895 год** — Уильям Рэндольф Хёрст купил газету *The New York Journal*.

- 7 мая 1895 года** — Александр Степанович Попов изобрел радио.
- 1895 год** — братья Луи Жан и Огюст Люмьеры изобрели кинематограф.
- 1904 год** — Жак Жорес основал газету *L'Humanité*.
- 1914–1918 годы** — Первая мировая война.
- 25 октября (7 ноября) 1917 года** — революция в России.
- 1919 год** — основание в Москве III (Коммунистического) Интернационала (Коминтерна).
- 1922 год** — создание в Лондоне Би-Би-Си.
- 1923 год** — зарождение в США системы *public relations*.
- 1926 год** — создание в США Эн-Би-Си.
- 1927 год** — создание в США Си-Би-Эс.

ХРЕСТОМАТИЯ

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ФРАНЦИИ XIX ВЕКА

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ (1769–1821)

ПИСЬМО НАПОЛЕОНА

Париж, 12 нивоза 13 год (2 января 1805)

Его Величеству Георгу III, королю Англии

Господин мой брат, призванный на трон Провидением и одобрением сената, народа и армии, мое первое чувство — это желание мира. Франция и Англия расходуют свое благополучие; они могут враждовать веками. Но не является ли правление самым священным из их обязанностей? И столько крови, пролитой зря и без какой-либо цели в будущем, не обличает ли их в их собственном сознании? Я не чувствую стыда, делая первый шаг; я достаточно, я думаю, доказал миру, что я не боюсь никакой возможной войны; однако другие страны мне и не предлагают ничего, чего я должен бы был страшиться.

Мир — стремление моего сердца; но война никогда не вредила моей славе. Я заклинаю Ваше Величество не отказываться от счастья дать мир людям; не нужно оставлять это приятное удовольствие детям, так как, в конце концов, не будет ни лучших условий, ни более благоприятного момента, чтобы заставить замолчать все страсти и слушать только чувство человечности и здравый смысл. Этот момент, однажды упущенный, какой срок определит войне, которую все мои усилия не смогли прекратить?

Ваше Величество больше выиграл за десять лет в территории и богатстве, чем протяженность Европы; нация достигла высшей точки процветания. Что она может надеяться получить от войны? Объединить в союз несколько держав континента? Континент останется спокойным;

коалиция только преумножит могущество и континентальное величие Франции. Возобновить внутренние беспорядки? Времена изменились. Разрушить наше финансовое состояние? Финансовое состояние, основанное на хорошем сельском хозяйстве, никогда не будет разрушено. Лишить Францию ее колоний? Колонии для Франции второстепенны; и Ваше Величество не обладает ли уже большим, чем он может сохранить?

Если Ваше Величество само хочет об этом подумать, оно увидит, что война — без цели и без какого-либо возможного результата. Эй! какая грустная перспектива заставлять людей сражаться только ради сражения! Мир достаточно велик, чтобы две наши нации могли в нем жить, и здравый смысл имеет достаточно силы, чтобы прийти к примирению, если одна и другая сторона проявит волю. Я все-таки уже исполнил святую и дорогую моему сердцу обязанность. Пусть Ваше Величество поверит в мои чувства, которые я высказал, и желанию предоставить доказательства, и т.д., и т.д.

На этом, я молю Бога, господин мой брат, чтобы вы были под его святой и достойной охраной.

Наполеон

Перевод Анастасии Горячевой

ЭМИЛЬ ДЕ ЖИРАРДЕН

(1806–1881)

ГАЗЕТА *LA PRESSE*

№ 1, 1 июля 1836 г., Париж.

Эта газета намеревается осуществить грандиозный план. Он заключается в объединении высоких слоев интеллигенции, рассеянных, по видимому, до сегодняшнего дня по отдаленным местам. Нужно будет соединить эти могущественные индивидуальности, чтобы они были способны к еще большим действиям. Разобщенные, они расходуют больше сил, чем должны были бы; иногда они используют их во вред, в другое время они обоюдно уравниваются. Нет ни одного из тех мужчин, восхитительно способных, поэтически упоительных, с горячим патриотизмом или пылкими убеждениями, который бы не внушил нам никаких движений сердца, развил задатки благородных чувств, обнаружил какие-нибудь из готовящихся законов порядка вещей, какие-нибудь новости о человеческом предназначении. <...>

Честь, нужно это сказать, честь тем, кто, возвращаясь от отдыха или не отдыхая, из-за благоприятного честолюбия или по вкусу, дисциплинировал социальную армию, навел порядок, хотя бы материально; была прекращена агитация на поверхности, в то время как вокруг кипели беспокойные голоса, неясные желания, бессвязные намерения и сожаления. Почва расчищена, и место готово для строительства. Топор конституционного права срубил все перед собой: социальное развитие может идти своим чередом, и движение может возобновиться.

Мы говорим поэзии, мы говорим ораторскому красноречию и пресе, всем тем, у кого есть силы и жизнь, у всех, у кого есть громкий голос, который услышат, и важные вещи, которые нужно сказать: пришло время говорить! <...> Громкий голос поэта хорошо гармонирует с криком боли, вырывающимся из душ. В порывах стремления к лучшему социальному миру другим было разрешено отдаляться на благородное расстояние от общества, которое можно реализовать. Если слова слишком дерзкие, ругательства слишком едкие были произнесены устами, приятными для слуха, мы все поместим их под защиту самых благородных намерений и самых священных верований. Но все эти голоса рассеян-

ные или в разногласии не сделают ничего: *La Presse* призывает их всех, всех без исключения и без злопамятности, за имя, которое не внушит опасений никому и которое дорого всем.

Может ли быть то, о чем мы думаем? Бывает ли, чтобы властители мысли сближались, ладили друг с другом и создавали союз? Почему бы и нет, если властители наций удачно это сделали? Общественный интерес народа не имеет ли общего здравого смысла, как ведущий интерес множества народов? Но, сжимая круг этого сравнения, соглашение великих умов более ли невозможно, чем соглашение менее значительных? Соглашение управляющих с управляемыми считается возможным, так как его воплотили в жизнь и в то время, как мы пишем, все еще воплощают: почему же нет согласия между интеллигенциями, так, как есть согласие между гражданином и соотечественником? Почему не организовать его, в то время как необходимость в нем так отчетливо дала себя почувствовать? Почему хотя бы не попробовать, при условии, что можно потом разделиться, если не получится добиться согласия?

Наша цель заключалась при создании этой газеты в том, чтобы многочисленные разногласия во мнениях придавали значение различным интересам, разнице в точках зрения; чтобы эти разногласия были скорее мнимыми, чем реальными; чтобы они существовали везде на поверхности и почти никогда в глубине. Внимательное рассмотрение и более серьезное изучение вскоре дали нам понять, что наиболее выдающиеся представители интеллигенций базируются на почти идентичных идеях. Углубляясь, мы обнаружили одинаковые слои, как мы покажем после, под зданием их слов и текстов.

Социально нет ничего, кроме основной мысли в умах. Проблема, которую нужно решить, все та же: *Наибольшее возможное благополучие для наибольшего возможного количества людей.* В этом сходятся все государственные деятели, все мыслители и все писатели. Потом эта идея разделяется на две ветви: те, кто считает, что человек не умирает, если умирает общество; те, кто рассматривает общество, как муравейник, в котором чем больше количество работы и чем справедливее ее распределение, тем возможнее достижение цели и ее осуществление.

<...> Все мнения, все законные интересы не могут ли быть представлены, приняты, совмещены в одной газете, как в одном государстве; в одной газете, как в одной родине? Нет, если вы не хотите видеть в прессе нескончаемую полемику, как в армии гладиаторов или как в суде, где спорщики наудачу то истцы, то защитники; как на трибуне, где каждый оратор говорит в соответствии с пристрастиями тех, кто сидит с ним на скамье, на которую он собирается возвращаться. Да, с другой стороны, если некоторое количество сильных и полных содержания людей, оставив старые ссоры, привнесет в общий очаг свою часть цивилизованных мыслей; если газета составит индивидуальность из всех

этих индивидуальностей и сделает идентичными, смешивая, различные дани природе; если она возьмет элементы свободы у одного, способ правления у другого; если раскроет секрет, как сделать общество более богатым и нравственным; если один будет нас учить, как управлять, как брать, не повреждая налоговую сеть, в то время как другой будет объяснять, как поднять благородными побуждениями натуры, заключенные в рутину вульгарных привычек. Представленная таким образом, газета реализует объединение обучения, полного обучения; это будет что-то вроде модели монархии, эксперименты управления, более совершенные и более продвинутые. Будут подниматься на трибуну не для того, чтобы противоречить, а чтобы высказаться в свою очередь.

Наша мысль не в реформировании прессы, это было бы бессмысленно, но в том, чтобы связать все живые светила, которые мерцают время от времени, чтобы осветить общим блеском это место остановки, в котором мы упорно живем шесть лет и которое, в конце концов, нужно покинуть для нормальной и прогрессивной жизни. Мы не намереваемся переделывать то, что сделала старая пресса, но хотим делать по-другому и другое.

Подобная попытка была возможна и прежде, но три года назад она казалась менее реальной. <...> Мало видных писателей, политиков-философов, людей из любой элиты в палатах парламента или вне их, в мире или в прессе, которые не смогли поладить и содействовать общему делу. Уже довольно долго они живут отдельно друг от друга или проявляют изобретательность в ведении сражений с группами врагов, набирая новобранцев за собственное имя. Пусть они раздвинут эту толпу, пусть пройдут сквозь нее или под ней, пусть наметят встречу, пусть их доктрины избавятся от неясностей, окружающих их. <...>

Наши усилия вскоре приведут к созданию газетой *La Presse* еще не большинства, но новой группы, ядра будущего большинства, более понимающего, более верующего, более сильного, чем то, которое сейчас трясется и наклоняется от первого ветра министерства. В том большинстве, о котором мы говорим, первые зародыши не будут принадлежать ни к *правым*, ни к *левым*, ни к *центристам*. Они не будут нигде целиком, а везде понемногу. <...>

Какая лучшая гарантия, чтобы установить новую правду в молодых поколениях, чем авторитет Виктора Гюго? Какая творческая идея не будет принята под покровительство Александра Дюма, этого пылающего воображения, этого духа неисчерпаемого вдохновения?

Чтобы войти в парламентский центр и сформулировать нашу профессию веры до конца, мы протестуем против любой фанатичности для порядочности, науки и таланта, где бы то ни было. <...>

Подробности о покушении 25 июня

Прежде чем отправиться в Нейли, король посетил галереи и залы Лувра. Он спустился в мастерские и дал указания о реконструкции дворца и смете расходов. Короля сопровождали главный комендант Лувра и граф де Шуазель. Пять минут спустя, при выезде из дворца, король подвергся огню нового Фьеши¹.

Преступник — Луи Алибо, двадцати шести лет от роду, уроженец Нима. Его родители, люди честные, но бедные, держали небольшую гостиницу в Перпиньяне и шли на любые жертвы, чтобы дать сыну образование. Некоторое время Алибо служил в пограничном полку, где он получил звание каптенармуса, но вскоре был разжалован по причине ранения, полученного на дуэли. После он испробовал множество профессий: комиссионер на шелкоткацкой фабрике, продавец вина, коммивояжер оружейного мастера Девима, которым он стал, чтобы иметь доступ к оружию.

Алибо — высокий брюнет с красивыми и выразительными чертами лица. У него живые темные глаза, орлиный нос, густая черная борода, обрамляющая бледное лицо. На момент задержания Алибо был одет следующим образом: темно-коричневый сюртук, наглухо застегнутый до подбородка, черный шелковый галстук, жилет из шелка с цветочным рисунком, драповые панталоны в черную и зеленую полоску, пара сапог. Внешне он выглядел очень опрятно.

Однако во время обыска в Консьержери, куда он был доставлен полком кирасиров, было замечено, что он не носил чулок, а невиданно грязная рубашка контрастировала с изысканными вещами. С собой у Алибо были только две глиняные трубки, платок из неподрубленного ситца, гребень для бороды и скромная сумма в 22 су, которую он получил днем от продажи книги.

На первом допросе Алибо сожалел о том, что его действия не достигли цели. Кроме того, он полагал, что ему помешал только случай, так как в момент выстрела он был достаточно хладнокровен, чтобы хорошо прицелиться. Он все время повторял: «Вы видите, я не взволнован, я не дрожу от страха». Его слова, продиктованные слепым фанатизмом, привели в ужас всех, кто их слышал.

В первые мгновения ареста на различные вопросы, которые были заданы ему гвардией, Алибо ответил следующее: «Нет, я не раскаиваюсь. Раскаиваются в плохих поступках, в хороших — никогда. Вы не можете меня понять, вы другие. Когда я голоден, я не прошу милостыню, я убиваю того, кто мешает мне заработать хлеб. Я сожалею лишь

---

¹ Жозеф Фьеши (1790–1836) — организатор неудавшегося покушения на жизнь короля Луи-Филиппа 28 июля 1835 г. — *Прим. перев.*

о том, что мне не удалось завершить начатое. Когда человек совершает то, что я сделал, он заранее приносит свою жизнь в жертву». Когда Алибо спросили, были ли у него сообщники, он ответил: «Шеф этого заговора — моя голова, а члены — мои руки».

Месье Девим обращался к нему одновременно с упреком и состраданием: «Несчастный! Могли ли вы в самом деле совершить подобное действие?». Алибо отвечал ему с ледяным спокойствием: «Оставьте это, месье Девим, вы замечательный человек, я вас очень уважаю. Как чувствует себя ваша жена?».

Вот точное описание оружия, которое использовал Алибо, сделанное экспертом: «Это не духовое ружье, это огнестрельное оружие, помещенное в обыкновенную трость. Курок спрятан в дерево и приводит-ся в действие нажатием пальца».

24 мая Алибо явился в отель, расположенный на улице де Марэ предместья Сен-Жермен, и попросил комнату в хорошем состоянии, но не очень дорогую. Владельцы отеля, которые обычно не сдают комнаты внаем, так как цены этих комнат высоки, предложили ему флигель, изолированный от отеля и находящийся в глубине двора. Обычно этот флигель занимала прислуга, но в тот момент он был свободен. Несмотря на небольшую освещенность, комната устроила Алибо, и он въехал в нее 25 мая.

В комнате, занимаемой Алибо, нашли пакет, содержащий унцию пороха, несколько патронов, четыре пули, соответствующие калибру его оружия, испанскую и две французские грамматики, второй том «Мучеников» Шатобриана, «Эссе об уме и нравах» неизвестного автора, напечатанное в Лондоне, и том произведений Сен-Жюста, выпущенный два года назад.

Жизнь Алибо казалась достаточно праведной. Обитатели отеля никогда не видели, чтобы кто-нибудь наносил ему визит.

В момент ареста у Алибо был найден кинжал дорогой работы, рукоятка которого была инкрустирована перламутром.

Алибо был передан в караульное помещение национальной гвардии, недалеко от проезда, где и было совершено преступление. На лбу Алибо обнаружили неглубокую рану, однако неизвестно, возникла ли она во время борьбы с солдатами, при которой он оцарапал себя кинжалом, либо от удара штыком, нанесенного одним из солдат. Позвали врача. Врач пощупал его пульс, в первую минуту он составлял 120 ударов, а во вторую — 112. У Алибо было сильное кровотечение из носа, на вопросы врача он ответил, что это неудивительно, если учесть, что уже более двух недель он не ел основательно. Кроме того, Алибо не менял белье в течение трех недель.

Когда Алибо поднимался в экипаж, чтобы отправиться в камеру, в которую ранее был помещен Фьеши, он обернулся и посмотрел еще

раз в ту сторону, где был задержан. Затем он пожал плечами и бросился в экипаж.

Президент Паскье упрекнул Алибо в преступлении и малодушии, на что тот ответил: «Господин президент, вы не правы, вы не в состоянии меня судить. Вы сыты, согреты, дорого одеты, вы живете в хорошем отеле, у вас хороший стол, хороший экипаж, и вы бы потеряли все это, если бы совершили то, что сделал я. Но что было терять мне? Я совершил подвиг во имя моей Родины, и я не позволю никому из тех, кто никогда не осмелится на то, на что осмелился я, обвинять меня в малодушии».

Следствие планировали провести как можно быстрее, вопросы следовали один за другим, но Алибо, по словам очевидцев, заявил: «Вот как! Суд хочет все успеть! Однако я поставлю свою подпись только тогда, когда все, что я сказал, будет запротоколировано, поскольку все должно быть опубликовано, и меня должно судить общество».

Затем он обратился к председателю палаты пэров: «Я готовился к встрече с вами в течение двух месяцев, так как я заранее предвидел, что окажусь в ваших руках, если не смогу убить себя после события. Проект самоубийства не был окончательно завершен в моем сознании, хотя я имел на это время. Я брал в расчет, что меня ждет казнь». На следующем допросе, вернувшись к этой теме, Алибо сказал, что он был вооружен кинжалом только для того, чтобы убить себя, если его осудят.

Проведя параллель между Фьеши и собой, он стремился показать, что в нем больше смелости, чем в его предшественнике. Алибо добавил: «Фьеши все подготовил для побега, я же все время оставался запертым в караульном помещении».

Когда Алибо завели в камеру в Консьержери, он увлекся чтением надписей на стенах, сделанных Фьеши во время тюремного заключения и оставленных там по причине их высокого морального смысла. Они позабавили Алибо: «Какой глупец этот человек! Мы оба действовали для последующего поколения, однако вы видите, что я вел себя иначе, чем он. Он пустой болтун, он стремился произвести больший эффект своими кривляньями и витиеватыми фразами».

Алибо утверждал, что у него не было сообщников, он не осмеливался доверить свой проект никому по причине эгоизма века. По словам Алибо, во Франции найдется, по меньшей мере, двадцать тысяч человек, таких же решительных, как он.

Алибо щедро сыпал фразами, вот некоторые из них: «Мое имя принадлежит первой букве алфавита, король должен бояться и всех остальных букв!»; «Какой бы ни была моя судьба, мое имя будет известно всей Европе, а моя самоотверженность будет вызывать уважение у всех патриотов!».

Новости

Министерские департаменты

Министерство народного просвещения

Аббат Мерсье прекратил выполнять функции декана факультета теологии в Париже. Как случилось, что он получил преимущественную долю две тысячи франков, выделенных для факультета? Мы подаем этот факт на рассмотрение в Счетную палату.

Часто случается так, что семьи, дети которых получают стипендию в коллеже, переезжают и требуют перевода этой стипендии в другой коллеж. Как правило, такая ситуация является обычной для семей чиновников, меняющих место жительства в связи со своей деятельностью. Университет позволяет эти переводы, существенно сокращая размер стипендий. К сожалению, подобные аномальные правила, стесняющие семьи, можно часто встретить в администрациях народного просвещения.

Известно, что в ассамблеях и советах несовершеннолетним не всегда легко было выразить свое мнение и добиться действий правительства. Мы с радостью узнаем, что совет народного просвещения постановил: отныне несовершеннолетние смогут высказывать свое мнение в процессе заседаний совета.

Внутренние новости

Париж

Сообщают о предстоящей свадьбе мадемуазель Жорж де Лафайет с месье де Бомонтом. Мадемуазель Жорж де Лафайет была смещена с должности доверенного лица короля из-за отказа взять слово в деле баронессы де Феше.

Академия второй раз присудила гран-при Монтион в десять тысяч франков месье де Токвилю, автору «Американской демократии». Золотая медаль будет вручена месье де Бомонту за его произведение «Мария, или Рабство негров».

В этот четверг начнется рассмотрение дела цареубийцы Алибо в палате пэров.

Рассматривается вопрос о переводе Учреждения сирот, расположенного на улице Фобур Сен-Антуан, в новое здание, которое построят с этой целью возле хосписа найденных детей. Здание на улице Фобур Сен-Антуан станет отныне домом для престарелых.

Университетский совет постановил, что конкурс на место муниципального учредителя может быть объявлен только с согласия муниципального совета.

Владельцы домов, расположенных на бульварах Монмартр и Пуансаньер, адресовали префекту Сены петицию с просьбой о том, чтобы, в соответствии с правилами дорожной службы, уборка мостовых, которая является обязанностью администрации, выполнялась после, а не до поливки. Они подчеркивают, что в противном случае пыль не смывается, а только перемещается, к большому неудовольствию хозяев лавок, квартиросъемщиков и прогуливающихся.

Смерть месье Ампера, наступившая при исполнении его служебных обязанностей генерального инспектора образования, повергла университет в замешательство. Все понимают, что функции инспектора требуют активности, молодости, здоровья, чего не наблюдается у большинства должностных лиц, наделенных этим званием. Члены профессорско-преподавательских корпораций вынуждены стареть в должности преподавателей.

Кроме того, месье Ампер был инспектором в научной сфере, и, в соответствии с административными правилами, нужно было бы найти в качестве его преемника математика, а они редки среди высших должностей. Таким образом, единственный инспектор Парижской Академии, который образован и достаточно активен, чтобы плодотворно исполнять должность генерального инспектора, — это месье де Монферран, принятый в Академию совсем недавно. Инспекторы образования, которые состоят на службе много лет, неодобрительно смотрят на то, что начальник намеревается назначить на должность генерального инспектора наименее опытного члена академического совета. Есть основания полагать, что для того, чтобы избавить себя от жалоб, университет остановит свой выбор на ректорах Академии, среди которых насчитывается много выдающихся ученых.

На факультете теологии произошла неприятность: в течение года он оставался без декана, а сейчас их целых два. Одного выбрал университет, но отвергает архиепископ Парижа, другой же поддержан месье де Келеном, несмотря на решение министерства, которое смещает его с должности.

Кроме того, многие кафедры лишены профессоров, а когда есть профессор, есть и слушатели, которые в них нуждаются. Наконец, духовные лица, стремящиеся к докторству, часто испытывают затруднения, добиваясь того, чтобы факультет собрался на заседание, и с трудом находят председателя диссертационного совета. Новая причина разногласий возникла внезапно. В качестве консельера, обязанностью которого является надзор над обучением духовных лиц, месье Кузан требует, чтобы диссертации были предварительно одобрены. Мы узнаем, что кюре, который представил свою кандидатуру на докторскую степень, нару-

шил это требование. Он откровенно заявил факультету теологии, что никогда не подчинится месье Кузану.

Позавчера было совершено самоубийство. На столе в квартире самоубийцы нашли письмо следующего содержания: «Я убиваю себя, так как мой друг Алибо промахнулся». Источник, от которого мы получили эту информацию, не оставляет никакого сомнения в правдивости фактов.

Департаменты

Черты гражданской смелости

Сен-Омер, 25 июня.

В прошлый вторник в 6 часов утра девочка десяти лет, которая несла в город молоко, не заметила по причине слабого зрения, что разводной мост через Лизель не был закрыт, и упала в канал. Господин Бенуа Мюллер, привратник, несмотря на дородность, солидный возраст (63 года), и опасность, которой он себя подвергал, бросился в реку и вытащил бедное дитя. После он провел все необходимые спасательные действия. Мы рады упомянуть в первом номере *La Presse* о таком смелом поступке.

Заграничные новости

Новости Англии

Лондон, 28 июня.

Консоли на открытие $92 \frac{1}{8}$, на закрытие $92 \frac{1}{8}$.

Сити, полдень. Результат вчерашнего голосования в палате лордов установил этим утром котировку консолей $92 \frac{1}{8}$, но на закрытие они остались без изменений. Фонды испанских активов, на открытие $42 \frac{1}{8} \frac{5}{8}$, понизились до 42, пассив $12 \frac{3}{4}$, изменился на $19 \frac{3}{4}$.

Сити, 2 часа дня. Начиная с открытия, фонды испанских активов не прекращают проявлять тенденцию к снижению. $41 \frac{1}{2} \frac{3}{4}$, пассив $12 \frac{5}{8}$, изменился $19 \frac{1}{4}$.

Значительное большинство палаты лордов отклонило поправки палаты общин в билле о реформе муниципальных корпораций. Это не оказало никакого эффекта на консолидации. Новость о покушении на короля из Парижа тоже никак не повлияла на них.

Sun.

Сегодня в Сити беседовали только об удивительном упорстве лордов, многие желали видеть окончание этой наследственной легислатуры, которая в течение нескольких лет проявила так мало мудрости. Предлагались различные варианты возможного хода событий, по которому последует министерство, и среди версий были такие, которые не ис-

ключали возможность роспуска. Снижению котировок консолей препятствует убеждение, что, несмотря на сопротивление, лорды будут вынуждены, в конце концов, подчиниться общественной воле. Операции на бирже были очень ограничены.

На заседании палаты лордов 28 июня лорд Элленборо взял на себя обязанность изложить палате общин мотивы, которые помешали дворянским лордам установить противоположные поправки в билле о реформе муниципальных корпораций Ирландии. Позднее лорд Элленборо заявил, что не сможет завершить эту работу и представить ее на конференции до следующего вторника.

Граф Розберри заявил, что пэры, составляющие часть меньшинства, предложили подписать протест с изложением опорных мотивов против решения, касающегося билля о реформе муниципальных корпораций, принятого вчера в палате дворянства. Дворянство испрашивало, чтобы промежуток времени, предоставленный уставом на составление подобного рода прошений, был увеличен на день. Их просьба была удовлетворена.

Вечером по Сити разнесся слух о том, что министр намерен отбыть в связи с голосованием палаты лордов по поводу билля о реформе муниципальных корпораций. Говорят, что во второй половине дня в его кабинете состоялся совет, который продлился достаточно долго. По окончании этого совета лорд Мельбурн отправился в Виндзор, чтобы предложить свою отставку королю. До этого часа ничто не подтверждало слухов, но потом они стали общеизвестны и теперь ходят по палате общин.

Вчера у дверей палаты лордов организовалось огромное скопление людей. Всего лишь некоторым удалось проникнуть внутрь. Пришлось охранять проходы с помощью солдат и полиции. У проходов заметили толпу из палаты общин. Все были встревожены.

Sun

Герцог Чарльз де Брансвик прибыл в прошлое воскресенье в Лондон из Парижа.

Globe

Австрия

Вена, 21 июня.

Король Неаполя должен прибыть в нашу столицу. Он остановится в императорском дворце.

Князь Меттерних ожидается завтра из Венгрии.

Посол России при австрийском дворе отбыл в Карловы Вары, он будет присутствовать на церемонии коронации в Праге, а затем проведет зиму в Санкт-Петербурге. Во время его отсутствия князь Горчаков, советник посла, будет исполнять функции поверенного в делах. Он исключительно хорошо знает свое дело и заслуживает всеобщего уважения.

Возможно, произойдут изменения в посольском корпусе, о чем читатели будут незамедлительно оповещены.

Из Италии пишут, что в Милане 22 июня ожидают приезда французских князей, в городе идут приготовления. Князья пробудут в городе пять или шесть дней, а 28 июня они отправятся в Турин.

Согласно письмам, приходящим с Мальты, редактор *Le Moniteur ottoman*¹ месье Блак, который покинул нас недавно, чтобы совершить путешествие во Францию, был вынужден остановиться на этом острове по причине болезни.

Новости Америки

Официальные новости из Техаса.

Пароход *Levant* принес нам важные новости из Техаса.

Военная кампания.

Фланговая дивизия под моим командованием.

Проиграв вчерашнее сражение, я принял решение сдаться в плен, однако мной были приняты все надлежащие меры предосторожности. Я приказал V.E. сделать так, чтобы дивизия под командованием генерала Паеза вернулась в Бехар и ждала там последующих указаний; V.E. также развернулся и отправил дивизию генерала Вюска в Гваделупу. Я согласился на временное перемирие с генералом Хьюстоном до тех пор, пока мы не сможем признать состояние мира окончательно. V.E. примет необходимые меры для обеспечения армии, которая останется под вашим командованием, припасами и всем необходимым. Двадцать тысяч долларов казны будут взяты в Бехаре. Я надеюсь, что V.E. примет командование и известит меня по возвращении этого же гонца. Кроме того, он сообщит о помехах, которые могут воспрепятствовать исполнению моих приказов.

Подпись: *Антонио Лопес де Санта-Анна*².

Globe

---

¹ Газета «Османский инструктор». — *Прим. перев.*

² Антонио Лопес де Санта-Анна (1794—1876), мексиканский военачальник, государственный и политический деятель, генерал. Занимал пост президента Мексики на протяжении 22 лет. Во время его правления Мексика оказалась вовлечена в войну за независимость Техаса, части тогдашней Мексики.

Генерал Барреган распространил тревогу и смуту в столице Мексики, где царит абсолютная монархия. Дом шведского консула был сожжен, а сам консул убит. Либеральная партия занята подстрекательством к революционным действиям, она не прекращает открыто бунтовать против существующего порядка вещей.

Globe

Новости Испании

Поведение генерала Кордовы, предательски покинувшего свою армию и выставившего войска под командованием генерала Эванса в наступление против всех карлистских сил, привело к губительным результатам. Недостаток внимания испанского правительства к британскому легиону повлек за собой возвращение генерала Эванса в Англию вместе с солдатами.

Испанские власти противятся отправке подкрепления, которое обещано легиону. Легион очень нуждается в подкреплении после потерь, которые он претерпел. Обещали подкрепление из 1000 человек, но набор был прекращен. Всего 130 человек погрузились на борт *Royal-Tar*.

Мы считаем, что испанским властям и самим не составило бы труда совершить набор в 1000 человек. Генерал Эванс прав, так как он отправляет повторный запрос королеве великого креста ордена Святого Фердинанда.

Courier

Пруссия

Берлин, 21 июня.

Король должен отправиться в Теплитц позже, чем обычно. Карл X, который находится там сейчас, не должен возвращаться в Прагу, он останется в Теплитце до тех пор, пока его новая резиденция не будет готова. Уверяют, что король заявил, будто не хочет в этом году посещать рейнские провинции.

Принц и другие члены королевской семьи будут принимать участие в больших военных маневрах.

Более 50 знаменитых персон, помимо принцев, приняли приглашение от короля Луи-Филиппа отправиться на август в Париж. Среди приглашенных — ученые и артисты, которые были представлены французским принцам и приняты ими с любезностью.

Юридические дебаты

Трибунал

Королевский суд Парижа

Стенографическая запись публичных слушаний.

Между профессорами права и медицины, с одной стороны, и лицами, стенографирующими общественные слушания, с другой, разгорелся спор. Имеют ли последние право публиковать в газетах свои записи для студентов, которые не присутствовали на заседании? Долго и красноречиво судившиеся в первых инстанциях и в академических судах, месье Берье и месье Дюпен от лица месье Эбара и месье Шэ д'эст Анжа со стороны профессоров завершили сегодня свои дебаты в королевском суде.

Суд огласил следующее решение:

«Публикуя заседания судов вопреки и без согласия истцов, месье Эбар совершал контрафакцию, описанную и пресекаемую законами от 19 июля, статьей 41 постановления от 3 февраля 1810 и распоряжениями из статей 425 и 427 Уголовного Кодекса.

Принимая в расчет мотивы первых судей, суд подтвердил решение, приговорившее месье Эбара к 100 франкам штрафа с публикацией решения в пятидесяти экземплярах.

Так окончательно решился вопрос, который в такой высокой степени интересовал прессу и образование. Месье Эбар заявил, что он подаст жалобу, поскольку контрафакции, по его словам, не было.

Афиша на 1 июля

Опера — два последних акта «Осады Коринфа»; «Хромой бес».

Театр Франсэ — «Тартюф»; «Моя жена и мое место».

Театр водевиля — «Демон»; «Лазарь».

Театр варьете — «Комедиант салона»; «Бальтазар».

Палэ руаяль — «Синяя птица»; «Вольтер на отдыхе».

Жимназ — «Старшина».

Порт-Сен-Мартен — «Башмачник».

Цирк, национальный театр — «Морской дьявол».

Фоли драматик (Folies Dramatiques) — «Железный ошейник», сказка; «Теодора».

Цирк, Елисейские Поля — выступление лошадей под музыкальное сопровождение

Главный редактор и ответственный управляющий — *Эмиль Жирарден*.

Типография Бетюда и Плона, улица Вожирар д. 36.

Перевод Вероники Кондрашиной и Анастасии Горячевой

МОИЗ ПОЛИДОР МИЙО

(1813–1871)

LE PETIT JOURNAL

Supplément illustré,
8 декабря 1895 г.

Заметки

Единственная новость в последнее время тревожила умы наших соотечественников. Государство объявило через *Journal officiel* глубоко опечаленной стране плачевный итог завоевания Мадагаскара: 3500 убитых. Тем не менее нашу дорогую армию эта кампания в высшей степени прославила. Можно даже сказать: такой славы не добились еще ни одна французская экспедиция в подобных битвах. Возможно, в будущем эта слава станет нам выгодной! Будем надеяться. Но какой ценой она нам досталась! Если я осмелюсь перейти на прозаический язык цифр, то потери сводятся примерно к 60% прибыли лучшего рынка...

Смерть Александра Дюма-отца, Мэтра мэтров современного театра, стала всенародной утратой. Благодаря его духу, твердому характеру и уникальной проницательности, тонкой, как иголка, французская сцена больше четверти века оставалась лучшей в драматическом искусстве всего мира. Будут ли еще ему подобные? Бог знает.

«Без приданого» — так называется интересный очерк, опубликованный нашими товарищами в начале этого года. Речь в нем идет о чудесной барышне, женитьбе, моде, кухне, но не о приданом! Недавно Александр Дюма-сын выразил свое мнение о вопросах, затронутых в произведении: «Мужчины, — сказал знаменитый писатель, — далеко не так глупы, как женщины, которые так считают. И те из них, которые будут названы завидными женихами, не будут искать себе жен на светских раутах, где девушки готовы связать свою судьбу с первым встречным».

Госпожа директор воспитательного учреждения ордена Почетного легиона Сен-Дени недавно посетила Россию в сопровождении генерала Феврие и господина Аното, министра иностранных дел. По приглашению русской вдовствующей императрицы она посетила главные учебные заведения Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, а именно: 22 института благородных девиц, пансионы, сиротские дома и

гимназии. Гимназиями в России называются институты, в точности отвечающие требованиям учебной программы и поведения, принятым в женских лицеях Франции.

Во всех этих учебных заведениях, щедро субсидируемых, девушки изучают английский, немецкий и французский языки. Последний преимущественно преподают учителя из Швейцарии и Бельгии.

В учебных заведениях Франции стали небрежнее относиться к выработке хорошей дикции и правильного произношения. Подобное отношение к речи, замеченное в том числе и в Париже, способствует развитию местных акцентов и прочих речевых недостатков. К сожалению, во французских лицеях и гимназиях этому вопросу уделяют меньше внимания, чем в зарубежных учебных заведениях.

Разочарование в феях

Жили-были двое прекрасных детей, которых звали Дафнис и Хлоя. За день до своей свадьбы они отправились в лес и потерялись в нем, не заметив наступления темноты. Вдруг из чащи навстречу к ним вышли Великан, Волк, Ослиная шкура, Синяя Борода и другие. Великан обратился к испуганным детям:

— Не бойтесь, мы не сделаем вам ничего плохого. Мы пришли, чтобы научить вас. Ваши головы забиты глупостями мечтателей и оптимистов. Вас убеждали, что добрые феи всегда защищают несправедливо обиженных и наказывают злодеев. Так вот, дети мои, это все ерунда. Послушайте, что расскажут вам мои друзья.

Первым поднялся Лютеед. Оказывается, у него никогда не было сесимильных сапог. Детей бедняга никогда не ел, напротив, он, не требуя платы, заботился о сиротах и заблудившихся странниках. А негодяй Мальчик-с-пальчик одурачил простофилю Лютееда и устроил вместе со своей семьей пирушку в его пещере. Разнес все в пух и прах, а наутро сбежал, распустив потом о Лютееде гнусные сплетни.

Следующим говорил Волк. Он рассказал, что в один прекрасный день безмятежно прогуливался по лесу. Вдруг путь ему преградила Красная Шапочка. Она сказала, что в 500 метрах отсюда живет ее бабушка. Злобная старуха постоянно унижала ее, уверяла Красная Шапочка. Так ей удалось убедить Волка задушить старую ведьму. А в то время, как Волк расправлялся со старушкой, подросла Красная Шапочка с жандармом, и Волка арестовали. А злодейка унаследовала имущество своей бабушки и вскоре вышла замуж за парикмахера.

Затем Спящая Красавица стала рассказывать, что провела в заколдованном замке сто лет в ожидании прекрасного принца. Но после того, как тот явился к ней и разбудил поцелуем, увы, он перестал обращать внимание на девушку. А вскоре и вовсе сбежал к другой.

Настала очередь Золушки. Долгое время она была жертвой своих злых сестер, которые издевались над ней, как только могли. Потом она влюбилась в сапожника, который вскоре начал избивать бедняжку. В итоге Золушка стала отдавать все свое время домашнему хозяйству и перестала мечтать о принце, которого так ждала. Между прочим, никакие крестные, феи или нет, не защищали девушку.

Как только Золушка закончила свой рассказ, Синяя Борода вскричал: — Никто еще не был так оклеветан, как я!

У него было семь жен. Шесть первых сбежали с певцами-тенорами, а последняя — с контральто. Больше того! Анна, седьмая жена, ограбила замок Синей Бороды, а потом, чтобы ее не уличили в коварстве, выпустила слухи, что ее муж убил предыдущих жен из-за их чрезмерного любопытства.

— Юноши, — сказал Синяя Борода, — не доверяйте своим возлюбленным! Если бы я убил своих, то не был бы сейчас ни обокраден, ни опозорен.

Затем Дафнис и Хлоя выслушали историю девочки с жемчужиной, которую волшебница наградила даром за ее красоту и доброту: при каждом слове у девочки изо рта падала жемчужина. А ее злая сестра была обречена той же феей выплевывать только жаб и гадюк. Из зависти она распустила слух, что ее сестра крадет жемчуг. В итоге бедняжке пришлось покинуть страну, чтобы сестра не смогла ее найти.

После рассказов Кота в сапогах, сорока разбойников, жестоко обманутых Али-Бабой, и других Людоед подвел итог:

— Мои дорогие, не полагайтесь на фей, живите, как другие, крадите, клевете и вы будете счастливы.

На следующее утро Дафнис и Хлоя нашли дорогу домой, забыли о женитьбе и зажили счастливо.

Последняя мечта

(Роман с продолжением)

По дороге домой, куда направлялась Марта после встречи с Полем, она шептала каждому камню о своей любви к нему. Но от счастья, переполнявшего ее, девушка не задумывалась, что в мире нет ничего постоянного и любовь порой граничит с горем.

Мать Поля, мадам Берардье, получив небольшую сумму денег, решила обеспечить благополучное будущее своему сыну и отправить его к господину Лепуану. Но юноша был против этого. Узнав об этом, обеспокоилась Жанна, очевидно, тоже влюбленная в Поля, отвергавшего все знаки внимания Жанны. Она нанесла визит Марте, принимавшей у себя мадам Монталь, у которой когда-то жил Поль. Женщина была очень рада увидеть Жанну, заменившую ей дочь. Тут гостя рассказала, что Поль не хочет уезжать.

— Как! — вскрикнула Марта. — У него была возможность уехать, а он отказался!

— Категорически, — подтвердила Жанна.

Марта решила, что Поль остается дома, чтобы как можно чаще видеться с ней. Девушка уже представляла себя и Поля перед алтарем, дающих друг другу клятвы верности, как ей сообщили, что Поля нужно женить на Жоржете: этот брак будет очень выгодным.

Продолжение в следующем выпуске...

Объявления

Качественные выкройки и красивые модели одежды — вот что делает ваш вид более нарядным. Все это вы можете найти в *Le Mode de jour*, цветной газете с бесплатными выкройками. Стоимость — 10 сантимов.

Лучший подарок дамам и барышням — это компактная швейная машинка № 6. Продается в комплекте с дополнительными принадлежностями и обучающей брошюрой с иллюстрациями. Гарантия качества — 3 года. Специальная цена — 49 франков, настоящая — 65 франков.

Собрание сочинений Гюстава Эмара. Цена — 3 франка.

Полное собрание сочинений Виктора Гюго. 3000 гравюр и 10 000 страниц. Кредит на два года при ежемесячных выплатах 6 франков в месяц. Специальная цена — 135 франков, настоящая — 185 франков.

Подарок к новому 1896 году

Подписка на популярное издание *L'univers merveilleux*. Стоимость — 500 франков. Возможен кредит на два года при ежемесячных выплатах в 6 франков. В стоимость входит также подписка на *Journal de voyages*.

Абсолютно бесплатно первый выпуск большой иллюстрированной энциклопедии гигиены и медицины в домашних условиях «Лекарства доброй женщины». Стоимость второго выпуска — 5 сантимов.

Отказ по завещанию

Действие происходит в похоронной комнате. У пустой кровати дымятся две свечи.

Мадам: «Бедный Жорж!.. Я все еще потрясена... Только подумать, его больше нет с нами, а ведь мы учились вместе! Папа звал нас своими сыновьями, а мама — дочерьми. Бедный папа! Бедная мама!»

Месье: «Я очень любил Вашего брата: слегка легкомысленный юноша, но с золотым сердцем, чистой душой!»

Мадам: «Он тоже нас любил. Посмотрите, все завещал своей племяннице. Бедная девочка! Она даже не успела толком узнать своего дядю! Надо будет одеть ее в траур».

Месье: «Большая потеря! Насколько мне известно, в последние минуты своей жизни он не был одинок: Жорж провел их с другом, с господином Рене».

Мадам: «Где же этот храбрый юноша? Я хочу еще раз его поблагодарить».

Месье: «Он пожелал остаться на кладбище, пока гроб не опустят в землю».

Мадам: «Четыре дня и ночи он провел у изголовья нашего бедного Жоржа! Кстати, Вам известно, что последней волей моего брата было пожелание оставить что-нибудь на память о нем господину Рене? Что же мы можем ему подарить? Кажется, он беден, но денег дарить ему не стоит. Тогда, может быть, двуколку Жоржа? Мне она все равно не пригодится».

Месье: «Так вот почему Вы хотите наградить ею столь преданного друга Вашего покойного брата?»

Мадам: «Вы меня не поняли. Я хочу сказать, что такой подарок очень подойдет этому юноше. Но если Вы со мной не согласны, может, следует подарить ему лошадь?»

Месье: «Вы полагаете, что у Рене есть конюшня? Что подумал бы сейчас Жорж, если бы услышал нас?!»

Мадам: «Бедный Жорж!»

Месье: «Знаете, Вам лучше продать эту злополучную двуколку кузнецу Эдгару: однажды он дал мне понять, что не прочь купить ее».

Мадам: «Вы правы. Так что насчет лошади?»

Месье: «Да оставьте ее в покое. Он же не кавалерист, этот Рене!»

Мадам: «Возможно, он занимается конным спортом».

Месье: «И что? По-моему, он вполне способен пристрелить бедное животное или, в конце концов, продать его кому-нибудь. Нет, нужно подарить ему нечто, взглянув на которое он сказал бы: “Ах! Бедный такой-то оставил мне эту славную вещь!”»

Мадам: «Я с Вами согласна. Эта лошадь нисколько ему не подходит! Кстати, господин Рене охотник. Жорж даже говорил мне, что он перво-классный стрелок. Мы подарим ему ружье!»

Месье: «Но это ружье — подарок Вашего отца, моего друга. Вы подумали об этом? Это не просто оружие! Это семейная ценность! Я уверен, что Жорж хотел, чтобы мы выбрали что-то более подходящее!»

Мадам: «Боже мой! Что я делаю? Предсмертное желание священно! Но нам надо торопиться: Рене скоро вернется с похорон».

Месье: «Эврика!»

Мадам: «Я Вас прошу, не говорите по-латыни».

Месье: «Это греческий».

Мадам: «Безразлично».

Месье: «Это значит, я нашел!»

Мадам: «Что именно?»

Месье: «Подарим Рене часы Жоржа, те, которые остановились! Это ни замаскированная плата за услуги, ни милостыня. Прекрасная идея!»

Мадам: «Часы, которые мама подарила Жоржу на его первое причастие!»

Месье: «Вы мне этого не говорили... Тогда, может быть, собаку Жоржа?»

Мадам: «Она не любит господина Рене».

Месье: «Охотничий нож?»

Мадам: «Не подходит».

Месье: «Нужно торопиться. Отдайте ему этот зажим для галстука с жемчужинами».

Мадам: «Нет, жемчуг похож на слезы».

Месье: «А эти бриллиантовые пуговицы?»

Мадам: «Идет. Правда, я хотела сделать из них себе серьги. К тому же я слышала, что бриллианты особенно выгодно смотрятся на блондинках в черном. Но я готова исполнять предсмертную волю брата! Подарим бриллианты. Только я хотела бы узнать, как и когда господин Рене будет их носить?»

Месье: «Он довольно небрежен в одежде и выглядит потрепанным. Наверное, из-за бедности».

Мадам: «Мы ломаем голову над подарком уже несколько часов, хотя он у нас перед глазами. Одежда Жоржа — вот, что мы подарим господину Рене. Она ему очень пойдет!»

Месье: «Но я уже обещал отдать гардероб Жоржа нашему садовнику Жану».

Мадам: «И то меховое пальто?»

Месье: «Обещал его кучеру».

Мадам: «Раз все самое ценное Вы уже раздали, придумайте что-нибудь получше!»

Месье: «Но Вы не согласились ни с одним из моих предложений».

Мадам: «Потому что все Ваши идеи нелепы!»

Месье: «Успокойтесь, мой друг. Не будем ссориться, мы все же на похоронах».

Мадам: «Хорошо».

Месье: «Можно предложить Рене портрет Жоржа! Между нами говоря, он дурацкий».

Мадам: «Но я хотела сохранить эту картину для семейной коллекции. А господин Рене наверняка повесит ее на своей ужасной мансарде... Ну уж нет! Увольте».

Месье: «В таком случае нам нечего ему предложить. Кстати, не подумайте, что я не доверяю господину Рене, но откуда он к нам приехал и чем зарабатывает себе на жизнь?»

Мадам: «Он приехал сюда совершенно бесцеремонно».

Месье: «Жорж ведь его пригласил».

Мадам: «Без сомнений, но у Жоржа, по крайней мере, была семья, которая о нем заботилась».

Месье: «Бедный Жорж совершил большую ошибку, ведь Рене вел такую беспорядочную жизнь, ему не хватало средств...»

Мадам: «Возможно, он хотел добиться расположения Жоржа, благодаря приданому нашей Антуанетты».

Месье: «Негодяй! Если верить всему, что Вы сейчас сказали, то я его... А Вы уверены, что деньги, оставленные Вам покойным по завещанию, все еще в верхнем ящике секретера? Ведь у Рене есть ключи от всех замков в доме».

Мадам: «Проверила: все на месте».

Месье: «Значит, он не осмелился».

Мадам: «Кажется, его ловили на краже дорогих безделушек и произведений искусства».

Месье: «Так, сейчас он на кладбище... Значит, мы еще успеем вызвать комиссара полиции, чтобы он обыскал карету Рене. Вдруг он уже успел что-то украсть?»

Мадам: «Нет, мы должны почтить память бедного Жоржа и не устраивать скандала на его похоронах».

Месье: «Вы правы. Разберемся с ним позже. Пусть знает, как иметь с нами дело».

Прима «Приложения»

Огромный успех иллюстрированного альбома, выпущенного нами в прошлом году, подтолкнул нас к публикации еще одного, даже более интересного. В качестве новогоднего подарка читателям *Le Petit journal, Supplément illustré, Journal illustré* мы предлагаем альбом «Танцы наших отцов».

Старинные танцы до сих пор не выходят из моды, поэтому именно им будет посвящен этот альбом. Мы обратились за помощью к мадам Фонта из Оперы, которая в простой и доступной ясной форме изложила основные правила танцев. Так, мы объединили точные рисунки танцевальных фигур и музыку Кампра, Дестуша, Монтеклера, Гретри и других известных композиторов.

Высшая школа военных искусств

Девятнадцатый выпуск (1893–95)

Наши читатели, без сомнений, интересующиеся военными делами, с удовольствием увидят портреты офицеров девятнадцатого выпуска Высшей школы военных искусств. Возможно, на этом снимке вы увидите будущего главнокомандующего, которому сейчас двадцать пять лет...

Императрица, кормящая новорожденную великую княжну Ольгу

Крестные великой княжны

Необычайно торжественно было отпраздновано в Царском Селе крещение великой княжны Ольги, первого ребенка императора России Николая II.

Крестными новорожденной стали вдовствующая императрица России, королева Англии, королева Греции и вдовствующая императрица Германии. Их портреты представлены нашим читателям на первой странице.

Но лучшее, что мы можем сохранить в нашей памяти, а главное — предложить нашим читателям, это нежное зрелище матери, кормящей своего ребенка. Самая могущественная женщина в мире подала пример остальным женщинам на земле; она исполнила свой долг без притворства и вела себя как истинная мать.

Да благословят небеса императора, императрицу и их дочь!

Перевод Анны Сабовой

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

(1840–1902)

ПИСЬМО ФРАНЦИИ¹

Написанное ниже вышло отдельной брошюрой, поступившей в продажу 6 января 1898 года.

Это была вторая брошюра задуманной мною серии, которая по моим расчетам должна была получиться весьма внушительной. Я был чрезвычайно рад, что нашел такой способ издания своих очерков, который избавлял меня от стеснительных обязательств, не ограничивая в то же время моей свободы и ответственности. Кроме того, не будучи теперь связан малыми размерами газетной статьи, я мог развернуться шире. События назревали, и я ждал их, полный решимости высказать всю правду и бороться до конца, пока не восторжествует истина и не свершится правосудие.

В страшные дни нравственного смятения, которые мы переживаем сейчас, в дни, когда общество словно охвачено безумием, к тебе взываю я, Франция, к тебе взываю, народ мой, к тебе взываю, отчизна!

Каждое утро я читаю в газетах то, что ты, надо полагать, думаешь о злополучном деле Дрейфуса, и с каждым днем все возрастает мое изумление, все более негодует мой разум. Как! Ты, Франция, дошла до того, что поверила вопиющей лжи, ополчилась вкупе со сворой злоумышленников на горстку честных людей, бьешь в набат из-за вздорного навета, будто нанесли оскорбление французской армии и плетут заговор, чтобы продать тебя недругу? И это в то время, как мудрейшие и вернейшие твои сыны желают лишь, чтобы в глазах Европы, пристально следящей за нами, ты осталась страной чести, страной человечности, страной истины и справедливости!

Да, это так, — все сказанное относится к громадной части населения страны, и в особенности к мелким служащим и бедноте, городскому люду, к почти всем жителям провинциальных городов и деревень, которые составляют подавляющее большинство тех, кто слепо верит га-

---

¹ В 1901 году Эмиль Золя издал книгу «Истина шествует». В нее были помещены четырнадцать статей по делу Дрейфуса, которые ранее были опубликованы в парижской прессе. Процесс над Альфредом Дрейфусом начался 19 декабря 1894 года, а первую статью на эту тему Золя опубликовал в газете «Фигаро» 25 ноября 1897 года.

Печатается по: Золя Э. Собр. соч.: В 26 т. / Пер. с фр. О. Пичугина. М., 1967. Т. 26.

зетам и соседям и не имеет возможности ни проверить сведения, ни составить себе о них собственное мнение. Так что же произошло, как случилось, Франция, что народ твой, народ благоразумный и добросердечный, мог дойти от страха до такого ожесточения, до такой исступленной нетерпимости? Ему говорят, что на ужасные страдания обрекли, быть может, невинного человека, что существуют вещественные доказательства и доводы нравственного порядка, настоятельно требующие пересмотра дела, но твой народ яростно отмахивается от правды, идет на поводу у сектантов и убийц, на поводу у людей, которые предпочли бы спрятать концы в воду, — народ, который еще вчера вновь сокрушил бы Бастилию, чтобы освободить заточенного в ней узника!

Жестокая печаль и тревога гложет сердце тех, кто любит тебя, Франция, кто желает твоего достоинства и величия! С чувством отчаяния я взираю на помутившееся, бурлящее море народа твоего и пытаюсь понять, откуда налетел черный вихрь, грозящий погубить твою славу. Смертельная опасность нависла над тобой, ее грозные признаки я вижу в происходящем ныне и не усташу сказать все, что думаю, ибо единственной страстью моей жизни была истина, и здесь я делаю лишь то, что всегда почитал своим долгом.

Задумывалась ли ты над тем, что опасность заключается именно в неведении общества, от которого упорно скрывают правду? Добрая сотня газет твердит изо дня в день, что общественность не желает, чтобы Дрейфус оказался невинным, что виновность его необходима для спасения родины. Подумала ли ты о том, сколь тяжкая вина ляжет на тебя, если люди, стоящие у власти, воспользуются этим словесным вывертом, чтобы задушить правду? И в этом была бы повинна Франция, Франция толкнула бы нас на преступление, за которое пришлось бы расплачиваться дорогой ценой! Вот почему те из твоих сынов, которые любят и чтят тебя, видят свой единственный, свой священный долг в том, чтобы, не жалея сил, воздействовать на общественное мнение, открыть народу глаза на истинное положение вещей, убедить его не совершать гибельного шага, на который толкают его слепые страсти. Нет миссии более ответственной, более возвышенной.

Да, со всей силой убеждения, на какую только способен, я обращаюсь к бедным и обездоленным, к тем, кого отравляют ядом лжи и подстрекают на безрассудство. Единственное мое желание — крикнуть им, где подлинная душа родины, в чем ее непобедимая сила и где обретет она свое истинное торжество.

Посмотрим же, что произошло за последнее время. Недавно принят новый шаг: решено предать майора Эстерхази военному суду. Как я сказал еще в первый день, истина шествует и ничто не в силах остановить ее. Несмотря на сопротивление злонамеренных, каждый

новый шаг вперед неотвратимо последует в свой час. И если преградить истине путь, если запереть ее в подземелье, она набирает во мраке такую неодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, и тогда на воздух летит все. Попробуйте в течение еще нескольких месяцев хоронить ее под горами лжи или держать под замком закрытого процесса, и вы убедитесь, что уготовили себе тягчайшее поражение.

Но по мере того, как истина шествует, все обильнее расточается ложь, чтобы убедить нас, будто все осталось по-прежнему. И это весьма примечательно. В свое время, когда генерал де Пелье, которому было поручено произвести предварительное расследование, написал заключение, где указывал на возможную виновность майора Эстерхази, продажные газеты сочинили небылицу, будто генерал Сосье, уверенный в невиновности Эстерхази, колебался и согласился передать дело в военный суд, лишь уступая настойчивым просьбам самого Эстерхази. Теперь газеты выдумали кое-что похлестче: поскольку три эксперта вновь установили, что бордеро¹, безусловно, написано рукой Дрейфуса, то майор Равари, произведя дознание, пришел к выводу о необходимости прекращения дела и что-де если Эстерхази и предстанет перед судом военного трибунала, то лишь потому, что сам настаивал на судебном разбирательстве и что генерал Сосье опять-таки вынужден был уступить.

Подобные рассказы поистине — верх глупости, и могут вызвать только смех! Что вы скажете об обвиняемом, который руководит ходом дела и отдает распоряжения об аресте? Можете ли вы вообразить, чтобы ради человека, признанного невиновным в итоге двух расследований, собирали, не пожалев времени и труда, военный трибунал единственно для того, чтобы устроить балаганное представление, нечто вроде заключительной сцены торжества правосудия? Все это выглядит настоящим издевательством над правосудием, особенно если учесть, что кое-кто выражает уверенность в том, что будет непременно вынесен оправдательный приговор. Правосудие создано не для того, чтобы судить невиновных, и, уж во всяком случае, решение суда не выносится за кулисами, еще до начала слушания дела. Поскольку майор Эстерхази предается военному суду, будем надеяться, что речь идет не о фарсе, не о пышном представлении, устроенном на потеху зевакам. Моя бедная Франция, как видно, тебя считают совсем уж глупенькой, если рассказывают тебе такой несусветный вздор!

Чистейший вымысел также и те сведения, которые распространяются грязной прессой и которые должны были бы положить конец твоему ослеплению. Что же касается меня, то я решительно отказываюсь верить

---

¹ *Бордеро* — опись секретных военных документов с предложением передать их германскому командованию. Эта опись, разорванная на клочки, была найдена в резиденции немецкого военного атташе в Париже. Ее авторство приписывали Дрейфусу.

басне о трех экспертах, которые якобы не установили с первого взгляда тождества почерка майора Эстерхази и почерка, которым написано бордеро. Да остановите на улице любого ребенка, приведите его к себе, положите перед ним обе улики, и он вам скажет: «Оба листка написаны одним дядей». Тут всякий разберется и без экспертов, сходство в начертании некоторых слов бросается в глаза. От этого никуда не денешься; майор, конечно, не мог не признать разительного сходства и для объяснения он того заявил, что были якобы сняты кальки с его писем, сочинил хитроумно запутанную и, к слову сказать, удивительно наивную историю, которую газеты перепевали на все лады в течение долгих недель. И в довершение всего ссылаются на мнение пресловутых трех экспертов, которые опять-таки установили, что бордеро написано рукой Дрейфуса. Ну нет, это уж слишком, подобная самоуверенность становится просто подозрительной, и я надеюсь, что порядочные люди возмутятся!

Более того, некоторые газеты пишут, что бордеро не будет признано вещественным доказательством и что о нем даже не будет речи на суде. Спрашивается, о чем же тогда будет речь, да и зачем в таком случае вообще устраивать суд? Ведь в этом вся суть: если Дрейфус был осужден на основании письменного документа, составленного другим лицом и достаточного для осуждения этого лица, необходимость неумолимо требует пересмотра дела, ибо немыслимо осуждение двух человек по обвинению в совершении одного и того же преступления. Мэтр Деманж официально подтвердил, что в его распоряжение было предоставлено одно лишь бордеро и что Дрейфуса осудили по закону только на основании упомянутого бордеро; но даже если где-то хранятся утаенные вещественные доказательства, что явилось бы вопиющим нарушением законности и во что лично я не верю, кто посмел бы противиться пересмотру дела, если бы было доказано, что бордеро — единственная известная и признанная улика — составлено рукой другого лица? Вот потому-то и стараются утопить в море лжи вопрос о документе, в котором заключается все существо дела.

Итак, отметим прежде всего следующее: общественное мнение в значительной мере основывается на ложных сведениях, на невероятных и глупейших выдумках, каждое утро распространяемых газетами. Пробьет час возмездия, и тогда придется сполна рассчитаться с грязной прессой, позорящей нас перед всем миром. Для иных газет такое занятие не внове, грязь всегда сочилась с их страниц. Но, как это ни удивительно и ни прискорбно, среди них оказался литературный вестник «Эко де Пари», столь часто выступавший глашатаем передовой мысли и играющий ныне в деле Дрейфуса столь неблагоприятную роль! Статьи, полные недопустимых оскорблений и возмутительной предвзятости, помещаются этой газетой без подписи. Говорят, что вдохновители их — те самые господа, которые совершили роковую глупость, настояв на осуждении Дрейфуса. Догадывается ли господин Валантен Симон, что по-

добные статьи бесчестят выпускаемую им газету? Есть и еще одна газета, чья позиция должна вызвать негодование всех порядочных людей. Я имею в виду «Пти журнал». Нет ничего удивительного в том, что блудливые газетенки, выходящие в количестве нескольких тысяч экземпляров, вопят и лгут для того, чтобы взвинтить свой тираж, — да и вреда от них особого нет. Но когда «Пти журнал», чей тираж превышает миллион экземпляров, который обращается к бедному люду и проникает всюду и везде, способствует распространению ошибки и сбивает с толку общественное мнение, это чревато крайне опасными последствиями. Когда на вас возложена такая ответственность за людские души, когда вам выпало стать духовным пастырем целого народа, необходима шепетильная порядочность всегда и во всем, если вы не хотите совершить гражданского преступления. И вот первые плоды объявшего тебя безумия, которые ты пожинаешь, Франция: лживая писанина газет, варево из смехотворных небылиц, низменных оскорблений и нравственной грязи, которым они потчуют тебя каждое утро. Как же можешь ты желать истины и справедливости, когда подвергаются неслыханному поруганию овеянные славой добродетели твоего народа, ясность твоего ума и здравость твоего рассудка?

Но в лихую годину, которую ты переживаешь ныне, есть и другие, гораздо более тревожные явления, целый ряд опасных признаков, — они-то и послужили жестоким уроком для тех, кто умеет видеть и извлекать выводы. И дело Дрейфуса хоть и печальный, но частный случай. Страшное откровение явилось нам в том, как ты повела себя в сложившейся обстановке. Человек выглядит вполне здоровым, и вдруг на коже его появляется сыпь: это значит, что в нем поселилась смерть. Час пришел, и вышли наружу все твои политические и общественные недуги, оставив след на твоём лице.

Отчего ты позволила вопить и, наконец, принялась вопить сама, будто оскорбили твою армию, в то время как пламенные патриоты желают лишь уберечь твою честь и достоинство? Ведь сегодня армия — это ты сама: не какой-нибудь военачальник, не офицерство, не иерархия высших чинов, но все твои сыны, готовые постоять за французскую землю. Загляни-ка в свою совесть: неужели ты и впрямь собиралась защищать свое воинство, когда никто и не думал нападать на него? Уж не обуюло ли тебя благоговение перед офицерским палашом? Лично я усматриваю в шумной овации, устроенной якобы оскорбленным военачальникам, возрождение — по всей видимости, бессознательное — буланжизма, от которого ты так и не сумела избавиться. В сущности, в твоих жилах все еще течет не республиканская кровь, твое сердце бьется сильнее, едва ты завидишь султана на офицерском кивере, и стоит явиться королю, как ты уже боготворишь его. Полно, разве тебя волнует армия? Ты хочешь, чтобы ложе с тобой делил генерал. До Дрейфуса ли здесь! И когда

депутаты палаты восторженно приветствовали генерала Бийо, я увидел на стене тень палаша. Франция, если ты не поостережешься, тебе грозит диктатура.

И знаешь, что еще тебя ожидает? Объятия церкви. Ты воскрешаешь прошлое с его нетерпимостью и засильем духовенства, против которых сражались самые славные твои сыны и одержали ценою крови и великого напряжения духовных сил окончательную, как им казалось, победу. Нынешняя тактика антисемитов несложна. Тщетно католическая церковь пыталась подчинить народ своему влиянию, создавала рабочие кружки, устраивала бесчисленные паломничества — ей не удалось вернуть себе прежнюю власть над французами, вновь обратить их в лоно церкви. Судьба католичества была предрешена: храмы пустовали, народ утратил веру. Но вот благоприятное стечение обстоятельств помогло заразить народ бешенством антисемитизма: отравленный ядом изуверства, направляемый злой волей, он мечется по улицам с воплем: «Долой евреев! Смерть евреям!» Вот будет победа, если удастся разжечь религиозную войну! Конечно, народ сейчас не верит, но разве не начало воскрешения веры уже сам возврат к средневековой нетерпимости, костры на городских площадях, где будут сжигаться евреи? Наконец-то, найдена отравка; и после того, как народ Франции превратят в свору фанатиков и мучителей, вырвут из его сердца великодушие и уважение к правам человека, завоеванные столь дорогой ценой, Бог, несомненно, довершит начатое.

Кое-кто смеет оспаривать существование клерикальной реакции. Но она проникла всюду, она свирепствует в политике, в искусстве, в печати, на улицах! Ныне устраивают травлю евреев, завтра придет черед протестантов, и наступление уже повелось. Республику наводняют реакционеры всех мастей, они вспыхнули к ней внезапной и страшной любовью, они сжимают ее в своих объятиях, чтобы задушить. Отовсюду раздаются голоса, что из затеи свободы ничего не вышло. И вот когда возникло дело Дрейфуса, все усиливающаяся ненависть к свободе вспыхнула, словно порох от брошенной спички, страсти разгорелись и охватили даже людей, далеких от понимания происходящего. Неужели вы не видите, что на г-на Шерера-Кестнера обрушились с такой яростью именно потому, что он принадлежит поколению, которое верило в свободу, которое сражалось за нее? Теперь некоторые господа пожимают плечами, насмешливо ухмыляются: старикашки, дескать, старомодные чудаки. Поражение старшего поколения нанесло бы смертельный удар делу основателей Республики, делу тех, кто лежит уже в земле, кого пытались утопить в потоках грязи. Эти люди отвергли военщину, отреклись от церкви, — потому и попал ныне в злодеи г-н Шерер-Кестнер, человек необыкновенной, редкостной порядочности. Ну что ж, дайте ему испить до дна чашу унижений и позора, если хотите обесчестить и

погубить Республику! В то же время дело Дрейфуса раскрыло грязную парламентскую кухню, — постыдное разоблачение, которое может стать роковым для французского парламентаризма. К несчастью, дело возникло незадолго до того, как должен обновиться состав палаты депутатов, когда осталось всего три-четыре месяца для того, чтобы хорошенько наладить и смазать избирательную машину. Нынешний кабинет министров, естественно, стремится провести выборы, а депутаты полны не менее горячего желания добиться своего переизбрания. Вот почему все готовы пойти на крайности, лишь бы не расстаться со своими портфелями, лишь бы не повредить себе на выборах. Они цепляются за свои места крепче, нежели терпящий бедствие за спасительный обломок корабля. Вот где зарыта собака! Теперь понятна крайне странная позиция, занятая кабинетом в деле Дрейфуса, его молчание и явная растерянность, преступное попустительство разнузданной клеветы, в то время как прямым его долгом и обязанностью является установление истины; понятно и трусливое бездействие депутатов, которые делают вид, будто ничего не знают, и которыми владеет лишь одно чувство — боязнь провалиться на выборах, оттолкнув от себя народ, который, как они полагают, охвачен антисемитскими настроениями. «Ну, если бы сейчас состоялись выборы, можете быть уверены, что правительство и парламент покончили бы с делом Дрейфуса в двадцать четыре часа!» — подобные высказывания слышишь на каждом шагу. Вот что сделала с великим народом постыдная парламентская возня! Значит, твое мнение, Франция, определяется также потребностью в военной диктатуре и церковном мракобесии, отбрасывающей тебя на много веков назад, определяется неутолимым честолюбием тех, кто правит тобою, кто сосет твою кровь и не намерен прервать свое пиршество.

Заклинаю тебя, Франция, вспомни былую славу, опамятуйся, очнись!

Только антисемитизм повинен в двух губительных авантюрах, в которые нас втянули: в Панамском скандале и деле Дрейфуса. Вспомните подлые доносы, гнусные сплетни, разглашение поддельных либо выкраденных документов — приемы, с помощью которых грязная пресса превратила Панамскую аферу в страшную язву, разъедавшую страну и лишавшую ее разума на протяжении многих лет. Она довела общественность до иступления: опоенный отравой, поощряемый в самых низменных инстинктах, потерявший голову от слепой ярости, народ требовал расправы, казни для всех членов парламента поголовно. Как мы ждали тогда, что приедет Артон и все объяснит! Артон приехал, сказал свое слово, и от клеветнических измышлений грязной прессы не осталось камня на камне; такой крутой поворот ошеломил всех настолько, что общественность бросилась в другую крайность, отказываясь подозревать кого бы то ни было, потребовав оправдания для всех без разбо-

ра. Я, конечно, не думаю, что все были так уж безгрешны: не миновало и нашего парламента то, что случается со всеми парламентами мира, когда затевается крупное дело, где счет идет на миллионы. Но правда открылась общественности, когда ее уже мутило от всех гнусностей, — слишком много грязи было вылито на людей, слишком много гадости вытащили на свет Божий, — всем страстно хотелось глотнуть свежего воздуха и поверить во всеобщую невинность.

Так вот, я предсказываю, что именно этим кончится дело Дрейфуса, второе общественное злодеяние антисемитизма. Снова грязная пресса слишком усердно накачивает общественное мнение ложью и мерзостью. Слишком уж ей хочется превратить порядочных людей в подлецов, а подлецов в порядочных людей. Слишком уж она усердствует в распространении нелепых выдумок, которым перестают в конце концов верить даже малые дети. Слишком часто уличают ее в обмане, слишком откровенно поступает она вопреки здравому смыслу и простой порядочности. И в одно прекрасное утро, охваченная внезапным отворачиванием, по горло сытая грязью, общественность взбунтуется. Тогда вы увидите, как видели уже во времена Панамского скандала, какой нажим она окажет! Она не пожелает больше слышать об изменниках и потребует истины и правосудия, повинувшись внезапному порыву царственного великодушия. Так свершится суд, так будет приговорен антисемитизм за его черные дела, за две смертельно опасные авантюры, нанесшие ущерб достоинству и духовному здоровью страны.

Вот почему я заклинаю тебя, Франция: опомнись, одумайся, медлить более нельзя. Не нам открыть тебе истину, — дело законным порядком передано на рассмотрение суда, и будем надеяться, что правосудие полно решимости установить ее. Судьи одни имеют право голоса, и наше вмешательство потребуется лишь в том случае, если они не скажут всей правды. Но неужели ты не догадываешься, в чем заключается эта правда? А ведь она так проста: сначала допустили ошибку, а потом попытались скрыть ее с помощью лжи. Факты были столь красноречивы, а каждая следующая ступень разбирательства выдавала лжецов с головой: тут и совершенно непонятное заступничество за Эстерхази, и обращение с полковником Пикаром как с преступником, и град оскорблений, обрушившийся на его голову, и словоблудие министров, и оголтелая ложь официозных газет, и невыносимая медлительность предварительного расследования, которое велось словно бы вслепую. Тебе не кажется, что от всего этого дурно пахнет, пахнет трупным разложением и что нашим господам, видно, и в самом деле есть что скрывать, раз они открыто позволяют себя защищать всякому парижскому отребью, после того как честные люди, пренебрегши своим покоем, потребовали, чтобы французам сказали правду?

Пробудись, Франция, вспомни о своей славе. Как случилось, что твоя либеральная буржуазия, твой свободный народ не видят в этом

диком разгуле пропасть, куда их толкают? Я не верю, что они сообщники преступников, их просто обманули, — ведь они даже не представляют себе, что их ждет, а ждет их, с одной стороны, военная диктатура, а с другой — мракобесие церковников. Неужели к этому ты стремишься, Франция, неужели ты хочешь поставить под угрозу все то, за что заплатила столь дорогой ценой: веротерпимость, равенство всех пред лицом закона, братское единение всех граждан? Если только возникнут сомнения в виновности Дрейфуса и ты ничего не сделаешь, чтобы избавить его от мучений, слава, которой ты удостоилась, завоевав для своих сыновей правосудие и свободу, померкнет навсегда. Нет, не верю, что мы, ничтожная горстка людей, одни будем говорить об этом, не может быть, чтобы к нам не присоединились все, в ком жива честь, все вольные духом, все щедрые сердцем — все, кто основал Республику и кто не может оставаться спокойным, видя ее в опасности!

К ним я и взываю, Франция. Пусть они сплотятся! Пусть пишут и говорят! Пусть вместе с нами ведут широкую разъяснительную работу среди бедных и обездоленных, среди тех, кого отравили ядом клеветы и толкают на безумие! Душа отчизны, ее могущество и торжество ее в справедливости и великодушии.

Боюсь одного: может случиться, что скажут не всю правду и не сразу. Тайное расследование и суд при закрытых дверях, который за ним последует, отнюдь не означают, что с этим делом покончено. Напротив, тогда только оно и начнется по-настоящему: ведь нам придется высказаться, ибо молчание было бы равносильно соучастию. Какое безумие думать, что можно что-то утаить от истории! Все будет занесено в летопись времени, и за каждый проступок, каким бы мелким он ни казался, придется держать ответ.

Но все завершится твоим окончательным торжеством, Франция, ибо верую твердо, ибо знаю, что тщетны посягательства на твой разум и духовную крепость, ибо ты есть само будущее, и всегда при пробуждении тебя будет ждать светлый праздник истины и справедливости!

Я ОБВИНЯЮ

Письмо господину Феликсу Фору, Президенту Республики¹

Нижеследующие строки были помещены в газете «Орор» 13 января 1898 года.

---

¹ В 1901 году Эмиль Золя издал книгу «Истина шествует». В нее были помещены четырнадцать статей по делу Дрейфуса, которые ранее были опубликованы в парижской прессе. Процесс над Альфредом Дрейфусом начался 19 декабря 1894 года, а первую статью на эту тему Золя опубликовал в газете «Фигаро» 25 ноября 1897 года.

Печатается по: Золя Э. Собр. соч.: В 26 т. / Пер. с фр. О. Пичугина. М., 1967. Т. 26.

Читатель не знает, что настоящее письмо, как и два предшествующих, вышло первоначально отдельной брошюрой. Однако, когда оттиск уже готовили пустить в продажу, я решил, дабы написанное мною получило более широко огласку и произвело более разительное впечатление, поместить эти строки в газету. К тому времени, проявив достойные восхищения дух независимости и мужество, редакция «Орор» сделала выбор, и я, вполне естественно, обратился к ней. С той поры сия газета стала моим верным сторонником, глашатаем свободы и истины, — ее страницы были предоставлены в полное мое распоряжение, за что я питаю к директору «Орор», г-ну Эрнесту Вогану, чувство горячей признательности. После распродажи трехсот тысяч экземпляров газеты и воследовавшим за нею судебным иском брошюры с текстом письма так и остались лежать на складе. Но после совершения задуманного мною шага я почел за благо хранить молчание, ожидая начала судебного разбирательства моего дела и следствий, кои, как я надеялся, оно должно было повлечь за собой.

Господин Президент, позвольте мне в благодарность за любезный прием, однажды оказанный мне Вами, и в сбережение доброй славы, которою Вы заслуженно пользуетесь, сказать Вам, что Вашу звезду, столь счастливую доселе, грозит омрачить позорнейшая, несмыслимая скверна. Низкие клеветники тщетно пытались повредить Вам, Вы покорили все сердца. В достославные дни великого всенародного торжества, заключения франко-русского союза, Вы явились, озаренный сиянием славы, и ныне готовитесь возглавить и привести к успешному завершению устроенную у нас Всемирную выставку, которая торжественно увенчает наш век труда, истины и свободы. Но вот Ваше имя — чуть не сказал «правление» — омрачило позорное пятно — постыдное дело Дрейфуса! На днях военный суд, понуждаемый приказом, дерзнул оправдать пресловутого Эстерхази, нагло поправ истину и правосудие. Этого нельзя перечеркнуть — отныне на лице Франции горит след позорной пощечины, и в книгу времени будет записано, что сие мерзейшее общественное преступление свершилось в годы Вашего правления. Но раз посмели они, смею и я. Я скажу правду, ибо обещал сказать ее, ежели правосудие, на рассмотрение коего дело было передано в соответствии с существующим законодательством, не установило бы ее полностью и без изъяна. Мой долг требует, чтобы я высказался, молчание было бы равносильно соучастию, и бессонными ночами меня преследовал бы призрак невинного, искупающего ценою невыразимых страданий преступление, которого не совершил. К Вам, господин Президент, обращаю я слова истины, объятый негодованием, которое переполняет всех честных людей. Ваша порядочность не вызывает во мне сомнений, ибо, по моему убеждению, Вы не знаете правды. Да и пред кем еще изобличить мне злокозненную свору истинных преступников, как не пред Вами, верховным судьей страны?

Скажу прежде всего правду о судебном разбирательстве и осуждении Дрейфуса.

Следствие было затеяно и направлялось подполковником Дюпати де Кламом, в то время простым майором. С начала и до конца дело Дрейфуса связано с сей зловещей личностью, и все в нем станет окончательно ясно лишь тогда, когда беспристрастным дознанием будут определены деяния сего господина и мера его ответственности. В голове этого человека, сдается мне, царил величайшая путаница и бестолковщина, — весь во власти романтических бредней, он тешился избитыми приемами бульварных книжонок: тут и выкраденные бумаги, и анонимные письма, и свидания в безлюдных местах, и таинственные дамы, приносящие под покровом ночи вещественные доказательства. Это ему взбрело в голову продиктовать Дрейфусу пресловутое бордеро; его осенила счастливая мысль наблюдать за обвиняемым, поместив оного в комнату, сплошь покрытую зеркалами; его обрисовывает нам комендант Форцинетти в то мгновение, когда, запасшись потайным фонарем, майор потребовал провести его к спящему заключенному, чтобы осветить внезапно лицо узника и уловить приметы нечистой совести в испуге внезапного пробуждения. О прочем не стану говорить — ищите, и все откроется. Я просто заявляю, что майор Дюпати де Клам, коему вменено было как военному юристу произвести следствие по делу Дрейфуса, является, в порядке очередности и по тяжести ответственности, главным виновником страшной судебной ошибки.

Уже в течение некоторого времени бордеро находилось в руках полковника Сандера, начальника контрразведки, впоследствии скончавшегося от общего паралича. В отделе происходила «утечка», пропадали бумаги, как пропадают и по сие время, — и откуда разыскивали составителя бордеро, сложилось мало-помалу предвзятое мнение, что сим человеком не мог быть никто иной, как офицер штаба и к тому же артиллерист: две вопиющие ошибки, свидетельствующие о том, насколько поверхностно изучалось бордеро, ибо вдумчивое чтение бумаги приводит к убеждению, что она могла быть составлена лишь пехотным офицером.

Итак, поиски велись внутри ведомства, сличались почерки сотрудников, решено было, так сказать, кончить дело в своем кругу: раз в отделе завелся изменник, его надо было изобличить и выставить вон. И едва подозрение пало на Дрейфуса — я вынужден вновь обратиться здесь к некоторым обстоятельствам отчасти известной истории, — как на сцену выступает майор Дюпати де Клам. Он измышляет преступление Дрейфуса, становится зачинщиком и вдохновителем дознания, берется припереть изменника к стене и вынудить его к полному признанию. Конечно, к сему приложил руку и военный министр генерал Мерсье, человек, по всей видимости, ума заурядного, и начальник штаба генерал де Буадефр, очевидно, подавшийся своим клерикальным пристра-

ствиям, и помощник начальника штаба генерал Гонз, на многое глядевший сквозь пальцы. Но, по существу, на первых порах заправляет один майор Дюпати де Клам, он увлекает за собой остальных, подчиняет их своей воле какой-то гипнотической силой, — ведь наш майор занимается помимо всего прочего спиритизмом, оккультными науками и беседует с духами. Невозможно описать все испытания, которым он подверг несчастного Дрейфуса, хитроумные западни, в которые надеялся его завлечь, сумасбродные допросы, чудовищные ухищрения — разнообразнейшие уловки, рожденные горячечным воображением мучителя.

О, начало дела вызывает содрогание у всякого, кому известны подлинные его обстоятельства! Майор Дюпати де Клам берет Дрейфуса под стражу, заключает его в одиночную камеру. Затем спешит к г-же Дрейфус и, дабы страхом принудить ее к молчанию, грозит, что, если она обмолвится хоть словом, ее мужу несдобровать. А тем временем несчастный бился в отчаянии, кричал, что невиновен. Так, в полнейшей тайне, с применением множества изощреннейших и жестоких приемов дознания — ни дать ни взять, как в какой-нибудь хронике XV столетия, велось следствие. А ведь обвинение строилось на одной-единственной и вздорной улике — на дурацком препроводительном письме, свидетельстве не только заурядной измены, но и неслыханно наглого мошенничества, если принять во внимание, что почти все пресловутые тайны, выданные врагу, лишены какой бы то ни было ценности. Я делаю на этом упор лишь потому, что такие способы судопроизводства подготовили благоприятную почву для настоящего злодеяния — отказа в правосудии, которое, словно страшный недуг, поразило впоследствии Францию. Мне хочется наглядно показать, как стала возможной судебная ошибка, как ее породили козни майора Дюпати де Клама, как получилось, что генералы Мерсье, де Буадефр и Гонз дались в обман, как с каждым днем усугубляли свою вину упорством в преступной ошибке, которую они впоследствии почли своим долгом выдать за святую правду, не подлежащую даже обсуждению. Таким образом, на первых порах им можно было поставить в упрек обыкновенную беспечность и недомыслие. В худшем случае можно допустить, что они поддались религиозному фанатизму своей среды и суевериям, порожденным сословным духом, — как бы там ни было, они оказались потворщиками глупости. Но вот Дрейфус предстал перед военным судом, происходившим, по требованию сверху, в обстановке строжайшей негласности. Если бы изменник открыл врагу границы страны и привел германского императора к подножию собора Парижской Богоматери, то и тогда, вероятно, слушание дела не было бы окружено более плотной завесой тайны и молчания. Страна скована ужасом, люди шепотом передают друг другу ужасные вести, идет молва о чудовищной измене, подобной тем изменам, которые возбуждают негодование многих поколений. Разумеется, на-

род Франции готов приветствовать любой приговор, самая суровая кара будет слишком мягкой для предателя! Французы единодушно одобряют гражданскую казнь и потребуют, чтобы осужденный до конца дней своих томился на морской скале, терзаемый позором и укорами совести. Неужто в самом деле есть нечто такое, о чем страшно молвить, нечто крайне опасное, некие обстоятельства, чреватые военным пожаром в Европе, которые нужна потребовала похоронить за закрытыми дверями судебного процесса?

Ничего подобного! Сии ужасные откровения суть не более, как бредовые домыслы и фантазии майора Дюпати де Клама. Весь этот ворох небылиц был сочинен затем лишь, чтобы скрыть нелепейший из бульварных романов. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно изучить обвинительное заключение, оглашенное на суде. Оно же построено буквально на пустом месте! Осудить человека на основании подобного заключения — поистине верх беззакония. Нет ни одного порядочного человека, который не испытал бы, читая сей документ, возмущения и гнева при мысли о непомерно тяжком наказании, постигшем узника Чертова острова. Дрейфус знает несколько языков? Преступление. У него не было найдено никаких компрометирующих бумаг? Преступление. Он трудолюбив и любознателен? Преступление. Он держится спокойно? Преступление. А наивность формулировок, полнейшая бездоказательность доводов! Толковали о четырнадцати главных пунктах обвинения, а на проверку все они сводятся к одному-единственному — злополучному бордеро. Более того, оказывается, что графологи не пришли к единому мнению, что на одного из них, г-на Гобера, начальственно прикрикнули, потому что он дерзнул проявить несогласие с точкой зрения, которую ему пытались навязать. Говорилось также, что на суде против Дрейфуса показывали двадцать три офицера. Пока нам неизвестны протоколы допроса, но совершенно очевидно, что все эти офицеры не могли выступить против обвиняемого; надобно, кроме того, заметить, что все свидетели без исключения служат по Военному ведомству; таким образом, дело решалось по-семейному, в узком кругу сослуживцев, и об этом не следует забывать. Штабное начальство учинило следствие, штабное начальство устроило первый, а совсем недавно и второй суд.

Итак, все упиралось в пресловутое бордеро, относительно коего графологи не вынесли единого мнения. Рассказывают, что в совещательной комнате судьи склонялись уже к оправдательному приговору, ибо иначе поступить они не могли. Понятно теперь, отчего с таким ожесточенным упорством, пытаясь оправдать обвинительный приговор, нам твердят ныне о существовании некоей тайной и важной бумаги, уличающей осужденного, бумаги, которую невозможно даже представить на всеобщее обозрение, которая всему дает законное основание, — улика, пред коей мы должны умолкнуть, словно пред незримым, неисповеди-

мым божеством! Нет, я со всей решительностью заявляю, что такой улики нет и никогда не было! Какая-нибудь дурацкая бумажонка, это я еще допускаю, — записочка, где упоминаются женщины сомнительного благонравия и некий господин Д., ставший чересчур требовательным: вероятнее всего, муженек, решивший, что слишком дешево запросил за свою супругу. Но говорить о документе, имеющем касательство к обороне страны, вынесение коего на суд повлекло бы за собой объявление войны уже на следующий день... Нет и еще раз нет! Это ложь. Ложь тем более гнусная и наглая, что виновные остаются безнаказанными и нет никакой возможности уличить их. Они бьют в набат, пользуются как щитом вполне понятным беспокойством народа, принуждают французов к молчанию, смущая их души и одурманивая клеветой. Я не знаю более тяжкого гражданского преступления.

Итак, я изложил Вам, господин Президент, обстоятельства, объясняющие, каким образом совершилась судебная ошибка. Доводы нравственного порядка, недостаток Дрейфуса, отсутствие веских оснований для осуждения, непрестанные заявления узника о своей невинности окончательно убеждают в том, что несчастный пал жертвой не в меру пылкого воображения майора Дюпати де Клама, пропитанной духом клерикализма среды, окружавшей его, и травли «грязных евреев», позорящей наш век.

Теперь настала пора поведать о деле Эстерхази. Минуло уже три года, но многие честные люди по-прежнему пребывают в глубокой тревоге, потеряв покой, настойчиво ищут и наконец убеждаются в невинности Дрейфуса.

Я не стану рассказывать о том, как у г-на Шерера-Кестнера возникли сомнения, как эти сомнения постепенно перешли в уверенность. Пока он добирался до истины, важные события происходили в самом штабе: полковник Сандер умер, и должность начальника контрразведки занял подполковник Пикар. И вот однажды при исполнении Пикаром обязанностей, налагаемых новой должностью, в его руки попала телеграмма, отправленная на имя майора Эстерхази агентом одной иностранной державы. Долг требовал от Пикара незамедлительно нарядить расследование. Можно сказать со всей определенностью, что подполковник Пикар никогда не действовал поверх головы своих начальников. Он поведал им о своих подозрениях по инстанции, сначала генералу Гонзу, затем генералу де Буадефру и, наконец, генералу Бийо, сменившему генерала Мерсье на посту военного министра. Вызвавшее столько толков досье Пикара никогда не было ничем иным, как досье Бийо, я хочу сказать, что речь идет о досье, подготовленном подчиненным для министра, которое и по сей день должно находиться в архиве военного ведомства. Следствие велось с мая по сентябрь 1896 года и, надо сказать прямо, генерал Гонз был убежден в виновности Эстерхази, а гене-

ралы де Буадефр и Бийо не сомневались в том, что бордеро написано его рукою. Именно к сему неоспоримому выводу привело дознание Пикара. Ведомство было охвачено смятением, ибо осуждение Эстерхази неизбежно влекло за собой пересмотр решения по делу Дрейфуса, но как раз этого штаб не хотел допустить, чего бы то ни стоило.

Можно вообразить, какая мучительная нерешимость овладела на миг генералом Бийо. Свежий человек в Военном ведомстве, он ничем не был связан и мог свершить правосудие. Но он не посмел, вероятно, опасаясь общественного возмущения, а также, видимо, из страха выдать всю штабную братию, генерала де Буадеффа, генерала Гонза, не считая их подчиненных. Это был в то же время краткий миг борьбы между его совестью и тем, в чем заключалось, как он полагал, служение интересам армии. И когда мгновение прошло, зло свершилось: генерал Бийо погрешил против совести, вступил в нечистую игру. С того дня он отягощал свою вину все новыми злоупотреблениями, покрывал своим именем преступные деяния подчиненных. На нем лежит такая же вина, как и на прочих, нет, он несет еще большую ответственность, потому что был волен отправить правосудие и не свершил его. Разум отказывается верить! Вот уже год, как генерал Бийо, генералы де Буадефр и Гонз знают, что Дрейфус невиновен, и хранят сию страшную тайну! И они спокойно спят, и у них есть жены и любимые дети!

Подполковник Пикар исполнил долг честного человека: во имя правосудия он настоятельно ходатайствовал перед начальниками, даже умолял их, указывая им на всю безрассудность проволочек, ибо тучи сгушались и гроза неминуемо должна была грянуть, когда бы правда вышла наружу. Позднее о том же предупреждал генерала Бийо г-н Шерер-Кестнер, взывая к его патриотическим чувствам и заклиная взять дело в свои руки, дабы предотвратить пагубные его последствия, грозившие обернуться общественным бедствием. Но нет! Злодейство совершилось, штаб не мог теперь сознаться в своих преступных кознях. И вот подполковника Пикара отправляют со служебным поручением, отсылают все дальше и дальше, пока он не очутился в Тунисе, где однажды, воздав должное его отваге, его направляют на дело, которое вполне могло стоить ему жизни, в те самые места, где сложил голову маркиз де Морес. То не была опала, генерал Гонз поддерживал с подполковником дружескую переписку. Просто бывают такие тайны, в которые лучше не проникать.

А в Париже тем временем истина неуклонно прокладывала себе дорогу. Всем известно, как разразилась долгожданная гроза. В тот день, когда г-н Шерер-Кестнер готовился вручить хранителю печати прошение о пересмотре дела, г-н Матье Дрейфус изобличил майора Эстерхази как истинного автора бордеро. Так на сцене появляется майор Эстерхази. Очевидцы рассказывают, что в первую минуту он совершенно потерял голову, готов был наложить на себя руки или бежать. И вдруг он

начинает держать себя с вызывающей самоуверенностью, поражает весь Париж наглостью повадки и речей. Что же случилось? А случилось то, что ему пришли на выручку: им получено было письмо без подписи, в коем его уведомили о намерениях его врагов, а некая таинственная дама взяла на себя труд доставить ему среди ночи бумагу, выкраденную в штабе, которая должна была спасти его. И вновь я без труда угадываю руку подполковника Дюпати де Клама, изощренную изобретательность его гораздо на выдумки воображения. Дело его рук — мнимая виновность Дрейфуса — оказалось под угрозой, и он, несомненно, решил любой ценой спасти свое детище. Еще бы! Ведь пересмотр дела означал бы крушение столь причудливого и печального романа, ужасная развязка которого разыгрывается ныне на Чертовом острове! Но именно этого он и не мог допустить. И вот подполковник Пикар и подполковник Дюпати де Клам вступают в единоборство, один с поднятым забралом, другой — пряча лицо. В скорейшем времени мы увидим их обоих перед гражданским судом. По сути дела, защищается все тот же штаб, не желающий признать свою вину, час от часу все более погрязающий в подлости. Потрясенные граждане задавали себе вопрос: кто же они, те люди, которые покрывали майора Эстерхази? Прежде всего, подполковник Дюпати де Клам, неизменно держащийся в тени, — он все подстроил, всем заправлял. Его с головой выдают нелепые хитросплетения, о коих шла речь выше. Во-вторых, генерал де Буадефр, генерал Гонз и сам генерал Бийо, которые вынуждены добиваться оправдания майора, ибо, признав невиновность Дрейфуса, они не преминут навлечь всеобщее презрение на Военное ведомство. И вот вам дикая нелепость сложившегося положения: подполковник, единственный честный человек в этой среде, единственный, кто исполнил свой долг, пал жертвой лицедеев, принял поношение и неправоное взыскание. О, правосудие! Глухое отчаяние теснит мою грудь. Дошло до того, что злодеи обвиняют его в подлоге, в том, что он якобы сам сочинил телеграмму, чтобы погубить Эстерхази. Великий Боже! Зачем? С какой стати? Назовите хоть какую-нибудь побудительную причину. Может быть, и он запродажал евреям? Но вся соль в том, что подполковник Пикар был антисемитом. Да, мы стали свидетелями гнусного лицедейства, когда людей, погрязших в долгах и зле, выставляют невинными агнцами и поносят человека безупречной жизни, живое воплощение порядочности! Когда общество скатывается на столь низкую ступень падения, оно начинает разлагаться.

Итак, господин Президент, я представил Вам дело Эстерхази таким, каково оно есть. Речь идет о преступнике, для которого заведомо решили добиться оправдания. Вот уже в течение двух месяцев мы час за часом следим за сей отвратительной возней. Я передал Вам обстоятельства дела вкратце, здесь, в сущности, просто старое изложение событий, о которых когда-нибудь расскажут жгучие строки повести, где ничто не будет упущено. Мы видели уже, как генерал де Пелье, а вслед за ним

майор Равари произвели злодейское дознание, в исходе коего подлецы предстали достойнейшими мужами, а честные люди — мерзавцами. За-сим собрался военный суд.

Разумно ли было надеяться, что военный суд упразднит решение, вынесенное другим военным судом?

Здесь можно даже пренебречь всегда возможными подтасовками в составе судей. Не исключает ли надежду на справедливый приговор уже одна слепая покорность дисциплине, вошедшая в плоть и кровь воен-нослужащих? Говоря «дисциплина», мы разумеем «повиновение». Раз уж военный министр, владыка живота их во всеуслышание объявил о непререкаемости приговора, возможно ль, чтобы военный суд посмел отменить его? С точки зрения воинской субординации это вещь немыс-лимая. Заявление генерала Бийо произвело на судей действие завора-живающее, и они судили обвиняемого, не рассуждая, как солдаты идут в сражение. Совершенно очевидно, что, занимая свои кресла в зале суда, они были в плену предвзятого мнения: «Дрейфус был осужден за изме-ну военным судом, следственно, он виновен, и мы, военные судьи, не можем оправдать его; с другой стороны, мы знаем, что признать Эстер-хази виновным значило бы оправдать Дрейфуса». Никакая сила не мог-ла бы выбить их из этого круга мыслей.

Они вынесли неправый приговор, навлекший вечный позор на во-енные суды, любое решение коих будет отныне встречаться с подозре-нием. Если допустить, что в первый раз судьи оказались бестолковыми, то во второй раз преступный умысел не оставляет никаких сомнений. Вину их смягчает лишь то обстоятельство, что высшее начальство объявило приговор суда не подлежащим обсуждению, божественным откровением, пред коим должны умолкнуть человеки. Как же могли под-чиненные противиться верховной воле? Нам толкуют о чести войска, хотя, чтобы его любили и чтили. Разумеется, если речь идет о воин-стве, которое при первой опасности возьмется за оружие, защитит французскую землю от врага — сие воинство есть весь народ наш, и мы не питаем к нему чувств иных, чем любовь и почитание. Но имеют в виду не сие воинство, о чести коего мы печемся, стремясь к торжеству правосудия. Радеют о золотопогонниках, в чью власть мы попадем, быть может, завтра. Другими словами, нам предлагают благоговейно лобзать эфес пашки? Не бывать тому!

Я уже показал, что дело Дрейфуса стало внутренним делом Военно-го ведомства, поелику штабной офицер был объявлен изменником сво-ими сослуживцами из штаба и осужден по настоянию высших чинов штаба. Повторяю вновь, что его оправдание и возвращение из ссылки означают признание вины штабного начальства. Вот почему Военное ведомство пустилось во все тяжкие, поднимая газетную шумиху, печатая ложные сообщения, пользуясь связями и влиянием, чтобы выгоро-дить Эстерхази и тем самым вторично погубить Дрейфуса. Да, респуб-

ликанскому правительству следовало бы устроить изрядную чистку в сем иезуитском приюте, как называет службы Военного ведомства сам генерал Бийо! Где же он, тот сильный, наделенный чувством разумного патриотизма кабинет министров, который найдет в себе смелость все там перестроить и обновить? Сколь многих из известных мне французов приводит в трепет мысль о возможной войне, потому что они знают, какие люди ведают обороной страны! В какой притон низких склочников, сплетников и мотов превратилась сия святая обитель, где вершится судьба отчизны! Ужас объял моих сограждан, когда дело Дрейфуса, «грязного еврея», принесенного в жертву страдальца, открыло им страшное чрево. Какая бездна полоумных затей, глупости и бредовых выдумок! Низкопробные полицейские приемы, ухватки инквизиторов и притеснителей, самоуправство горстки чинов, нагло попирающих сапожниками волю народа, кощунственно и лживо ссылающихся на высшие интересы государства, дабы заставить умолкнуть голоса, требующие истины и правосудия!

Они совершили злодеяние и тогда, когда прибегли к услугам продажных газет, когда позволили защищать себя всякому парижскому отребью. И вот ныне отребье нагло торжествует, а правосудие бездействует и безмолвствует самая обыкновенная порядочность. Они совершили злодеяние, когда обвинили в намерении смутить совесть народа тех, кто жаждет возрождения Франции благородной, шествующей во главе свободных и справедливых народов, а сами тем временем вступили в гнусный сговор, дабы упорствовать в пагубной ошибке на глазах всего человечества. Они совершают злодеяние, отравляя общественное мнение, толкая на черное дело народ, который довели ложью до иступления. Они совершают злодеяние, когда одурманивают сознание простого люда и бедноты, потворствуют мракобесию и нетерпимости, пользуясь разгулом отвратительного антисемитизма, который погубит великую просвещенную Францию — родину «Прав человека», если она не положит ему конец. Они совершают злодеяние, играя на патриотических чувствах ради разжигания ненависти, они совершают, наконец, злодеяние, превращая военщину в современного идола, в то время как все лучшие умы трудятся ради скорейшего торжества истины и правосудия.

Великая скорбь сокрушает сердца наши, когда мы зрим эту истину и это правосудие, столь страстно призываемые нами, извращенными, попранными и оскверненными! Какое потрясение испытал, надо думать, г-н Шерер-Кестнер, и мне кажется, он неминуемо станет угрызаться, что не проявил должной решимости в тот день, когда делал запрос в сенате, не высказал всю правду до конца, не вырвал зло с корнем. Г-н Шерер-Кестнер, благородная личность, честнейший, порядочнейший человек, полагал, что истина не нуждается в доказательствах, тем более что она представлялась ему очевидной, как свет дня. Стоит ли все рубить под корень, раз и без того солнце скоро восси-

яет? За свою простодушную веру он и поплатился столь жестоко. То же случилось с подполковником Пикаром, который из чувства благородной порядочности не пожелал предать огласке письма генерала Гонза. Сия щепетильность тем более делает ему честь, что в то время, как он беспрекословно подчинялся воинской дисциплине, вышестоящие офицеры позволяли обливать его грязью и совершенно неожиданно сами повели против него в высшей степени оскорбительное следствие. Пред нами две жертвы, две чистые, доверчивые души, которые положились на Бога, а дьявол тем временем не сидел сложа руки. Более того, над подполковником Пикаром сотворили неслыханное беззаконие: французский суд сначала позволил публично напасть на свидетеля и обвинить его во всех смертных грехах, а затем, когда этот свидетель явился, дабы представить объяснения и защитить свою честь, назначил закрытое слушание. Я заявляю, что сие есть также злодеяние и что упомянутое беззаконие возбудит всеобщее возмущение. Положительно, военный суд имеет весьма странное представление о правосудии. Такова правда в ее неприкрашенном виде, господин Президент, и правда сия воистину ужасна, она бросает мрачную тень на годы Вашего пребывания во главе государства. Я догадываюсь, что не в Ваших силах было повлиять на ход дела, что Ваши руки были связаны конституцией и окружающими Вас людьми. И тем не менее человеческий долг требует Вашего вмешательства, долг, о котором Вы вспомните и который не преминете исполнить. Это отнюдь не значит, будто я хотя бы на миг усомнился в победе правого дела. Я вновь повторяю то, во что верую пламенно: истина шествует и никакие препоны не в силах остановить ее. Лишь теперь начинается настоящее дело Дрейфуса, ибо лишь теперь обозначились окончательно позиции противоборствующих сил: с одной стороны, злодеи, всеми неправдами стремящиеся похоронить истину, с другой стороны, правдолюбцы, готовые пожертвовать жизнью ради торжества правосудия. И я вновь повторяю то, о чем говорил уже ранее: когда правду хоронят во мраке подземелья, она набирает там такую неодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, разрушающий все и вся. Преступники убедятся сами, что своими руками уготовали себе сокрушительное поражение. Однако письмо мое вышло длинным, господин Президент, пора его кончать.

Я обвиняю подполковника Дюпати де Клама в том, что он совершил тяжкий проступок, допустив — хочется верить, по неведению — судебную ошибку, и в течение трех лет упорствовал в сем пагубном заблуждении, пускаясь на самые нелепые и преступные ухищрения.

Я обвиняю генерала Мерсье в том, что он явился, в лучшем случае по слабости рассудка, пособником одного из величайших беззаконий нашего столетия.

Я обвиняю генерала Бийо в том, что он, располагая бесспорными доказательствами невинности Дрейфуса, сокрыл их и нанес тем са-

мым злостный ущерб обществу и правосудию, побуждаемый к тому политическими соображениями и помышляя спасти скомпрометировавшее себя верховное командование.

Я обвиняю генерала де Буадефра и генерала Гонза в том, что они стали соумышленниками того же преступления, один, несомненно, в силу своей приверженности церкви, другой — подчиняясь закону круговой поруки, благодаря которому Военное ведомство превратилось в непорочную, неприкасаемую святыню.

Я обвиняю генерала де Пелье и майора Равари в том, что они произвели злонамеренное расследование, то есть расследование, проникнутое духом возмутительного пристрастия, непревзойденным по бесхитростной дерзости шедевром коего является заключение упомянутого майора Равари.

Я обвиняю трех экспертов-графологов, съёров Бельома, Варикара и Куара в том, что оные составили лживое и мошенническое заключение, если только врачебным освидетельствованием не будет установлено, что они страдают изъяном зрения и умственной неполноценностью.

Я обвиняю Военное ведомство в том, что оно вело на страницах газет, особенно таких, как «Эклер» и «Эко де Пари», грязную кампанию, направленную на то, чтобы ввести в заблуждение общественность и отвлечь внимание от преступной деятельности упомянутого ведомства.

Я обвиняю, наконец, военный суд первого созыва в том, что он нарушил закон, осудив обвиняемого на основании утаенной улики, и военный суд второго созыва в том, что он по приказу сверху покрыл оное беззаконие и умышленно оправдал заведомо виновного человека, нарушив, в свою очередь, правовые установления.

Выдвигая перечисленные обвинения, я отлично понимаю, что мне грозит применение статей 30 и 31 Уложения о печати от 29 июля 1881 года, предусматривающего судебное преследование за распространение лжи и клеветы. Я сознательно отдаю себя в руки правосудия.

Что же касается людей, против коих направлены мои обвинения, я не знаком с ними, никогда их не видел и не питаю лично к ним никакого недоброго чувства либо ненависти. Для меня они всего лишь обобщенные понятия, воплощения общественного зла. И шаг, который я предпринял, поместив в газете это письмо, есть просто крайняя мера, должностная ускорить торжество истины и правосудия.

Правды — вот все, чего я жажду страстно ради человечества, столько страдавшего и заслужившего право на счастье. Негодующие строки моего послания — вопль души моей. Пусть же дерзнут вызвать меня в суд присяжных и пусть разбирательство состоится при широко открытых дверях!

Я жду.

Соблаговолите принять, господин Президент, уверения в совершенном моем почтении.

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА

КАРЛ МАРКС
(1818–1883)

ЗАМЕТКИ О НОВЕЙШЕЙ ПРУССКОЙ ЦЕНЗУРНОЙ ИНСТРУКЦИИ¹

Мы не принадлежим к числу тех недовольных, которые еще до появления нового прусского указа о цензуре заявляли: *Timeo Danaos et dona ferentes* (Боюсь данайцев, даже дары приносящих. — Вергилий). Наоборот, так как в новой инструкции допускается обсуждение изданных уже законов, хотя бы оно и не соответствовало взглядам правительства, то мы сейчас и займемся самой этой инструкцией. *Цензура* — это *официальная критика*. Ее нормы — это нормы критические, и они, следовательно, всего менее могут быть изъяты из критики, так как становятся на общую с ней почву.

Всякий, конечно, может только одобрить высказанную во введении к инструкции *общую тенденцию*:

---

¹ «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» — первая публицистическая статья Маркса. Новый прусский король Фридрих Вильгельм IV утвердил 24 декабря 1841 года цензурную инструкцию, которая многим показалась либеральной, но на самом деле сохраняла и даже усиливала цензуру. В статье, написанной в конце января — начале февраля 1842 года, Маркс показывает истинный характер новой инструкции. Впервые статья опубликована за подписью «Житель Рейнской провинции» в феврале 1843 года в двухтомном сборнике «Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики», вышедшем в Швейцарии. Печатается по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. / Пер. с нем. Института марксизма-ленинизма. Т. 1.

«Чтобы *уже теперь* освободить печать от неуместных ограничений, не соответствующих высочайшим видам, его величество король высочайшим указом королевскому министерству от 10 сего месяца соизволил выразить решительное неодобрение всяким неподобающим стеснениям литературной деятельности и, признавая значение и необходимость честной и благонамеренной публицистики, соблаговолил уполномочить нас вновь призвать цензоров к точному соблюдению статьи 2-й указа о цензуре от 18 октября 1819 года».

Конечно! Если цензура есть необходимость, то честная, либеральная цензура еще более необходима.

Но что сейчас же должно было вызвать известное недоумение, так это *дата* приведенного закона. Он датирован 18 октября 1819 года. Как? Разве это такой закон, который обстоятельства времени принудили отменить? По-видимому, нет, ибо цензорам лишь «*вновь*» указывается на необходимость его соблюдения.

Итак, до 1842 г. закон существовал, но он не исполнялся, — для того именно и напоминают о нем, «чтобы *уже теперь*» освободить печать от неуместных ограничений, не соответствующих высочайшим видам.

Печать *вопреки закону* до сих пор была подвержена неуместным ограничениям, — таков непосредственный вывод из этого введения.

Говорит ли это *против закона* или *против цензоров*?

Утверждать последнее мы вряд ли *вправе*. В продолжение двадцати двух лет имели место незаконные действия со стороны ведомства, под опекой которого находится высший интерес граждан государства, *их дух*, — со стороны ведомства, которое обладает большими полномочиями, чем римские цензоры, ибо оно регулирует не только поведение отдельных граждан, но даже поведение общественного духа. Разве мыслимо такое последовательное беззаконие, такое бессовестное поведение высших правительственных чиновников в благоустроенном, гордящемся своей администрацией, прусском государстве? Или государство в постоянном ослеплении выбирало самых неспособных лиц для самых трудных постов? Или, наконец, подданный прусского государства лишен всякой возможности протестовать против незаконных действий? Неужели все прусские писатели так уж невежественны и глупы, что не знают законов, касающихся их существования, или же они слишком трусливы, чтобы требовать их применения?

Если мы возложим всю вину на *цензоров*, тогда это будет компрометировать не только их собственную честь, но и честь прусского государства, прусских писателей.

К тому же беззаконные действия цензоров в продолжение более чем двадцати лет представляли бы *argumentum ad hominem* (убедительное доказательство), что печать нуждается в иных гарантиях, чем такие общие предписания столь безответственным лицам. Это служило бы до-

казательством того, что в самой сущности цензуры кроется какой-то коренной порок, которого не исправит никакой закон.

Но если цензоры вполне годились для дела, а *негодным был закон*, зачем в таком случае вновь призывать его на помощь для борьбы против того зла, которое он сам же и породил?

Или, быть может, *объективные недостатки* самого института ставятся в вину *отдельным лицам* для того, чтобы, не улучшая дела по существу, создавать видимость улучшения? Такова обычная манера *мнимого либерализма*: вынужденный делать уступки, он жертвует людьми — орудиями, и сохраняет неизменной суть дела — данный институт. Этим отвлекается внимание поверхностной публики.

Озлобление, вызванное сутью дела, превращается в озлобление против определенных лиц. Воображают, что со сменой лиц изменится и само дело. С цензуры взгляд переносится на отдельных цензоров, и ничтожные писаки предписанного свыше прогресса весьма храбро наносят мелочные обиды людям, попавшим в немилость, и с неменьшим усердием расточают похвалы правительству.

Еще одна трудность стоит перед нами.

Некоторые газетные корреспонденты полагают, что цензурная инструкция и есть новый указ о цензуре. Они ошибаются, но ошибка их простительна. Указ о цензуре от 18 октября 1819 г. должен был действовать только временно — до 1824 г., и он оставался бы и до настоящего дня временным законом, если бы мы не узнали из опубликованной инструкции, что он никогда не применялся.

Этот указ 1819 г. также был *временной* мерой, с той разницей, однако, что тогда для ожидания постоянных законов был указан определенный — пятилетний — срок, между тем как новая инструкция не устанавливает никакого срока, и с той еще разницей, что *тогда* предметом ожидания были *законы о свободе печати*, в *настоящее* же время — *законы о цензуре*.

Другие газетные корреспонденты рассматривают цензурную инструкцию как возобновление старого указа о цензуре. Этот их ошибочный взгляд опровергается самой инструкцией.

Мы рассматриваем цензурную инструкцию как *предвосхищение духа* предполагаемого закона о цензуре. В этом мы строго придерживаемся духа указа о цензуре 1819 г., согласно которому *законы и циркуляры* имеют для печати одинаковое значение (см. приведенный указ, статья XVI, № 2).

Но вернемся к инструкции.

«По этому закону, а именно по статье 2-й, цензура не должна препятствовать серьезному и скромному исследованию истины, не должна подвергать писателей неподобающим стеснениям, не должна мешать свободному обращению книг на книжном рынке».

То исследование истины, которому цензура не должна препятствовать, характеризуется более конкретно — как *серьезное* и *скромное*. Оба определения относятся не к содержанию исследования, а скорее к чему-то такому, что лежит вне этого содержания. Они с самого начала отвлекают исследование от истины и заставляют его обращать внимание на какое-то неизвестное третье. Но разве исследование, постоянно направляющее свое внимание на этот третий элемент, который закон наделил правом придиричivosti, — разве такое исследование не потеряет из виду истину? Разве не первая обязанность исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево? Разве не забуду я про самую суть дела, если я обязан прежде всего не забывать, что сказать об этом надо в известной предписанной форме?

Истина так же мало скромна, как свет; да и по отношению к кому она должна быть скромна? По отношению к самой себе? *Verum index sui et falsi* (Истина — пробный камень себя самой и лжи. — Спиноза). Стало быть, *по отношению ко лжи?*

Если скромность составляет характерную особенность исследования, то это скорее признак боязни истины, чем боязни лжи. Скромность — это средство, сковывающее каждый мой шаг вперед. *Она есть предписанный свыше исследованию страх перед выводами*, она — предохранительное средство против истины.

Далее: истина всеобща, она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем, она владеет мною, а не я ею. Мое достояние — это *форма*, составляющая мою духовную индивидуальность. «Стиль — это человек». И что же! Закон разрешает мне писать, но я должен писать не в *своем собственном* стиле, а в каком-то другом. Я имею право раскрыть мой духовный облик, но должен прежде придать ему *предписанное выражение!* Какой честный человек не покраснеет от этого требования и не спрячет лучше свою голову под тогу? По крайней мере, под тогой можно предполагать голову Юпитера. Предписанное выражение — это означает только одно: «хорошая мина при плохой игре».

Вы восторгаетесь восхитительным разнообразием, неисчерпаемым богатством природы. Ведь не требуете же вы, чтобы роза благоухала фиалкой, — почему же вы требуете, чтобы величайшее богатство — дух — существовало в *одном* только виде? Я юморист, но закон велит писать серьезно. Я задорен, но закон предписывает, чтобы стиль мой был скромн. *Бесцветность* — вот единственный дозволенный цвет этой свободы. Каждая капля росы, озаряемая солнцем, отливает неисчерпаемой игрой цветов, но духовное солнце, в скольких бы индивидуальностях, в каких бы предметах лучи его ни преломлялись, смеет порождать только один, только *официальный цвет!* Существенная форма духа — это *радостность, свет*, вы же делаете единственно законным проявлением духа — *тень*; он должен облачаться только в черное, а ведь в природе

нет ни одного черного цветка. Сущность духа — это исключительно *истина сама по себе*, а что же вы делаете его сущностью? *Скромность*. Только нищий скромн, говорит Гете, и в такого нищего вы хотите превратить дух? Или же эта скромность должна быть той скромностью гения, о которой говорит Шиллер? В таком случае превратите сначала всех ваших граждан, и прежде всего ваших цензоров, в гениев. Но ведь скромность гениев состоит вовсе не в том, в чем состоит язык образованности, лишенный акцента и диалекта, а, наоборот, в том, чтобы говорить языком самого предмета, выражать своеобразие его сущности. Она состоит в том, чтобы, забыв о скромности и нескромности, выделить самый предмет. Всеобщая скромность духа — это разум, та универсальная независимость мысли, которая относится ко *всякой вещи* так, как того требует *сущность самой вещи*.

Если, далее, *серьезность* не должна подходить под определение Тристрама Шенди, по которому она есть притворство тела, прикрывающее недостатки души, если она должна означать серьезность *в отношении к предмету*, — тогда теряет смысл все предписание. Ибо к смешному я отношусь серьезно, когда представляю его в смешном виде; оставаться же скромным по отношению к нескромности — это и есть самая серьезная нескромность духа.

Серьезно и скромно! Какие неустойчивые, относительные понятия! Где кончается серьезность, где начинается шутка? Где кончается скромность, где начинается нескромность? Мы поставлены в зависимость от *темперамента* цензора. Было бы так же неправильно предписывать темперамент цензору, как стиль писателю. Если вы хотите быть последовательными в вашей эстетической критике, то запретите также *слишком серьезно* и *слишком скромно* исследовать истину, ибо чрезмерная серьезность — это самое комичное, а чрезмерная скромность — это самая горькая ирония.

Наконец, исходной точкой служит при этом совершенно превратное и абстрактное понимание самой *истины*. Все объекты писательской деятельности подводятся под одно общее понятие «*истина*». Но если мы оставим даже в стороне все *субъективное*, а именно, то обстоятельство, что один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах и превращает свои различные стороны в столько же различных духовных характеров, то разве *характер самого предмета* не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разьединенные звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом? Разве, когда предмет смеется, исследование должно быть серьезным, а когда предмет тягос-

тен, исследование должно быть скромным? Вы, стало быть, нарушаете право объекта так же, как вы нарушаете право субъекта. Вы понимаете истину абстрактно и превращаете дух *в судебного следователя*, который сухо ее *протоколирует*.

Или, может быть, эти метафизические тонкости излишни? Быть может, истину следует понимать так, что *истинно то, что приказывает правительство*, а исследование допускается только как лишний, назойливый элемент, который, однако, по *соображениям этикета* не может быть полностью устранен? По-видимому, почти так оно и есть. Ибо исследование уже заранее понимается как нечто *противоположное* истине, оно появляется поэтому в подозрительном официальном сопровождении серьезности и скромности, которые и впрямь приличествуют мирянину перед лицом его пастыря. Рассудок правительства — единственный государственный разум. При известных условиях времени приходится, правда, делать некоторые уступки другому рассудку и его болтовне, но тогда он должен сознавать, что ему сделана уступка и что он, в сущности, бесправен, он должен выступать скромным и смиренным, серьезным и скучным. Если Вольтер говорит: «все жанры хороши, кроме скучного», то здесь скучный жанр исключает всякий иной, для доказательства чего достаточно сослаться на «Протоколы рейнского сословного собрания». Почему же в таком случае не вернуться совсем к немецкому канцелярскому слогу доброго старого времени? Пишите свободно, но каждое ваше слово должно быть поклоном перед либеральной цензурой, которая пропускает ваши, столь же серьезные, сколь и скромные, мнения. Не теряйте только чувства благоговения!

Закон ставит *ударение* не на истине, а на скромности и серьезности. Итак, все здесь наводит на размышления — все то, что говорится о серьезности, скромности и прежде всего об истине, за неопределенной широтой которой скрывается очень определенная, очень сомнительного свойства истина.

«Цензура», — сказано далее в инструкции, — «ни в коем случае не должна быть применяема в смысле мелочной придирчивости, выходящей за пределы того, что требуется этим законом».

Под «*этим законом*» прежде всего подразумевается статья 2-я указа 1819 г., но далее инструкция ссылается на «*дух*» указа о цензуре вообще. Легко соединить оба определения. Статья вторая — это *концентрированный дух* указа о цензуре, а остальные статьи его представляют дальнейшее расчленение и более детальное определение этого духа. Мы полагаем, что лучшей характеристикой указанного духа могут служить *следующие его проявления*:

Статья VII. «*Дарованная до сих пор Академии наук и университетам свобода от цензуры, отныне отменяется на пять лет*».

§ 10. «*Настоящее Временное постановление* остается в силе с нынешнего дня в течение пяти лет. До истечения этого срока Союзный сейм должен основательно изучить вопрос о том, каким образом *можно* привести в исполнение подобного же рода постановления *о свободе печати, упомянутые* в статье 18-й Союзного акта; соответственно с этим последует окончательное решение о нормальных *границах свободы печати* в Германии».

Нельзя назвать благоприятным для печати закон, отменяющий *свободу печати* там, где она еще существовала, и делающий ее при помощи *цензуры* излишней там, где она должна была быть введена. Далее, § 10 прямо признает, что вместо упомянутой в статье 18-й Союзного акта *свободы печати*, которая когда-нибудь, быть может, и будет осуществлена, временно вводится *закон о цензуре*. Это *quid pro quo* (одно вместо другого), по крайней мере, указывает, что обстоятельства времени требовали ограничения печати, что указ обязан своим происхождением недоверию к печати. Эта строгость даже оправдывается как временная мера, имеющая силу всего на пять лет, но, к сожалению, она оставалась в силе в течение двадцати двух лет.

Уже следующая строка инструкции показывает нам, как она сама себе противоречит, желая, с одной стороны, чтобы применение цензуры ни в каком смысле не выходило за пределы того, что требуется указом, а с другой — предписывая цензуре выходить за эти пределы: «Цензор может, конечно, разрешить откровенное обсуждение также и внутренних дел». Цензор *может*, но он не обязан это делать, это не является необходимостью; уже один этот осторожный либерализм очень определенно выходит не только за пределы общего духа указа о цензуре, но и за пределы определенных его требований. Старый указ о цензуре, именно приведенная в инструкции статья 2-я, не разрешает *откровенного обсуждения* не только прусских, но хотя бы даже *китайских* дел. «Сюда», т.е. к нарушению безопасности прусского государства и германских союзных государств, — комментируется в инструкции, — «относятся все попытки изобразить *в благоприятном свете* существующие *в какой бы то ни было стране* партии, стремящиеся к ниспровержению государственного строя». Разве при таких условиях разрешается *откровенное* обсуждение китайских или турецких государственных дел? А уж если такие отдаленные отношения угрожают неустойчивой безопасности Германского союза, то как же не будет этому угрожать каждое неодобрительное слово о *внутренних* его делах?

Инструкция выходит, таким образом, за пределы статьи 2-й указа о цензуре и уклоняется в сторону либерализма; *суть* этого отклонения выяснится в дальнейшем, но *формально* оно подозрительно уже постольку, поскольку оно объявляет себя выводом из статьи 2-й, из которой инструкция благоразумно приводит только *первую половину*, отсылая од-

новременно цензора к *самой статье*. Но, с другой стороны, инструкция идет дальше *указа о цензуре* также и в *нелиберальном направлении*, прибавляя к старым *ограничениям прессы* еще *новые*.

В вышеприведенной 2-й статье указа о цензуре сказано:

«Цель ее» (цензуры) «не допускать того, что противно *общим принципам религии, независимо* от мнений и учений *отдельных* религиозных партий и терпимых в государстве сект».

В 1819 г. господствовал еще рационализм, который под религией вообще понимал так называемую религию разума. Эта *рационалистическая точка зрения* есть также точка зрения указа о цензуре, который, впрочем, настолько непоследователен, что, имея целью защиту религии, становится на иррелигиозную точку зрения. Именно отделение общих принципов религии от ее позитивного содержания и от ее определенной формы противоречит уже общим принципам религии, так как каждая религия полагает, что она отличается от всех остальных — особых, мнимых — религий своей *особенной сущностью* и что именно она в этой своей *определенности* и является *истинной религией*. Новая цензурная инструкция опускает в цитируемой ею статье 2-й *добавочное ограничительное положение*, согласно которому отдельные религиозные партии и секты не пользуются неприкосновенностью, но она на этом не останавливается, а дает еще следующий комментарий:

«Не должно быть терпимо все то, что *во фривольной, враждебной* форме направлено против *христианской* религии вообще или против *определенного вероучения*».

Старый указ о цензуре ни единым словом не упоминает о *христианской* религии; наоборот, он отличает религию от *всех* отдельных религиозных партий и сект. Новая цензурная инструкция не только превращает религию вообще в *христианскую* религию, но прибавляет еще слова: *определенное вероучение*. Драгоценное порождение нашей науки, ставшей христианской! Кто станет еще отрицать, что она выковала новые цепи для печати? Нельзя-де выступать против религии *ни вообще, ни в частности*. Или вы думаете, что слова «фривольный, враждебный» превратили новые цепи в цепи из роз? Как это ловко сказано: *фривольно, враждебно*! Прилагательное «фривольный» вызывает к благопристойности гражданина, это — экзотерическое слово для света, а цензору нашепывается на ухо прилагательное «враждебный»: так истолковывается в законе фривольность. Мы в этой инструкции найдем еще много примеров этого утонченного такта, который выражается в том, что к публике обращаются с субъективным словом, вызывающим краску на ее лице, а с другим, объективным словом, от которого писатель невольно бледнеет, обращаются к цензору. Таким способом можно переложить на музыку и *lettres de cachet* (королевские приказы о заточении в тюрьму).

И в каком удивительном противоречии запутывается цензурная инструкция! Фривольно только половинчатое нападение, — такое, которое направлено на отдельные стороны явления, не будучи достаточно глубоким и серьезным, чтобы коснуться сущности предмета; именно нападки *на частное, как на частное только*, — фривольны. Если поэтому запрещены нападки лишь на христианскую религию в целом, то выходит, что разрешены только фривольные нападки на нее. Наоборот, нападки на общие принципы религии, на ее сущность, на частное, *поскольку оно есть проявление* сущности, оказываются враждебными нападками. Нападать на религию можно только в форме *фривольной или враждебной*, — третьего не существует. Эта непоследовательность, в которой запутывается инструкция, есть во всяком случае только *видимость*, так как непоследовательность эта покоится на видимости, будто вообще разрешены *какие-либо* нападки на религию. Но достаточно одного беспристрастного взгляда, чтобы в этой видимости усмотреть одну только видимость. На религию нельзя нападать ни в форме враждебной, ни в форме фривольной, ни вообще, ни в частности, т.е. *никак вообще нельзя* нападать.

Однако если инструкция, в явном противоречии с указом о цензуре 1819 г., налагает новые оковы на *философскую прессу*, то эта инструкция, по крайней мере, должна была бы быть настолько последовательной, чтобы освободить *религиозную прессу* от старых оков, наложенных на нее прежним рационалистическим указом. Ведь он объявляет целью цензуры также «борьбу против фанатического перенесения в политику религиозных догматов веры и против возникающей отсюда *путаницы понятий*». Новая инструкция, правда, столь благоразумна, что умалчивает об этом пункте в своем *комментарии*, тем не менее, она, *цитируя статью 2-ю*, принимает и его. Что значит фанатическое перенесение в политику религиозных догматов веры? Это значит объявить религиозные догматы веры, взятые в их специфическом содержании, определяющим фактором государства, это значит сделать *мерилом государства особую сущность религии*. Старый указ о цензуре имел право выступать против этой путаницы понятий, потому что он оставляет критике отдельную религию, определенное содержание ее. Но старый указ опирался на плоский, поверхностный, презираемый вами самими *рационализм*. Вы же, основывающие государство даже в частности на *вере и христианстве*, вы, поборники *христианского государства*, как вы можете еще предлагать цензуре, чтобы она предупреждала эту путаницу понятий?

Смешение политического и христианско-религиозного принципов стало *официальным символом веры*. Мы разясним это смешение в немногих словах. Если говорить только о христианской религии как о признанной, то вы имеете в своем государстве католиков и протестантов. И те, и другие предъявляют одинаковые требования к государству, подобно тому как они имеют и одинаковые обязанности по отношению

к нему. Отвлекаясь от своих религиозных разногласий, они одинаково требуют, чтобы государство было осуществлением политического и правового разума. Вы же хотите *христианского государства*. Если ваше государство будет *лютеранско-христианским*, тогда оно для *католики* превратится в ту именно церковь, к которой он не принадлежит, которую он должен отвергать как еретическую, — в церковь, внутренняя сущность которой ему противоречит. В обратном случае мы будем иметь то же самое. Если же вы объявляете *особым духом* вашего государства *общий дух христианства*, тогда вы ведь решаете вопрос о том, *что такое* общий дух христианства, на основании ваших протестантских взглядов. Вы определяете, *что такое христианское государство*, хотя последнее время показало вам, что отдельные правительственные чиновники не умеют провести границы между религиозным и мирским, между государством и церковью. Не *цензорам*, а *дипломатам* пришлось по поводу этого *смешения понятий*, не *выносить решения*, а *вести переговоры* друг с другом. Наконец, вы становитесь на *еретическую* точку зрения, когда вы отбрасываете известный догмат как несущественный. Если же вы называете ваше государство *христианским вообще*, то тем самым вы в дипломатически изворотливой форме признаете, что оно *нехристианское*. Таким образом, либо запретите вообще втягивать религию в политику, — но этого вы не хотите, так как вы хотите сделать опорой государства не свободный разум, а веру; религия и служит для вас *всеобщей санкцией существующего*, — либо разрешите и *фанатическое* перенесение религии в политику. Дайте религии *по-своему* заниматься политикой. Но этого вы опять-таки не желаете. Религия должна поддерживать светскую власть, с тем, однако, чтобы светская власть не подчинялась религии. Раз вы втягиваете религию в политику, то всякое стремление *светской* власти определять, *как* религия должна выступать в политике, является несомненным и, более того, *противным религии* домогательством. Кто из религиозных побуждений хочет связать себя с религией, тот должен предоставить ей во всех вопросах решающий голос. Или вы, может быть, понимаете под религией *культ вашей собственной неограниченной власти и правительственной мудрости*?

Правоверный дух новой цензурной инструкции и в другой еще форме вступает в конфликт с *рационализмом* старого указа о цензуре. Последний включает в задачи цензуры подавление того, «что оскорбляет *мораль* и добрые нравы». Инструкция приводит это место как *цитату* из статьи 2-й. Но если в отношении религии инструкция в своем *комментарии* содержит некоторые добавления, то в отношении морали этот комментарий не свободен от пропусков. Оскорбление *морали* и *добрых нравов* превращается в нарушение «приличия, обычаев и внешней благопристойности». Мы видим, что *мораль как мораль*, как *принцип того мира*, который подчиняется собственным законам, *исчезает*, и на

место сущности выступают внешние проявления, *полицейская благопристойность, условное приличие*. «Кому подобает честь, воздайте честь», — в этом мы видим настоящую последовательность. Специфически христианский законодатель *не может признать мораль* независимой сферой, которая священна сама по себе, так как внутреннюю всеобщую сущность морали он объявляет принадлежностью религии. Независимая мораль оскорбляет всеобщие принципы религии, а особые понятия религии противоречат морали. Мораль признает только свою собственную всеобщую и разумную религию, религия же — только свою особую позитивную мораль. Цензура, таким образом, должна будет, по этой инструкции, отвергнуть героев мысли в области морали, вроде Канта, Фихте, Спинозы, как людей без религии, как людей, оскорбляющих приличие, обычаи и внешнюю благопристойность. Все эти моралисты исходят из принципиального противоречия между моралью и религией, ибо *мораль* зиждется на *автономии* человеческого духа, *религия* же — на его *гетерономии*. От этих неприятных новшеств цензуры, проявившихся в ослаблении ее моральной совести, с одной стороны, и в ригористическом обострении ее религиозной совести, с другой, перейдем к более отпадным вещам, к *уступкам*.

«Отсюда, в особенности, следует, что сочинения, в которых подвергается оценке государственное управление в целом или в отдельных его разветвлениях и в которых обсуждаются, по их внутреннему достоинству, изданные или имеющие еще быть изданными законы, раскрываются ошибки и недостатки, указываются или предлагаются улучшения, — что такие сочинения не должны быть запрещены по той только причине, что они написаны не в правительственном духе, если только изложение их пристойное, а *тенденция — благонамеренная*».

Скромность и серьезность исследования — это требование является общим для новой инструкции и для указа о цензуре, однако инструкция считает столь же недостаточной *благопристойность* изложения, как и истинность содержания. Главным критерием для нее становится *тенденция* — более того, это ее основная мысль, между тем как в указе нельзя найти даже *слова* «тенденция». В чем эта тенденция заключается — об этом ничего не говорит и новая инструкция. Но какое значение она придает тенденции, покажет следующее место:

«При этом *непрерывно* предполагается, что *тенденция* соображений, высказанных относительно мероприятий правительства, не является враждебной и злонамеренной, а доброжелательной; и от цензора требуются добрая воля и понимание, дабы он умел отличить одно от другого. В соответствии с этим цензоры должны также обращать особенное внимание на форму и на тон предназначенных для печати сочинений и не разрешать их печатание, если вследствие страстности, резкости и предвзятости *их тенденция* является вредной».

Писатель, таким образом, становится жертвой *самого ужасного терроризма*, подвергается *юрисдикции подозрения*. Законы против *тенденции*, законы, не дающие объективных норм, являются террористическими законами, вроде тех, какие изобрела крайняя государственная необходимость при Робеспьере и испорченность государства при римских императорах. Законы, которые делают главным критерием не *действия как таковые*, а *образ мыслей* действующего лица, — это не что иное, как *позитивные санкции беззакония*. Лучше стричь бороды у всех и каждого, — как это делал всем известный русский царь при помощи состоявших у него на службе казаков, — чем делать критерием для этого те убеждения, в силу которых я ношу бороду.

Лишь постольку, поскольку я *проявляю* себя, поскольку я вступаю в область действительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателью. Помимо *своих действий* я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия — это единственная область, где я сталкиваюсь с законом, ибо действие — это единственное, для чего я требую права существования, *права действительности*, и в силу чего я, таким образом, подпадаю под власть *действующего права*. Но закон, преследующий за тенденцию, карает не только то, что я делаю, но и то, что я думаю, *независимо* от моих действий. Он является, следовательно, оскорблением для чести гражданина, хитроумной ловушкой, угрожающей моему существованию.

Я могу вертеться и изворачиваться как угодно, от этого положение вещей нисколько не изменится. Мое существование взято под подозрение, моя сокровеннейшая сущность, моя индивидуальность рассматривается как *нечто дурное*, и за это мнение обо мне я и несу наказание. Закон карает меня не за то зло, которое я делаю, а за то именно зло, которого я не делаю. В сущности, я несу наказание за то, что мое действие *не является противозаконным*, ибо только этим я заставляю милосердного, благожелательного судью ограничить свое рассмотрение моим *дурным образом мыслей*, который настолько благоразумен, что не обнаруживает себя в действиях.

Закон, карающий за образ мыслей, *не есть закон, изданный государствам для его граждан*, это — *закон одной партии против другой*. Преследующий за тенденцию закон уничтожает равенство граждан перед законом. Это — закон не единения, а разъединения, а все законы разъединения реакционны. Это не закон, а *привилегия*. Один имеет право делать то, на что другой не имеет права, и не потому, что последнему недостает для этого объективного качества, — так, например, ребенок неспособен к заключению договоров, — нет, потому только, что его *благонамеренность*, его образ мыслей взяты под подозрение. *Нравственное государство* предполагает в своих членах *государственный образ мыс-*

лей, если даже они вступают в *оппозицию против органа государства, против правительства*. Но в таком обществе, в котором *какой-либо один орган* мнит себя единственным, исключительным обладателем государственного разума и государственной нравственности, в таком правительстве, которое принципиально противопоставляет себя народу и поэтому считает *свой антигосударственный образ мыслей* всеобщим, нормальным образом мыслей, — там нечистая совесть политиканствующей клики измышляет законы о тенденции, *законы мести*, карающие за тот образ мыслей, которого на самом деле придерживаются одни только члены правительства. Законы, преследующие за принципы, имеют своей основой беспринципность, безнравственный, грубо-вещественный взгляд на государство. Они — невольный крик нечистой совести. И как проводится в жизнь подобный закон? С помощью средства, которое еще более возмутительно, чем самый закон: при посредстве *шпионов* или же посредством предварительного соглашения считать подозрительными целые литературные направления — соглашения, при котором, конечно, опять-таки имеет место выслеживание того, к какому направлению принадлежит данный индивид. Подобно тому, как в законе, преследующем за тенденцию, *законодательная форма противоречит содержанию*; подобно тому, как *правительство*, издающее этот закон, яростно выступает против того, что оно представляет в своем собственном лице, т.е. против антигосударственного образа мыслей, — точно так же правительство и в каждом частном случае является по отношению к своим законам как бы *миром, вывороченным наизнанку*, ибо оно применяет двоякую меру. Что для одной стороны — право, то для другой — правонарушение. Уже *самые законы, издаваемые правительством, представляют собой прямую противоположность тому, что они возводят в закон*.

Новая цензурная инструкция также запутывается в этой диалектике. Она впадает в противоречие, когда вменяет цензорам в обязанность делать все то, за что она осуждает печать как за противогосударственные действия.

Так, инструкция запрещает писателям брать под подозрение образ мыслей отдельных лиц или целых классов — и тут же разрешает цензорам разделять всех граждан на подозрительных и неподозрительных, на благонамеренных и неблагонамеренных. У печати отнято право на критику, но эта последняя становится повседневной обязанностью правительственного критика. Однако этим выворачиванием наизнанку дело не ограничивается. В рамках прессы противогосударственный элемент только по своему содержанию выступает как нечто частное, со стороны же формы — как нечто всеобщее, как предмет всеобщего обсуждения.

Но теперь все поставлено вверх ногами. Частное выступает теперь как законное *в отношении своего содержания*, а против негосударственного — как мнение государства, как государственное право; взятый же

в отношении своей формы, противогосударственный элемент выступает теперь как нечто частное, недоступное лучам всеобщего света, удаленное с открытой свободной арены гласности и загнанное в канцелярию правительственного критика. Так, инструкция хочет охранять религию, сама же нарушает самый общий основной принцип всех религий — святость и неприкосновенность субъективного образа мыслей. Судьей сердца, вместо Бога, она провозглашает цензора. Так, она запрещает оскорбительные выражения и порочащие честь суждения об отдельных лицах, но подвергает вас каждый день оскорбительному и порочающему вашу честь суждению цензора.

Так, она хочет уничтожить сплетни, исходящие от злонамеренных и дурно осведомленных лиц, и вместе с тем принуждает цензора полагаться на подобные сплетни, доверяет шпионству злонамеренных и дурно осведомленных лиц, перенося суждение из сферы объективного содержания в сферу субъективного мнения или произвола. Так, намерение государства не должно быть подвергнуто подозрению, а инструкция как раз исходит из подозрения, направленного против государства. Так, под хорошей внешностью не должны скрываться никакие дурные намерения, но инструкция сама покоится на обманчивой внешности. Так, она желает повысить национальное чувство и в то же время сама опирается на унижающий нацию взгляд. От нас требуют поведения, соответствующего законам, требуют уважения к законам, и вместе с тем мы должны почитать такие учреждения, которые ставят нас вне закона и возводят произвол в право. Мы должны настолько признавать принцип личности, чтобы, несмотря на полный недостаток институт цензуры, доверять цензору; вы же настолько нарушаете принцип личности, что судите о ней не по поступкам, но по тому мнению, которое сложилось у вас о ее мнениях, о мотивах ее поступков. Вы требуете скромности, а между тем вы исходите из чудовищной нескромности, объявляя отдельных чиновников людьми, читающими в сердцах, всеведущими, философами, теологами, политиками, ставя их рядом с Аполлоном Дельфийским. С одной стороны, вы вменяете нам в обязанность уважение к нескромности, а с другой стороны, запрещаете нам нескромность. Приписывать совершенство рода отдельным индивидам — это действительно нескромно. Цензор — отдельный индивид, печать же воплощает в себе родовое начало. Нам вы предписываете доверие, и в то же время вы придаете недоверию силу закона. Вы такого высокого мнения о своих государственных учреждениях, что думаете, будто они делают слабого смертного, чиновника, святым и невозможное превращают для него в возможное. Но вы настолько не доверяете вашему государственному организму, что боитесь изолированного мнения частного лица, ибо на печать вы смотрите как на частное лицо. Чиновники, по вашему мнению, совершенно лишены личных мотивов, они-де будут действовать

без злобы, страсти, ограниченности и человеческой слабости. А нечто безличное, *идеи*, вы заподозриваете в том, что они полны личных происков и субъективной низости. Инструкция требует неограниченного доверия к сословию чиновников и исходит из неограниченного недоверия к сословию нечиновников. Но почему мы не должны платить равным за равное? Почему мы не должны считать подозрительным это именно сословие чиновников? То же и относительно характера. Человек непредубежденный должен уже заранее относиться с большим уважением к характеру того критика, который выступает публично, чем того, который действует втайне.

То, что вообще дурно, всегда остается дурным, кто бы ни был его носителем, — будет ли то критик частный или же назначенный правительством, — но в последнем случае дурное получает санкцию свыше и рассматривается как нечто необходимое для осуществления добра снизу.

Цензура тенденции и тенденция цензуры — таков *дар, преподнесенный новой либеральной инструкцией*. Никто не осудит нас за то, что мы отнесемся с некоторым недоверием к ее дальнейшим пунктам.

«Оскорбительные выражения и порочащие честь суждения об отдельных лицах не подлежат опубликованию». Не подлежат опубликованию! Куда было бы лучше, если бы — вместо этого мягкосердия — оскорбительное и порочащее честь суждение получило объективное определение.

«То же самое относится к заподозриванию образа мыслей отдельных лиц *или*» (многозначительное «или»!) «целых классов, к употреблению *партийных кличек* и тому подобных личных нападок». Недопустимы, следовательно, также распределение по категориям, нападки на целые классы, употребление партийных кличек. Но ведь человек, подобно Адаму, всему должен дать имя, чтобы все это для него существовало; ведь названия партий — необходимые категории для политической прессы, ибо,

Как полагает доктор Сассафрас,
Болезни каждой, чтоб ее лечить,
Сперва мы имя дать должны.

Все это относится к *личным нападкам*. Как же поступать? Отдельной личности касаться нельзя; точно так же нельзя касаться ни класса, ни общего, ни юридического лица. Государство не желает терпеть, — и это совершенно правильно, — никаких оскорблений, никаких личных нападок. Но с помощью едва заметного «или» общее тоже подведено под личное. Посредством «или» вводится общее, а посредством маленького «и» мы, в конце концов, узнаем, что речь шла только о личном. А это с удивительной легкостью привело к тому результату, что у прессы отнята возможность всякого контроля над чиновниками и над такими учреждениями, которые существуют как некоторый класс индивидов.

«Если цензура будет действовать согласно этим указаниям в духе указа о цензуре от 18 октября 1819 г., то этим будет дан достаточный простор для благопристойной и откровенной публицистики, и можно надеяться, что благодаря этому пробудится больший интерес к отечественным делам и повысится национальное чувство».

Что *благопристойной* публицистике, благопристойной с точки зрения цензуры, будет дан, согласно этим указаниям, более чем достаточный простор, это мы признаем; очень удачно выбрано и слово «простор», так как здесь открывается широкое поле для резвящейся, забавляющейся акробатическими прыжками прессы. Но будет ли предоставлен такой простор *откровенной* публицистике и найдется ли место для этой *откровенности*, — об этом пусть судит проницательный читатель. Что касается *надежд*, выражаемых инструкцией, то можно повышать, конечно, *национальное чувство* и в том смысле, в каком присланный шнур повышает турецкое национальное чувство. Но удастся ли столь же скромной, сколь и серьезной прессе пробудить интерес к отечественным делам, — этот вопрос мы предоставляем решать ей самой. Худосочную прессу не поправишь хинином. Но, быть может, мы слишком серьезное значение придали приведенному отрывку. Быть может, мы лучше угадаем его смысл, если будем рассматривать его просто как шип в гирлянде из роз. Возможно, что к этому либеральному шипу подвешен перл очень двусмысленной ценности. Присмотримся получше. Все зависит от контекста. Повышение национального чувства и пробуждение интереса к отечественным делам, — о чем, выражая свою *надежду*, говорит приведенное место, — под сурдинку превращаются в *приказание*, в котором кроется *новый гнет* для наших бедных, чахлах *ежедневных газет*.

«Следуя по этому пути, можно надеяться, что и политическая литература и ежедневная пресса лучше поймут свое назначение, что они вместе с приобретением более богатого материала усвоят также и более достойный тон и впредь будут считать недостойным для себя спекулировать на любопытстве своих читателей сообщением бессодержательных, заимствованных из иностранных газет сенсационных новостей, исходящих от злонамеренных или плохо осведомленных корреспондентов, или сплетнями и личными нападками, — направление, против которого цензура, несомненно, призвана принимать меры».

Инструкция *выражает надежду*, что на этом пути политическая литература и ежедневная пресса лучше поймут свое назначение и т.д. Но ведь *лучшее понимание* не есть нечто такое, что можно предписать; это еще только ожидаемый плод, и надежда так и остается надеждой. Инструкция, однако, слишком практична, чтобы довольствоваться надеждами и благочестивыми пожеланиями. Внушая прессе, *в виде нового облегчения*, надежду на улучшение ее положения в будущем, доброжела-

тельная инструкция тут же отнимает у прессы то право, которым она пользуется в настоящее время. В надежде на свое улучшение пресса теряет то, что она еще имеет. Ее постигает судьба бедного Санчо Пансы, у которого его придворный врач отнимает всякую пищу, чтобы расстройство желудка не помешало ему как следует исполнить возложенные на него герцогом обязанности. Вместе с тем мы не должны упустить случая призвать прусского писателя к усвоению такого рода благопристойного слога. Во вступительной фразе сказано: «Следуя по этому пути, можно надеяться, *что...*» От этого *что* зависит целый ряд определений, как-то: что политическая литература и ежедневная пресса лучше поймут свое назначение, что они усвоят более достойный тон и т.д. и т.д., что они будут считать недостойным для себя сообщение бессодержательных, заимствованных из иностранных газет корреспонденций и т.д. Все эти определения относятся еще к области надежд; но заключение, связанное с предыдущим посредством *тире*: «направление, против которого цензура, несомненно, призвана принимать меры», избавляет цензора от скучной задачи выжидать предполагаемого улучшения ежедневной прессы, оно, скорее, даст ему право без дальнейших околичностей зачеркивать то, что ему не по душе. *Внутреннее лечение* заменяется *ампутацией*.

«Но чтобы приблизиться к этой цели, необходимо при разрешении новых периодических изданий и при утверждении новых редакторов поступать с большой осторожностью, чтобы ежедневная пресса была доверена лишь совершенно безупречным лицам, научные способности, положение и характер которых служат гарантией серьезности их стремлений и лояльности их образа мыслей».

Прежде чем перейти к детальному разбору, сделаем одно общее замечание. Утверждение новых редакторов, следовательно, вообще будущих редакторов, всецело поставлено в зависимость от «*большой осторожности*», — речь идет, конечно, об осторожности *государственных должностных лиц*, цензуры; между тем старый указ о цензуре предоставлял выбор редакторов — по крайней мере, при известных гарантиях — *усмотрению издателя*:

«Статья IX. Главное управление цензуры вправе заявить издателю газеты, что предложенный им редактор не принадлежит к числу лиц, внушающих необходимое доверие, и в таком случае издатель обязан либо пригласить другого редактора, *либо*, если он *желает сохранить* прежнего, внести за него *залог, определяемый* нашими вышеупомянутыми министерствами по предложению названного главного управления цензуры».

В новой цензурной инструкции проявляется глубина совершенно иного рода, проявляется, можно сказать, *романтика* духа. В то время как старый указ о цензуре требует залогов внешних, прозаических и потому определяемых законом, — таких залогов, при гарантии которых

даже неугодный редактор должен быть допущен, — инструкция лишает издателя газеты *всякой собственной воли*. По указанию инструкции, предусмотрительная мудрость правительства, большая осторожность и умственная проницательность начальства должны иметь дело с внутренними, субъективными, не определяемыми внешним образом качествами. Но если неопределенность, утонченная чувствительность и субъективная экзальтированность *романтики* переходят в *чисто внешнее проявление* лишь в том смысле, что внешняя случайность проявляется уже не в своей прозаической определенности и ограниченности, а в некоем фантастическом ореоле, в воображаемой глубине и великолепии, — то и инструкция едва ли будет в состоянии избежать этой *романтической судьбы*.

Редакторы ежедневной прессы, — а к этой категории может быть отнесена вся журналистика, — должны быть совершенно безупречными людьми. В качестве гарантии этой совершенной безупречности инструкция указывает сначала на «*научные способности*». Не возникает ни малейшего сомнения в том, может ли цензор обладать научной способностью судить о всякого рода научных способностях. Если в Пруссии живет такое сонмище известных правительству универсальных гениев, — каждый город имеет, по крайней мере, одного цензора, — то почему же эти энциклопедические головы не выступают в качестве писателей? Если бы эти чиновники, могущественные своей численностью, а еще более — своей наукой и своим гением, вдруг поднялись и подавили своим весом тех жалких писателей, каждый из которых пишет только в одном каком-либо жанре, да и то без официального признания своих способностей, — то этим гораздо скорее был бы положен конец всем неурядицам в прессе, чем при посредстве цензуры. Почему молчат эти умудренные опытом люди, которые, как римские гуси, своим гоготанием могли бы спасти Капитолий? Это — слишком скромные люди. Научный мир их не знает, зато их знает правительство.

А если это действительно такие мужи, каких не умело найти ни одно государство, — ибо ни одно государство не знало целых классов, состоящих только из универсальных гениев и энциклопедических умов, — то насколько еще гениальнее должны быть те, кто выбрал этих людей! Какой тайной наукой должны они обладать, чтобы быть в состоянии выдать чиновникам, неизвестным в республике науки, свидетельства об их универсально-научных способностях! Чем выше мы поднимаемся по лестнице этой *бюрократии ума*, тем все более удивительные головы нам встречаются. Стоит ли государству, обладающему такими столпами совершенной прессы, превращать этих *мужей в охранителей* полных недостатков прессы, целесообразно ли низводить совершенное до роли средства против несовершенного?

Чем больше таких цензоров вы назначите, тем больше шансов на исправление отнимете вы у царства прессы. Вы отнимаете у вашего войска здоровых и делаете их врачами для больных.

Топните только о землю ногою, как Помпеи, и из каждого правительственного здания выйдет во всеоружии Афина Паллада. Слабосильная ежедневная пресса рассыплется в прах перед *официальной прессой*. Достаточно появления света, чтобы исчезла тьма. Пусть ваш свет светит, не держите его под спудом. Вместо плохой цензуры, безукоризненность которой для вас самих проблематична, дайте нам, — ведь вам стоит только приказать, — совершенную прессу, прообраз которой существует уже в течение многих веков в *китайском* государстве.

Но разве стремление сделать *научные способности* единственным необходимым условием для писателей периодической печати не есть выражение духа, отнюдь не являясь ни покровительством привилегии, ни требованием соблюдения условностей? Разве это условие не есть требование самого дела, а требование определенного лица?

К сожалению, цензурная инструкция прерывает наш панегирик. Рядом с гарантией научных способностей стоит требование *положения и характера*. Положение и характер!

Характер так непосредственно следует за положением, что кажется даже, будто он целиком вытекает из положения. Начнем поэтому с *положения*. Оно так плотно втиснуто между научными способностями и характером, что невольно начинаешь сомневаться в чистоте намерений, которыми это продиктовано.

Общее требование научных способностей, — как это *либерально*! *Частное* требование положения, — как это *нелиберально*! Научные способности и положение, взятые вместе, — как это *мнимолиберально*! Так как научные способности и характер — очень неопределенные вещи, положение же, наоборот, есть нечто весьма определенное, то почему бы нам не сделать тот вывод, что неопределенное, согласно необходимому логическому закону, будет опираться на определенное, получая от него поддержку и содержание? Сделал ли бы цензор, таким образом, большую ошибку, если бы он толковал инструкцию в том смысле, что *положение* и есть та *внешняя форма*, в которой научные способности и характер проявляются в обществе, тем более что собственная должность цензора гарантирует ему полное совпадение этой точки зрения с точкой зрения государства? Без этого толкования остается, по меньшей мере, совершенно непостижимым, почему научные способности и характер не представляют достаточных гарантий для писателя, почему необходимой третьей гарантией является положение. Но если бы цензору пришлось вступить в конфликт с самим собой, если бы эти гарантии редко были связаны друг с другом или даже никогда не находились вместе, —

какой следовало бы ему сделать выбор? А ведь выбирать, как бы то ни было, необходимо, ведь должен же кто-нибудь редактировать газеты и журналы! Научные способности и характер без положения могут показаться цензору проблематичными вследствие своей неопределенности. Да и вообще его справедливо должно удивлять, как эти качества могут существовать отдельно от положения. Должен ли, наоборот, цензор сомневаться в наличии характера и учености там, где имеется налицо положение? В этом случае он меньше доверял бы суждению государства, чем своему собственному, в противном же случае он больше доверял бы писателю, чем государству. Может ли цензор быть таким бестактным, таким неблагонамеренным? Этого нельзя ожидать, да никто этого, конечно, и не ожидает. Так как *положение* служит решающим критерием в *сомнительных случаях*, то выходит, что оно и вообще является *абсолютно решающим критерием*.

Если, следовательно, раньше инструкция вступала в конфликт с *указом о цензуре* в силу своего *правоверия*, то сейчас она вступает с ним в конфликт благодаря своему *романтизму*, который всегда является вместе с тем и *тенденциозной поэзией*. *Денежный залог*, представляющий прозаическую, настоящую гарантию, превращается в идеальную гарантию, а эта последняя превращается в совершенно *реальное* и *индивидуальное* положение, приобретающее магическое воображаемое значение. Так же меняется и значение гарантии. Уже не издатель *выбирает* редактора, за которого *он* ручается начальству, а начальство выбирает *ему* редактора, за которого оно ручается самому себе. Старый указ ждал работ редактора, за которые отвечал денежный залог издателя. Инструкция же говорит не о *работе* редактора, а о его *личности*. Она требует определенной индивидуальности, воплощенной в лице редактора, а доставить таковую должны *деньги издателя*. Новая инструкция имеет такой же внешний характер, как и старый указ. Но в то время как последний высказывает и устанавливает, соответственно своей природе, нечто прозаически определенное и ограниченное, — инструкция придает чистейшей случайности мнимое значение и с пафосом всеобщности высказывает нечто чисто индивидуальное.

Но если по отношению к редактору романтическая инструкция придает самой внешней определенности тон самой благодушной неопределенности, то по отношению к цензору она самой расплывчатой неопределенности придает тон строгой определенности законоположения.

«Такую же осторожность необходимо соблюдать и при назначении цензоров, дабы должность цензоров поручалась только лицам с проверенным образом мыслей и *способностями*, лицам, вполне соответствующим тому почетному доверию, какое эта должность предполагает; таким людям, которые, будучи в одно и то же время благонамеренными и проницательными, умели бы отличать форму от сущности дела и с уве-

ренным *тактом* отбрасывать сомнения в тех случаях, когда смысл и *тенденция* сочинения не оправдывают сами по себе этих сомнений».

Вместо положения и характера, требуемых от писателя, здесь фигурирует проверенный образ мыслей, так как положение уже дано заранее. Но еще более примечательно то, что, в то время как от писателя требуются *научные способности*, от цензора требуются *способности вообще* без дальнейшего определения их. Старый указ, составленный, за исключением вопросов политики, в рационалистическом духе, требует в статье 3-й «научно образованных» и даже «просвещенных» цензоров. Оба эти атрибута отпадают в инструкции, и вместо *способностей* писателя, под которыми разумеют определенные, развившиеся и претворившиеся в действительность способности, у цензора выступают *задатки способностей*, способности вообще. Итак, *задатки способностей* должны играть роль цензоров по отношению к *проявившимся уже способностям*, хотя очевидно, что по природе вещей они должны стоять друг к другу в обратном отношении. Заметим, наконец, лишь мимоходом, что способности цензора не получают более развернутого определения со стороны своего *объективного* содержания, и это делает их характер, во всяком случае, *двусмысленным*.

Должность цензора, далее, должна быть поручена лицам, «*вполне соответствующим* тому почетному доверию, какое эта должность предполагает». Незачем подробнее разбирать это плеонастическое, мнимое определение, подчеркивающее необходимость выбирать на такую должность людей, которым оказывают доверие, считая, что они *вполне соответствуют* (будут соответствовать?) тому почетному доверию, — и притом полному доверию, — которое им оказывают.

Наконец, цензоры должны быть такими людьми, «которые, будучи в одно и то же время благонамеренными и проницательными, умели бы отличать форму от сущности дела и с *уверенным тактом* отбрасывать сомнения в тех случаях, когда смысл и тенденция сочинения не оправдывают сами по себе этих сомнений».

Напротив, несколько выше инструкция предписывает:

«В соответствии с этим» (т.е. с исследованием тенденции) «цензоры должны также обращать особенное внимание на *форму* и на *тон* предназначенных для печати сочинений и не разрешать их печатание, если вследствие страстности, резкости и претенциозности их тенденция является вредной».

Таким образом, цензор должен то судить о *тенденции по форме*, то о *форме по тенденции*. Если прежде совершенно исчезало *содержание* как критерий для цензуры, то теперь исчезает и *форма*. Была бы только тенденция хороша, а *погрешности формы* никакого-де значения не имеют. Пусть сочинение и не отличается ни особенной скромностью, ни особенной серьезностью, пусть кажется оно полным резкости, страстности и претенциозности, — кто станет пугаться *шероховатой внешней сто-*

роны? Нужно же уметь отличать *форму* от *сущности*. Так, в результате была отброшена всякая видимость определения, и инструкция не могла кончить ничем другим, как *полным противоречием самой себе*, — ибо все то, из чего тенденция должна быть еще только выведена, здесь, наоборот, определяется только посредством этой самой тенденции и само должно быть выведено из нее. Резкость патриота есть святое рвение; его страстность — это пылкость любви; его претенциозность — это подходящая до самопожертвования преданность, слишком безмерная, чтобы быть умеренной.

Все объективные нормы отпадают, все сводится к *личному* отношению, и гарантией остается только такт цензора. Что же цензор может нарушить? Такт. А бестактность — не преступление. Что ставится под угрозу на стороне писателя? Его существование. Какое государство когда-либо ставило существование целых классов людей в зависимость от такта отдельных чиновников?

Еще раз повторяю: *все объективные нормы отпадают*. Если посмотреть со стороны писателя, то тенденция является последним, требуемым от него и предписываемым ему, содержанием; тенденция, в виде бесформенного мнения, выступает здесь в качестве объекта. В качестве же субъекта, как мнение о мнении, тенденция сводится к такту цензора и является для последнего единственной нормой.

Но если произвол цензора, — а право на безоговорочное мнение есть право на произвол, — есть логический вывод из инструкции, тщательно скрываемый ею под маской объективных определений, то эта же инструкция, наоборот, с полным сознанием выражает произвол *обер-президиума*, которому без дальнейших околичностей оказывается полное доверие, и *это оказанное обер-президенту доверие* есть последняя *гарантия прессы*. Сущность цензуры вообще, таким образом, основана на высокомерном фантастическом представлении полицейского государства о его чиновниках. Ум и добрая воля общества признаются неспособными даже на самые простые вещи, зато по отношению к чиновникам даже невозможное признается возможным.

Этот коренной порок проходит через все наши учреждения. Так, например, в уголовном процессе судья, обвинитель и защитник соединены в *одном лице*. Это соединение противоречит всем законам психологии. Но чиновник стоит-де выше законов психологии, а общество, наоборот, — ниже их. Однако неудовлетворительный государственный принцип еще можно было бы простить; но он становится непростительным, когда он недостаточно честен, чтобы быть последовательным. *Ответственность* чиновников должна была бы быть настолько несоизмеримо выше ответственности общества, насколько чиновники ставятся инструкцией выше общества; и вот как раз здесь, где одна только последовательность может оправдать принцип, дать ему правовое обосно-

вание в пределах его сферы, именно здесь от него отказываются, именно здесь применяется прямо противоположный принцип.

Цензор также является обвинителем, защитником и судьей в одном и том же лице. Цензору доверено *управление умами*; он *безответственен*.

Цензура могла бы иметь только *временно-лояльный* характер, если бы она была подчинена *обыкновенным судам*, что, правда, невозможно до тех пор, пока нет объективных законов о цензуре. Но самое худшее средство — это отдать цензуру на суд цензуре же, отдать ее на суд какому-нибудь обер-президенту или высшей цензурной коллегии.

Все, что мы говорили об отношении прессы к цензуре, распространяется также и на отношение цензуры к высшей цензуре и на отношение писателя к главному цензору, хотя здесь и появляется *промежуточное звено*. Это то же отношение, но только на более высокой ступени. Поразительное заблуждение, — оставляя неизменным порядок вещей, пытаться дать ему другую сущность путем простой смены лиц. Если бы *деспотическое государство* захотело быть лояльным, то оно уничтожило бы само себя. Каждая точка подвергалась бы одинаковому принуждению и оказывала бы одинаковое противодействие. Высшая цензура должна была бы, в свою очередь, подвергнуться цензуре. Чтобы избежать этого порочного круга, решаются быть нелояльными, и вот на третьей или девяносто девятой ступени открывается простор для беззакония. Но бюрократическое государство, которое все же смутно сознает это отношение, старается, по крайней мере, так высоко поставить сферу беззакония, чтобы оно скрылось из виду, и думает тогда, что беззаконие исчезло.

Действительным, *радикальным излечением цензуры* было бы ее *уничтожение*, ибо негодным является само это учреждение, а ведь учреждения более могущественны, чем люди. Наше мнение может быть верным или нет, но, во всяком случае, *благодаря новой инструкции* прусские писатели *приобретают* больше либо *действительной свободы*, либо *идеальной*, т.е. больше *сознания*.

Kara temporum felicitas, ubi quae veils sentire et quae sentias diccre licet.

ДЕБАТЫ ШЕСТОГО РЕЙНСКОГО ЛАНДТАГА

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания¹

К изумлению всей пишущей и читающей Германии *прусская* «*Staats-Zeitung*» в одно прекрасное берлинское весеннее утро опубликовала свои *признания*. Она, конечно, избрала для этого великосветскую, дипломатическую форму, а не занимательную форму исповеди. Она сделала вид, что хочет показать своим сестрам зеркало познания, она мистически-загадочно говорила только о других прусских газетах, между тем как на самом деле она говорила о той газете, которая является прусской *par excellence* (по преимуществу) — о себе самой.

Это обстоятельство допускает различные объяснения. *Цезарь* говорил о себе в третьем лице. Почему же в таком случае прусской «*Staats-Zeitung*», когда она говорит о третьих лицах, не иметь в виду самое себя? *Дети*, говоря о себе, обыкновенно вместо слова «я» называют себя по имени: «Георг» и т.п. Почему же прусской «*Staats-Zeitung*» не замещать местоимение «я» именами: «*Vossische*», «*Spenersche*» или именем какого-нибудь другого святого?

Появилась новая цензурная инструкция. Наши газеты сочли необходимым усвоить манеры и внешние формы, подобающие свободе. И прусская «*Staats-Zeitung*» тоже была вынуждена встряхнуться и обзавестись какой-нибудь либеральной — по меньшей мере, самостоятельной — идеей.

Первым необходимым условием свободы является, однако, самопознание, самопознание же невозможно без признаний. Если только твердо помнить, что прусская «*Staats-Zeitung*» опубликовала здесь *свои признания*; если не упускать из виду, что мы тут видим перед собой пер-

---

¹ Дебатам шестого рейнского ландтага Маркс посвятил три статьи. В первой статье, написанной в апреле 1842 года, автор продолжает критику прусской цензуры и противопоставляет ей образ смелой народной печати. Маркс также рассматривает вопрос о представительном строе в Германии. На примере обсуждения вопроса о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания Маркс доказывает, что ландтаг не имеет ничего общего с народным представительством, ибо отстаивает сословные привилегии вопреки интересам народа. Статья опубликована в шести приложениях к «Рейнской газете» с 5 по 19 мая 1842 года за подписью «Житель Рейнской провинции». Печатается по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. / Пер. Института марксизма-ленинизма. Т. 1.

Ландтаг — сословное собрание провинции. Ландтаги были учреждены в 1823 году и созывались королем. Их компетенция ограничивалась, как правило, вопросами местного хозяйства и провинциального управления. Шестой рейнский ландтаг заседал с 23 мая по 25 июля 1841 года в Дюссельдорфе. Дебаты о свободе печати развернулись при обсуждении вопроса о публикации протоколов ландтага.

вое пробуждение полуофициального газетного детища к самосознанию, — то все загадки будут разрешены. Мы убедимся, что прусская «Staats-Zeitung» «невозмутимым тоном произносит великие слова», и нам только трудно будет решить: восхищаться ли нам больше невозмутимостью этого величия или величием этой невозмутимости?

Едва только успела появиться цензурная инструкция, едва только успела «Staats-Zeitung» прийти в себя от этого удара, как она выступила с вопросом: «Какую пользу принесла вам, прусским газетам, большая свобода по отношению к цензуре?»

Она, очевидно, этим хочет сказать: какую пользу принесли мне долгие годы строгого цензурного надзора? Чем же я стала, несмотря на весь старательный надзор и всестороннюю опеку? И что же теперь будет со мной? Ходить самостоятельно я не научилась, а падкая на зрелища публика ждет всяких антраша от паралитика. Такая же участь ждет и вас, мои сестры! Признаем же открыто перед прусским народом наши слабости, но будем дипломатичны в этих своих признаниях. Мы не скажем ему прямо, что мы неинтересны. Но мы ему скажем, что если прусские газеты неинтересны прусскому народу, то прусское государство не представляет интереса для газет.

Смелый вопрос «Staats-Zeitung» и еще более смелый ответ являются только прелюдией к ее пробуждению, — это она сквозь сон бормочет текст той роли, которую она впоследствии исполнит. Она пробуждается к сознанию, она проявляет свою сокровенную сущность. Внимайте Эпимениду!

Известно, что первой теоретической деятельностью рассудка, который еще колеблется между чувственностью и мышлением, является *счет*. Счет — это первый свободный теоретический акт рассудка *ребенка*. *Давайте считать*, — призывает прусская «Staats-Zeitung» к своим сестрам. *Статистика* — первая политическая наука! Я познал голову человека, если я знаю, сколько на ней волос.

Поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы поступали по отношению к тебе. И можно ли оценить по достоинству нас самих, в особенности меня, прусскую «Staats-Zeitung», лучше, чем статистическим путем! Именно статистика удостоверяет не только тот факт, что я столь же часто выхожу в свет, как любая французская или английская газета, но также и тот факт, что меня меньше читают, чем какую бы то ни было газету цивилизованного мира. Откиньте чиновников, которые без особого желания вынуждены интересоваться мной, сбросьте со счета общественные заведения, которые не могут обходиться без полуофициального органа, — кто же станет читать меня, — я спрашиваю, кто? Сосчитайте производимые на меня затраты, сосчитайте доходы, которые я приношу, и вы убедитесь, что произносить невозмутимым тоном великие слова вовсе не значит заниматься прибыльным делом.

Видите, как убедительна статистика, как простой арифметический счет делает излишними всякие дальнейшие умственные операции. Итак, считайте! Цифровые таблицы просвещают публику, не возбуждая ее страстей.

«Staats-Zeitung» с ее высоким пониманием значения статистики ставит себя рядом не только с китайцем, не только со статистиком мироздания — Пифагором. Она показывает, что находится под влиянием великого натурфилософа новейшего времени, который хотел представить в числовых рядах все различия в мире животных и т.д.

Таким образом, для «Preussische Staats-Zeitung», несмотря на весь ее бросающийся в глаза позитивизм, не являются чуждыми и принципы современной философии.

«Staats-Zeitung» — газета всесторонняя. Она не успокаивается на *числе*, на *величине времени*. Она идет дальше в своем признании количественного принципа, она отдает должное и *пространственной* величине. Пространство — это первое, что импонирует *ребенку* своей величиной. Оно — первая величина, с которой ребенок сталкивается в мире. Ребенок поэтому считает человека большого роста большим человеком, и точно так же по-детски рассуждающая «Staats-Zeitung» повествует нам о том, что *толстые* книги несравненно лучше, чем *тонкие*, о *листочках* же, о *газетах*, выходящих ежедневно в размере одного только печатного листа, и говорить не приходится.

Вы, немцы, умеете высказываться только обстоятельно! Пишите же весьма пространственные книги о государственном устройстве, пишите весьма солидные ученые труды, которых никто, кроме почтенного автора и почтенного рецензента, не читает, но помните, что ваши газеты — это не книги. Сообразите, какое количество листов бумаги содержит основательный трехтомный труд! Ищите поэтому дух наших дней, дух времени не в газетах, которые предлагают вам статистические таблицы, а в книгах, размеры которых уже служат гарантией их основательности.

Помните, благонравные дети, что тут речь идет об «ученых» вещах. Штудируйте поэтому прежде всего толстые книги, и вы проникнетесь любовью также и к нам, газетам, за наш воздушный формат, за нашу светскую легкость, которые после толстых книг оказывают поистине освежающее действие.

Правда, наше время не имеет уже того настоящего чувства величия, которое восхищает нас в средних веках. Посмотрите на наши тощие пиетистские трактатики, на наши философские системы размером всего in octavo (в одну восьмую листа) и сравните их с двадцатью огромными фолиантами Дунса Скота. Эти фолианты вам даже не надо читать. Уже одни их фантастически огромные размеры трогают — подобно готическому зданию — ваше сердце, поражают ваши чувства. Эти первобытно-грубые гиганты действуют на душу как нечто материальное. Душа себя чувствует подавленной под тяжестью массы, а чувство подавленности

есть начало благоговения. Не вы владеете этими книгами, а они владеют вами. Вы являетесь их акциденцией, и такой же акциденцией, по мнению прусской «Staats-Zeitung», должен стать народ по отношению к своей политической литературе.

Таким образом, «Staats-Zeitung» не лишена исторических, присущих солидному средневековью принципов, хотя и выражается она совершенно по-современному.

Если, однако, теоретическое мышление *ребенка* имеет количественный характер, то суждение ребенка, как и его практическое мышление, имеет характер прежде всего практически-чувственный. Чувственная природа организма ребенка — это первая связь, которая соединяет его с миром. *Практические органы чувств*, преимущественно нос и рот, являются первыми органами, при помощи которых он *оценивает* мир. Поэтому по-детски рассуждающая прусская «Staats-Zeitung» определяет при помощи *носа* ценность газет вообще, свою собственную ценность в частности. Если один греческий мыслитель считает лучшими сухие души, то «Staats-Zeitung» считает «хорошими» газетами «*благовонные*». Она не может нахвалиться «*литературным ароматом*», присущим аугсбургской «Allgemeine» и «Journal des Debats». Похвальная, редкая наивность! Великий, величайший Помпей!

Развернув, таким образом, перед нами целый ряд отдельных, заслуживающих признательности мыслей, давших нам возможность глубоко заглянуть в ее душу, «Staats-Zeitung» резюмирует затем свой взгляд на государство в одном глубоком рассуждении, центральное место в котором занимает великое открытие, что в Пруссии государственное управление и весь организм государства отделены от политического духа и поэтому не могут представлять никакого *политического* интереса ни для народа, ни для печати.

По мнению прусской «Staats-Zeitung», таким образом, в Пруссии государственное управление непричастно к политическому духу, или политический дух непричастен к государственному управлению. Как неделикатно поступает здесь «Staats-Zeitung», высказывая нечто такое, хуже чего не мог бы придумать злейший враг, а именно, что действительная государственная жизнь лишена политического духа и что политический дух живет вне действительного государства!

Однако мы не должны забывать *детски-чувственную точку зрения* прусской «Staats-Zeitung». Она повествует нам о том, что когда речь идет о железных дорогах, следует думать только о железе и дорогах, когда речь идет о торговых договорах, следует думать только о сахаре и кофе, когда речь идет о кожевенных заводах, — только о коже. Разумеется, ребенок не идет дальше *чувственного восприятия*, он видит только единичное, не подозревая существования тех невидимых нервных нитей, которые связывают это особое с всеобщим, которые в государстве, как и повсюду, превращают материальные части в одушевлен-

ные члены одухотворенного целого. Ребенок верит, что солнце вращается вокруг земли, всеобщее — вокруг частного. Ребенок поэтому не верит в *дух*, зато он верит в *привидения*.

В соответствии с этим прусская «Staats-Zeitung» считает политический дух французским привидением, и ей кажется, что она заклиняет это привидение, бросая ему в голову кожу, сахар, штыки и цифры.

Однако, прервет нас здесь читатель, ведь мы хотели поговорить о «дебатах в рейнском ландтаге», а вместо этого нам преподносят *«невинного ангела»*, старообразное детище прессы, «Preussische Staats-Zeitung», и повторяют те старчески-премудрые колыбельные песни, при помощи которых она снова и снова пытается убаюкать себя и своих сестер, чтобы погрузиться в глубокий зимний сон.

Но разве не сказал Шиллер:

И то, что увидеть не может мудрец,
Доходит до *детских невинных сердец*.

Прусская «Staats-Zeitung» *«в своей невинности сердечной»* напомним нам, что в Пруссии, не хуже чем в Англии, мы имеем *сословные собрания*, дебаты которых ежедневная пресса *имела бы-де право* обсуждать, если бы она *умела* это делать, ибо в классически гордом сознании своего достоинства «Staats-Zeitung» полагает, что не хватает прусским газетам не *права*, а *уменья*. Это качество в виде особой привилегии мы охотно за ней признаем и, не распространяясь дальше о ее способностях, берем на себя смелость осуществить на деле ту идею, которую она в своей невинности сердечной выболтала.

Опубликование протоколов ландтага лишь тогда станет действительностью, когда они будут обсуждаться как *«публичные факты»*, т.е. когда они станут достоянием печати. Нас, конечно, ближе всего касается последний *рейнский* ландтаг.

Мы начинаем с *«дебатов о свободе печати»* и предварительно заметим, что при обсуждении этого вопроса мы будем иногда выступать как участники, высказывая наш собственный взгляд; в дальнейших же статьях мы будем следить за ходом прений и освещать его больше с точки зрения историка-наблюдателя.

Самый характер прений обуславливает это различие в способе изложения. В дебатах по всем остальным вопросам различные мнения защищались представителями сословий с одинаковой силой. В вопросе же о печати, наоборот, противники свободы печати имеют некоторое преимущество. Помимо ходячих выражений и общих мест, которые носятся в воздухе, мы встречаем у этих противников какой-то *патологический аффект*, страстную предвзятость, обусловленную их *действительным*, а не воображаемым отношением к печати, между тем как у *защитников печати* на этом ландтаге, вообще говоря, нет *никакого действительного*

отношения к их подзащитному. Они никогда не знали свободу печати как *наущную потребность*. Для них она дело ума, в котором сердце не принимает никакого участия. Она для них «экзотическое» растение, с которым они связаны только как «любители». Вследствие этого они против особо «веских» доводов противников выставляют подчас слишком общие, расплывчатые рассуждения, но даже и самый скудоумный довод претендует на важное значение, пока он не разбит наголову.

Гете как-то сказал, что художнику удастся изображение только такого типа женской красоты, который он любил хотя бы в одном живом существе. Свободе печати также присуща своя красота, — хотя красота эта отнюдь не женская, — и ее надо любить, чтобы быть в состоянии защищать ее. Существование того, что я действительно люблю, я ощущаю как необходимое, я чувствую в нем потребность, без него мое существование не может быть полным, удовлетворенным, совершенным. Между тем упомянутые защитники свободы печати, по-видимому, наслаждаются полнотой жизни и при отсутствии свободы печати.

Либеральная оппозиция показывает нам уровень политического собрания, как вообще оппозиция служит показателем уровня развития данного общества. В такое время, когда сомневаться в привидениях считается философской смелостью, когда протест против суда над ведьмами кажется парадоксом, — в такое время чем-то вполне *законным* признаются вера в привидения и процессы о ведьмах. Страна, которая, подобно древним Афинам, смотрит на прихлебателей, паразитов, льстецов как на исключения, противоречащие народному разуму, как на *юродство*, — такая страна есть страна независимости и самостоятельности. Народ же, который, как все народы доброго старого времени, право думать и высказывать истину предоставляет только *придворным шутам*, может быть только народом зависимым и обезличенным. Собрание сословий, в котором оппозиция уверяет, что свободная воля присуща человеческой природе, по меньшей мере, не есть собрание сословий свободной воли. Исключение только подтверждает правило. Либеральная оппозиция показывает нам, во что превратилась либеральная позиция, показывает ту степень, в какой свобода воплотилась в человеке.

Если мы поэтому заметили, что защитники свободы печати в словесном собрании ни в коем случае не стоят на высоте своей задачи, то это еще в большей мере относится ко всему ландтагу вообще.

И, тем не менее, мы начинаем изложение дебатов ландтага именно с этого пункта, исходя не только из особого интереса к свободе печати, но также и из общего интереса к ландтагу. Нигде *специфически-сословный* дух не выразился яснее, определеннее и полнее, чем в дебатах о печати. В особенности это верно по отношению к *оппозиции против свободы печати*, подобно тому, как вообще в оппозиции против *общей свободы* проявляется наиболее резко и беспощадно, как бы показывая свои

зубы, дух известного круга, индивидуальный интерес определенного сословия, естественная односторонность характера.

Дебаты дают нам полемику княжеского сословия против свободы печати, полемику дворянского сословия, полемику городского сословия, так что здесь полемизируют не *отдельные лица*, а *сословия*. Какое зеркало могло бы вернее отразить внутренний характер ландтага, чем дебаты о печати?

Мы начинаем с *оппонентов против свободы печати*, а именно, как и подобает, — с *оратора из княжеского сословия*.

Мы не будем подробно останавливаться на первой части его речи относительно того, «что и свобода печати и цензура составляют зло и т.д.», так как тема эта более основательно разобрана другим оратором. Но мы не можем обойти молчанием *характерную* для оратора *аргументацию*.

«*Цензура* — меньшее зло, чем распушенность прессы». «Это убеждение постепенно так укрепилось в нашей Германии» (спрашивается, какая это часть Германии?), «что и Союз издал по этому поводу законы, которые Пруссия одобрила и которым она подчинилась». (Здесь и далее Маркс цитирует «Протоколы заседаний шестого рейнского провинциального ландтага». — *Прим. сост.*)

Ландтаг обсуждает вопрос об освобождении печати от ее пут. Самые эти путы, говорит оратор, самые эти цепи, которыми скована печать, доказывают, что она не предназначена для свободного движения. Ее скованное существование свидетельствует о ее сущности. Законы против свободы печати опровергают свободу печати.

Это — *дипломатический* аргумент против всяких реформ, в наиболее решительной форме высказанный *классической теорией* известной партии. Каждое ограничение свободы признается фактическим, неопровержимым доказательством того, что у власть имущих когда-то было убеждение в необходимости ограничения свободы, и это убеждение объявляется руководящим началом в последующее время.

Когда-то приказывали верить, что земля не движется вокруг солнца. Был ли Галилей опровергнут этим?

Точно так же в *нашей Германии* было узаконено общеимперское убеждение, разделяемое и каждым владетельным князем в отдельности, что крепостное состояние есть природное свойство определенных человеческих существ, что истина яснее всего доказывается посредством хирургических операций, т.е. с помощью пыток, что огонь ада лучше всего демонстрируется еретику пылающими кострами на земле.

Разве узаконенное крепостное состояние не являлось фактическим доказательством против рационалистической выдумки, что человеческое тело не есть объект пользования и владения? Разве первобытно-грубая пытка не опровергала пустую теорию о том, что кровопусканием не обнаруживается истина, что растягивание позвоночника

на лестнице для пыток не лишает человека стойкости, что судорога боли не есть признание?

Факт существования цензуры, по мнению оратора, опровергает свободу печати. И это фактически верно, это — истина, настолько связанная с известным фактом, что топография в состоянии установить ее пределы, — за определенными шлагбаумами она перестает быть фактической и истинной.

«Ни в речах, ни в книгах», — поучают нас далее, — «ни в нашей Рейнской провинции, ни во всей Германии мы не видим, чтобы истинное и благородное духовное развитие было сковано».

Этот благородный свет истины, озаряющий нашу печать, является даром цензуры.

Обратим прежде всего приведенную аргументацию оратора против него же самого; вместо рационального довода мы приведем правительственный указ. В новейшей прусской цензурной инструкции официально заявляется, что печать до сих пор подвергалась слишком большим ограничениям, что ей еще только предстоит проникнуться истинно национальным содержанием. Оратор имеет возможность видеть, что убеждения в *нашей Германии* могут изменяться.

Но какой нелогичный парадокс — рассматривать цензуру как основу для лучшей части нашей печати!

Величайший оратор французской революции, *voix toujours tonnante* (всегда гремевший голос) которого доносится еще и до нашего времени; лев, рычание которого надо было самому слышать, чтобы вместе с народом восклицать: «здорово ты, лев, зарычал!», — *Мирабо* — получил свое образование в тюрьмах. Уж не являются ли поэтому тюрьмы высшими школами красноречия?

Если, несмотря на все духовные кордоны, немецкий дух стал способен на крупные предприятия, то было бы поистине княжеским предрассудком думать, что он достиг этого именно благодаря таможенным заставам и кордонам. Духовное развитие Германии совершалось не *благодаря* цензуре, а *вопреки* ей. Когда печать при цензурных условиях прозябает и влачит жалкое существование, то это приводится как аргумент против свободы печати, хотя это говорит только против несвободы печати. Если печать, несмотря на цензуру, сохраняет свои характерные, существенные черты, то и это приводится в пользу цензуры, хотя это говорит только в пользу духа, а не в пользу оков.

Вопрос об «истинном, благородном развитии», впрочем, — дело особое.

Во времена строгого соблюдения цензуры, от 1819 до 1830 года (позднее, — если и не в «нашей Германии», то все же в значительной части Германии, — цензура сама подпала под цензуру условий времени и необычных убеждений, сложившихся в этот период), наша литература пе-

реживала «*стадию вечерних листков*», которую с таким же правом можно назвать «истинной, благородной, живой и богато развитой», с каким редактор «*Abend-Zeitung*», по фамилии *Винклер*, избрал себе забавным образом псевдоним «*Светлый*», хотя в нем света было меньше, чем в блуждающем по ночам над болотами огоньке. Этот темный провинциал с псевдонимом «Светлый» и представляет собой прототип тогдашней литературы. Тогдашний великий духовный пост докажет будущим поколениям, что если только немногие святые выдерживали пост в течение сорока дней, то вся Германия, даже не будучи святой, могла прожить более двадцати лет, не производя и не потребляя духовной пищи. Печать опустилась *до подлости*, и трудно сказать, что преобладало: недостаток ума над недостатком характера, отсутствие формы над отсутствием содержания — или наоборот. Для Германии, пожалуй, было бы выгоднее всего, если бы критике удалось доказать, что этот период никогда не существовал. Единственная область литературы, в которой тогда еще билась живая жизнь, — *область философской мысли*, — перестала говорить по-немецки, потому что немецкий язык перестал быть языком мысли. Дух говорил непонятным, мистическим языком, ибо нельзя уже было говорить в понятных словах о том, понимание чего запрещалось.

А что касается примера *рейнской литературы*, — этот пример, на самом деле, имеет довольно близкое отношение к рейнскому ландтагу, — то можно было бы обойти с фонарем Диогена в руках все пять правительственных округов и нигде не встретить «подлинного человека». Мы это отнюдь не считаем недостатком Рейнской провинции, а скорее доказательством ее практически-политического смысла. Рейнская провинция может создать «*свободную печать*», но для «*несвободной*» ей не хватает ни ловкости, ни иллюзий.

Только что истекший литературный период, который мы можем назвать «литературным периодом строгой цензуры», служит, таким образом, очевидным, историческим доказательством того, что цензура, несомненно, нанесла жестокий и непростительный ущерб развитию немецкого духа и что она ни в коем случае не предназначена быть *magister bonarum atrium* (учителем благородных искусств), как это кажется оратору. Или, может быть, под «благородной, истинной прессой» следует понимать такую, которая с благопристойным видом носит свои цепи?

Если оратор «позволяет себе напомнить известную поговорку о мизинце *и* всей руке», то мы, наоборот, позволим себе спросить: не соответствует ли более всего достоинству правительства протянуть духу своего народа не *одну* только руку, а сразу обе руки?

Наш оратор, как мы видели, с небрежной важностью, с дипломатической трезвостью устранил вопрос об отношении цензуры к духовно-

му развитию. Еще решительнее он проявляет отрицательные стороны своего сословия в своих нападках на *исторически сложившиеся формы свободы печати*.

<...>

Разве в стране цензуры нет уже вовсе никакой свободы печати? Печать вообще есть осуществление человеческой свободы. Следовательно, там, где есть печать, есть и свобода печати.

В стране цензуры государство, правда, не пользуется свободой печати, но один из органов государства ею все-таки пользуется — правительство. Не говоря уже о том, что официальные произведения правительства пользуются полной свободой печати, разве цензор не практикует ежедневно безусловную свободу печати, если не прямо, то косвенно?

Писатели, так сказать, — секретари цензора. Если секретарь не сумел выразить мнение начальника, последний просто зачеркивает негодное произведение. Цензура, стало быть, творит эту печать.

Цензорские перечеркивания представляют для печати то же самое, что прямые линии — гуа — китайцев для мышления. Гуа цензора — категории литературы, а категория, как известно, это — существенное, типическое во всем многообразии содержания.

Свобода настолько присуща человеку, что даже ее противники осуществляют ее, борясь против ее осуществления; они хотят присвоить себе как драгоценнейшее украшение то, что они отвергли как украшение человеческой природы.

Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право.

Только теперь вопрос этот получил правильную постановку. Вопрос не в том, должна ли существовать свобода печати, она всегда существует. Вопрос в том, составляет ли свобода печати привилегию отдельных лиц или же она есть привилегия человеческого духа. Вопрос в том, должно ли то, что по отношению к одной стороне есть право, стать бесправием по отношению к другой стороне. Не имеет ли «свобода духа» больше прав, чем «свободы, направленные против духа»?

Но если следует отвергнуть «свободную печать» и «свободу печати» как осуществление «всеобщей свободы», то тем более следует отвергнуть цензуру и подцензурную печать как осуществление особой свободы, — ибо может ли годиться вид, когда негоден род? Если бы оратор был последователен, он должен был отвергнуть не свободную печать, а печать вообще. Согласно его взгляду, печать только тогда была бы хороша, если бы она не была продуктом свободы, т.е. не была бы продуктом

человеческой деятельности. На печать, следовательно, имели бы право либо только животные, либо боги.

Или, может быть, мы должны — оратор не осмеливается это высказать прямо — приписать правительству, да и ему самому, божественное откровение?

Если частное лицо возомнит о себе, что ему присуще божественное откровение, то в нашем обществе только один оппонент может официально его опровергнуть — психиатр.

Но английская история достаточно ясно показала, как идея божественного откровения свыше порождает противоположную идею о божественном откровении снизу: Карл I вззошел на эшафот благодаря божественному откровению снизу.

Правда, наш оратор из дворянского сословия, продолжая свои рассуждения, изображает, как мы услышим далее, цензуру и свободу печати, подцензурную печать и свободную печать, в виде *двух зол*, но он еще не доходит до того, чтобы признать печать вообще *злом*. Наоборот! Он делит всю печать на «*хорошую*» и «*дурную*» печать.

Про дурную печать он нам рассказывает невероятные вещи: целью ее, утверждает он, являются злонравие и распространение этого злонравия. Не будем касаться того, что оратор считает нас слишком легковыми, когда требует, чтобы мы верили ему на слово, будто существует *злонравие* как *профессия*. Мы напомним ему только его аксиому насчет несовершенства всего человеческого. Не вытекает ли отсюда тот вывод, что и дурная печать не есть совершенно дурная, т.е. что она является хорошей, а хорошая не есть совершенно хорошая, т.е. что она является дурной?

Но оратор показывает нам обратную сторону медали. Он утверждает, что дурная печать лучше хорошей, так как дурная постоянно находится, по его собственному мнению, в положении *наступающей*, хорошая же — в положении *обороняющейся*. Но он сам ведь сказал, что *развитие* человека кончается только с его *смертью*. Правда, этим он сказал немного, не сказал ничего кроме того, что жизнь кончается со смертью. Если же жизнь человека есть развитие, а хорошая печать всегда находится в положении обороняющейся, «только дает отпор, сдерживает и укрепляет», то разве этим она не оказывает непрерывное сопротивление развитию, а стало быть, и жизни? Следовательно, либо эта хорошая оборонительная печать дурна, либо развитие есть зло. Таким образом, утверждение оратора, что цель «дурной печати заключается в возможно более широком распространении дурных принципов и в возможно большем поощрении дурных умонастроений», — это утверждение перестает быть мистически невероятным, получив теперь рациональное толкование: зло дурной печати заключается в наиболее широком распространении принципов и в поощрении умонастроений. Взаимоотношение

между хорошей и дурной печатью становится еще более странным, когда оратор нас уверяет, что хорошая печать *бессильна*, а дурная *всесильна*, ибо первая не имеет влияния на народ, вторая же производит неотразимое влияние. Для оратора хорошая печать и бессильная печать тождественны. Не хочет ли он сказать, что хорошее есть бессильное или что бессильное есть хорошее?

Пению сирен дурной печати он противопоставляет трезвый голос хорошей. А ведь трезвым голосом можно петь лучше всего и с наибольшим эффектом. Но оратору, очевидно, знаком только чувственный жар страсти, он не знает горячей страсти к истине, победоносного энтузиазма разума, неотразимого пафоса нравственных сил.

К умонастроениям дурной печати он относит «гордыню, не признающую никакого авторитета за церковь и государством», «зависть», проповедующую уничтожение аристократии, и многое другое, к чему мы еще вернемся. Пока же мы ограничимся вопросом: на каком основании оратор выделяет указанные учреждения как добро? Если всеобщие силы жизни дурны, — а мы только что слышали, что зло всемогуще и одно лишь действует на массы, — то спрашивается, кто и что вправе выдавать себя за воплощение добра? Ведь утверждение, что моя индивидуальность есть добро, что те немногие личности, которые соответствуют моей индивидуальности, являются также воплощением добра, — ведь это утверждение чрезвычайно высокомерно, и злая, дурная печать никак не хочет признать его! Дурная печать!

Если оратор с самого начала превратил нападки на свободу вообще, то теперь они превращаются у него в нападки на добро. Его страх перед злом оказывается страхом перед добром. В основание цензуры он кладет, следовательно, признание зла и отрицание добра. В самом деле, разве я не презираю того человека, которому заранее говорю: противник твой должен победить в борьбе, потому что ты хоть и весьма трезвый парень и прекрасный сосед, но в герои совершенно не годишься; хотя ты и освятил свое оружие, но ты не умеешь им владеть; хотя мы оба — и я и ты — вполне убеждены в твоём совершенстве, но мир никогда не будет разделять этого убеждения; пусть дело и неплохо обстоит в отношении твоих намерений, но весьма плохо — в отношении твоей энергии.

Хотя устанавливаемое оратором деление печати на хорошую и дурную делает излишними всякие дальнейшие возражения, так как оно запутывается в своих собственных противоречиях, все же мы не должны упускать из виду главного, а именно, что оратор совершенно неправильно ставит вопрос и в качестве основания приводит то, что он еще должен обосновать.

Если хотят говорить о двух видах печати, то это различие следует выводить из самой сущности печати, а не из соображений, лежащих вне ее. Подцензурная печать или свободная печать — одна из этих двух

должна быть хорошей или дурной, о том и идет спор, какая именно хороша — подцензурная или же свободная печать, т.е. соответствует ли сущности печати свободное или же несвободное бытие. Выставлять дурную печать как довод против свободной печати значит утверждать, что свободная печать дурна, а подцензурная хороша, — но ведь это-то как раз и нужно было доказать.

Низменный образ мыслей, личные дразги, гнусности могут иметь место как в подцензурной, так и в свободной печати. То обстоятельство, что как та, так и другая приносят отдельные плоды того или иного вида, не составляет, следовательно, их родового отличия. И на болоте растут цветы. Здесь дело идет о той сущности, о том внутреннем характере, которыми отличаются друг от друга подцензурная печать и печать свободная.

Та свободная печать, которая дурна, не соответствует характеру своей сущности. Подцензурная же печать в своем лицемерии, бесхарактерности, в присущем ей языке кастрата, в своем собачьем вилянии проявляет только внутренние условия своей сущности.

Подцензурная печать остается дурной, даже когда она приносит хорошие плоды, ибо плоды эти хороши лишь постольку, поскольку они внутри подцензурной печати служат проявлением свободной печати и поскольку для них не характерно то обстоятельство, что они оказались плодами подцензурной печати. Свободная печать остается хорошей, даже если она приносит дурные плоды, ибо эти плоды представляют собой лишь отклонения от природы свободной печати. Кастрат плох как человек, даже если он обладает хорошим голосом. Природа остается хорошей, даже если она производит уродов.

Сущность свободной печати — это мужественная, разумная, нравственная сущность свободы. Характер подцензурной печати — это бесхарактерное уродство несвободы, это — цивилизованное чудовище, надушенный урод.

Или нужны еще доказательства того, что свобода печати соответствует сущности печати, а цензура противоречит ей?

Разве не понятно само собой, что внешние преграды духовной жизни не принадлежат к внутреннему характеру этой жизни, что они отрицают эту жизнь, а не утверждают ее?

Чтобы действительно оправдать цензуру, оратор должен был бы доказать, что цензура составляет сущность свободы печати. Вместо этого он доказывает, что свобода не составляет сущности человека. Он отвергает весь род в целом, чтобы сохранить одну хорошую его разновидность, ибо свобода есть ведь родовая сущность всего духовного бытия, а следовательно, и печати. Чтобы уничтожить возможность зла, он уничтожает возможность добра и осуществляет зло, ибо человечески хорошим может быть лишь то, что является осуществлением свободы.

Мы поэтому до тех пор будем считать подцензурную печать дурной печатью, пока нам не докажут, что цензура вытекает из самой сущности свободы печати.

Но если даже допустить, что цензура неотделима от природы печати, хотя ни одно животное, а тем более разумное существо, не появляясь на свет в цепях, то что же из этого следует? Только то, что и та свобода печати, которую официально осуществляет цензор, т.е. сама цензура, нуждается в цензуре. А кто же должен подвергать цензуре правительственную печать, если не народная печать?

Другой оратор думает, правда, будто зло цензуры уничтожается тем, что его утраивают, подчиняя местную цензуру провинциальной цензуре, а провинциальную цензуру, в свою очередь, берлинской цензуре; свобода печати, таким образом, осуществляется односторонне, цензура же — многосторонне. Сколько обходов, чтобы только жить на свете! Кто же будет подвергать цензуре берлинскую цензуру? Но вернемся к нашему оратору.

Уже с самого начала он нас поучал, что из борьбы между дурной и хорошей печатью не возжигается свет истины. Но, спросим мы, хочет ли он, чтобы эта бесполезная борьба тянулась бесконечно? Разве, по его же собственным словам, борьба между цензурой и печатью не есть борьба между хорошей и дурной печатью?

Цензура не уничтожает борьбы, она делает ее односторонней, она превращает ее из открытой борьбы в тайную, а борьбу принципов превращает в борьбу бессильного принципа с беспринципной силой. Истинная, коренящаяся в самом существе свободы печати, цензура есть критика. Она — тот суд, который свобода печати порождает изнутри себя. Цензура есть критика в качестве монополии правительства. Но разве критика не теряет свой разумный характер, когда она является не открытой, а тайной, не теоретической, а практической, когда она не выше партий, а сама становится партией, когда она действует не острым ножом разума, а тупыми ножницами произвола, когда она хочет только выступать с критикой, но не подвергаться ей, когда она своим собственным осуществлением отрицает себя, когда, наконец, она настолько не критична, что ошибочно принимает отдельного индивида за воплощение универсальной мудрости, веления силы — за веления разума, чернильные пятна — за солнечные пятна, цензорские перечеркивания — за математические построения, а применение грубой силы — за сильный аргумент?

Изображая ход прений, мы показали, как фантастическая, елейная, мягкосердечная мистика оратора превращается в жестокосердие, в мелочно-изворотливое делячество ума, в ограниченность безыдейного эмпирического расчета. Его дальнейшие рассуждения об отношении за-

кона о цензуре к закону о печати, о предупредительных и репрессивных мерах избавляют нас от этого труда, так как здесь он сам переходит к сознательному применению своей мистики.

«Предупредительные или же репрессивные меры, цензура или же закон о печати — только об этом идет речь; однако нелишне будет несколько внимательнее рассмотреть те опасности, которые следовало бы устранить на той или другой стороне. В то время как цензура хочет предупредить зло, закон о печати хочет путем наказания предупредить повторение его. Но и цензура, и закон о печати, как всякое человеческое установление, несовершенны. Вопрос лишь в том, что является наименее несовершенным. Так как речь идет о чисто духовных вещах, то мы наталкиваемся здесь на такую задачу, — притом самую важную для обеих сторон, — которая никогда не сможет быть удовлетворительно решена. Задача эта состоит в том, чтобы найти форму, настолько ясно и определенно выражающую намерение законодателя, что можно было бы строго отграничить законное от незаконного и, стало быть, устранить всякий произвол. Но что такое произвол, как не действие по личному усмотрению? И как устранить проявление личного усмотрения там, где речь идет о чисто духовных вещах? Найти руководящую нить, которая была бы так резко очерчена, что в силу внутренней необходимости она в каждом отдельном случае применялась бы непременно в духе законодателя, — вот тот философский камень, который до сих пор еще не найден и который едва ли можно будет когда-нибудь найти. Таким образом, произвол неотделим как от цензуры, так и от закона о печати, если под произволом понимать действие по личному усмотрению. Мы должны, следовательно, рассматривать и цензуру, и закон о печати с точки зрения их неизбежного несовершенства и его последствий. Если цензура и может подавить кое-что хорошее, то закон о печати не в силах предотвратить много дурного. Истину, однако, нельзя подавить надолго. Чем больше ставят ей препятствий, тем смелее преследует она свою цель, тем просветленней становится она, достигнув этой цели. Между тем злое слово подобно греческому огню, которого ничем не остановить, раз он выпущен из метательного снаряда; его действия не поддаются предвидению, потому что для него нет ничего святого и неприкосновенного, потому что злое слово находит как в устах человека, так и в сердце его, пищу для своего распространения».

Оратору не везет по части сравнений. Он впадает в поэтическую экзальтацию, когда описывает всемогущество зла. Мы уже слышали, что голос добра, будучи слишком трезвым, бессилен против пения сирен зла. А теперь зло превратилось в греческий огонь, — для истины же оратор не находит никакого образного сравнения. Если бы мы хотели облечь в какое-нибудь сравнение его «трезвые» слова, то мы должны были бы уподобить истину в лучшем случае кремню, из которого выбивают-

ся тем более яркие искры, чем сильнее по нему ударяют. Прекрасным аргументом для торговцев невольниками служит утверждение, будто ударами хлыста они пробуждают в негре его человеческую природу; превосходное правило для законодателя — объяснять издание репрессивных законов против истины тем обстоятельством, что при них-де истина смелее преследует свою цель. Оратор, по-видимому, только тогда начинает питать уважение к истине, когда она становится первобытно-грубой и для каждого осязаемой. Чем больше плотин вы ставите на пути истине, тем более основательную истину вы и получите! Итак, побольше плотин!

Однако послушаем же пение сирен!

Мистическая «теория несовершенства» нашего оратора принесла, наконец, свои земные плоды; она бросила нам в голову свои лунные камни. Рассмотрим же эти лунные камни!

Все несовершенно. Цензура несовершенна, закон о печати несовершенен. Этим определяется их сущность. На тему о правомерности их идеи не приходится распространяться, нам остается лишь, — путем вычисления вероятности, предпринятого с точки зрения самой грубой эмпирии, — определить, в каком случае нам грозит наибольшее количество опасностей. Разница только во времени, в том, что те или иные мероприятия либо предупреждают самое зло посредством цензуры, либо же предупреждают повторение зла посредством закона о печати.

Мы видим, как оратор с помощью пустой фразы о «человеческом несовершенстве» ухитряется обойти существенное, внутреннее, характерное различие между цензурой и законом о печати, превратить разногласие из принципиального вопроса в балаганный спор: достанется ли больше синяков от цензуры или же от закона о печати?

Но если противопоставляются закон о печати и закон о цензуре, то прежде всего речь идет не об их последствиях, а об их основаниях, не об их индивидуальном применении, а об их общей правомерности. Уже Монтескье учит, что деспотизм более удобен для применения, чем законность, а Макиавелли утверждает, что зло выгоднее для государей, чем добро. Если мы поэтому не желаем подтвердить старое иезуитское изречение, что хорошая цель, — а мы подвергаем сомнению даже доброкачественность цели, — оправдывает дурные средства, то, прежде всего, мы должны исследовать, хорошим ли средством является цензура по своему существу.

Оратор прав, когда он называет закон о цензуре мерой предупреждения; это — полицейская мера предосторожности против свободы; но он не прав, когда называет закон о печати репрессивной мерой. Это — мера самой свободы, которая делает себя мерилom для своих собственных исключений. Мероприятие цензуры не есть закон. Закон о печати не есть репрессивная мера.

В законе о печати карающей является свобода. В законе о цензуре свобода подвергается каре. Закон о цензуре есть закон, который берет свободу под подозрение. Закон о печати есть вотум доверия, который свобода выдает сама себе. Закон о печати карает злоупотребление свободой. Закон о цензуре карает свободу как некое злоупотребление. Он обращается со свободой как с преступницей; а разве не считается для любой сферы позорящей карой состоять под надзором полиции? Закон о цензуре имеет только форму закона. Закон о печати есть действительный закон.

Закон о печати есть действительный закон, потому что он выражает положительное бытие свободы. Он рассматривает свободу как нормальное состояние печати, печать — как бытие свободы; поэтому-то он и вступает в конфликт только с проступками печати как с исключением, которое борется против своей собственной нормы и, таким образом, уничтожает себя. Свобода печати утверждает себя, как закон о печати, против этих покушений на нее самое, т.е. против проступков печати. Закон о печати исходит из того, что свобода внутренне присуща преступнику. То, что преступник, следовательно, совершил против свободы, он совершил против самого себя, и этот проступок против самого себя выступает перед ним как наказание, в котором он видит признание своей свободы.

Закон о печати весьма далек от того, чтобы быть репрессивной мерой против свободы печати, простым средством против повторения преступлений, средством, которое действует с помощью страха перед наказанием. Наоборот: отсутствие законодательства о печати следует рассматривать как изъятие свободы печати из сферы юридической свободы, так как юридически признанная свобода существует в государстве в форме закона. Законы не являются репрессивными мерами против свободы, подобно тому, как закон тяжести не есть репрессивная мера против движения: если в качестве закона тяготения он управляет вечными движениями мировых тел, то в качестве закона падения он убивает меня, когда я его нарушаю и пытаюсь плясать в воздухе. Напротив, законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть библия свободы народа.

Закон о печати есть, следовательно, законодательное признание свободы печати. Он есть выражение права, так как он есть положительное бытие свободы. Он поэтому должен существовать — даже тогда, когда он совсем не применяется, как, например, в Северной Америке, — между тем как цензура, так же как и рабство, никогда не может стать законной, даже если бы она тысячекратно облекалась в форму закона.

Не существует действующих предупредительных законов. Закон предупреждает только как повеление. Действенным законом он становится

ся лишь тогда, когда его нарушают, так как в роли подлинного закона он выступает тогда лишь, когда в его лице бессознательный, естественный закон свободы становится сознательным государственным законом. Там, где закон является действительным законом, т.е. осуществлением свободы, он является действительным осуществлением свободы человека. Законы, таким образом, не могут предупреждать действий человека, так как являются внутренними жизненными законами самих его действий, сознательными отображениями его жизни. Закон, следовательно, отступает перед жизнью человека, как жизнью свободы, и только когда действительный поступок человека показал, что человек перестал подчиняться естественному закону свободы, последний в форме государственного закона принуждает человека быть свободным, подобно тому, как физические законы только тогда выступают как нечто чуждое мне, когда моя жизнь перестает быть жизнью этих законов, когда она поражена болезнью. Предупредительный закон есть, следовательно, бессмысленное противоречие.

Предупредительный закон не заключает, следовательно, в себе никакой меры, никакого разумного правила, так как разумное правило может быть заимствовано только из самого существа вещей, в данном случае — из существа свободы. Он безмерен, так как для того, чтобы служить предупреждением против свободы, он должен быть так же всеобъемлющ, как и его объект, т.е. неограничен. Предупредительный закон представляет собой, следовательно, противоречие неограниченно-го ограничения, а тот предел, на который он наталкивается, возникает не в силу необходимости, а в силу случайности произвола, как это *ad oculos* (воочию) ежедневно доказывает цензура.

Человеческое тело от природы смертно. Болезни поэтому неизбежны. Почему, однако, человек обращается к врачу только тогда, когда заболевает, а не когда он здоров? Потому что не только болезнь, но и самый врач уже есть зло. Постоянная врачебная опека превратила бы жизнь в зло, а человеческое тело — в объект упражнений для медицинских коллегий. Разве не желательнее смерть, нежели жизнь, состоящая только из мер предупреждения против смерти? Разве жизни не присуще также и свободное движение? Что такое болезнь, как не стесненная в своей свободе жизнь? Неотступный врач уже сам по себе был бы болезнью, при которой даже не было бы надежды умереть, а оставалось бы только жить. Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить. Разве дух не имеет больше прав, чем тело? Правда, часто толковали это право в том смысле, что умам, способным к свободному полету, физическая свобода передвижения даже вредна, и их поэтому лишали этой свободы. Цензура исходит из того, что болезнь есть нормальное состояние, а нормальное состояние, свобода, есть болезнь. Цензура постоянно внушает печати, что она — печать — больна, и какие бы доказательства своего

здорового состояния она ни давала, она все же должна подвергать себя лечению. Но цензура даже и не ученый врач, применяющий различные внутренние средства, смотря по болезни. Она лишь деревенский хирург, знающий против всего лишь одно универсальное механическое средство — нож. Она даже не хирург, стремящийся к восстановлению моего здоровья, она — хирург-эстет, который считает на моем теле лишним все то, что ему не нравится, и удаляет все, что на него неприятно действует. Она — шарлатан, вгоняющий сыпь вовнутрь, чтобы не видеть ее, не заботясь нисколько о том, что она может поразить более нежные внутренние части тела.

Вы считаете несправедливым ловить птиц. Разве клетка не есть мера предупреждения против хищных птиц, пуль и бурь? Вы считаете варварством ослеплять соловьев, но вы не считаете варварством — острыми цензорскими перьями выкалывать глаза печати. Вы считаете деспотизмом стричь волосы свободному человеку против его воли, а цензура ежедневно режет по живому телу мыслящих людей, и только бездушные существа, не реагирующие, смиренные, сходят у нее за здоровых!

Мы показали, в какой мере закон о печати выражает право, а закон о цензуре — бесправие. Но цензура сама признает, что она не есть самоцель, что она не есть нечто хорошее само по себе, что она, следовательно, покоится на принципе «цель оправдывает средства». Но цель, для которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель; и разве печатать, в свою очередь, также не могла бы провозгласить принцип «цель оправдывает средства»?

Закон о цензуре есть, следовательно, не закон, а полицейская мера, и даже плохая полицейская мера, ибо она не достигает того, чего хочет, и не хочет того, чего достигает.

Если закон о цензуре хочет ставить преграды свободе как чему-то нежелательному, то он достигает как раз обратного. В стране цензуры всякая запрещенная, т.е. напечатанная без цензуры, книжка есть событие. Она считается мученицей, а мученичество не бывает без ореола и без верующих. Она считается исключением, и если свобода никогда не может перестать быть ценной для человека, то тем более это относится к исключениям из общего состояния несвободы. Всякая тайна подкупает. Там, где общественное мнение составляет тайну для самого себя, его заранее подкупает каждое произведение печати, формально нарушающее таинственные границы. Цензура делает каждое запрещенное произведение, будь оно плохое или хорошее, необычным произведением, в то время как свобода печати отнимает у произведения эту внешнюю импозантность.

Но если цензура честна, то она, конечно, хочет предупредить произвол, — между тем она возводит его в закон. Она не может предотвратить никакой опасности, которая была бы больше ее самой. Опасность, угрожающая жизни каждого существа, заключается в утрате им само-

го себя. Отсутствие свободы и является поэтому подлинной смертельной опасностью для человека. Оставляя в стороне моральные последствия, следует, между тем, помнить, что нельзя пользоваться преимуществами свободной печати, не относясь в то же время терпимо к ее неудобствам. Нет розы без шипов! Но подумайте, что вы теряете вместе со свободной печатью!

Свободная печать — это зоркое око народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и с целым миром; она — воплотившаяся культура, которая преобразует материальную борьбу в духовную и идеализирует ее грубую материальную форму. Свободная печать — это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание, как известно, спасительно. Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости. Она — дух государства, который доставляется в каждую хижину с меньшими издержками, чем материальное средство освещения. Она все-сторонняя, вездесуща, всеведуща. Она — идеальный мир, который непрерывно бьет ключом из реальной действительности и в виде все возрастающего богатства духа обратно вливается в нее животворящим потоком.

Наше изложение показало, что разница между цензурой и законом о печати такая же, как между произволом и свободой, как между формальным законом и действительным законом. Но то, что имеет силу для сущности, имеет также силу и для явления. То, что относится к правомерности цензуры и закона о печати, относится также к их применению. Как различны закон о печати и закон о цензуре, так же различно и отношение к печати со стороны судьи и цензора.

Но наш оратор, глаза которого обращены к небу, видит глубоко под собою землю как некую презренную кучу пыли, и обо всех цветах он может сказать лишь одно — что они запылены. Он и здесь видит только два мероприятия, которые в своем применении одинаково произвольны, ибо произвол есть, мол, действие по индивидуальному усмотрению, а индивидуальное усмотрение нельзя, мол, отделить от духовных вещей, и т.д., и т.д. Но если понимание духовных вещей индивидуально, то какое преимущество имеет одно воззрение перед другим, мнение цензора — перед мнением писателя? Однако мы поняли мысль оратора. Чтобы доказать правомерность цензуры, он весьма примечательным окольным путем доказывает, что и цензура, и закон о печати неправомерны в своем применении; так как он считает все земное несовершенным, то для него остается лишь один вопрос: должен ли стоять произвол на стороне народа или же на стороне правительства?

Его мистика превращается в цинизм, когда он ставит на одну доску закон и произвол и видит только формальную разницу там, где речь идет

о нравственных и правовых противоположностях, ибо он полемизирует не против закона о печати, а против закона вообще. Существует ли такой закон, который, в силу внутренней необходимости, в каждом отдельном случае применялся бы непременно в духе законодателя, абсолютно исключая всякий произвол? Нужна невероятная смелость, чтобы называть подобную бессмысленную задачу философским камнем, так как только крайнее невежество может ставить подобную задачу. Закон всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании закона, — единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и судья. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни.

Но ведь все человеческое несовершенно! Итак, edite, bibite! (ешьте, пейте!). Зачем нужны вам судьи, раз судьи — люди? Зачем нужны вам законы, раз законы могут исполняться только людьми, а всякое человеческое исполнение — несовершенно? Положитесь на добрую волю начальства! Рейнская юстиция так же несовершенно, как и турецкая! Итак, edite, bibite!

Какая громадная разница между судьей и цензором!

Для цензора нет другого закона, кроме его начальника.

Для судьи нет другого начальника, кроме закона. Судья обязан толковать закон в применении к отдельному случаю, так, как он понимает закон при добросовестном рассмотрении. Цензор обязан понимать закон так, как ему это официально предписано для каждого отдельного случая. Независимый судья не принадлежит ни мне, ни правительству. Зависимый цензор сам является органом правительства. У судьи может проявиться в крайнем случае ненадежность индивидуального разума, у цензора же — ненадежность индивидуального характера. Перед судьей ставится для оценки определенный проступок печати, перед цензором — дух печати. Судья рассматривает мое действие на основании определенного закона; цензор не только карает преступления, но и сам их фабрикует. Когда меня предают суду, то меня обвиняют в нарушении существующего закона, а где нарушается закон, там он, по крайней мере, должен быть налицо. Где нет закона о печати, там закон о печати не может быть и нарушен. Цензура не обвиняет меня в нарушении существующего закона. Она осуждает мое мнение за то, что оно не является мнением цензора и его начальства. Мое открытое действие, готовое подчиниться суду общества, государства и его закона, отдается под суд тайной, чисто отрицательной силы, которая неспособна утвердить себя в качестве закона, которая боится дневного света, не связана никакими общими принципами.

Закон о цензуре невозможен, ибо он желает карать не проступки, а мнения; ибо он не может быть ничем иным, как цензором, превратить-

ся в формулу; ибо ни одно государство не имеет мужества высказать в виде определенных законоположений то, что оно фактически может проводить при помощи цензора как своего органа. И поэтому заведование цензурой передается не судам, а полиции.

Если бы даже цензура фактически была тождественна с правосудием, то такое совпадение было бы, прежде всего, лишь фактом, но не являлось бы необходимостью. К тому же к свободе относится не только то, чем я живу, но также и то, как я живу, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно. В противном случае архитектор отличался бы от бобра лишь тем, что бобр — это архитектор, покрытый шкурой, а архитектор — это бобр, не имеющий шкуры.

<...>

Промысловая свобода, свобода собственности, совести, печати, суда — все это различные виды одного и того же рода, т.е. свободы вообще, без собственного имени. Но совершенно неправильно из-за единства забывать различие и делать определенный вид мерилom, нормой, сферой всех остальных видов. В этом случае один вид свободы настолько нетерпим, что позволяет существовать остальным ее видам лишь при том условии, если они отрекутся от самих себя и признают себя ее васалами.

Промысловая свобода есть только промысловая свобода, а не какая-либо другая, так как в ней природа промысла беспрепятственно формируется согласно внутреннему принципу своей жизни. Свобода суда есть свобода суда, если суд следует собственным, ему присущим законам права, а не законам другой сферы, — например, религии. Каждая определенная сфера свободы есть свобода определенной сферы, как и каждый определенный образ жизни есть образ жизни определенной сферы природы. Разве не извращением было бы требование, чтобы лев следовал законам жизни полипа? Как ложно понимал бы я связь и единство человеческого организма, если бы рассуждал следующим образом: так как руки и ноги функционируют характерным для них способом, то глаза и уши, — те органы, которые отрывают человека от пут его индивидуальности, превращая его в зеркало и эхо вселенной, — имеют еще большее право на деятельность и, следовательно, должны обладать функцией ног и рук в усиленном виде.

Подобно тому, как в мировой системе каждая отдельная планета, вращаясь вокруг себя, движется в то же время вокруг солнца, — так и в системе свободы каждый из ее миров, вращаясь вокруг себя, вращается вокруг центрального солнца свободы. Провозглашение свободы печати одним из видов промысловой свободы — это такая защита свободы печати, при которой она умерщвляется еще до защиты. Разве я не уничтожаю свободу характера, когда я требую, чтобы он был свободен на чу-

жой лад? Твоя свобода — не моя свобода, говорит печать промыслу. Подобно тому, как ты подчиняешься законам твоей сферы, так и я хочу подчиняться законам своей сферы. Быть свободной по-твоему для меня все равно, что не быть свободной вовсе, — ведь столяр едва ли был бы удовлетворен, если бы ему вместо свободы его ремесла предоставили, в качестве эквивалента, свободу философа.

Выразим мысль оратора в обнаженном виде. На вопрос: что такое свобода? — он отвечает: «промысловая свобода». Это все равно, как если бы какой-нибудь студент на вопрос: что такое свобода? — ответил бы: «свобода ночных походов».

С тем же правом, как свободу печати, можно и всякий другой вид свободы подвести под промысловую свободу. Судья занимается промыслом юриста, проповедник — религиозным промыслом, отец семейства — промыслом воспитания детей; но разве этим определена сущность юридической, религиозной, нравственной свободы?

Можно было бы подойти к делу с противоположной стороны и назвать промысловую свободу лишь видом свободы печати. Разве ремесленник работает только руками и ногами, а не и головой также? Разве язык слова есть единственный язык мысли; разве механик своей паровой машиной не говорит очень внятно моему уху, фабрикант кроватей — моим бокам, повар — моему желудку? Не является ли противоречием, что все эти виды свободы печати разрешены, и только один вид ее не разрешен, а именно тот, который говорит моему уму посредством типографской краски?

Чтобы защитить — и даже для того только, чтобы постигнуть — свободу какой-либо определенной сферы, я должен исходить из существенного характера этой сферы, а не из ее внешних отношений. Но разве верна своему характеру, разве действует соответственно благородству своей природы, разве свободна та печать, которая опускается до уровня промысла? Писатель, конечно, должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае не должен существовать и писать для того, чтобы зарабатывать.

Когда Беранже поет:

Живу для того лишь, чтоб песни слагать,
Но если, о сударь, лишен буду места,
То песни я буду слагать, чтобы жить, —

то в этой угрозе кроется ироническое признание, что поэт перестает быть поэтом, когда поэзия становится для него средством.

Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на средство. Она — самоцель, она в такой мере не является средством ни для него, ни для других, что писатель приносит в жертву ее существованию, когда это нужно, свое личное существование. Подобно религиозному проповеднику, — хотя и в другом смысле, — и он также следует принципу: «пови-

новаться больше Богу, чем людям», — людям, к числу которых относится и он сам со своими человеческими потребностями и желаниями. Но что было бы, если бы ко мне явился портной, которому я заказал парижский фрак, а он принес бы мне римскую тогу на том основании, что она-де более соответствует вечному закону красоты!

Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом. Писатель, который низводит печать до простого материального средства, в наказание за эту внутреннюю несвободу заслуживает внешней несвободы — цензуры; впрочем, и самое его существование является уже для него наказанием.

Конечно, печать существует также и как промысел, но тогда она является уже не делом писателей, а делом типографов и книгоиздателей. Но здесь речь идет не о промысловой свободе книгоиздателей и книготорговцев, а о свободе печати.

И действительно, наш оратор не удовлетворяется тем, что выводит свободу печати из промысловой свободы. Он, кроме того, требует, чтобы свобода печати, вместо того чтобы подчиняться своим собственным законам, подчинялась законам промысловой свободы. Он даже полемизирует с докладчиком комиссии, защищающим более высокий взгляд на свободу печати, и выставляет требования, которые производят лишь комическое впечатление. Такое впечатление немедленно возникает вообще, когда законы более низкой сферы применяются к более высокой; и также, наоборот, комично, когда дети впадают в патетический тон.

«Он различает компетентных и некомпетентных авторов. Это различие имеет тот смысл, что пользование предоставленным правом даже и в области промысловой свободы всегда связано с каким-нибудь условием, которое выполнимо с большим или меньшим трудом, смотря по профессии». «Каменщики, плотники и архитекторы должны, понятно, удовлетворять таким условиям, от которых большинство других промыслов совершенно свободно». «Его предложение имеет в виду рассматриваемое право в его особом, а не в его общем выражении».

Прежде всего, кто будет решать вопрос о компетентности? Кант не признал бы Фихте компетентным философом, Птолемей — Коперника компетентным астрономом, Бернар Клервоский — Лютера компетентным теологом. Всякий ученый причисляет своих критиков к «некомпетентным авторам». Или же невежды должны будут решать, кто является компетентным ученым? Очевидно, решение должно было бы быть предоставлено некомпетентным авторам, ибо компетентные не могут же быть судьями в своем собственном деле. Или же компетенция должна быть связана с сословием! Сапожник Якоб Беме был большой философ. Некоторые именитые философы — только большие сапожники.

Впрочем, раз речь идет о компетентных и некомпетентных авторах, то, при желании быть последовательным, нельзя ограничиваться тем,

что различия проводятся между отдельными лицами, а надо промысел печати в свою очередь делить на различные промыслы. Не выдавать ли различные промысловые свидетельства для различных отраслей литературной деятельности? Или, может быть, компетентный писатель должен уметь писать обо всем? Заранее можно сказать, что сапожник более компетентен писать о коже, нежели юрист. Поденщик не менее, чем теолог, компетентен писать о том, следует ли работать в дни праздников или нет. Если, следовательно, связывать компетенцию с особенными объективными условиями, то каждый гражданин в одно и то же время будет компетентным и некомпетентным писателем: компетентным — в делах, касающихся его профессии, некомпетентным — во всем прочем.

Не будем говорить уже о том, что в таких условиях печать, вместо того, чтобы служить всеобщим связующим звеном для народа, стала бы на деле средством его разъединения, сословное деление получило бы свое зафиксированное духовное выражение и история литературы опустилась бы до уровня естественной истории некоторых особых духовных пород животных. Не станем говорить и о том, что тогда возникли бы всякого рода споры из-за размежевания и такие коллизии, которых нельзя было бы ни разрешить, ни избежать. Не будем также останавливаться на том, что бездарность и ограниченность были бы возведены в закон, так как особое может рассматриваться духовно и свободно лишь в его связи с целым, а никак не в отрыве от него. Но и помимо всего этого, ведь чтение столь же важно, как и писание; поэтому необходимо было бы ввести также звания компетентных и некомпетентных читателей — вывод, который был сделан в Древнем Египте, где жрецы, считавшиеся единственными компетентными писателями, в то же время считались и единственными компетентными читателями. И представляется весьма целесообразным, чтобы компетентным писателям было дано исключительное право приобретения и чтения своих собственных писаний.

Какая непоследовательность! Раз господствует привилегия, то, разумеется, правительство имеет полное право утверждать, что оно в отношении всех своих дел единственный компетентный автор. Если же вы, в качестве сограждан, считаете себя вправе писать не только о делах своего сословия, но и о наиболее общем — о государстве, то неужели прочие смертные, которых вы хотите этого права лишить, не имеют, в качестве людей, даже права высказать свое суждение по весьма частному вопросу, т.е. по поводу вашей компетенции и ваших произведений?

Получилось бы то комическое противоречие, что компетентный автор был бы вправе без цензуры писать о государстве, некомпетентный же был бы вправе писать о компетентном только с разрешения цензуры.

Свобода печати ни в коем случае не будет достигнута тем, что вы наберете кучу официальных писателей из ваших рядов. Компетентные авторы стали бы официальными авторами, борьба между свободой пе-

чати и цензурой превратилась бы в борьбу между компетентными и некомпетентными писателями.

Совершенно справедливо предлагает в ответ на это член четвертого сословия:

«Если уж должно существовать какое-либо стеснение для печати, то пусть оно будет одинаково для всех партий, т.е. в этом отношении ни одному классу граждан не должно быть предоставлено больше прав, чем другому».

Цензуре подчинены мы все, подобно тому, как в деспотии все уравнины, — правда, не в смысле признания ценности каждого из нас, а в смысле нашего общего обесценения, — предлагаемая же свобода печати введет олигархию в область духовной жизни. Цензура объявляет писателя в худшем случае неудобным, неподходящим в границах ее царства. А свобода печати в таком толковании претендует предвосхитить историю, предупредить голос народа, который до сих пор был единственным судьей в вопросе о «компетентности» и «некомпетентности» писателя. Если Солон решался судить о человеке только по окончании его жизни, после его смерти, то здесь решаются судить о писателе еще до его рождения.

Печать — это наиболее общий для индивидов способ раскрытия их духовного бытия. Она руководствуется уважением не к отдельным личностям, а только к разуму. Хотите ли вы способность духовного общения официально определить особыми внешними признаками? Чем я не могу быть для других, тем я не являюсь и не могу быть и для самого себя. Если я не вправе быть для других духовной силой, то я не вправе также быть духовной силой и для самого себя; а разве вы хотите привилегию быть духовным существом дать только отдельным лицам? Подобно тому, как каждый учится писать и читать, точно так же и право писать и читать должен иметь каждый.

<...>

Оглядываясь назад на весь ход прений о печати, мы не можем подавить в себе тоскливое и тягостное чувство, которое вызывает собрание представителей Рейнской провинции, колеблющихся между намеренной закоснелостью привилегии и естественным бессилием половинчатого либерализма. Мы с горечью констатируем почти полное отсутствие общих и широких точек зрения, а равно небрежную поверхностность, с которой дебатировался и устраняется вопрос о свободной печати. Мы еще раз спрашиваем себя, неужели так чужда печать сословным представителям, неужели так мало у нее реальных точек соприкосновения с последними, что они не умеют защищать свободу печати с глубоким и серьезным интересом, вытекающим из действительной потребности.

Свобода печати подала свою петицию сословиям с тончайшей *captatio benevolentiae* (попыткой завоевать благосклонность).

Уже в самом начале заседаний ландтага возникли дебаты, в ходе которых председатель заявил, что печатание протоколов ландтага — как и всякого рода других произведений — подлежит цензуре, но что в данном случае он, председатель, заступает место цензора.

Разве уже в одном этом пункте дело свободы печати не совпало со свободой ландтага? Эта коллизия тем более интересна, что здесь ландтагу, в его собственном лице, дано было доказательство того, как призрачны все остальные свободы при отсутствии свободы печати. Одна форма работы обуславливает другую, как один член тела обуславливает другой. Всякий раз, когда под вопрос ставится та или другая свобода, тем самым ставится под вопрос и свобода вообще. Всякий раз, когда отвергается какая-либо одна форма свободы, этим самым отвергается свобода вообще, — она обрекается на призрачное существование, и от чистой случайности будет зависеть, в какой именно области несвобода будет безраздельно господствовать. Несвобода становится правилом, а свобода — исключением из правила, делом случая и произвола. Нет поэтому ничего более ошибочного, чем полагать, будто вопрос об особой форме существования свободы есть особый вопрос. Это — общий вопрос в пределах особой сферы. Свобода остается свободой, в чем бы она ни выражалась: в типографской ли краске, во владении ли земель, в совести или же в политическом собрании. Но лояльный друг свободы, который чувствовал бы себя задетым в своей чести, если бы пришлось голосованием ответить на вопрос: быть или не быть свободе? — этот самый друг свободы становится в тупик перед своеобразным жизненным материалом, в котором свобода нашла свое проявление; в разновидности он не узнает рода, из-за печати он забывает свободу. Ему кажется, что предмет его суждения — чуждая ему сущность, а между тем он осуждает свою собственную сущность. Таким образом, шестой рейнский ландтаг, осудив свободу печати, осудил самого себя.

Высокомудрые практики-бюрократы, думающие про себя втихомолку и без всякого основания то, что Перикл вслух и с полным правом говорил о себе: «В знании потребностей государства, как и в искусстве развивать их, я могу померяться со всяким», — эти наследственные арендаторы политического разума, наверно, будут пожимать плечами и с важностью оракула вешать, что защитники свободы печати тратят зря свой порох, ибо мягкая цензура лучше ведь суровой свободы печати. Мы ответим им то же, что ответили спартанцы Спертий и Вулис персидскому сатрапу Гидарну:

«Гидарн, совет, который ты нам предлагаешь, ты не взвесил с обеих сторон. Ибо одно, что ты советуешь, ты испытал на себе самом; другое же осталось для тебя неиспытанным. Ты знаешь, что значит быть рабом; свободы же ты не вкусил еще ни разу и не знаешь, сладостна она или нет. Ибо если бы ты вкусил ее, то ты советовал бы нам сражаться за нее не только копьями, но и топорами».

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

(1820–1895)

МАРКС И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» (1848–1849)¹

Когда разразилась февральская революция, немецкая «коммунистическая партия», как мы ее называли, состояла лишь из немногочисленного ядра, из Союза коммунистов, организованного как тайное пропагандистское общество. Союз был тайным только потому, что в то время в Германии не существовало свободы союзов и собраний. Помимо рабочих обществ за границей, среди которых Союз вербовал своих членов, у него было около тридцати общин, или секций, в самой Германии и, кроме того, были отдельные члены во многих местах. Но у этого незначительного боевого отряда был в лице Маркса первоклассный вождь, вождь, которому все охотно подчинялись, и была благодаря ему принципиальная и тактическая программа, сохраняющая все свое значение и теперь, — «Коммунистический манифест».

Здесь нас интересует в первую очередь тактическая часть программы. Общие положения ее были следующие:

«Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

---

¹ Статья «Маркс и „Neue Rheinische Zeitung“» («Новая Рейнская газета») была написана Энгельсом для газеты «Sozialdemokrat» в конце февраля — начале марта 1884 года — к первой годовщине со дня смерти Маркса. Опубликовано 13 марта 1884 года. Печатается по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. / Пер. с нем. Института марксизма-ленинизма. Т. 21.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

А относительно немецкой партии в частности говорилось:

«В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы сейчас же после свержения реакционных классов в Германии началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции» и т.д. («Манифест», гл. IV).

Никогда еще ни одна тактическая программа не оправдалась в такой мере, как эта. Выдвинутая накануне революции, она выдержала испытание этой революции; и с тех пор каждый раз, когда какая-нибудь рабочая партия отступала от нее, она расплачивалась за каждое отступление. И ныне, почти сорок лет спустя, она служит руководящей нитью для всех решительных и сознательных рабочих партий Европы — от Мадрида до Петербурга.

Февральские события в Париже ускорили надвигавшуюся немецкую революцию и тем самым изменили ее характер. Вместо того чтобы победить собственными силами, немецкая буржуазия победила, идя на буксире французской рабочей революции. Не успев еще окончательно справиться со своими старыми противниками — абсолютной монархией, феодальным землевладением, бюрократией, трусливым мещанством, — она уже должна была повернуть фронт против нового врага — пролетариата. Но при этом тотчас же сказалось влияние очень отсталых по сравнению с Францией и Англией экономических условий и таких же отсталых вследствие этого классовых взаимоотношений в Германии.

Немецкая буржуазия, только что начавшая создавать свою крупную промышленность, не имела ни силы, ни мужества для завоевания себе безусловного господства в государстве, ни насущной потребности в этом завоевании; пролетариат, в такой же мере неразвитый, выросший в полном духовном порабощении, неорганизованный и даже еще не способный к самостоятельной организации, только смутно чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии. Поэтому, хотя по существу он был грозным противником буржуазии, он, тем

не менее, оставался ее политическим придатком. Напуганная не тем, чем немецкий пролетариат был, а тем, чем он грозил стать и чем французский пролетариат уже был, буржуазия видела только одно спасение — в любом, даже самом трусливом компромиссе с монархией и дворянством; пролетариат же, не сознавая еще своей собственной исторической роли, вынужден был на первых порах в подавляющей своей массе выполнять роль наиболее передового, крайнего левого крыла буржуазии. Немецкие рабочие должны были, прежде всего, завоевать себе те права, которые были им необходимы для самостоятельной организации в классовую партию: свободу печати, союзов и собраний, — права, которые сама буржуазия обязана была завоевать в интересах своего собственного господства, но которые она из страха перед рабочими стала теперь у них оспаривать. Две-три сотни разрозненных членов Союза затерялись в огромной массе, внезапно пришедшей в движение. Немецкий пролетариат появился поэтому на политической сцене сначала как самая крайняя демократическая партия.

Это определяло наше знамя, когда мы приступили к основанию в Германии большой газеты. Таким знаменем могло быть только знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать на своем знамени. Если бы мы не пошли на это, если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то нам не оставалось бы ничего другого, как проповедовать коммунизм в каком-нибудь мелком захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: для этого мы слишком хорошо изучили утопистов и не для этого составили мы свою программу.

Когда мы приехали в Кельн, там демократами, а отчасти и коммунистами, уже велась подготовка к созданию большой газеты. Ее хотели сделать узкоместной, кельнской, а нас сослать в Берлин. Но мы в 24 часа, главным образом благодаря Марксу, завоевали позиции; газета стала нашей; зато мы сделали уступку, включив в состав редакции Генриха Бюргера. Последний написал (в № 2) одну статью, за которой никакой другой так и не последовало.

Нам нужен был именно Кельн, а не Берлин. Во-первых, Кельн был центром Рейнской провинции, которая пережила французскую революцию, усвоила через кодекс Наполеона современное правосознание, развила у себя наиболее крупную промышленность и вообще во всех отношениях была тогда самой передовой частью Германии. Мы по собственным наблюдениям слишком хорошо знали тогдашний Берлин с его едва зарождавшейся буржуазией, с его наглым на словах, но на деле

трусливым и раболепным мещанством, с его еще совершенно неразвитыми рабочими, с его бесчисленными бюрократами, придворной и дворянской челядью, со всеми его особенностями города, представлявшего собой только «резиденцию». Но решающее значение имел тот факт, что в Берлине господствовало жалкое прусское право и политические процессы разбирались профессиональными судьями; на Рейне же действовал кодекс Наполеона, не знавший процессов по делам печати, так как исходил из существования цензуры, и к суду присяжных привлекали не за политическое правонарушение, а только за преступление. В Берлине после революции молодой Шлеффель за пустяки был осужден на год, на Рейне же мы располагали безусловной свободой печати и использовали ее до последней возможности.

Мы приступили к изданию газеты 1 июня 1848 г. с очень небольшим акционерным капиталом, из которого была внесена только незначительная часть; да и сами акционеры были более чем ненадежны. После первого же номера половина из них нас покинула, а к концу месяца не осталось ни одного.

Конституция редакции сводилась просто к диктатуре Маркса. Большая ежедневная газета, которая должна выходить в определенный час, ни при какой другой организации не может последовательно проводить свою линию. К тому же здесь для нас диктатура Маркса была чем-то само собой разумеющимся, бесспорным, и мы все ее охотно принимали. Именно его проницательности и твердой линии газета была в первую очередь обязана тем, что стала самой известной немецкой газетой революционных лет.

Политическая программа «*Neue Rheinische Zeitung*» состояла из двух главных пунктов: единая, неделимая, демократическая немецкая республика и война с Россией, включавшая восстановление Польши.

Мелкобуржуазная демократия делилась тогда на две фракции: северогерманскую, желавшую демократического прусского императора, и южногерманскую, тогда почти специфически баденскую, желавшую превратить Германию в федеративную республику по образцу Швейцарии. Нам надо было бороться с обеими фракциями. Интересам пролетариата одинаково противоречило как опруссачение Германии, так и увечие ее раздробленности на множество мелких государств. Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного объединения Германии в единую нацию, что одно только и могло очистить от всяких унаследованных от прошлого мелких препятствий то поле битвы, на котором пролетариату и буржуазии предстояло помериться силами. Но интересам пролетариата в то же время решительно противоречило установление прусского верховенства: прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним противником, ко-

торого должна была сокрушить революция в Германии; кроме того, Пруссия могла объединить Германию, только разорвав ее, только исключив из нее немецкую Австрию. Уничтожение прусского государства, распад австрийского, действительное объединение Германии как республики — только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время. И осуществить ее можно было посредством войны с Россией, только таким путем. К этому последнему пункту я еще вернусь.

Вообще же тон газеты отнюдь не был торжественным, серьезным или восторженным. У нас были одни только презренные противники, и мы относились ко всем им, без исключения, с крайним презрением. Конспирирующая монархия, камарилья, дворянство, «*Kreuz-Zeitung*», — словом, вся объединенная «реакция», вызывавшая такое нравственное негодование у филистера, — с нашей стороны встречала только насмешки и издевательства. Но не лучше относились мы и к созданным революцией новым кумирам: мартовским министрам, Франкфуртскому и Берлинскому собраниям и к их правым, и к их левым. Первый же номер газеты начинался статьей, издевавшейся над ничтожеством Франкфуртского парламента, над бесполезностью его длиннейших речей, над никчемностью его трусливых резолюций. Она стояла нам половины наших акционеров. Франкфуртский парламент не был даже дискуссионным клубом; в нем почти не дискутировали, а в большинстве случаев произносили заранее заготовленные академические трактаты и принимали резолюции, которые должны были воодушевлять немецкого филистера, но которыми, однако, никто вообще не интересовался.

Берлинское собрание имело уже больше значения: оно противостояло реальной силе, оно дискутировало и принимало решения не на пустом месте, не в заоблачных высотах Франкфуртского собрания. Ему поэтому и уделялось больше внимания. Но и к тамошним кумирам левой — Шульце-Деличу, Берендсу, Эльснеру, Штейну и т.д. — мы относились не менее резко, чем к франкфуртцам; мы беспощадно разоблачали их нерешительность, робость и мелочную расчетливость, показывая им, как они своими компромиссами шаг за шагом все больше изменяли революции. Это, разумеется, вызывало ужас у демократических мелких буржуа, только что сфабриковавших себе этих кумиров для собственного употребления. Но этот ужас означал, что мы попадали прямо в цель.

Точно так же выступали мы и против усердно распространявшейся мелкой буржуазией иллюзии, будто революция закончилась мартовскими днями и теперь остается только пожинать ее плоды. Для нас февраль и март могли иметь значение подлинной революции только в том случае, если бы они были не завершением, а, наоборот, исходной точ-

кой длительного революционного движения, в котором, как во время великого французского переворота, народ развивался бы в ходе своей собственной борьбы, партии обособлялись бы все резче и резче, пока полностью не совпали бы с крупными классами: буржуазией, мелкой буржуазией, пролетариатом, — а пролетариат в ряде битв завоевывал бы одну позицию за другой. Поэтому мы выступали также против демократической мелкой буржуазии повсюду, где она желала затушевать свою классовую противоположность пролетариату излюбленной фразой: ведь все мы хотим одного и того же, все разногласия — просто результат недоразумений. Но чем меньше мы позволяли мелкой буржуазии создавать себе ложное представление о нашей пролетарской демократии, тем смиреннее и сговорчивее становилась она по отношению к нам. Чем резче и решительнее выступают против нее, тем более податливой она становится, тем больше уступок делает она рабочей партии. В этом мы убедились.

Наконец, мы вскрывали парламентский кретинизм (по выражению Маркса) различных так называемых национальных собраний. Эти господа выпустили из рук все средства власти, передав их — отчасти добровольно — обратно правительствам. Наряду с вновь окрепшими реакционными правительствами в Берлине и во Франкфурте существовали немощные собрания, воображавшие, однако, что их бессильные резолюции перевернут мир. Жертвами этого идиотского самообмана были все, вплоть до крайней левой. А мы повторяли им: ваша парламентская победа будет в то же время и вашим фактическим поражением.

Так оно и случилось и в Берлине и во Франкфурте. Когда «левая» получила большинство, правительство разогнало все собрание; оно могло себе это позволить, так как собрание потеряло доверие народа.

Когда я прочитал впоследствии книгу Бужара о Марате, я увидел, что мы во многих отношениях лишь бессознательно подражали великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) «*Ami du Peuple*» и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, в силу которой в течение почти столетия был известен лишь совершенно искаженный облик Марата, объясняются только тем, что он безжалостно срывал маску с тогдашних кумиров — Лафайета, Байи и других, разоблачая в их лице уже законченных изменников революции, и тем еще, что, подобно нам, он не считал революцию завершенной, а хотел, чтобы она была признана непрерывной.

Мы открыто заявляли, что представляемое нами направление лишь тогда сможет начать борьбу за достижение подлинных целей нашей партии, когда у власти будет самая крайняя из существующих в Германии официальных партий: по отношению к ней мы тогда перейдем в оппозицию.

Но события позаботились о том, чтобы наряду с насмешками над немецкими противниками зазвучали и слова пламенной страсти. Вос-

стание парижских рабочих в июне 1848 г. застало нас на посту. С первого же выстрела мы решительно выступили на стороне повстанцев. После их поражения Маркс почтил побежденных одной из своих самых сильных статей.

Тут нас покинули последние акционеры. Но удовлетворение мы находили в том, что в Германии и почти во всей Европе наша газета была единственной, которая высоко держала знамя разгромленного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мешанство всех стран изливали на побежденных свою грязную клевету.

Наша иностранная политика была проста: выступления в защиту каждого революционного народа, призыв ко всеобщей войне революционной Европы против могучей опоры европейской реакции — России. С 24 февраля нам было ясно, что революция имеет только одного действительно страшного врага — Россию и что для этого врага необходимость вступить в борьбу становится все более настоятельной, по мере того как движение приобретает общеевропейский размах. Венские, миланские, берлинские события должны были задержать нападение России, но неизбежность этого нападения становилась тем вернее, чем ближе надвигалась революция на Россию. Но если бы удалось толкнуть Германию на войну с Россией, то Габсбургам и Гогенцоллернам пришел бы конец и революция победила бы по всей линии.

Эта политическая линия проходит через все номера газеты до момента действительного вторжения русских в Венгрию, что вполне подтвердило наши предсказания и сыграло решающую роль в поражении революции.

Когда весной 1849 г. стал надвигаться решительный бой, тон газеты с каждым номером становился все более резким и страстным. Силезским крестьянам Вильгельм Вольф напомнил в «Силезском миллиарде» (восемь статей) о том, как при освобождении их от феодальных повинностей помещики при содействии правительства обманули их и в денежном отношении и в отношении земли, и требовал миллиард талеров возмещения.

Одновременно с этим в апреле в виде нескольких передовых статей появилась работа Маркса о наемном труде и капитале, определенно указывавшая на социальную цель нашей политики. Каждый номер, каждый экстренный выпуск указывал на подготавливавшуюся великую битву, на обострение противоречий во Франции, Италии, Германии и Венгрии. Особенно экстренные выпуски в апреле и мае призывали народ быть в боевой готовности.

Во всей Германии удивлялись нашим смелым выступлениям в прусской крепости первого класса, перед лицом восьмидесяти тысяч гарнизонов и гауптвахты; но 8 пехотных ружей и 250 боевых патронов в редакционной комнате и красные якобинские колпаки наборщиков придавали

нашему помещению в глазах офицерства также вид крепости, которую нельзя взять простым налетом.

Наконец, 18 мая 1849 г. последовал удар.

Восстания в Дрездене и Эльберфельде были подавлены, восставшие в Изерлоне окружены; Рейнская провинция и Вестфалия были наводнены войсками, которые после окончательного подавления прусской Рейнской области должны были двинуться против Пфальца и Бадена. Тогда, наконец, правительство отважилось приняться и за нас. Одни редакторы подверглись судебному преследованию; другие, как не пруссаки, подлежали высылке. Против этого ничего нельзя было поделать, так как за правительством стоял целый армейский корпус. Мы вынуждены были сдать свою крепость, но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера, в котором мы предостерегали кельнских рабочих от безнадежных путчей и говорили им:

«Редакторы „Neue Rheinische Zeitung“, прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: освобождение рабочего класса!»

Так закончила свое существование «Neue Rheinische Zeitung» незадолго до того, как истек первый год ее издания. Начатая почти без всяких денежных средств, — обещанные ей небольшие суммы не были, как я уже сказал, выплачены, — она уже в сентябре достигла тиража почти в 5000. При введении осадного положения в Кельне выход газеты был прекращен, в середине октября она должна была начать все сначала. Но в мае 1849 г., при ее запрещении, у нее было снова 6000 подписчиков, между тем как «Kölnische Zeitung» имела, по ее собственному признанию, не более 9000. Ни одна из немецких газет — ни раньше, ни позже — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «Neue Rheinische Zeitung».

И этим она была обязана прежде всего Марксу.

Когда разразился удар, редакция рассеялась. Маркс уехал в Париж, где готовилась развязка, наступившая 13 июня 1849 г.; Вильгельм Вольф занял теперь свое место во Франкфуртском парламенте — в тот момент, когда это Собрание должно было выбирать между разгоном сверху или присоединением к революции, — а я отправился в Пфальц и стал адъютантом в добровольческом отряде Виллиха.

НОВАЯ ПРУССКАЯ ГАЗЕТА

NEUE PREUSSISCHE ZEITUNG

Вперед с Богом — за Короля и Отечество!

№ 110.

Берлин, пятница, 12 мая 1871 года

Эта газета выходит ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней.

Все почтовые отделения принимают заказы на эту газету (экспедиционная контора «Новой Прусской газеты» в Берлине — Кениггретцерштрассе, 15; также можно воспользоваться услугами других известных экспедиторов).

Передовой буржуа,

как известно, является убежденным противником требования закрепить всеобщее прямое избирательное право и в городском уставе, и он с гордостью продолжает это сопротивление, не испытывая ни малейших мук совести (правда, тоже несколько своеобразно устроенной) по поводу того, что этим он существенно ущемляет политические права своих сограждан. Без сомнения, он противился бы еще сильнее, если бы ему предложили к тому же в корне ликвидировать почетное правление магистратов и назначить депутатам городского совета жалованье за их работу.

Причину этого сопротивления следует искать именно в том, что городской передовой человек все же не настолько ограничен, чтобы упустить из виду неизбежные последствия таких решений, по крайней мере — для небольшого региона, хотя его узкого кругозора явно не достаточно для того, чтобы осознать, что и для целых Земель последствия окажутся такими же, правда, возможно, они проявятся не так скоро и не так отчетливо. Поэтому тот английский писатель, который развил идею всеобщего прямого избирательного права до ее крайних проявлений, предоставляя право голоса женщинам (Стюарт Милль), совершенно справедливо с такой резкостью осуждал эти выплаты, предсказывая

на основании истории и предыдущего опыта, что неизбежным последствием этих платежей явится не только появление новых народных льстецов и паразитерства, но и постоянной низкой агитации в корыстных целях.

И действительно, его высказывание оказывается особенно удачным тогда, когда консервативные стороны обосновывают протест против асигнования подобных жалований только пометкой «необходимая поправка к всеобщему избирательному праву». При этом отсутствуют явные доказательства такой необходимости, которую следует искать ни в чем ином, как в долге состоятельных слоев снова узаконить свое имущество политически, путем исполнения связанных с этой сферой обязанностей и этим подорвать основу социалистической агитации, обращенной против своекорыстного и эгоистического характера современной собственности.

Безусловно, состоятельные слои лишь питают иллюзии, когда полагают, что смогут удерживать и защищать принадлежащее им теперь имущество, не пытаясь убедить неимущие, штурмующие их войска в том, что эти активы означают для имущих классов не только одни деликатесы, но и причину и основание принятия на себя тяжелого груза обязанностей в целях общего блага.

С этой точки зрения, отказ от выплат жалований одинаково необходим как в интересах имущих, так и неимущих классов, и мы выражаем наше убеждение тем более открыто, поскольку при этом не руководствуемся каким-либо страхом перед заседающими в Рейхстаге социалистами. Но мы, разумеется, желали бы, чтобы социализм и в Рейхстаге был достаточно самостоятельным. Необходимость самому добиться нужной социальной основы для практического осуществления своих политических прав, а не требовать того от государства, может тоже стать исключением для всеобщего прямого избирательного права: оно является единственно приемлемым и потому необходимым урегулированием абстрактного политического равноправия.

Германская империя

Берлин, 7 мая.

Его Величество Император и Король соизволили позавчера, в 4 часа пополудни, принять местного чрезвычайного посланника и полномочного министра Его Императорского Величества Кайзера Германии Аристархи-Бея для частной аудиенции.

Бывшие тайные советники-калькуляторы Мюллер, Эммрих и Кениг назначены тайными аудиторами-ревизорами при счетной палате Северо-Германского Союза.

Министерство по делам вероисповедания, просвещения и медицины

Приват-доцент доктор Людвиг Вальденбург произведен в экстраординарные профессора на Медицинском факультете Королевского университета.

Верховная счетная палата

Прежние тайные калькуляторы-ревизоры Бюль и Берлин назначены тайными аудиторами-ревизорами при Королевской счетной палате.

В сегодняшнем приложении также имеются служебные новости о награждении орденами.

Дела Рейхстага

К отчету о вчерашнем заседании Рейхстага мы добавляем мнение депутата фон Охеймба (из Консервативной партии) относительно заявлений по поводу Закона о прессе, не упомянутое по недосмотру нашего корреспондента. Оно звучало так. Депутат фон Охеймб:

«Господа, я не имею принципиальных возражений против предложений депутатов Виггера и Вольфа, но на сегодняшний день я выступаю против них по тем же причинам, что и господин предыдущий оратор (депутат Виндхорст-Меппен). Нам уже практически дано обещание представителей правительств земель о том, что состоится ревизия законов о прессе и что будет принят унифицированный закон; это решение было объявлено представителями федеральных правительств также в петиционной комиссии, ввиду данного заявления выдвинутое предложение будет учтено при предстоящей законотворческой деятельности. Я прошу Вас, господа, присоединиться к решению комиссии...» <...>

О мирных переговорах

Provinzial-Correspondenz во Франкфурте-на-Майне публикует следующую статью:

В настоящее время во Франкфурте-на-Майне проходят новые переговоры Рейхсканцлера князя фон Бисмарка и французского министра Жюль Фавра, имеющие целью внести полную ясность в нынешнее положение французского правительства, а также обеспечить и ускорить заключение окончательного мира. Когда было заключено Версальское прелиминарное мирное соглашение, наше правительство смогло исходить из убеждения, что правительство Франции преисполнено искреннего желания как можно скорее достигнуть реального заключения мира и что оно в силах обеспечить его осуществление.

На этом убеждении основывались соображения о снисхождении, обнаруженном нашей стороной при заключении Версальской конвенции: нашему правительству было важно по возможности облегчить новому французскому правительству осуществление его, по-видимому, мирных намерений во Франции. При заключении окончательного мира должно быть учтено так много аспектов, чтобы по предварительным итогам все значительные вопросы могли бы считаться уже разрешенными по обоюдному, ясно очерченному плану, и, таким образом, появление новых принципиальных спорных моментов было бы исключено, так что на переговорах в Брюсселе осталось бы принять только еще более детальные постановления о выполнении предписанных условий.

Все содержание предварительных переговоров свидетельствует о том, что при заключении мира в основе лежали именно такое намерение и такая точка зрения; то, что как на французской стороне, так и на стороне нашего правительства и командования сухопутными войсками исходило из ожидания очень скорого заключения прочного мира, обнаруживают и военные распоряжения и мероприятия, проведенные после подписания предварительного мирного договора.

Из-за парижской забастовки¹ и из-за хлопот и трудностей, которые она доставила французскому правительству, окончательные мирные переговоры до настоящего времени были несколько затруднены и затянуты. Насколько наше правительство сожалело о нехватке предвидения и энергии в образе действий Версальского правительства, настолько оно все же посчитало долгом чести облегчить насколько возможно этому правительству (с которым оно только что заключило предварительный договор и которое было признано всеобщим выражением действительной народной воли Франции) укрепление на его позиции и решение задач среди вновь возникших внутренних трудностей, а также ослабить без прямого вмешательства во внутренние конфликты Франции те препятствия, которые вытекли из постановлений временного мирного договора о подавлении парижской забастовки.

Единственно благодаря любезной уступке нашего правительства Версальское правительство в принципе было в состоянии удержаться на своей позиции и обороняться, а позже выступить вперед с целью захвата Парижа. В соответствии с 3-й статьей Версальского соглашения было постановлено:

«Французские войска отступят за Луару, которую они не имеют права переходить после подписания окончательного мирного договора. Исключением из этого постановления является гарнизон Парижа, чья численность не должна превосходить числа в 40 000 человек и который сможет

---

¹ Имеется в виду Парижская Коммуна. — *Прим. сост.*

гарантировать твердую позицию не подлежащим упразднению необходимым гарнизонам».

Но вслед за тем французское правительство смогло вернуться и держать свои войска возле Версаля (который расположен с этой стороны Луары). Только благодаря доверию и предупредительности немецкого правительства, вошедшего в положение господина Тьера, стало возможным начать борьбу против Парижа и сохранить Францию от абсолютной дезорганизации. Разрешая сосредоточить армию по эту сторону Луары, между Парижем и Версалем, причем численностью, в два раза превосходящей число 40 000 (невзирая на многочисленную армию, уже имеющуюся в Париже, и, несмотря на условия временного соглашения), наше правительство могло исходить только из доверия к тому, что правительство, в пользу которого оно пошло на столь большие уступки, посчитает делом чести регулировать свои отношения с Германией в соответствии с заключенным мирным соглашением и всячески способствовать скорейшему заключению полного мира.

Однако с тех пор это доверие, по-видимому, так и не было оправдано. Не говоря уже о том, что французское правительство показало себя весьма медлительным в вопросе выполнения полученных обязательств по организованному и достаточному снабжению наших войск и регулярному совершению полагающихся платежей; таким образом, на переговорах в Брюсселе все больше и больше проявлялось стремление снова поставить на повестку дня уже установленные предварительным соглашением обязательства Франции или смягчить их.

Особенно поразительные предложения поступили относительно выплаты репараций, внимая которым любой мог бы потерять веру в серьезность отношения Франции к мирным переговорам. Не было недостатка и в тех приметах, которые порождали тревогу о том, что политические устремления разного рода намеревались отсрочить окончательное заключение мира. Наше правительство со своей стороны при сложившихся обстоятельствах могло допустить промедление в заключении окончательного мира. Но как мало можно опасаться того, что французам путем оттягивания заключения мира действительно удалось бы достигнуть более выгодных условий, так сильно заинтересованность во всеобщем благе побуждает нас положить конец состоянию неопределенности между войной и миром.

Наши войска, состоящие воистину из цвета нации, включающие в себя людей всех состояний и родов профессий и вызванного на борьбу за отечество, наши войска, достигшие блестящих успехов и в этой последней, страшной войне, — эти войска обязывают наше правительство с огромным усердием работать в том направлении, чтобы эта обильная народная сила не находилась вдали от домашнего очага и граждан-

ской профессии дольше, чем это действительно требуется. А потому французскому правительству не может быть позволено оттягивать достижение настоящего мирного состояния, каковое стояло в ближайшей перспективе после заключения прелиминарного соглашения, по своему усмотрению на неопределенные сроки.

Поэтому в последнее время князь Бисмарк не оставлял правительству в Версале никаких сомнений в том, что он, в обмен на различные сделанные правительству уступки, требует большой предупредительности последнего в отношении вопросов, связанных со скорейшим заключением окончательного мира, и что только в обмен на это французское правительство и в дальнейшем может рассчитывать на внимательный подход к своим нуждам.

Кажется, что правительство в Версале все-таки осознало, что оно может преодолеть трудности своего положения и предотвратить полное разорение Франции только при возобновлении энергичного взаимодействия с нашим правительством. Этому выводу соответствует встреча министра Жюль Фавра с князем Бисмарком во Франкфурте-на-Майне, на которую последний с готовностью прибыл. Надо надеяться, что переговоры в старом немецком имперском городе будут иметь решающее значение для установления окончательного мира. Несомненно, что князь Бисмарк вновь введет в действие силу своего авторитета для того, чтобы совершенно покончить со всеми сомнениями и опасениями, которые еще, возможно, могут появиться по отношению к предварительным переговорам, и таким образом преобразовать временные положения Версальского мира в условия настоящего мирного договора, предварительно переоформив и дополнив их. Теперь речь может идти не об устранении отдельных трудностей, а о полном и окончательном установлении действительного мира.

Жюль Фавр во время перемирия и мирных переговоров в январе и феврале текущего года доказывал, что он больше не питает никаких иллюзий о положении Франции и о вытекающих из него последствиях; разумеется, теперь он докажет свой патриотизм на деле, сделав без дальнейших промедлений те шаги, которые необходимы для спасения Франции от еще более глубокого падения.

Франкфурт-на-Майне, среда, 10-е мая, 2 часа пополудни.

Окончательный мир между Францией и Германией был только что подписан.

Военные новости

Берлин, 11 мая

Итак, вчера действительно был подписан окончательный мир между Францией и Германией и дело мира, которое не продвигалось вперед в Брюсселе, было завершено благодаря встрече во Франкфурте-на-Май-

не; теперь мирный договор нуждается в ратификации Его Величества Германского Императора, а также Французского национального собрания, чтобы войти в свое полное действие.

Таким образом, было бы выполнено одно из установленных в preliminary мирном соглашении условий, при соблюдении которых немецкая сторона оставит самые западные участки еще занятых территорий французского тыла. Кроме того, для того чтобы видеть устраненным последнее препятствие для начала вывода войск, который охватил бы, не считая северных департаментов (Руан, Амьен), главным образом форты на северном и восточном фронтах Парижа, а также соседние с ними регионы, было бы необходимо исполнить договорное обязательство по выплате первого взноса военной контрибуции. О том, насколько скоро все это осуществится, предположения строить рано, во всяком случае, до тех пор, пока не станут известны детали финансовых соглашений о взносах военной контрибуции, связанных с заключенным во Франкфурте мире.

Между тем многое позволяет надеяться на то, что марш-отход значительной части германской армии произойдет ранее, чем еще недавно предполагали.

Последние новости не оказали существенного влияния на положение вещей вокруг Парижа. Внутри осажденной столицы и в особенности среди членов магистрата, напротив, распространяются уныние и сомнения, что, в конце концов, должно привести к ослаблению сопротивления защитников Парижа, если только не произойдет нового подъема духа. Решено ли в Версале вскоре нанести решающий удар и таким образом воплотить в реальность торжественное объявление об «очень немногих оставшихся днях», хотя бы они еще немного подождать для того, чтобы отступление немцев позволило войскам правительства завладеть также фортами северного и восточного фронтов, — этот вопрос не был бы столь существенным, если бы из-за множества колебаний и промедлений вера в энергию Версаля не ослабла до такой степени. Честь, беспокойство об авторитете правительства и благополучии Парижа и Франции равным образом требуют того, чтобы заботы о «страданиях столицы» и анархическом деспотизме наконец-то были взяты в сильные руки.

Париж, 10-е мая, 12 часов 40 минут пополудни.

На проведенном вчера вечером тайном заседании Коммуны было решено отстранить действительных членов Комитета общественного спасения и тотчас заменить их другими. Кроме того, было решено поручить ведение военных дел гражданскому лицу (ему должна помогать военная комиссия) и назначить комиссию из трех человек, которая должна донести содержание прокламации до населения. Отныне Коммуна

должна собираться на совещание только три раза в неделю, за исключением тех случаев, когда будет созвано экстренное заседание по желанию пяти ее членов или по предложению Комитета общественного спасения. Далее, Коммуна решила, что ряд ее членов должен представлять Коммуну в мэриях отдельных округов — главным образом для того, чтобы позаботиться заранее и эффективным образом о могущих возникнуть в данных обстоятельствах потребностях. Также она решила возродить военный трибунал, члены которого должны быть определены Военной комиссией. Наконец, Коммуна приняла решение, что Комитет общественного спасения должен непрерывно заседать в магистрате.

Франкфурт-на-Майне, 10-е мая.

Совещания князя Бисмарка с французскими дипломатами проходят два раза в день и каждый раз длятся от трех до четырех часов. Со вчерашнего вечера распространяется слух (ему верят практически все) о том, что достигнуто соглашение по основным вопросам и что, по всей вероятности, окончательный мир будет подписан здесь, а именно в гостинице «У белого лебедя».

Князь Бисмарк проводит вечера в основном в своей прежней квартире, где теперь проживает комендант генерал фон Лоен и куда собираются на чай многие авторитетные лица и старые друзья князя. Утверждают, что князь Бисмарк также совещался с некоторыми руководителями местных крупных банков, согласовывая с ними предстоящий французам заем.

Диденхофен¹, 9-е мая.

Здесь дела до сих пор обстоят плохо; все еще продолжается и острый жилищный кризис, потому что над кучей щебня и грудями развалин, в которых лежат целые кварталы города, до сих пор не поднялось ни одного нового здания. Каменотесы и строители, однако, имеют хороший заработок и работают бодро. Не враждебно настроенные жители, по-видимому, направили всю свою злобу против прежнего французского коменданта, который, присутствуя здесь некоторое время тому назад по личным делам, по слухам, не был принят ни в одном доме.

При хороших обстоятельствах и тактичном поведении местного гарнизона (4-го Рейнского пехотного полка), а также новоприбывших служащих, гораздо быстрее, чем этого ожидают дома, в империи, могло бы случиться так, что ныне еще двуязычный город станет единодушно придерживаться немецкого направления, снова научиться думать по-немецки и даже привыкнет говорить только на нем.

---

¹ Диденхофен — город во французской провинции Лотарингия (французское название — Тьонвиль), в 1871 году по итогам войны перешел к Германии.

Германия

Его Величество Император и Король вследствие легкой простуды со вчерашнего дня вынужден не покидать помещения.

Ее Величество Королева-Императрица во вторник приняла с визитом Его Королевское Высочество Принца Оранского, в честь которого в королевском дворце состоялись званый обед и вечер.

Их Кайзерские и Королевские Высочества Кронпринц и Кронпринцесса вчера, во второй половине дня, прибыли из Потсдама сюда и присутствовали на званом обеде у Их Величеств. Ее Кайзерское и Королевское Высочество Кронпринцесса в 7 часов отправилась обратно в Потсдам, Его Королевское Высочество Кронпринц — в 10 часов.

Его Королевское Высочество Принц Оранский вчера вечером в 7 часов 45 минут отправился в Гаагу на курьерском поезде.

Власти дали распоряжение довести до всеобщего сведения, что Император и Король позволил Мюнхенской артели художников распространять в пределах Прусской империи лотерейные билеты для организованного ими розыгрыша произведений искусства в пользу всеобщего немецкого благотворительного фонда помощи пострадавшим на войне. Полицейские ведомства не чинили никаких препятствий продаже лотерейных билетов, которые для начала должны быть выпущены в количестве 50 000 экземпляров при цене 1 талер за штуку.

Первого июня в Берлинском Центральном институте физической культуры на Шарнхорштрассе начнется курс военной гимнастики для унтер-офицеров всех армейских соединений. Курс длится четверть года.

Как известно, Германия с Австрией образуют немецко-австрийский телеграфный союз, к которому также присоединилась Голландия. Этот союз больше не будет существовать в таком виде. В конце декабря истекшего года в Вене и Гааге произошло расторжение соответствующего договора. Германия впредь будет организовывать работу своего телеграфа самостоятельно и как замкнутое в себе единое целое. Между Австрией и Голландией посредством особых договоров, напротив, должна быть установлена тесная связь в области телеграфии.

Как стало известно, сейчас пытаются добиться одинаково эффективного управления телеграфом во всех областях Германии. Пока что договорились о временной мере: согласно коллективным договорам все поступления в соответствии с определенными стандартами становятся общими и подлежат распределению.

Берлинский наблюдатель

Общество против потребления водки проводит свое публичное ежемесячное собрание с проповедью и отчетом в понедельник, 15-го мая, в 7 вечера, в капелле (Кауффее-штрассе, 65). Проповедь читает проповедник Крафт.

Курсы банковых акций и промышленных ценных бумаг в последнее время так поздно устанавливались на бирже, что корреспонденты вечерних газет были не в состоянии представлять полные биржевые таблицы; таким образом, многие из этих бумаг не могли быть освещены и в нашей газете. Вчера — опять. Мы были вынуждены оставить без внимания курс, который не был установлен на бирже до двух часов. Хотя маклеры обязаны заканчивать установку курса до двух часов, игра на акциях столь безумна, что ее завершение замедляется. Мы снова должны констатировать это неудовлетворительное положение на бирже, выход из которого кажется невозможным. И почему нет?

Много смеха было в эти дни в петиционной комиссии Рейхстага из-за петиции одного крестьянина-богемца из Кенигсберга, который в чрезвычайно странном письме ставит Рейхстагу ультиматум в качестве «мирового реформатора» и требует либо введения 30 радикальных законов, либо передачи диктатуры Европы его персоне. Наряду с этим он предлагает Рейхстагу купить его трактат о мировой религии за 30 тыс. талеров.

По изготовленному для генерального собрания акционеров реестру фауна зоологического сада на конец 1870 года насчитывает в целом больше чем 270 млекопитающих и около 760 птиц, при этом около 150 выюровых ткачиков и других подобных маленьких певцов Африки и Австралии не были приняты в расчет. Млекопитающие представлены 111 видами, птицы — 194 видами; всего — 305 видов. Количество видов в зоологическом саду в течение последнего года увеличилось где-то в два раза, а количество экземпляров — в три раза.

В то же время вышеозначенное количество особей и их общая стоимость значительно возросли благодаря рождению детенышей у молодой пары львов в новом прекрасном доме хищников 25 февраля и благодаря приобретению четырех годовалых львов, четырех леопардов и ряда других четвероногих и птиц. Общая стоимость, в соответствии с реальными рыночными ценами, на конец 1870 года составила как минимум 54 тыс. талеров, из них 40 тыс. приходится на млекопитающих, 13 тыс. 500 талеров — на птиц и 500 — на рептилий. По количеству зверей (среди них находятся 8 львов, 6 леопардов, пара королевских тигров, индийский и африканский слоны, африканский носорог, пара жи-

рафов и индийских водяных буйволов, трагопан и блестящий фазан, африканские страусы, карункульные журавли, ябиру африканские, получерные свиньи и другие раритетные виды) зоологический сад теперь может быть причислен к первым в Европе, а когда план реконструкции и реорганизации будет полностью осуществлен, в ландшафтном и архитектурном отношении он обещает стать единственным в своем роде.

В понедельник в зоологическом саду при посадке и выравнивании земли работники заметили в почве что-то блестящее. Они принялись копать дальше и нашли различную церковную утварь, которая, как позже выяснилось, была украдена из церкви Бартоломея.

Великобритания

Лондон, 9-е мая.

Заседания парламента

Уже с некоторого времени в палате лордов с напряжением ожидали обсуждения проекта «К снятию религиозных ограничений в университетах *Кембридж* и *Оксфорд*», и весьма значительное число лордов оказались втянутыми в парламентские бои. Особенно большую долю составили епископы. Как известно, проект считался в принципе принятым, и членам палаты оставалось обговорить его отдельные пункты.

Первые две главы прошли без возражений. Но к третьей маркиз Солсбери представил поправку, которая фактически ослабляет положения билля. Благородный лорд требует в ней, чтобы все репетиторы, профессора и все университетские учреждения подали заявления, в которых они обязались бы не обучать ничему, что находится в противоречии с истинами, изложенными в Ветхом и Новом Заветах. При обосновании своего предложения автор пояснил, что в этом проекте речь идет не о спорных пунктах между англиканской церковью и общинами, отступившими от господствующих догматов, а о борьбе между христианством и неверием, атеизмом. Он в общих чертах обрисовал мрачную картину того влияния, которое проект, возведенный в степень закона в его нынешнем состоянии, должен оказать на молодежь Англии, и основал на этих рассуждениях необходимость гарантировать сохранение аутентичности преподающихся в высших учебных заведениях главных положений.

Со стороны правительства в качестве защитника проекта выступил Карл из Кимберли и прежде всего оспорил то, что после принятия билля следует действительно опасаться описанных лордом Солсбери губительных последствий. А если даже такие опасности в самом деле грозили бы, поправка Солсбери только по-своему увеличила бы их.

Россия

Из Литвы

В Литве практически полностью прекратилось противодействие использованию русского языка при католических богослужениях, чего с неослабевающим рвением добиваются русские власти, и с каждым днем в деле русификации католической церкви наблюдается все больший прогресс. Уже даже занятия с confirmandis во многих католических общинах проходят на русском языке, причем для того, чтобы приблизить детей к пониманию предмета, прибегают к помощи польского языка. В последнее время наблюдается много случаев перехода литовской аристократии и в лоно Русской Православной Церкви. (Остзее-цайтунг.)

Азия

Монгольский лама

Как сообщает туркестанская газета, в городе Урга¹ можно было наблюдать редкостное зрелище: погребение великого монгольского ламы Дшебсуны-Домбы-Кутуркту. Эта особа, наслаждавшаяся неограниченным почитанием, глубоким уважением и обладавшая большим влиянием, умерла в декабре 1868 года. Но потребовалось не менее чем полтора года для того, чтобы забальзамировать тело ламы и предотвратить гниение с помощью различных солей и ароматических трав. Труп сохраняет сидячее положение и в этой же позе был положен в богато украшенный металлический гроб, который был отнесен в исключительно для этой цели возведенный храм.

Монгольские князья из четырех ханств Халхи посчитали своим долгом присутствовать при погребении и на различных церемониях, проводимых по этому поводу. Князья из западных ханств удержались от путешествия, так как не решились покинуть свои владения, которые в последнее время так много страдали из-за возмущений дунганов, опасаясь возвращения банд мятежников осенью. По этой причине торжество было не столь великолепным и шумным, каким оно могло бы быть в противном случае.

Наука и литература

«Деяния и речи в немецко-французской войне 1870—71». Лейпцигское издательство Вебера, 1871.

Данная работа — с большим прилежанием отредактированная подборка ежедневных официальных новостей и важных публикаций обеих

---

¹ Ныне г. Улан-Батор, столица Монголии.

противоборствующих сторон великой немецко-французской войны. Левые страницы посвящены сжато изложенным немецким телеграммам и депешам, правильность которых постоянно подтверждается на практике, правые страницы — французским фразерским, полным лжи отчетам. Действительно, едва ли можно придумать что-либо более убедительное для характеристики обеих ведущих войну народов, чем это превосходное сопоставление, занимающее 28 печатных листов, оформление которого было выполнено магазином издательства на высшем уровне.

Разное

Гретц, 10-е мая.

Во многих населенных пунктах округа по эту сторону границы теперь тоже вспыхнула эпидемия оспы, правда, не самого тяжелого характера. Дальнейшего распространения болезни опасаться не стоит, так как, к счастью, как раз проходит всеобщая вакцинация и ревакцинация военнообязанных.

Трир, 8-е мая.

Между Триром и Метцем теперь налажено регулярное пароходное сообщение, что, кажется, пока превосходно окупается благодаря богатому товарообороту, а впоследствии этот рейс сможет заманить и многих пассажиров, потому что плавание проходит по романтической долине Мозеля.

Стокгольм, 1-е мая.

Вчера шведская экспедиция к Северному полюсу под командованием профессора Норденшельда отплыла по направлению к месту назначения. Экспедиция состоит из кораблей «Польхем» (капитан Й. В. фон Оттер) и «Гладан» (капитан П. М. фон Крузенштерн). В августе она должна начать обратное путешествие в сторону Гренландии.

Ритмейстербухе

Пожалуй, самое старое дерево, посаженное по поводу празднования мира, — это так называемый Ритмейстербухе в Олдендорфских горах (округ Кронеберг, Ганновер). Оно посажено в 1648 году при заключении Вестфальского мира, так что ему 223 года, но оно все еще крепкое и зеленое, насчитывает где-то 14 футов¹ в стволе и его видно далеко издали.

---

¹ Больше четырех метров.

Телеграфные уведомления, прибывшие по окончании работы редакции

Франкфурт-на-Майне, 11-е мая.

Вчера вечером состоялся праздничный обед у обербюргомайстера Мумма. Последний провозгласил тост в честь князя Бисмарка-миро-творца, на который рейхсканцлер ответил тостом в честь города Франкфурта, выражая вместе с тем свою радость по поводу того, что первая большая дипломатическая акция новой Германской империи была проведена в старом имперском городе, месте коронации немецких королей. В конце князь Бисмарк высказал свое пожелание: пусть Франкфуртский мир станет также миром для Франкфурта и с Франкфуртом.

Нью-Йорк, 10-е мая.

Сегодня сенат собрался на очередное заседание. Президент Грант представил новый договор между Англией и Соединенными Штатами. Новость о занятии Лимы мятежниками до сих пор не нашла дальнейшего подтверждения.

Версаль, 11-е мая.

Артиллерийские атаки на позиции федералистов продолжаются и порождают ужасные последствия. Форт Ванв все еще занят войсками федералистов. Прошлой ночью батальон наших войск взял баррикады, возведенные перед местечком Бург-ла-Рейн, причем около 130 федералистов было убито или ранено и 43 взято в плен.

Объявления

Для мальчика девяти лет ищем мальчика такого же возраста из просвещенной семьи для совместного занятия у доктора теологических наук.

Ищем образованную француженку или швейцарку, которая готова обучать своему языку за бесплатные квартиру и стол, при этом она сможет изучать немецкий. Предложения на шифр № 90 пересылает экспедиционная контора «Новой прусской газеты».

Образованная девушка ищет место компаньонки и помощницы по хозяйству у людей преклонного возраста. На скромных условиях. Подробности: Флотвеллштрассе, д. 3, у фрау Фурман.

Слуга с очень хорошими отзывами, долгое время путешествовавший с князьями и графами, ищет место камердинера или сопровождающего в путешествиях — здесь или за границей.

Ищу содержания на полном пансионе. Образованная девушка хочет улучшить свои знания в сфере ведения домашнего хозяйства, желательно в просвещенной семье за городом.

Репертуар

Виктория-театр

Пятница. В 131-й раз с частично новыми куплетами: «Волшебный рог». Сказка в 4-х действиях, с песнями и танцами, композициями. Декорации, костюмы, техническое оборудование сцены полностью новые. Начало в 7 часов.

Суббота. То же самое представление.

Воскресенье. Последний гастрольный спектакль господина Гендрихса. «Фауст» (Фауст — господин Гендрихс).

Королевский театр

Четверг, 11-е мая. Оперный театр. Выступления не проводятся.

Драматический театр

121-е представление по абонементу. «Ромео и Джульетта». Трагедия Шекспира в 5 действиях, переведенная Шлегелем. Приглашенные актеры: Фройляйн Мейер в роли Джульетты, Господин Кеслер в роли Ромео. — Начало в 18:30. — Цены средние.

Семейные новости

Помолвки

Имеем честь сообщить о помолвке нашей старшей дочери Кристианы с коммерсантом господином Луи Воглером из Кведлинбурга.

Берлин, 10-е мая 1871.

С уважением, профессор Густав Блазер и жена.

Бракосочетания

О своем происшедшем сегодня бракосочетании с уважением сообщают

А. Херманн, пастор Грос Энгерсена,
Л. Херман, урожденная Потель.

Уфтрунген, 9-е мая 1871.

Роды

Сегодня, в пять с четвертью утра, моя жена Магдалена, урожденная Васерман, успешно разрешилась от родов здоровой девочкой, о чем и имею честь с уважением сообщить родственникам и друзьям.

Темплин, 8-е мая 1871.

Ф. Окель, табельщик кадастра.

Цирк Ренца

Начало в 7:30.

Пятница, 12 мая 1871.

Смелый улан и его верный конь, бой всадников, аранжированный директором Ренцом, исполняемый 50-ю артистами и более чем 30-ю лошадьми, из которых две специально выдрессированы для этой конной сцены. Презентируемый танец: канкан, исполняемый восемью господами и восемью дамами.

Две дрессированные обезьяны клоуна господина Бугни. Трамплинные прыжки, в конце двойное сальто-мортале в исполнении господина Мюера. Фройляйн Мелани Рейвит — пируэты на лошадях. Дебют Фройляйн Лойел.

Начало в 7:30. Конец в 10:00.

Утреннее представление.

Отчеты об уровне воды

Кельн, 10-е мая.

Высота Рейна 13 футов 0 дюймов.

Редактор и ответственный редактор: *Доктор Бойтнер*.

В собственном издательстве составителя.

Печать Ф. Хейнике в Берлине.

Перевод *Маргариты Истоминой*

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ XIX ВЕКА

ВЕДУЩИЕ АНГЛИЙСКИЕ ГАЗЕТЫ

ГАЗЕТА *THE OBSERVER*

Ноябрь 1851 года

Подводный кабель поддерживает непрерывную телеграфную связь между Лондоном и Парижем

Братья Якоб и Джон Уоткинс Брет создали подводную телеграфную компанию после получения права на землю от французских и английских властей, что позволило им проложить подводный кабель между двумя странами. Первая попытка прокладки кабеля в 1850 году была неудачной, так как некий французский рыбак подумал, что это редкая морская водоросль с золотым сердечником, и вырвал его на поверхность.

После провала первой попытки братья воспользовались услугами железнодорожного инженера Томаса Р. Крамтона по проектированию и контролю над прокладкой кабеля. Этот кабель состоит в своей сердцевине из четырех основных шнуров из медной проволоки, покрытой двойным слоем гуттаперчи, а затем обернутых коноплей со смолой. Все это было заключено в пряжку с десятью оцинкованными лентами, обвивающими спиралью сердцевину. Общий вес получился от семи до восьми тонн на милю, что в общей сложности доходило до двухсот тонн.

Укладка началась 25 сентября. Два буксира доставили к месту корабль «Блейзер», на котором находился кабель. Для его размещения пришлось снять котел, двигатель, трубы и мачты корабля. Кабель, как и в прошлый раз, не мог достаточно быстро достичь дна: из-за веса и главным образом отсутствия должной тормозной системы на борту «Блейзера».

В нескольких километрах от побережья Франции было обнаружено, что для завершения операции укладки кабеля не хватает. Был срочно изготовлен дополнительный кусок кабеля. Он прибыл из Англии на борту буксира «Ред Ровер».

Целиком кабель начал функционировать 13 ноября 1851 года. В тот день в Лондоне по его проводам была получена первая информация — о торгах и котировках акций на Парижской фондовой бирже. Себестоимость расходов, включая прокладку кабеля, достигла 15 000 фунтов стерлингов.

Голод в Ирландии: слишком мало, слишком поздно...

В 1841 году была проведена перепись населения Ирландии. Было установлено, что население страны достигло 8,2 миллиона людей. В настоящее время эта цифра снизилась до 6,5 миллиона. Причины тому — увеличившаяся смертность от голода и эпидемий, а также массовая эмиграция из Ирландии трудоспособного населения.

Голод стал результатом последовательных неурожаев, а также недостаточных и неэффективных мер, предпринятых лордом Джоном Расселом для предотвращения бедствий. Ирландцы боятся, что в некоторых районах страны, откуда выехало больше всего людей, некому будет обрабатывать землю.

Зашили?

Новая швейная машина Исаака Зингера имеет огромный коммерческий успех. Это первая швейная машина, в которой игла движется вверх и вниз, а не из стороны в сторону и приводится в движение нажатием ноги на педаль. Тем не менее машина *Зингер* использует тот же машинный шов, что швейная машина Элиаса Хоу, которая была запатентована еще в 1846 году. И сейчас Хоу судится с Зингером за нарушение патентного права.

Еще один американец, Уолтер Хант, изобрел первую швейную машину в 1834 году и, полагая, что его изобретение вызовет безработицу, не подал заявку на патент. Зингер сейчас пытается бороться с Хоу, доказывая, что его изобретению уже около двадцати лет и что Хоу не может претендовать на гонорар за патент.

В 1844 году британский изобретатель Джон Фишер также запатентовал машину для производства кружева, которая была достаточно похожа на сделанные Хоу и Зингером. К сожалению, патент Фишера был потерян в патентном ведомстве, оставив его без каких-либо правовых оснований вступить в потенциально прибыльную борьбу за машину.

Перевод *Галины Андреевко*

ГАЗЕТА *THE TIMES*

14 ноября 1854 г.

Высоты на подходе к Севастополю

Уильям Рассел, 25 октября, 1854 год.

Если бы проявленный высочайший героизм, мужество и отвага, бьющие через край, воссоздавшие великолепии лучших дней рыцарских времен, могли служить утешением произошедшей сегодня катастрофе, не было бы причин горевать о печальном поражении, которое мы претерпели в битве с неистовым, варварским врагом.

Я попытаюсь описать, насколько это возможно, происходившее у меня на глазах сражение, а также изложу те факты, которые я услышал от людей, безупречно правдивых, оставляя за собой право на обнародование личного мнения и деталей того, что случилось в этот незабываемый день...

Проигрывая по силе британскому войску, превосходящему по численности вдвое, русские вернулись к высотам на подходе к Севастополю, портовому городу на Черном море. Передохнув на левом фланге, а затем выстроившись в одну мощную линию, русские ринулись навстречу горцам. Земля летит из-под конских копыт; с каждым шагом набирая скорость, они несутся на тонкую красную полосу, обрамленную сталью. 93-й полк встретил волну всадников, даже не перестраиваясь.

В 11:00 наша легкая кавалерия стремительно ринулась в атаку... Русские встретили ее огнем пушек с редута справа, ружейными и штуцерными залпами. Наши кавалеристы величественно промчались мимо, сверкая в лучах утреннего солнца во всем великолепии гордости и величии войны. Мы не верили своим глазам! Неужели эта горстка людей собралась атаковать целую армию, выстроенную в боевой порядок? Увы, так оно и было: их отчаянная храбрость не знала границ, позабыто было даже то, что называют ее верным спутником, — благоразумие. Они наступали двумя линиями, ускоряя аллюр по мере приближения к врагу. Никому более не приходилось видеть столь ужасающего зрелища; не в силах помочь, мы могли лишь смотреть, как наши герои-соотечественники бесстрашно мчатся в объятия смерти.

С расстояния в 1200 ярдов вся линия неприятельских батарей — тридцать железных пастей — извергла поток пламени и дыма, пронизанный воющими смертоносными ядрами. Их полет был отмечен зияющими брешами в наших рядах, мертвыми людьми и лошадьми, скакунами, ранеными или потерявшими всадников, мечущимися по равнине. Первая линия сломлена, ее подкрепляет вторая; воины ни на секунду не замедляют галопа. Их поредевшие шеренги, прореженные огнем тридцати орудий, наведенных русскими со смертоносной точностью,

с ореолом сверкающей стали над головами и криком, что стал для многих благородных душ последним, врываются в облако дыма, окутавшее батареи. Более мы их не видим; перед нами лишь равнина, усеянная их телами и трупами коней. С флангов по ним вели огонь батареи, расположенные на холмах по обе стороны долины; с фронта их встретили ружейные залпы.

Сквозь клубы дыма мы различали сверкающие всплески сабель: они доскакали до орудий и бросились в промежутки между ними, рубя артиллеристов. Блеск стали, по словам одного офицера, стоявшего рядом со мной, был похож на «меняющий направление косяк макрели». Мы видели, как воины прорывались сквозь батарею; затем, к восторгу своему, заметили, что они возвращаются, пробившись сквозь колонну русской пехоты, разметаив ее как стог сена, как вдруг их — потерявших строй, рассеявшихся по долине — смел фланговый залп батареи на холме. Раненые и потерявшие коней кавалеристы, бегущие к нашим позициям, красноречивее любых слов свидетельствовали о печальной судьбе — да, они потерпели неудачу, но даже полубоги не смогли бы сделать большего...

В тот самый момент, когда они собирались отступить, полк уланов был переброшен на их фланг.

Полковник Швелл, 8-й гусарский полк, осознав опасность, кинулся наперерез русским. Другие полки разворачивались и вступали в ожесточенную битву. С храбростью, граничащей с безрассудством, они пробивали себе путь через окружавшие их колонны; во всей современной истории цивилизованных войн не было примера подобной жестокости.

Русские стрелки, когда штурм кавалерии был завершен, снова взяли за оружие. Они видели, как их собственная конница топчет павших солдат, и все же ударили крупной картечью по массе смешавшихся в смертельной схватке людей, лошадей, сокрушая в едином порыве союзников и противников, покрывая вечным позором имя России.

И только тяжелая кавалерия смогла прикрыть отступление немногочисленной группы выживших героев, чтобы они смогли вернуться в те места, которые покидали, испытывая чувство гордости.

В 11:35 перед кровавыми московитскими пушками не осталось более британских солдат, кроме мертвых и умирающих.

Перевод *Жанны Москвиной*

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА США XIX ВЕКА

ВЕДУЩАЯ ПРЕССА США

ГАЗЕТА *THE NEW YORK TRIBUNE*

5 сентября 1882 г.

Электрическая железная дорога Эдисона

Женева, 4 сентября. Объединение лондонских капиталистов заключило контракт на строительство электрической железной дороги между Женевой и Фернексом и Женевой и Сан-Жюльеном по проекту Эдисона.

Вчера в интервью газете *The New York Tribune* Томас А. Эдисон прокомментировал вышеупомянутую депешу: «В последнее время я веду переговоры с компаниями, которые пользуются моим патентом на электрическое освещение в Швейцарии, для того, чтобы продать им единоличное право на строительство железной дороги. Контракт рассчитан на 15 лет. Мои требования были удовлетворены, и я только что получил сообщение о том, что компании подписали контракт на строительство двух железных дорог. Я не знаю, где именно они планируют их построить, но мне известно, что одна из упомянутых в женевской депеше дорог длиной 3 мили, а вторая — от семи до десяти миль. Они будут использованы только для пассажирских перевозок. Сейчас я строю для компаний электрические поезда, но они встанут на рельсы как минимум через три месяца. Для швейцарских электрических дорог будет нанят инженер-строитель туннеля святого Готхарда. Примерно через десять дней я планирую начать испытывать электрическую дорогу в Менто-парк для того, чтобы выяснить затраты на передвижение по ней товарных поездов. Я начну с десяти вагонов вместимостью в 4 грузооборота и пушу их со скоростью 8 миль в час».

Итоги дуэли

Лондон, 5 сентября. Депеша *The Daily News* из Парижа сообщает, что М. Ричард, редактор французской газеты *Petit Caporal*, убивший М. Демассаса, редактора *Combat*, на дуэли на шпагах в воскресенье, сам был опасно ранен в голову и подмышку, а также получил три удара в руку. М. Ричард будет задержан полицией, но его, безусловно, оправдают.

Санитарные условия в Новом Орлеане

Новый Орлеан, 4 сентября. Глава департамента здравоохранения сделал заявление о том, что Новый Орлеан окончательно избавился от желтой лихорадки, ни один случай заболевания не был зафиксирован с 11 августа. В Новом Орлеане безукоризненные санитарные условия, а уровень смертности необыкновенно низкий.

Главные политические новости

Внимание: дуэль!

Чалмерс и Ван Мэннинг чуть не подрались

С помощью телеграфа в The New York Tribune!

Вашингтон, 4 сентября. Голосование во 2-м округе Миссисипи получило новую огласку из-за сообщения о стычке и возможной дуэли между генералом Челмерсом и Ван Мэннингом. Корреспондент *The New York Tribune* задал несколько вопросов по этому делу бывшему сенатору Брюсу, который, между прочим, отрицает свое участие в публичных выступлениях во втором округе. Брюс ответил, что ничего о произошедшей стычке не знает и не верит, что состоится какая-либо дуэль. Однако бывший сенатор не отрицает, что, скорее всего, генерал Челмерс бросил вызов Мэннингу. Хотя господин Брюс не был склонен говорить о случившемся во втором округе, он, однако, рассказал о том, что Мэннинг уже получал вызов на дуэль от Волтона, когда они соперничали друг с другом несколько лет назад. Вызов был принят, но органы власти узнали об этом и произвели арест прямо перед дуэлью. По одной из версий, о дуэли сообщили друзья Мэннинга.

18 июня 1885 г.

Прибытие большой статуи

**Французский фрегат «Изер» пришвартовался в нью-йоркской гавани
Приготовления к официальному приему. — Непокойное плавание**

Семнадцатого июня ранним утром французский военный корабль «Изер», перевозивший статую Свободы Фредерика Бартольди, благополучно достиг гавани и встал на якорь недалеко от города Сэнди Хук.

Утро выдалось дождливым и туманным, только с рассветом работники наблюдательной вышки увидели странный пароход, вставший на якорь за береговой линией. Корабль был еще слишком далеко, чтобы передать ему сигнал. К пяти часам утра «Изер» приблизился к гавани на достаточное расстояние для связи с персоналом вышки. Только тогда стало ясно, что это французский корабль «Изер». Как только «Изер» вошел в гавань, на его грот-мачте поднялся французский флаг и звездно-полосатый — на фок-мачте. Судно зашло в порт и встало на якорь у пристани, соединяющейся с железной дорогой. Паровая яхта «Радна» находилась рядом с французским кораблем. Новость о прибытии «Изера» тут же была телеграфирована в город.

Генерал Стоун — секретарь комитета по делу о Статуе Свободы, именно под его руководством для статуи в настоящее время сооружается пьедестал. Он находился на полпути к острову Бедлоу¹, когда от капитана де Сунн, командующего кораблем «Изер», ему пришло следующее сообщение: «Изер, перевозящий статую. Ждет указаний о дальнейших действиях. Ответьте немедленно».

На это генерал ответил: «Тысяча приветствий. Я сейчас же отправляюсь к вам». После этого генерал Стоун телеграфировал Луи де Бабьяну, представителю французского флота, и получил от него сообщение о том, что де Бабьян уже направляется в Кастл Гарден. Через полчаса Луи де Бабьян приплыл в Кастл Гарден на пароходе «Уильям Флетчер». Тем временем к генералу Стоуну присоединился глава правления муниципальной корпорации Сэнджер. Ожидали и другого члена комитета — Фредерика А. Потса, представителя внешнеторговой палаты, но час был еще слишком ранний, и поэтому он не смог прийти.

Генерал Стоун, господин Сэнджер и шесть репортеров взойшли на пароход к господину де Бабьяну, и сразу после этого корабль вышел из бухты. Луи де Бабьян обошелся без поручителей и объяснил команде корабля по-французски, что берет на себя ответственность за сопровождение «Изера» в гавань, на что получил согласие и одобрение вахтенного офицера. Как только «Уильям Флетчер» поравнялся с «Изером», с его борта на борт «гости» была переброшена деревянная доска, и компания, возглавляемая генералом Стоуном, перешла на французский корабль. Делегацию проводили до капитанской рубки. Все привычные формальности были соблюдены: каждый выпил бокал вина, компания генерала Стоуна прошла по кораблю. «Изер» оснащен оружием, отлит из металла, его корпус выкрашен в белый цвет. Его грузоподъемность составляет тысячу тонн.

Капитан Сунн сообщил, что путешествие оказалось более долгим, чем он предполагал, и заняло двадцать семь дней. Он взял чрезмерно

---

¹ В настоящее время — остров Свободы. — *Прим. перев.*

южный курс для того, чтобы избежать столкновения с льдинами. Ужасная погода надвигалась на них со стороны Ла-Манша вплоть до тех пор, пока они не миновали Атлантику. Второго июня они достигли порта Файаль на Азорских островах, и только тогда сильная буря и морское волнение прекратились. Два дня в Файале продолжалась погрузка угля на корабль, и после этого команда взяла курс на порт в Сэнди Хук. Весь остальной путь прошел идеально, погода была хорошая, корабль плыл под парусами. Во вторник экипаж заметил лоцманское судно № 9, и его лоцман Джозеф Эндерсон был взят на борт. В полночь судно достигло береговой линии, но стояла дождливая и туманная погода, было слишком темно для того, чтобы пришвартоваться. Капитан принял решение дожидаться утра, чтобы корабль смог благополучно бросить якорь на месте стоянки.

Статуя разобрана на множество частей весом от 150 фунтов до четырех тонн. Каждая часть упакована в деревянный ящик и прилегает к его стенкам максимально плотно, чтобы избежать повреждений. Генерал Стоун заявил, что остров Бедлоу будет превосходно оборудован для сборки и установки статуи. Для хранения частей статуи будет построен ангар, чтобы погодные явления или чьи-то вредные руки не причинили статуе вред до тех пор, пока не будет закончен пьедестал.

Капитан де Сунн вручил генералу Стоуну кожаный ящик с письмом от французского комитета, подтверждающим официальную передачу статуи Свободы американскому народу. Пергамент был превосходно оформлен, кроме того, на нем стояла печать Французской республики. В одном из углов пергамента красовалась статуя Свободы на пьедестале, точно таком же, какой в скором времени будет построен. А в другом углу — изображения Вашингтона и Лафайета. Ниже мы приводим содержание документа:

«Париж, 15 мая, 1885 г.

Членам Французского Комитета

Господа!

Великолепная статуя Свободы, освещающей мир, сейчас погружена на государственное судно “Изер” и скоро прибудет на свою новую родину. Французское правительство любезно поучаствовало в работе Франко-американского союза, взяв на себя обязательства по транспортировке. Официальный флаг Французской Республики, таким образом, завершает проделанную нами работу и представляет собой замечательное проявление дружбы соотечественников Лафайета. Статуя официально перевезена к его Превосходительству, господину Мортону, уполномоченному министру Соединенных Штатов в Париже, и мы имеем честь напомнить вам об условиях данного официально подписанного торжественного акта, вверенного в руки представителей Республики Соединенных Штатов. В юбилейный день американской независимости 4 июля 1884 года в присутствии Жюль Ферри, министра иностранных дел, графа Фердинанда

де Лессепса, во имя Франко-американской комиссии, представлена великолепная статуя Свободы, освещающей мир, работы скульптора Бартольди. Передать национальное чувство, выраженное в экспозиции, попросили господина Мортон. Господин Мортон выразил благодарность Франко-американскому союзу от лица своих сограждан за подобное свидетельство симпатии французского народа. Он заявил, что в соответствии с полномочиями, доверенными ему президентом Соединенных Штатов и Американским союзом, представленным в лице его президента, почтенного Уильяма М. Эвартса, он принимает статую и решает, что она будет установлена в соответствии с совместным решением Конгресса от 22 февраля 1877 года в порте Нью-Йорка в качестве маяка давней дружбы, существующей между двумя народами.

От имени Франции, *Жюль Ферри* и *М. Бриссон*,
президент Палаты депутатов.

От имени Соединенных Штатов, *Мортон*.

От имени Франко-американского союзного комитета,
Фердинанд де Лессепс и *Е. де Лафайет*.

Наша работа — проявление энтузиазма, преданности, интеллекта и самых благородных чувств, какие только могут вдохновить человека. Дай Бог, чтобы она всегда освещала вашу власть и узы, которые объединят французскую и американскую нации.

Документ подписан всеми членами Франко-Американского комитета, *Жюлем Ферри* и *А. Бартольди*.

Капитан военного корабля «Омаха» Соединенных Штатов Америки господин Селфридж в конце дня отправил одного из своих лейтенантов на катере к борту корабля «Изер» — проявить свое почтение и предложить экипажу сменить место стоянки с Хорсшу на Грейвсенд-Бей, где была пришвартована «Омаха». Около четырех часов вечера «Изер» занял позицию неподалеку от «Омахи». Вскоре командиры обменялись привычными приветствиями, французских офицеров тепло приняли на «Омахе». В конце дня господин де Бабьян получил нижеследующую телеграмму от адмирала Лакомба с борта французского фрегата «Ла Флор», в Ньюпорте: «Только что я получил вашу депешу, оповещающую о прибытии “Изер”, и немедленно направляюсь к вам. Пожалуйста, проинформируйте “Изер” о моем прибытии на отмель в 2 часа дня в четверг».

Было принято решение о проведении официального приема в пятницу. Ниже изложена официальная программа:

Комитет, включая членов Торгово-промышленной палаты и других приглашенных лиц, вместе с Мэром, муниципальным советом и другими городскими органами взойдут на борт парохода с нижней части Уолл-стрит в 9 часов утра и проплывут к месту стоянки «Изера» в Бей. Морская процессия будет организована и проведена капитаном

1-го ранга Ральфом Чандлером. Пароход Соединенных Штатов «Диспатч» с капитаном Чандлером и его командой на борту будут вести сопровождающие его суда «Поухэттэн», «Омаха» и «Альянс». Затем придут французский фрегат «Ла Флор» и следующий за ним «Изер». Следующими ожидаются Американский яхтенный клуб и несколько торговых пароходов. Все будет красиво украшено флагами и декорировано в гамме цветов национального флага, благодаря этому церемония будет необыкновенно красочной. Салют в Сэнди Хук в 11 часов утра ознаменует открытие церемонии. Затем его поддержат залпы в фортах Вадавурт, Гамилтоне в Нарроуз и форте Колумбус на острове Говернор. Военный корабль ответит еще одним салютом, когда «Изер» достигнет своего места якорной стоянки. На острове Бедлоу фрегат «Миннесота» произведет залп национального салюта. Пароход, сопровождающий комиссию, подплывает к «Беттери», где их будут ждать экипажи, также предназначенные для гостей и офицеров «Изера». 12-й, 69-й и 71-й полки сопровождают участников к Сити-Холлу. Мэр и президент Сэнджер примут посетителей со всеми формальностями, затем будет подан ланч. Кабинеты губернатора и олдермена только что щедро украсили флагами и декоративными элементами с расцветкой флага. Колонны зданий обернуты лентами с триколором, окна завешаны шторами национальных цветов.

Комитет Торгово-промышленной палаты передвинул дату проведения экскурсии по порту и общественным учреждениям на 23 июня. Банкет будет организован предпринимателями, под покровительством Палаты, для французских должностных лиц в Дельмонико 24 июня.

Вчера на общественных зданиях Бруклина были вывешены флаги в честь прибытия статуи Свободы.

5 марта 1889 г.

Бенджамин Гаррисон вступил в должность президента

Церемония прошла в столице

Вашингтон переполнен толпами людей

В весенний день выдалась дождливая и мрачная погода

Господин Кливленд — обычный гражданин, а генерал Гаррисон — двадцать третий президент государства — день, полный событий.

С помощью телеграфа в The New York Tribune!

Вашингтон, 4 марта. Великий день настал и уже близится к концу. Уже ночь, но из здания Пенсионного фонда все еще доносятся отзвуки банкета, однако никаких предупреждений от полиции в этот час «последней битвы» не поступает. Для тех, кто был особенно тесно связан с происходящим, день уже закончился.

Президент Гаррисон ушел с бала, чтобы на правах владельца провести свою первую ночь в Белом доме; а господин Кливленд, как рядовой

гражданин, наконец получил право на безмятежный отдых. Это был тяжелый и утомительный день, день, полный мероприятий — изнурительных, но ни в коей мере не скучных, для обоих президентов: бывшего и настоящего. Еще до обеда их закрутило в водовороте событий: Белый дом, а после — здание Конгресса США. Один из них считал последние секунды своей государственной жизни в зале заседания сената, а другой только приступил к наисложнейшим обязанностям, которые даруют свободу власти над страной обычному гражданину.

Обратно они ехали вместе через бесконечные ряды восторженных американцев — рожденные в свободной стране, такие разные, все они выстроились с сотнями тысяч, миллионами флагов и транспарантов по всему пути кортежа Гаррисона до Белого дома и вплоть до трибуны перед северными воротами, к которой вышел Президент. Войска следовали за кортежем практически бесконечным строем. Затем последовал перерыв на пару часов, и в завершении бал — кульминация празднеств этого дня — обозначил конец простых, но как будто бесконечных формальностей, которые сопровождали сложение и принятие полномочий.

Предварительная инаугурация не похожа на все другие церемонии, к примеру, на свадебную. Какой бы приятной она ни была, короткой ее не назовешь. Никто из принимающих участие в свадьбе, жених с невестой или свидетель, не будет обрадован лаконичностью церемонии. После тысячи приготовлений, забот и волнений церемония вдруг получается на удивление сжатой. Но четвертого марта обязанности нового президента оказываются настолько затянуты и как будто бесконечны, что он уже едва помнит те времена, когда он перестал быть обычным гражданином и вступил в должность управляющего страной с населением в шесть миллионов человек. Без труда можно поверить, что только после того, как президент оставил торжественный ужин и вступил в Белый дом на правах полноправного владельца, он стал понимать, чего, наконец, «достигнул».

23 апреля 1889 г.

Оклахому заселяют

В гонке за фермой

Свободные еще вчера прерии сегодня кишат людьми

Кавалерия «Звонок к обеду» призвала переселяться в Гатри тысячи вынужденных жить в палатках и вагонах людей, которые перешли на территорию Оклахомы несмотря на официальный указ президента

С помощью телеграфа в The New York Tribune!

Гатри, территория Оклахомы, 22 апреля. Будущие историки Оклахомы в поисках материала для своей работы найдут среди записей раннего периода развития штата сообщения о поражающих происшествии-

ях и необычных случаях. Главным из них и представляющим особый интерес будет событие 22 апреля 1889 года. Этому дню предначертано еще долго жить в памяти людей, которые стали свидетелями рождения нового штата. Это станет поворотным пунктом столетия и войдет в анналы. Никогда до этого в истории США 10 000 людей не претендовали так настойчиво на участок земли. Они ждали месяцы и даже годы тот день, когда им разрешат занять столь желаемые места. Никогда до этого так много людей не устремлялось одновременно к одной цели, в одно и то же место. Никогда до этого такой маленький участок земли не делили между столькими людьми. Никогда не была столь велика разница между отданным и запрашиваемым.

В соответствии с самым последним подсчетом, сегодня ночью от пяти до шести тысяч человек разобьют лагерь в Гатри. Столько же людей переселят в Оклахома-Сити. Едва ли меньше число тех, кто отправится в Кингфишер. Среди них будут торговцы, специалисты, биржевые дельцы. На самом деле, переселенцев еще больше — как минимум 12 000. Шесть тысяч людей позавчера пересекли железнодорожный мост в Салт-Форке через реку Арканзас, а еще более многочисленной группе людей пришлось дожидаться дня открытия железнодорожной станции в Пурселе, у южной границы Оклахомы.

И это — без учета тех переселенцев, которые въехали в штат на других поездах. В общей сложности по самым низким подсчетам мы получим как минимум 25 000 людей, которым этой ночью Оклахома предоставит укрытие. Был ли так велик наплыв людей в дни золотой лихорадки в Калифорнии или во время величайшего волнения из-за открытия нефти в полях Пенсильвании? Нет, этот случай уникален, а этот опыт — первый в своем роде. Вряд ли он когда-нибудь повторится и будет настолько грандиозен.

Все внимание сегодня сосредоточено на тех пунктах границы, где поезда въезжают в Оклахому и где переселенцы поджидают полдень, а значит — сигнал отправляться в путь. Туда, где дороги Атчисон, Топека и Санта Фе переходят на территорию Оклахомы, поезда движутся почти что параллельно трассе, через холмистую местность, прокладывая свой путь между склонами гор, через ручьи, по бесплодной земле. Эта местность — плоскогорье, оно возвышается над территорией на многие мили вокруг. Этим утром по соседству с ней разместились 1500 вагонов, бесчисленное количество лошадей, скота и примерно 3000 людей. Впереди «состава» — мужчины на лошадях: в основном, молодые, с целеустремленными лицами, готовые по первой команде сорвать лошадей с места через границу, в горы, в Оклахому.

Строй солдат под командованием лейтенанта Уэйта, насчитывающий 30 человек, сдерживает толпу у границы: сложная и изнурительная задача, исполняемая с двойным усилием, потому что границы эти —

воображаемые. Небольшие камни, образующие границу, давным-давно исчезли, а те, что все же остались, переселенцы передвинули подальше за линию.

Однако эти махинации вскоре были обнаружены солдатами и прекращены. Людям пришлось отодвинуться назад. Толпа была совершенно добродушной и благонаправной, никаких серьезных осложнений не возникло. Холодную ночь и туманное утро за два часа до полудня сменяло безоблачное небо, солнце со свирепостью обрушилось на высушенную и чахлую траву прерий, нигде не было ни намека на тень. Каждую минуту дезертиры пытались пересечь границу, которая теперь находилась в паре тысяч ярдов с правой стороны от железной дороги. С приближением полудня волнение, до сих пор сдерживаемое, стало напряженным. Наездники с трудом сдерживали ржущих и беспокойных лошадей. Повсюду переселенцы обсуждали сравнительные достоинства дорог, ведущих к земле, которую они выбрали, или прикидывали глубину рек, чтобы перейти их вброд, обдумывали, в каком городе они хотели бы жить. Беспокойные взгляды были направлены к горизонту, пытались найти подходящий маршрут. Муж, жена, дети выбирали разные пути и разъезжались, а на главу новой семьи возлагали обязанность составить новый маршрут. Старых и немощных, женщин и детей оставляли позади, чтобы они следовали за мужчинами так быстро, как могут.

Ровно в полдень трубач взвода Д пятой кавалерии по приказу лейтенанта Уэйта подал сигнал «Звонок к обеду». О нем договорились с самого начала операции. Тут же раздались одобрительные возгласы и аплодисменты. Сотни револьверов тут же были разряжены в воздух, звуки выстрелов отразили всю радость, восторг, чувство облегчения наконец-то дождавшихся людей. Наездники помчались в бешеном галопе, подстегивая лошадей так, как будто их жизнь зависела от того, достигнут ли они вот той вершины. За ними следовали двухместные коляски, телеги и фургоны, подводы тащили кузова, взбирались на крутые ухабы. Облако пыли поднялось с земли. Иногда сквозь него оставшиеся позади ловили взгляды друзей, уносившихся вперед.

— Вот он, — кричит старушка, хлопая в ладоши. — Вот, ты видишь, на белой лошади, вот там он едет.

Белая лошадь первой исчезла за вершиной холма. Еще через мгновение следующий всадник затерялся в маленьком облачке пыли, поднятым наездником на белой лошади.

— Ох, он не переносит нашу белую кобылу, — гордо произносит старая женщина. Это ее сын, ее единственный ребенок едет впереди на лошади.

— Удачи вашему сыну, — говорит ей стоящий поблизости человек, пока она медленно садится в фургон с брезентовой крышей, берет по-

водя и погоняет сонных мулов, чтобы те напряглись и вытащили старенький фургончик из колеи и медленно поволокли его к холму вслед за остальными.

Сумасшедшая гонка продолжается. Все лошади первоклассные, управляют ими бесстрашные наездники. Они перепрыгивают через булыжники и канавы, мчатся вниз по склону на бешеной скорости, все время погоняя своих лошадей плеткой. Кого-то опередили, другие — спотыкаются и падают: но это только секундная заминка. Наездник поднимает лошадь, и вот он снова спешит. Уже через пять минут после того, как был дан сигнал, на северной стороне холма не было видно ни одного всадника.

Тем временем повозки довольно быстро продвигались в гору, почти все лошади были не оседланы. Их хозяевам оставалось надеяться только на защиту Господа Бога. Держаться дороги и дальше было уже невозможно. Из-под чащоб, прямо из-под земли вырастали новые и новые повозки. Ориентируясь по солнцу, они мчались по прериям, через каменистые холмы и рассеивались по территории Оклахомы.

На железнодорожных путях, там, где был дан сигнал старта, стояли мужчины. У них не было ни повозок, ни лошадей, но они не меньше остальных стремились поселиться в Оклахоме. Взяв свои скромные пожитки на плечи, они шли пешком. Уже через полчаса место, в котором не так давно слышались крики и суматоха, снова стало пустынным, а вдалеке, к северу, у самого горизонта было видно облако пыли, поднятое быстро удаляющейся кавалерией лейтенанта Уэйта...

Перевод Серафимы Глушко

THE NEW YORK TIMES

30 января 1898 г.

Правит Бисмарк

Статья в *Hamburger Nachrichten*¹ восхваляет прессу Вильгельма II² и ценит стремление к прогрессу

Что об этом думает Германия

Старые социальные противоречия «ликвидированы». Особое значение текста проповеди к Дню рождения Императора

Берлин, 29 января. — Заслуживающая внимания статья в *Hamburger Nachrichten*, посвященная Дню рождения Императора, несомненно,

---

¹ Газета «Гамбургские новости».

² Вильгельм II (1859–1941) — германский император и король Пруссии с 1888 по 1918 г.

несет на себе отпечаток Фридрихсру¹ и выражает взгляды канцлера Бисмарка. В ней говорится:

«Вильгельм II шагнул на передний план гораздо ярче, чем его предшественники. Политика Германской империи и Пруссии сохранила черты имперского происхождения, и сильная рука правителя может быть замечена в самых различных сферах. Он не только царствует, но и правит. Именно он на самом деле и является настоящим национальным лидером, определяющим судьбу Германии. Если Германия сейчас находится в приподнятом настроении, в отличие от недавнего прошлого, если на глазах возрастает самоуверенность правительства, если стимулируется проявление инициативы, то это скорее всего означает, что Император нашел пути достижения желанных целей».

В статье подведен следующий итог: «Мрачные предвидения, которые огорчали нас в День рождения Императора, начинают исчезать, и мы осмеливаемся надеяться, что будущее не принесет нам новые разочарования, такие как заострение старых социальных противоречий или просто много убытков. Мы рассчитываем на то, что Вильгельм II не повторит ошибок прошлого вследствие его интеллектуальных способностей и понимания того, что полезно, а что вредно для Германии».

Особая уместность текста проповеди по поводу Дня рождения Императора, а именно, «Будьте спокойны и знайте, что Бог — это я. Я буду превознесен до небес», привлекла много внимания. Говорят, что этот текст был выбран самим императором Вильгельмом II. Может быть, не хватает только слова «фальшивый», чтобы довести отрывок из проповеди до совершенства?

Перевод *Екатерины Анохиной*

THE NEW YORK TIMES

15 апреля 1912 г.

«Титаник» затонул через 4 часа после столкновения с айсбергом. 866 пассажиров спаслись, 1250 погибли. Среди пропавших без вести — Измэй Сейф и Миссис Асторма Айб.

Официальное подтверждение того, что «Титаник», самый большой корабль в мире, врезался в гигантский айсберг в центре Атлантического океана и пошел ко дну вместе с 3 тысячами пассажиров и членов судна, было сделано вчера в 8.20 вечера представителями компании «Уайт Стар

---

¹ Фридрихсру (*Friedrichsruh*) — поселок на севере Германии, земля Шлезвиг-Гольштейн. В этом поселке со времени отставки и до конца жизни (1890—1898) жил Отто фон Бисмарк. Здесь находится фамильное имение Бисмарков, могила-мавзолей, музей и архив «железного канцлера».

Лайн». Ее вице-президент заявил, что, скорее всего, выжили лишь те, кого успел подобрать корабль «Карпатия».

Днем ранее, однако, представители «Уайт Стар Лайн» были полны оптимизма и радостных надежд. Никто из них и словом не обмолвился о том, что кому-то из пассажиров грозит опасность. Все были уверены: «Титаник» не может пойти ко дну. Обнадеживала и поступающая информация о том, что «Титаник» доставит на буксире лайнер «Вирджиниан».

Какой-то более определенной информации о «непотопляемом корабле» известно не было. Чуть позже стало ясно: сигнал тревоги поступал от двойника «Титаника» — «Олимпиака». Титаник был слишком далеко от берега, чтобы сигнал *SOS* был принят.

Титаник пошел ко дну в 2.20 утра в понедельник

Представители компании «Уайт Стар Лайн» до последнего не оставляли надежд о том, что суда «Вирджиниан» и «Паризиан» возьмут на борт пассажиров «Титаника». С капитанами этих кораблей целый день пытались выйти на связь. Сделать это не удалось, и в офисе «Уайт Стар Лайн» решили, что пассажиры «Титаника» уже спасены. Наконец ночью капитан «Олимпиака» вышел на связь. Он рассказал, что корабль «Карпатия» смог спасти лишь 655 пассажиров. Когда же капитан «Олимпиака» прибыл к месту катастрофы, то увидел лишь спасательные жилеты и обломки корабля. Это все, что осталось от «Титаника». Помощь опоздала ровно на день. Самый большой корабль мира уже 24 часа находился под водой.

Позже представители «Уайт Стар Лайн» признали: «Карпатия» могла бы спасти больше, чем 656 человек. Нужно было лишь поднять на борт все спасательные лодки. Впрочем, живых в них, скорее всего, уже никого не было.

Но понять, что же на самом деле произошло, удалось лишь несколько дней спустя — когда «Уайт Стар Лайн» официально опровергла свои заявления о том, что жертв удалось избежать. Родственники и друзья пассажиров «Титаника» лишились последней надежды на спасение близких.

Кейп Рейс, штат Ньюфаундлэнд, 15 апреля.

Спасательная шлюпка

Специально для The New York Times

«Титаник» пошел ко дну в 2.20 утра. Известно точное место трагедии — 41-й градус северной широты и 50-й градус западной долготы. Удалось спасти около 656 пассажиров, в основном это женщины и дети. Всего на борту «Титаника» было 2 100 человек¹. Сейчас на месте катаст-

---

¹ Данные о числе погибших в разных статьях *The New York Times* различны. — Прим. перев.

рофы находится корабль «Калифорния». Его задача — обследовать место трагедии. «Карпатия» возвращается в Нью-Йорк с теми счастливыми, кого удалось спасти.

Первые сообщения о столкновении «Титаника» с айсбергом были получены радиостанцией *Маркони* вчера¹ в 10.25 вечера. На сигнал бедствия откликнулись несколько кораблей: «Карпатия», «Олимпик» и «Балтика». Капитан «Титаника» сообщил: корабль врезался в гигантский айсберг и ему срочно нужна помощь. В сообщении было указано точное место нахождения корабля.

Последний раз «Титаник» вышел на связь в 0.20 утра 15 апреля. Тогда на «Вирджиниан» поступили от «Титаника» какие-то непонятные сигналы, которые вскоре резко прекратились².

Корабль «Вирджиниан» продолжает поиски.

Сэнт Джонс, штат Ньюфаундлэнд, 15 апреля.

Завтра с рассветом паром «Вирджиниан» продолжит поиски людей в районе кораблекрушения.

Пассажиры 1 класса, которым удалось спастись:

Мистер Гарри Андерсон, миссис Эд. Эпплтон, миссис Роуз Аббот, мисс Кэсебиер, миссис Кларк, миссис Чибинэйс, мисс Кросби, мисс Розби, мисс Джин Хипэк, миссис Хэррис, миссис Алекс Халверсон, мисс Маргарет Бэйс, мистер Брюс Измэй, мистер и миссис Кимберли, мистер Кеннимэн, мисс Эмиль Кенкрен, мисс Лонгли, миссис Лидер, мисс Берта Лэвори, миссис Эрнест Лайвс.

Ужасная катастрофа

Трагедия стала одной из самых ужасных катастроф, случившихся когда-либо в водах Мирового океана. Конечно, и ранее были случаи, когда тонули корабли, которые называли самыми надежными и самыми быстрыми. Тогда жертвами катастрофы становились 300, 400, а иногда даже 500 человек (когда 14 лет назад в результате столкновения с островом Сэйбл затонул корабль «Бургундия»). Но трагедии, подобной той, что произошла с «Титаником», мир еще не знал. Гибель лайнера вошла в историю как самый трагический инцидент в морском судоходстве.

«Титаник» пошел ко дну. Что остается делать нам, какие выводы нужно извлечь? После шока приходит удивление. Как получилось, что самый надежный корабль Земли именно так вошел в скрижали мировой истории? Всем казалось, что наши огромные лайнеры со своими водонепроницаемыми кабинами, охраняемые непрерывной бдитель-

---

¹ 14 апреля 1912 года. — *Прим. перев.*

² Позже было установлено, что последние радиотелеграфные сигналы были переданы в 2.20 утра 15 апреля. — *Прим. перев.*

ностью и строгой дисциплиной, даже при столкновении с айсбергом не пострадают и в любом случае останутся на плаву. Но самый большой, роскошный и безопасный корабль, который когда-либо видел Океан, затонул спустя всего лишь 4 часа. На его борту находились дамы и господа, чьи имена известны и в Европе, и в Америке. Их смерть принесла немало слез жителям обеих сторон Атлантики.

Лондон лег спать, думая, что все обошлось

Лондон, 14 апреля. Специально для The New York Times

Проведя день в тревогах и суете, лондонцы легли спать в полной уверенности, что все пассажиры «Титаника» живы. Многие даже надеялись, что лайнер на буксире доставят в Альбион.

Редакторские колонки всех ведущих утренних газет страны были посвящены катастрофе «Титаника», но все, как под копирку, были написаны исходя из того, что никто не пострадал. Редакторы говорили о воле рока и пели дифирамбы беспроводной связи, благодаря которой пришла своевременная помощь. О жертвах — ни слова. Лишь ближе к трем часам дня стало ясно, что погибшие есть и счет им идет на тысячи.

The New York Times была одной из первых газет, узнавших правду. Печальную новость мы сообщили во все главные гостиницы страны, но сначала нам отказывались верить.

Несомненно, большого сочувствия вызывает капитан Смит — один из главных судостроителей Атлантики. По странному стечению обстоятельств, кораблю «Балтика» пришлось исполнять роль спасателя дважды — сначала ему пришлось помогать «Республике», а теперь — «Титанику». В обоих случаях корабль «Балтика» находился от судна на расстоянии в 200 миль. Внезапно приходил сигнал о помощи, и капитану приходилось разворачиваться на 180 градусов и мчаться на помощь. Более того, мистер Баркер, казначей «Титаника», также был казначеем «Республики», которая, как мы знаем, тоже пошла ко дну.

Александр Карисли — один из тех, кто переживает гибель «Титаника» больше всех. Этот человек был одним из главных инженеров «Титаника», и корабль он звал не иначе, как «мое последнее дитя». Карисли собирался отправиться в путешествие на лайнере, но в последний момент передумал. Долгое время он не давал никаких комментариев — объясняя это тем, что нужно подождать, когда что-то станет ясно наверняка. Но даже когда стало известно о сотнях погибших, Карисли продолжал утверждать, что «Титаник» непотопляем.

Примерно об этом же говорил другой представитель компании «Гарлэнд и Вольф». В одном из интервью он сказал, что лишь удар самой невообразимой силы мог вызвать такие печальные последствия.

Говорить о причинах гибели «Титаника» пока не решается никто. Вот комментарии сэра Вильяма Вайта, бывшего директора Судостроительной компании и помощника главного инспектора королевского военного флота:

«Все разговоры о причинах трагедии пока преждевременны. Пока не будут известны мельчайшие подробности крушения “Титаника”, мы не сможем сказать, на самом ли деле воронка засосала корабль. По законам физики засасывание тех или иных предметов зависит от относительной скорости. Как вы понимаете, айсберг — это почти статичный предмет. Но под водой идут процессы, совсем не похожие на те, что происходят на суше. Но в нашем случае, кажется, ничего таинственного нет. “Титаник” просто столкнулся с айсбергом».

Вчерашняя катастрофа и неудача двойника «Титаника» — судна «Олимпик» невольно наталкивает на вопрос, так ли безопасны большие лайнеры. Они, между прочим, все быстрее вытесняют с рынка маленькие корабли. Известно, что, когда в среду «Титаник» отплыл из Саутгэмптона, едва не случилась беда. Неподалеку от места отплытия «Титаника» стоял паром «Нью-Йорк», который был в пять раз легче судна. Когда гигант-«Титаник» двинулся в путь, мощный поток воды оторвал «Нью-Йорк» от места, к которому тот был пришвартован. «Нью-Йорк» стало тянуть из стороны в сторону, и только чудо помогло избежать беды.

Один уважаемый джентльмен, неплохо разбирающийся в корабельном строительстве, нам заявил: здесь речь идет не о соотношении размера корабля и безопасности. Столкнуться с айсбергом мог любой корабль. И чем больше судно, тем больше вероятности, что ему удастся остаться на плаву. Корабль поменьше затонул бы мгновенно. У «Титаника» были водонепроницаемые перегородки и многие другие средства для поддержания безопасности — благодаря им лайнер продержался несколько часов.

Кроме того, если бы «Титаник» на полном ходу врезался в другое судно, результат был бы не столь плачевным. Корабль бы, скорее всего, не затонул — ведь материал, из которого сделано судно, — более податливый, чем ледяная глыба. Но столкновение с многотонным ледяным массивом не оставило «Титанику» никаких шансов на спасение.

Конечно, цену жизни людей определить нельзя. Но можно посчитать, пусть пока и предварительно, стоимость вещей, ушедших ко дну. На борту «Титаника» было 3418 мешков с почтой. Количество зарегистрированных посылок было больше, чем когда-либо раньше. Посылок для Канады почти не было, зато было немало писем, как, впрочем, и для Северной и Южной Америки и островов Тихого океана — всего 569 мешков с корреспонденцией.

Немало на борту «Титаника» было груза «прет-а-порте» — одежды для модных показов сезона весна — лето. Изящное и дорогое кружево,

тонкий шелк и безумное количество хлопковых изделий из Манчестера. Известно также, что «Титаник» вез в Америку внушительные запасы вина.

Кроме большого числа бриллиантов, задекларированных официально, на борту было много незарегистрированных украшений. Женщина — пассажирка 1-го класса везла с собой жемчуг на сумму в 600 тысяч долларов. На борту была также ценная ручная кладь. Многие ценности пассажиры не декларировали, потому что их общая стоимость «подкосила» бы недостаточно развитые британский и европейский рынки.

Большое горе в Белфасте

Белфаст, специально для The New York Times

Больше всех о гибели «Титаника» скорбели в Белфасте — месте рождения самого великого корабля на Земле. Каждый новый этап в строительстве «Титаника», как и ранее — «Олимпика» — в городе встречали с гордостью и неподдельным интересом. А день, когда судно спустили на воду, стал в Белфасте чуть ли не официальным выходным.

Никому новость о гибели «Титаника» не принесла столько горя, как лорду Пирри, главе «Гарлэнд и Вольф» и по совместительству дизайнеру нескольких судов. Сейчас он оправляется после серьезной операции. Когда «Титаник» сошел на воду, Пирри заявил: «Это самое выдающееся детище человека в судостроении».

Тревога в Париже

Париж, специально для The New York Times

Трагедия вызвала сильное беспокойство в Париже. Первая информация о катастрофе поступила около полудня, и в течение часа представительство «Уайт Стар Лайн» было атаковано сотнями родственников и друзей пассажиров. Во французской столице проживает немало американцев. Известно, что на «Титанике» возвращались домой многие жители США. В Шербурге, к примеру, корабль взял на борт 150 пассажиров первого класса и 40 — второго.

Не повезло леди Хогбун. Некоторое время назад она забронировала билет на «Океаник». Корабль так и не поплыл, и ей предложили место в «Олимпике». Однако женщина решила немного подождать и села на «Титаник».

Утонул плавучий дворец стоимостью в 7,5 миллиона долларов

«Титаник», 15-этажный отель на воде, был образцом роскоши высшего класса.

Несмотря на то, что лайнер строился по образу и подобию корабля «Олимпик», именно «Титаник» стал шедевром изящества и роскоши. По документам «Титаник», как и «Олимпик», весил 45 тысяч тонн, од-

нако в «Уайт Стар Лайн» говорят о 45 328 тоннах. Капитан Смит, командир «Олимпиака», должен был также управлять и «Титаником».

Стоимость корабля официально оценивается в 7,5 миллиона долларов. Только представьте его размеры: 88,5 фута в длину. Прогулка от одной кормы до другой равнозначна расстоянию в 4 квартала. Корабль был на 5 тонн тяжелее среднего броненосца и в 2 раза больше дредноута «Делавэр». Средняя скорость лайнера — 21 узел в час. Несомненно, это был корабль для богатых и знаменитых. К примеру, двухместный номер стоил 4350 тысяч долларов.

Вот примерные размеры корабля. Задекларированный вес — 45 тысяч тонн. Водоизмещение — 66 тысяч тонн. Общая длина — 882 фута 6 дюймов¹. Общая ширина — 92 фута 6 дюймов. Ширина от палубы до палубы — 94 фута. Высота от нижней точки киля до палубы — 97 футов 4 дюйма. Высота от нижней точки киля до верхней точки капитанской каюты — 105 футов 7 дюймов. Высота дымовых труб над обшивкой — 72 фута. Высота дымовых труб над палубой — 81 фут 6 дюймов. Расстояние от верхней точки дымовых труб до киля — 175 футов. Число водонепроницаемых перегородок в трюме — 15. Число пассажиров на борту — 2500. Члены экипажа — 860 человек.

«Титаник» представлял собой огромный дворец на воде, в котором была продумана каждая деталь. Он был совершенен в техническом плане. Размер, скорость, мощь и оборудование корабля — все отвечало последнему слову техники. Все были уверены, что и с безопасностью никаких проблем нет. Корпус корабля был разделен на 15 водонепроницаемых этажей. Во всех каютах двери комнат могли закрываться одновременно и автоматически — стоило только повернуть один рычаг. Теоретически эти водонепроницаемые перегородки и должны были обеспечить кораблю непотопляемость — даже если одна часть корабля находится в воде, пассажирам в задранных кабинах на другой части судна ничего не грозит.

Внутри «Титаник» был больше похож на отель, чем на корабль. Чего только стоят роскошные балюстрады, быстрые эскалаторы и широкие резные лестницы! Здесь же — мини-театр, рестораны, место для игры в мяч, бассейн и турецкая баня, элегантные комнаты для курения, помещения для игры в карты и принятия солнечных ванн, музыкальные салоны, зимние сады, «пальмовые» плантации, гимнастический зал и даже поле для гольфа — на крыше 12-й палубы. Были здесь и теннисные корты размером 30 на 20 футов — непременно с тренером, который обучал всех желающих игре.

У каждой каюты первого класса была своя ванная комната с горячей и холодной водой. У obsługi были отдельные комнаты — все для

---

¹ 1 фут — около 31 см. 1 дюйм — около 2,5 см.

того, чтобы на корабле зажиточные дамы и господа могли почувствовать себя, как на курорте.

Жилые комнаты были впечатляющего размера — 15 на 15 футов. Ресторан «Титаника» не только больше его аналога в «Олимпик», но технически современнее: только у «Титаника» была личная палуба для прогулок на штирборте¹. С этой палубы, находившейся по центру корабля, открывался захватывающий вид на океан. Те, кто мог позволить себе по ней гулять, попадали к себе в каюту не через общий вход, а через секретный туннель — он вел прямо в каюту. О месте проживания богатых пассажиров «Титаника» нужно сказать отдельно. Это были хоромы примерно 50 футов в длину с гостиной, двумя спальнями, ванной комнатой и садом для бесед, отгороженным от остального пространства перилами.

Главный обеденный зал был рассчитан на 600 человек. Для тех, кто не желал есть в определенное время вместе со всеми или хотел устроить частную вечеринку, было специальное меню. От рецепции этот зал отделяла гигантская стеклянная стена с поистине космической подсветкой.

У «Титаника», как и «Олимпиа», было 4 дымовые трубы. Расстояние от их верхней точки до киля равнялось 175 футам. Чтобы пассажиры не испытывали недостатка в солнечном свете, на корабле сделали порядка 2000 окон. Корабль был построен под руководством Александра Карисли, главного управляющего компанией «Гарлэнд и Вольф». Заслуги этой судостроительной компании из Белфаста столь велики, что ее глава стал членом Тайного совета британского короля.

Вчера в прессу просочилась информация о размере компенсации, которую должна выплатить страховая компания «Титаника» *Ллойдс*. Цифры самые противоречивые, а каких-то комментариев от официальных лиц нет. «Это наше личное дело», — объясняют они.

Из Лондона пришла информация о том, что «Титаник» был застрахован у *Ллойдс* на 3,5 миллиона долларов — это общая стоимость грузов на борту корабля. По другой информации, размер страховки «Титаника» — около 7 миллионов долларов, и доля *Ллойдс* — лишь одна седьмая.

Для справки: другие крупные катастрофы за последние десятилетия:

1857 год — пароходы королевской почты «Роун» и «Уай». Погибли 1000 человек.

1878 год — судно «Атлантик» компании «Уайт Стар». Погибли 547 человек.

1890 год — турецкий фрегат «Эртогрул». Погибли 540 человек.

1891 год — корабль «Утопия». Погибли 574 человека.

---

¹ Правой стороне судна. — *Прим. перев.*

1894 год — пароход «Нордж». Погибли 600 человек.
1898 год — пароход «Бургон». Погибли 571 человек.
1904 год — пароход «Дженерал Слокум». Погибли 1000 человек.
1905 год — японский военный корабль «Микаса». Погибли 599 человек.

Какие средства безопасности используют другие корабли?

Водонепроницаемые каюты и сигнальные кнопки, как правило, эффективны.

Сегодня, во времена технического прогресса, гибель «Титаника», самого мощного корабля в мире, до сих пор кажется невозможной. Однако, несмотря на новые разработки в сфере безопасности, у «Титаника» не было той оснащенности, которая бы сделала корабль непотопляемым.

В судостроительстве все большую популярность приобретают водонепроницаемые кабины. Другая система, которая пока что еще не так распространена, — автоматизированное управление дверями. При нажатии одной кнопки двери захлопываются одновременно на всем корабле.

Это что касается новинок. Но по-прежнему не потеряли свою актуальность такие «дедушкины» способы, как система колокольного оповещения. Это беспроводной способ предупреждения об угрозе. Колокола начинают бить при приближении к айсбергу или к другому кораблю. По словам опытных мореплавателей, это просто незаменимо в непогоду. Датчики тумана и дождя часто подводят, а при плохой видимости пришвартоваться к берегу бывает непросто. Система предупреждает об опасности за несколько миль — то есть задолго до того, как сработают датчики движения или приборы, изображающие помехи. Также система колокольного оповещения помогает кораблям, сбившимся с курса. При помощи колокольного оповещения они могут узнать место нахождения других судов, понять, где именно находится собственный корабль и, в конечном счете, вернуться к заданному маршруту.

Моряки говорят: с того момента, как на кораблях были установлены системы колокольного оповещения, заметно сократились случаи, когда корабли разбивались о скалы.

На очереди — беспроводные компасы

Изобретатель беспроводной связи Маркони заявляет, что скоро для «ориентирования на местности» морякам не придется смотреть на звезды ночью или на восход утром. Эти функции берет на себя беспроводной компас. Все детали изобретения Маркони не раскрывает, но в общих словах работает это так: заблудившийся корабль шлет сигнал о помощи. Его перехватывают ближайшие маяки справа и слева от корабля (все необходимое для этого, по словам Маркони, на маяках уже есть).

Шкипер оценивает и измеряет расстояние, тут же его рассчитывает и выдает координаты корабля. Таким образом, единственное, чего еще стоит опасаться морякам, — это тумана. Но, как утверждает изобретатель, этот вопрос тоже вскоре будет решен.

Светская хроника

Миссис Дж. Р. Мак Ки устраивает прием

Вчера миссис Джеймс Р. Мак Ки пригласила к себе на чашку чая в свой дом по адресу: 77-я улица, дом 49, миссис Гартер и ее дочь, миссис Чарльз Виллиамс из Огайо. Миссис Мак Ки — дочь экс-президента Гаррисона. Миссис Виллиамс, жена профессора Виллиамса из Оберлинского университета, — любительница игры на виолончели. В этот вечер она тоже играла, а ее мать подыгрывала ей на рояле. Мисс Диллинг из Индианаполиса тоже играла — на арфе. За музыкой последовал чай.

Из жизни общества

Миссис Самуел Роджерс Калловой прислала знакомым и друзьям карточки с приглашением на игру в бридж у нее дома 28-го апреля. Миссис Калловой — бывшая мисс Хелен Джонсон — одна из невест прошедшей осени.

Миссис Ланман Булл Младшая завтра во второй половине дня отправится на игру в бридж в дом по адресу: 87-я улица, дом 220.

Вчера вечером миссис Вандербильт дала ужин в своей резиденции по адресу: 58-я улица, дом 2. Ужин был проведен для мистера и миссис Брэдли Мартин. Во время приема миссис Вандербильт получила телеграмму от своего сына Альфреда. В ней было сказано о том, что его на борту «Титаника» не было. Он находится в Лондоне.

Свадьбы

Летчик Гаммонд женится

Специально для The New York Times

Свомпскотт, Массачусетс. 15 апреля.

Ли Гаммонд, летчик из Свомпскотта, только что вернулся из точной поездки, где проводил тренировочные полеты и обучал военных офицеров японской армии действиям при начале войны. Сегодня, в 5 часов вечера, летчик женился на мисс Мэри Эндрюс из Гарден Сити.

Церемонию вел отец Патрик Коулман в церкви Святого Иоанна в Свомпскотте. Невеста мистера Гаммонда — дочь мистера Эндрюса, известного предпринимателя и президента банка на Лонг Айленде. Поженились мистер Гаммонд и мисс Эндрюс через год после знакомства. Оно произошло, когда Гаммонд обучался летному искусству в Минеоле.

Мисс Агнес Мейер вышла замуж

Ее супруг — мистер Альберт Моллер.

Свадьба мисс Агнес Мейер, дочери мистера и миссис Мейер, и Альберта Моллера прошла вчера в 8 часов вечера в церкви Христа в Бруклине. Церемонию вел отец Дарлингтон из Пенсильвании, а его помощником был Кэнон Чейз.

На невесте было белое сатиновое платье с красной тесьмой. Она несла великолепный букет невесты — из лилий и гортензий. Единственным украшением на невесте была бриллиантовая брошь — подарок жениха.

Ушли из жизни

Томас Джефферсон Кулидж

Томас Джефферсон Кулидж Младший, бостонский банкир, скончался на 41-м году жизни. Он был праправнуком Томаса Джефферсона и сыном Томаса Джефферсона Кулиджа. Покойный Томас Джефферсон Кулидж — выпускник Гарварда. Он окончил университет в 1884 году, а шесть лет спустя возглавил трест «Старая колония». Кроме того, он был президентом треста *Bay State* и вице-президентом Национального коммерческого банка, а также директором Американской Телефонной и Телеграфной Компании.

Мистер С. С. Вайтинг умер в автобусе в Атлантик Сити. Трагедия произошла, когда мистер Вайтинг ехал на вокзал. Он должен был сесть на поезд до Нью-Йорка. На здоровье мистер Вайтинг не жаловался и чувствовал себя довольно хорошо. В Атлантик Сити уже выехал сын покойного, Д. С. Вайтинг.

В субботу, 13 апреля 1912 года, в резиденции в Нью-Джерси, скончалась Джесси Антуанетт. Миссис Антуанетт — жена Эдварда Эшли и мать настоятеля церкви Всех ангелов в Нью-Йорке Моргана Эшли.

В понедельник, 15 апреля, на 78-м году жизни скончалась Елизавета Анна, вдова Генри Бриттона. Панихида пройдет в ее поместье по адресу Эмбой Роуд, дом 2, 547.

15 апреля скончался Чарльз Розенбаум, любимый отец Джозефа Мортимера и Дадли и Этти Семел Розенбаум. Мистеру Розенбауму было 74 года. На похороны приглашены представители ложи в Маунт Набо и Альма, а также много знатных господ.

Прочтут сказки Андерсена

Элит Роймерт приедет в театр «Плаза» и проведет концерт для округа Риис

Завтра, в 3.30 пополудни в театре «Плаза» выступит Элит Роймерт. Только завтра вы сможете насладиться драматическим чтением сказок

классика современной литературы — под английскую и ирландскую музыку, с танцами, песнями, в исполнении неподражаемой мисс Роймерт и ее помощницы миссис Фуллер. Вырученные средства пойдут на помощь жителям округа Риис.

Мисс Роймерт — ведущая актриса Королевского театра в Копенгагене. В США она приехала с разрешения короля Дании.

Билеты можно купить у миссис Норман Додж по адресу: 87-я улица, дом 8 или позвонив в дом 151 по 56-й улице.

Театральный развезд

«Женщина с улицы» в театре «Виктория»

Драматическое представление «Женщина с улицы» состоит всего из одного акта. Его премьера прошла вчера в рамках юбилейной программы театра «Виктория». Бездомную женщину забрали в полицейское отделение, и представление показывает нам, как проходит допрос. Роли исполняют: Евгений О'Рурк, Джеймс Джилеспи и Нелли Итинг. Джеймс Мортон исполнял роль «официального глашатая» — он стоял на краю сцены и рассказывал зрителям о том, что произойдет дальше.

«Неписанный закон» на сцене

Атлантик Сити, Нью-Джерси.

Специально для The New York Times

Сегодня прошла премьера последней пьесы известного драматурга Эдвина Роила «Неписанный закон». Драму в четырех актах представили в театре «Аполлон». Роли исполняли: Амалия Гарднер, Фрэнк Шеридан, Джордж Фаррен и другие. Кто не успел на премьеру сегодня, может посмотреть «Неписанный закон» в Академии музыки в городе Балтимор.

Реклама

В поисках эксклюзива вы можете объездить весь свет, но нет курток и брюк лучше, чем в компании «Арнхейм»! Мы находимся по адресу: Бродвей, дом 9. Только у нас — за 17 долларов вы можете приобрести костюм, сшитый из тончайшей шерсти, саржи или хлопка. Мы рады предложить вам как готовые костюмы, так и костюмы на заказ.

Ждем вас! Арнхейм — самая большая компания по пошиву одежды в мире!

«Блу он Блуз»

Самые популярные весенние костюмы для юношей и статных мужчин. Некоторые вещи из нашей лимитированной коллекции вы можете приобрести всего за 15 долларов. Наши костюмы сделаны из тончайшего велюра, саржи или шерсти. Но по вашему желанию мы можем соединить разные ткани, фасоны и сделать что-то по-настоящему эксклю-

живное! И все это — за 15 долларов! Это костюмы с задумкой, сделанные с тщательностью, шепетильностью и любовью.

Симпсон Кроуфорд и Компания

Специальная акция — 5000 фетровых шляп — за 1,68 доллара каждая

В том числе — 12 абсолютно новых фасонов и расцветок — которые мы обычно продаем за 3 доллара.

Правильно подобранная шляпа — это одна из тех покупок, которые случаются не часто. Если театр начинается с вешалки, то успех в бизнесе приходит с правильно подобранной шляпой. Только один день шляпы двенадцати эксклюзивных фасонов и расцветок, которые везде продаются за 2,5–3 доллара, мы продаем за 1,68 доллара.

Но это еще не все! Вы покупаете шляпу у нас — мы чистим ее для вас абсолютно бесплатно! У этой акции нет сроков действия, поэтому шляпа, купленная в *Симпсон Кроуфорд*, будет всегда как с иголочки!

Иностранный отдел — книги

Книги из Германии, Испании, Италии и Франции. Грамматические справочники на всех языках. Бесплатный каталог. Всегда в продаже — гиды-путеводители, атласы, карты, в том числе для автомобилистов. Ждем вас в магазине Брентано на 5-й Авеню и 27-й улице, Нью-Йорк.

Уникальные украшения для уникальных людей

Здесь есть подделки — но нет подделок. Каждая вещь уникальна. Второй такой в природе нет. Вам предстоит ощутить райское блаженство — не только потому, что наши вещи обладают качеством высшей пробы, но еще и потому, что эти изысканные украшения достанутся именно вам! Вы этого достойны!

«Весенняя лихорадка»

Так по-другому называют дрожь в коленях, которую многие начинают испытывать с приходом первых теплых дней. Это — следствия истощения организма, вызванного авитаминозом и многомесячной борьбой с холодом и непогодой.

Нервным клеткам нужно специальное питание, которое поможет выбраться из зимней депрессии. Продукты «Орех и виноград» сделаны из отборной пшеницы и молотого ячменя. В них содержится натуральный фосфат натрия. Завтраки «Орех и виноград» может переварить даже самый слабый желудок, а их неповторимый вкус и аромат придадут вам заряд бодрости на целый день.

Вы когда-нибудь пробовали что-то подобное? Попробуйте, и вы поймете: наши завтраки — лучшее средство для восстановления организма после зимы.

Еда — лучше, чем лекарства, а полезная еда — кратчайший путь к здоровью.

В том, чтобы есть «Орех и виноград», что-то есть!

В чем сходство между богатым джентльменом и нищим попрошайкой?

Если говорить о походе, то и тот, и другой чувствуют себя на высоте на каучуковых каблуках от О'Суливана. Они для всех, кто сделал в жизни хотя бы один шаг. Наши каблуки не сделают вас богаче — просто сделают ваш шаг легче и увереннее. Дальше все зависит только от вас!

Булльдог Билли спас семью

Что собака может быть человеку не только другом, но еще и спасителем, не понаслышке знает житель Маунт Вернона Герберт Саундерс. Вчера рано утром в его доме начался пожар. Чтобы спасти хозяев, собака Билли прорвалась сквозь языки пламени наверх, в спальню мистера и миссис Саундерс, и разбудила их.

Билли имеет привычку спать у кровати мистера и миссис Саундерс. Но в тот вечер пес решил остаться ночевать на кухне внизу. Примерно в два часа ночи начался пожар. За считанные минуты огонь объел весь дом. Рискуя жизнью, Билли вбежал на второй этаж в комнату хозяина и стал лаять. Саундерсы не просыпались, тогда собака стянула одеяло с хозяев. Это помогло. Саундерсы тут же выбежали из дома, и через минуту они были уже в безопасности.

У собаки-героя обожжена морда и лапы, подпалена шерсть. Но главное — хозяева целы и невредимы. Не это ли самое главное для пса?!

Перевод Елены Попина

НЕЛЛИ БЛАЙ

(1864–1922)

ВОКРУГ СВЕТА ЗА 72 ДНЯ¹

Глава I

Цель: обойти земной шар

Что подало мне идею?

Иногда сложно сказать, что вообще рождает идею. Идеи — это главное оружие газетчиков, и идей обычно не хватает, лишь порой они посещают нас.

Эта мысль пришла ко мне в воскресенье. Я провела большую часть дня и полночи, тщетно пытаясь ухватиться за любую новость для статьи в газете.

Это было очень похоже на меня: обдумывать статьи по воскресеньям. Но в тот вечер меня покинули все идеи, и три утра застали меня истомленную и с мигренью в кровати. Вконец уставшая и раздражающаяся от своей же собственной медлительности, я капризно заявила: «Хочу быть на другом конце земли!»

А почему нет?! Мне необходимо отдохнуть, не проехать ли по всему миру?

---

¹ Книга «Вокруг света за 72 дня» (1890) составлена Элизабет Кокрен по материалам собственных репортажей, которые она ежедневно посылала в пулитцеровскую газету «World» из кругосветного путешествия (14 ноября 1889 — 25 января 1890). Пер. с англ. А. Жевержеевой. Печатается в отрывках. На русском языке публикуется впервые. Элизабет Кокрен (Elisabeth Cochrane, 5 мая 1864 — 27 января 1922) — американская журналистка, одна из первых в мире женщин-репортеров. Поработав в провинциальной газете «The Pittsburg Dispatch» под псевдонимом Нелли Блай (Nellie Bly), в 1887 году уезжает в Нью-Йорк, где становится репортером в пулитцеровской газете «World». Первый же цикл репортажей Нелли Блай о нью-йоркском сумасшедшем доме резко увеличил тираж газеты.

В кругосветном путешествии журналистка провела в дороге 72 дня 6 часов 11 минут 14 секунд. На страницах «World» ежедневно публиковались ее репортажи из разных точек земного шара. К окончанию путешествия Нелли Блай тираж газеты превысил миллион экземпляров.

Во время Первой мировой войны Кокрен-Блай публиковала репортажи с Восточного фронта в «New York Evening Journal». Она стала первой в мире женщиной — военным корреспондентом.

Просто понаблюдать, как одна мысль вытекает из другой.

Идея о путешествии меня порадовала, и я добавила: «Если я буду так же быстра, как жюль-верновский Филеас Фог, то мне следует попробовать».

Затем я поинтересовалась, возможно ли уложиться в восемьдесят дней, и, наконец, успокоилась — предалась сну, твердо решив на следующий день выяснить, смогу ли я побить рекорд Филеаса Фога.

Утром я отправилась посмотреть расписание пароходов. Я изучила его. И даже если бы я нашла эликсир жизни, то не чувствовала бы себя лучше, чем сейчас, уверившись, что все путешествие займет восемьдесят дней.

С этой идеей я подошла к редактору весьма осторожно. Я боялась, что моя идея покажется ему слишком дикой и неосуществимой.

— Какие-нибудь новости проекта? — спросил он, как только я уселась напротив.

— Один, — ответила я тихо.

Он сидел, теребил ручку в руках и ждал, что я продолжу.

— Я хочу отправиться в кругосветное путешествие!

— Что ж, — сказал он, взглянув на меня с иронией.

— Я хочу успеть за восемьдесят дней. Думаю, что у меня получится побить рекорд Филеаса Фога. Могу ли я попробовать?

К моему ужасу, он ответил, что они уже подумывали об этом в офисе и хотели послать мужчину. Однако он сказал мне в утешение, что одобряет мою затею, и мы пошли поговорить об этом с директором.

— Это невозможно для вас, — вот что стало смертным приговором. — Во-первых, вы женщина и будете нуждаться в защите. Во-вторых, даже если бы это было возможно, вам потребовалось бы так много вещей, что это замедлило бы ваши передвижения. К тому же, вы не знаете иностранных языков, так что не о чем говорить. Никто, кроме мужчины, не сможет это сделать.

— Отлично, — сказала я, разозлившись. — Посылайте мужчину, а я стартую в тот же день для какой-нибудь другой газеты и опережу его.

— Я уверен, что у Вас получится, — сказал он медленно.

Не думаю, что мои слова как-то повлияли на их мнение, но перед тем, как мы распрощались, я была уверена, что если кому-либо и будет поручено осуществить путешествие, то это именно мне.

Только я собралась ехать, как другие не менее важные проекты всплыли на поверхность, и эта безумная идея была ненадолго отложена.

Однажды холодным и слякотным вечером, год спустя, я получила маленькую записку с просьбой зайти в тот самый офис. Вызовы в столь поздний час были для меня загадкой, вот почему я всю дорогу ломала голову, что же я натворила.

Я зашла, села напротив редактора и приготовилась слушать. Он прекратил писать что-то на бумаге и тихо спросил:

— Можешь начать путешествие по всему миру с завтрашнего дня?

— Я могу хоть сейчас, — ответила я, пытаюсь умерить сердцебиение.

— Мы подумали, что лучше будет, если ты начнешь завтра же утром. Начать лучше с Парижа, чтобы успеть сесть на ночной поезд из Лондона. Если ты не успеешь на поезд, можно добраться на пароходе «Августа Виктория», который отплывает утром.

— Я рискну и сяду на пароход, чтобы сэкономить один день, — ответила я.

На следующее утро я отправилась к моему портному заказать платье. Добравшись до ателье, всего за пару минут я объяснила, чего хочу.

Я убеждена, что нет ничего невозможного, если направлять энергию в правильное русло. Если я хочу чего-то добиться и сталкиваюсь с ответом, что уже слишком поздно и вряд ли что-либо получится, я просто говорю: «Чушь! Если ты хочешь сделать это, то сделаешь! Вопрос в том, хочешь ли ты сделать это?» Я еще не встречала людей, которые не откликнулись бы на просьбу сделать все, что в их силах. Если мы хотим, чтобы работа была хорошо выполнена, и требуем этого от других, нет сомнения, что этого можно добиться благодаря собственной инициативе. Вот почему, когда я отправилась к портному, я заявила ему, что хочу, чтобы платье было готово вечером.

— Хорошо, — ответил он столь беззаботно, будто бы это было в порядке вещей — сшить платье за два часа.

— Я хочу платье, которое выдержит три месяца постоянной носки, — добавила я и свалила всю ответственность на него.

Достав различные материалы, портной разбросал их на маленьком столе и принялся изучать в зеркале трюмо. Он не был раздражен и не спешил. Все время, потраченное на подборку различных материалов, он оставался в прекрасном настроении. Довольно быстро он выбрал простое синее сукно и нежную клетчатую замшу — как самые прочные и подходящие материалы для путешествий.

Прежде чем я ушла, около часа дня у меня была первая примерка. Когда я вернулась к пяти часам для второй примерки, платье было готово. Я сочла эту точность и скорость хорошей приметой, в соответствии с проектом.

От портного я отправилась в магазин и заказала пальто. Затем в другом ателье я заказала платье посветлее — на случай пребывания в жаркой стране. Купила только одну сумку — с целью ограничить багаж.

В ту ночь уже ничего не оставалось, кроме как написать парочке друзей что-то вроде прощания и упаковать вещи. Собрать сумку было самой сложной задачей в моей жизни: столько всего должно было поместиться в столь маленьком саквояже.

В конце концов, в нее вошло все, кроме запасного платья. Вопрос свелся к тому, что мне нужно либо взять еще пакет, либо отправиться в путешествие в одном платье. Я всегда ненавидела пакеты и поэтому пожертвовала платьем. Но я достала шелковый летний корсаж и еле-еле втиснула его в сумку.

Оказалось, что я довольно суеверна. Мой редактор сказал за день до этого, что видел дурной сон. Ему привиделось, что я подошла к нему и сказала, что собираюсь пробежать кросс. Поскольку он сомневался в моих способностях бегать, он отказался присутствовать на нем, чтобы не видеть позора. Он слышал, как играла музыка, как обычно бывает по случаю таких событий, и слышал, как приветствовали финиширующих. Затем я пришла к нему вся в слезах и сообщила, что проиграла.

— Я могу пояснить сон, — сказала я, когда он закончил свой рассказ. — Я начну делать новости, а кто-то меня превзойдет.

Когда на следующий день мне нужно было отправляться в кругосветное путешествие, я почувствовала, как плохое предчувствие овладело мною. Я боялась, что время победит, что я не успею уложиться в семьдесят дней.

Мое здоровье было отличным, хотя практически весь год я ежедневно страдала мигренями. И лишь неделю назад обратилась к врачам, обеспокоенная, что здоровье ухудшилось ввиду постоянной работы. Я работала в газете почти три года и в течение этого времени не отдохнула и дня. И неудивительно, что на это путешествие я смотрела как на прекрасный и необходимый мне отдых.

За день до отъезда в офисе мне выдали 200 фунтов английского золота и кредитный английский билет. Золото я несла в кармане. Кредитный билет я положила в замшевую сумочку, которую повесила на шею. Кроме этого я взяла немного американского золота и бумажных денег, чтобы воспользоваться ими в разных портах и посмотреть, узнаваемы ли американские деньги за пределами Америки.

В нижнем кармане моей сумки был паспорт номер 247, подписанный Джеймсом Блейном, государственным секретарем. Кто-то посоветовал взять с собой револьвер, но я настолько была уверена в том, что меня встретит мир так же, как и я его, что решила не вооружаться. Я знала, что если мое поведение будет соответствующим, я всегда смогу без проблем найти того, кто меня защитит, будь то американец, англичанин, француз, немец или кто-нибудь другой.

Была возможность купить все билеты в Нью-Йорке, но я подумала, что, вероятно, мне придется изменять маршруты в какой-либо точке, поэтому у меня был единственный билет Нью-Йорк — Лондон.

Когда я пришла в офис попрощаться, то обнаружила, что не было составлено никакого маршрута для моего задуманного путешествия.

И возник вопрос: отправляется ли из Лондона каждую пятницу почтовый поезд, на котором я и хотела добраться до Бриндизи. Никто не знал, будет ли та неделя, которую я проведу в Лондоне, той самой, когда я успею на корабль в Индию или Китай. (Прибыв в Бриндизи, к моему счастью, я обнаружила, что корабль отходит в Австралию.)

Я последовала за молодым человеком, которого пригласили к нам в офис, чтобы он помог спроектировать водную часть маршрута и помочь организовать его. Насколько этот маршрут получился точным, вы узнаете позже...

Меня много спрашивали по возвращении, как много одежды я брала с собой. Некоторые думали, что только одно платье, другие — что я брала шелковые вещи, которые занимали совсем немного места, третьи интересовались, не покупала ли я все необходимое в портах.

Никто не узнает вместимости обычной сумки до тех пор, пока не предстанет случай уместить в ней все необходимое. В мою вошли: две шляпы, три вуали, пара тапочек, туалетные принадлежности, чернила, ручки, карандаши, бумага, кнопки, иголки и нитки, халат, спортивная куртка, маленькая фляжка и чашечка, несколько комплектов нижнего белья, носовые платки, банка кольдкрема, чтобы защитить тело от непредсказуемого климата.

Эта банка отравляла все мое существование. Казалось, что она занимала больше места, чем все остальное в сумке, и постоянно мешала закрыть ее. Мои руки покрывал водонепроницаемый шелк — единственное, что я придумала от дождя.

С опытом я поняла, что взяла с собой слишком много лишнего. В любом порту, где я останавливалась, за исключением Адена (так как я не знала их языка), я могла купить все, вплоть до готового платья.

Возможность постирать вещи пугала меня. Я убедила себя в том, что всего дважды смогу воспользоваться прачечной. Я знала, что на вокзалах это будет невозможно, но самое длинное путешествие было всего два дня (между Лондоном и Бриндизи) и четыре дня (между Сан-Франциско и Нью-Йорком). На атлантических пароходах они не стирают. На восточных пароходах, между Бриндизи и Китаем, воду выключают. Но зато во всех портах, в которых останавливаются эти корабли, найдется масса желающих постирать вам ваши вещи. И если они обещают выполнить все в определенный срок, то все будет готово вовремя. Они ценят деньги, заработанные своим трудом. Их цены по сравнению с нью-йоркскими гораздо ниже.

Сколько всего для моей готовности! Когда путешествуешь для удовольствия, а не для цели произвести впечатление на пассажиров, проблем с багажом не возникает. Однажды в Гонконге, где я была приглашена на официальный ужин, я сожалела, что не взяла с собой вечернего

платья. Но проигрыш того ужина был совсем невелик, если сравнить с возможностями и переживаниями, которые я пережила без всяких чемоводанов и коробок, за которыми необходимо присматривать...

Глава XVII

Через континент

Я вспоминаю мое путешествие через (Американский. — *Прим. перевод.*) континент только как неразбериху от радостных поздравлений, пожеланий счастья, поздравительных телеграмм, фруктов, цветов, громких тостов, криков «ура!», быстрых рукопожатий и прекрасного автомобиля, полного благоухающих цветов, прикрепленных к скоростному двигателю, который как бешеный мчался через долину, усыпанную цветами, и по горам со снежными вершинами. Вперед, вперед, вперед! Это было великолепно! Поездка, достойная самой королевы. Поговаривали, что ни один человек в Америке никогда не получал таких оваций, какие получила я во время моей поездки через континент. Американцы выходили на улицу, чтобы отдать честь американской девушке, которая была первым человеком, совершившим кругосветное путешествие в рекордно короткие сроки. Я радовалась вместе с ними, что именно американка сделала это. Казалось, что у людей, которые приветствовали меня, была своя личная заинтересованность в моем успехе. Все они были такими добрыми и так беспокоились, что я должна вовремя окончить мое путешествие, словно их личная репутация была под сомнением. Специальный поезд ожидал моего приезда, готовый в любой момент, как только я сойду на берег, отправиться в путь. Заместитель сборщика налогов порта Сан-Франциско, таможенный инспектор, карантинный чиновник и руководитель компании Восточного и Западного пароходства просидели в ожидании всю ночь, которая предшествовала моему прибытию, поэтому не должно было быть никаких задержек при моем переезде с корабля «Океаник» на специальный поезд. И не только они ожидали меня. Одна бедная журналистка из маленькой газеты не спала в ту ночь, она волновалась за интервью, которое она не смогла у меня взять. Я абсолютно ничего не знала о том, что будет со мной после моего прибытия, так как думала, что я всего лишь гость до тех пор, пока нахожусь за сотни миль от Сан-Франциско. Разве я предполагала, что поеду на специальном поезде! Любой журналист газеты, который беспокоился обо мне, должен быть моим гостем.

Мой поезд, состоящий из одного красивого спального вагона Сан-Лоренцо и локомотива Королевы, был самым скорым в тихоокеанских южных штатах Америки.

— К какому времени вы хотите приехать в Нью-Йорк, мисс Блай? — спросил меня мистер Биссель, главное доверенное лицо пассажиров в атлантической и тихоокеанской системе путей сообщения.

— Не позднее воскресного вечера, — ответила я, не думая о том, что они смогут доставить меня к этому времени.

— Отлично, мы доставим вас вовремя, — спокойно сказал он.

Я отправилась отдыхать, уверенная в том, что он сдержит свое слово.

Казалось, что прошло совсем немного времени, как осталась позади плотина Окленда, и вот мы уже доехали до огромной долины Сан-Джоакин, зеленой равнины, по которой железнодорожные пути летели, вероятно, со скоростью триста миль в час, подобно солнечному лучу. Железнодорожное полотно было таким прекрасным, что, несмотря на то, что мы ехали со скоростью миля в минуту, поезд двигался с такой легкостью, словно скользил по бархату.

На нашей второй остановке в Мерсед я увидела огромную толпу празднично одетых людей, которые собрались у станции. Я подумала, что они участвуют в пикнике, и спросила об этом, но мне ответили, что люди собрались здесь, чтобы увидеть меня. Удивленная таким ответом, я поднялась на крики, которые призывали меня, и вышла на заднюю платформу. Меня приветствовали и поздравляли так громко, что я до смерти испугалась, а оркестр начал играть «Синие глаза Нелли». Маленький разносчик газет передал мне огромный поднос с фруктами, конфетами и орехами. Я была очень признательна, ведь этот подарок значил для меня больше, чем, наверно, даже подарок от самого короля.

Мы продолжили свой путь. Трое из нас, путешествующих на этом поезде, занимались лишь тем, что любовались красотами страны, через которую мы проезжали так стремительно, как облака плывут по небу, читали или считали телеграфные столбы, баловали и гладили обезьяну. Мне хотелось заняться чем-нибудь, но я могла лишь сидеть и спокойно отдыхать. Мне больше ничего не оставалось делать. Мне не нужно было спешить, делать пересадки, я могла только сидеть и ждать, когда поезд доставит меня на место и закончится мое путешествие. Я так наслаждалась скоростью поезда, что страшно было подумать о том, что моя поездка подходит к концу. На следующей станции во Фресно город встретил меня с почестями. Я стала счастливым обладателем прекрасных фруктов, вин и цветов, того, чем был богат округ Фресно, штат Калифорния.

Мужчины, которые беседовали со мной, интересовались моим сгоревшем на солнце носом, помехами, которые возникли в поездке, количеством миль, которые я преодолела. Женщины желали посмотреть на мое единственное платье, в котором я путешествовала вокруг земного шара, мой плащ и шляпу, очень интересовались тем, что лежало в моей сумке, и хотели знать все про обезьяну.

Несмотря на то что в первый день мы очень хорошо проехали небольшое расстояние, я услышала ужасный свист, а потом почувствовала, что поезд ударился обо что-то. Поезд затормозил, и мы вышли из него, чтобы посмотреть, что произошло. Это случилось тогда, когда мы увидели двух мужчин, приближающихся к железнодорожному полотну. Вернулся проводник и сказал, что мы столкнулись с дрезиной, указав на груды искореженного железа и деревянные щепки. Все, что осталось от дрезины, лежало на путях. Когда подошли те двое, один из них с удивлением и досадой, которые отразились на его лице, заметил:

— А вы та!?

— Спасибо, я очень рада услышать это, — ответила я, и мы все засмеялись.

Я поинтересовалась, не пострадали ли они, но они уверили меня, что у них все в порядке. Юмор восторжествовал. Мы попрощались, машинист потянул за рычаг, мы снова тронулись в путь. На одной станции нас остановила большая толпа людей, а когда я появилась на платформе, кто-то из них пронзительно закричал. Это был мужчина, который стоял с краю, он кричал:

— Нелли Блай, я должен постоять рядом с вами!

Очевидно, толпа подумала, что я заинтересовалась мужчиной, поэтому они расступились, а он забрался на платформу.

— Нелли Блай, вы должны коснуться моей руки, — взволнованно сказал он. Я протянула руку и коснулась его руки, тогда он закричал:

— Теперь вам будет сопутствовать удача. У меня в руке была левая задняя лапа кролика!

Я ничего не знаю о левой задней лапе кролика, но когда я узнала, что мой поезд благополучно проехал через мост, который держался только на одних винтовых домкратах, упавших в тот момент, когда наш поезд был на мосту, а когда в другом месте я услышала, что поезд, который ехал после нас, остановился, когда у него отпало колесо, тогда я подумала о левой задней лапе кролика и пришла к выводу, что, возможно, в этом что-то есть.

На какой-то станции, где меня приветствовала большая толпа, один человек, который стоял с самого ее края, закричал:

— Нелли, а вы катались на слоне?

А когда я ответила, что не каталась, он опустил голову и побрел прочь.

В другом месте полицейские пытались сдерживать толпу, потому что все хотели пожать мне руку, а в последний момент толпа отпихнула одного офицера, а другой офицер, который видел, что случилось с его товарищем, повернулся ко мне и сказал:

— Полагаю, что мне придется сдаться и пожать вам руку.

В это время толпа смогла пробиться ко мне.

На каждой остановке я выходила на платформу и обеими руками пожимала руки людям, а когда мой поезд отправлялся в путь, то толпа бежала за ним и хватала меня за руки, пока поезд не набирал скорость. Потом у меня несколько месяцев болели руки, но я не обращала на это внимание, потому что мне было приятно, что я могла доставить удовольствие людям, среди которых я так была рада очутиться вновь.

— Оставайтесь здесь и мы выберем вас губернатором, — сказал житель штата Канзас.

Я думаю, что они бы сделали это, если бы критерием был тот прекрасный прием, что они оказали мне. Телеграммы, адресованные мне с простой надписью «Нелли Блай, Поезд Нелли Блай», приходили из разных уголков страны двадцать четыре часа в сутки, с приветствиями и словами, полными восторга. Всюду меня встречали с радушием. Более десяти тысяч человек приветствовали меня в городе Топика. Мэр города Додж от лица жителей города ознакомил меня с резолюциями, полными восхищения. Мне очень хотелось попасть в Канзас-сити, но мы отправились только на станцию, которая была за его пределами, чтобы сэкономить полчаса. В Хатчинсоне меня приветствовала огромная толпа и оркестр Рингголд Корнет, а другом месте мэр уверил меня, что оркестр приехал, но в нужный момент они забыли заиграть. Они просто кричали, как и все остальные, а из-за волнения совершенно забыли о музыке.

Я не спала до четырех утра, сначала беседовала с маленькой девочкой-курьером из Керней, штат Небраска, которая проехала шестьсот миль, чтобы встретиться со мной и взять интервью, а потом диктовала стенографисту доклад о моем путешествии, но его укачало от монотонных движений поезда. Я проспала около двух часов, когда проводник разбудил меня, сказав, что скоро мы прибудем в Чикаго. Я неторопливо оделась и выпила последнюю чашечку кофе, который оставался на нашем поезде, поскольку мы предлагали его каждому, кто хоть немного проехал с нами. Я удивилась, когда открыла дверь в свое купе: там сидело много приятных молодых людей. Это были журналисты, члены пресс-клуба Чикаго, которые, как я потом узнала, приехали в Джульетт, чтобы встретить и проводить меня до их города. Мистер Корнелиус Гарденер, вице-президент этого клуба, который в отсутствие президента взял на себя ответственность за нашу небольшую компанию. Перед тем как отправиться, они задали мне все свои вопросы. Мы шутили о моем обгоровшем на солнце носе и обсуждали достоинства моего единственного платья, ум моей обезьяны, я чувствовала себя счастливой и думала, что я уже дома, мне хотелось целый день провести в Чикаго.

Несколько экипажей ожидали нас, чтобы отвезти в пресс-клуб. Я приехала туда вместе с вице-президентом Гарденером, который потом в своей публикации о моем визите поведал, что ему очень хотелось

украсть меня. Меня эта идея очень веселила, но ее невозможно было осуществить, потому что я знала, что если пойду у него на поводу, то люди, ожидающие меня в Нью-Йорке, будут сильно разочарованы. В прекрасных помещениях пресс-клуба я встретила с президентом Стенли Ватерлоу и несколькими очень умными журналистами. В Чикаго меня ждали только к полудню, поэтому клуб устроил для меня неофициальный прием, а когда всех осведомили о моей скорой поездке и раннем приезде, было слишком поздно оповещать об этом членов клуба.

После очаровательного неофициального приема меня сопроводили до Кинслей, где был заказан завтрак. Там я узнала, что из-за какого-то недоразумения мужчины не ели с прошлого вечера. После завтрака члены пресс-клуба, которые сопровождали меня, взяли меня с собой, чтобы посетить Торговую палату Чикаго. Когда мы приехали туда, в самом разгаре был скандал, который в течение рабочего дня, по-видимому, был здесь обычным делом. Мои сопровождающие привели меня в галерею. Но как только мы пришли туда, какой-то человек поднял руку и прокричал то ревушей толпе, а когда увидел меня, он закричал:

— Здесь Нелли Блай!

В какой-то момент толпа, которая орала, как безумная, затихла, и стало слышно, как жужжит муха. Все лица, разгоряченные и напряженные, повернулись в нашу сторону, и тотчас все шляпы полетели вверх, а потом зал наполнился шквалом аплодисментов. Люди могут сказать, что они приходят в восторг от Чикаго, но я не думаю, что где-то еще в Соединенных Штатах могут так приветствовать одну женщину, как приветствовали меня в Торговой палате Чикаго. Аплодисменты следовали за каждым поздравлением и криками «Речь!», но я сняла свою маленькую шляпку и потрясла головой, отчего их приветствия стали еще громче.

Сразу после этого представители пресс-клуба проводили меня до станции Пенсильвания, где я с неохотой попрощалась с ними, потому что не могла отблагодарить за сердечный прием, достойный самого короля, который они оказали маленькой загорелой незнакомке.

Сейчас я ехала на рейсовом поезде, который, как мне показалось, полз, словно черепаха; очень была заметна разница в скорости, с которой я двигалась теперь. Вместо прекрасного спального вагона, который был в моем распоряжении, у меня было лишь одно купе, а места было так мало, что пришлось оставить все цветы и фрукты, подаренные мне. В Чикаго я получила телеграммы, которые доставляли мне столько удовольствия:

«Мистер Верн желает, чтобы сообщение следующего содержания было передано лично Нелли Блай, когда она ступит на американскую землю: Мистер и мадам Жюль Верн с наилучшими поздравлениями обращаются

к мисс Нелли Блай в тот момент, когда молодая бесстрашная леди ступает на землю Америки».

Поезд, на котором я ехала сейчас, был очень плохо оборудован, поэтому нам приходилось выходить из него, чтобы пообедать. Когда мы остановились пообедать в Логанспорте, я оставалась последней в купе перед тем, как выйти из вагона. Когда я дошла до платформы, молодой человек, которого я никогда до этого не видела, перепрыгнул на другую платформу и, махая своей шляпой, закричал:

— Ура, Нелли Блай!

Толпа хлопала в ладоши и приветствовала меня, потом расступилась, чтобы пропустить меня в столовую, и сомкнулась, приветствуя меня вновь. Они толпились у окон, желая посмотреть, как я ем. Когда я села за стол, передо мной поставили несколько блюд с надписью: «Поздравляем с успехом, Нелли Блай!»

После наступления темноты мы доехали до Колумбуса, на станции было много мужчин и женщин, которые ждали меня. Меня ожидала и целая делегация железнодорожников, которая подарила мне букет прекрасных цветов и сладости, как и многие другие люди. Я не ложилась спать, пока мы не проехали Питтсбург, и проснулась только утром для того, чтобы повстречаться с тысячами хороших людей, которые приветствовали меня в Харрисбурге, а Харрисбургский клуб велосипедистов преподнес мне цветы как воспоминание о том, что я была велосипедисткой. Там ко мне присоединились несколько газетчиков из Филадельфии, а в Ланкастере я получила восторженный прием.

Моя поездка была очень приятной, но как только я осознала, что нахожусь уже в Филадельфии, мне стало страшно, что скоро все это закончится. Несколько газетчиков и друзей присоединились ко мне в Филадельфии, чтобы сопровождать до Нью-Йорка. От Филадельфии до Джерси Сити я должна была написать речь. Мне сказали, что нужно будет выскочить на платформу в момент остановки поезда на вокзале Джерси Сити. На станции было полно народа, а когда я вышла на платформу, все закричали, начали палить из пушек Дивизиона и Форта Грин, оповещая о моем прибытии. Я сняла шляпку и хотела закричать вместе с толпой, но не потому, что я объехала весь свет за семьдесят два дня, а потому, что снова была дома.

ДЖОЗЕФ ЛИНКОЛЬН СТЕФФЕНС

(1866–1936)

ВИСКОНСИН: ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

**История железнодорожной войны,
которая определяла жизнь штата
и его губернатора Лаффое¹**

(Октябрь 1904)

Рассказ о штате Висконсин — это рассказ о губернаторе Лаффое. Он глава штата. И сравниться с ним, к сожалению, могут не многие.

Все время, что я провел, собирая материал о правительстве Миссури, я ни разу не встречался с губернатором этого штата и ни разу не упомянул его. Сомневаюсь, что мои читатели знают, кем он был. Им это не нужно. Он — номинальный глава «бумажного» правительства, чья должность записана в конституции.

Большинство наших губернаторов подобны ему. Они — тряпичные «куклы» в ловких руках Системы. А она — ни что иное, как РЕАЛЬНО действующее правительство, которое создает в Соединенных Штатах слой «руководителей от людей, за людей и для людей». Как известно, Система появляется вслед за объединением политических и финансовых сил государства. Это единство нужно каждому правителю, чтобы отстаивать интересы своего личного бизнеса. Поэтому не удивительно, что живительные потоки, которые кормят Систему, — образуются из подкупов и взяток. Правители получают особые привилегии для своего бизнеса и за это должны расплачиваться «моральной» поддержкой коррупции. А те, кого мы называли «куклами», — дружат с совестью, честью и порядками держателей РЕАЛЬНОЙ власти и не нарушают спокойствия Системы.

И вот он беспокойный Висконсин. Раскинувшийся на востоке от озера Мичиган, на севере от Верхнего озера и на западе от реки Мис-

---

¹ Один из наиболее ярких примеров публицистики «разгребателей грязи». Пер. с англ. М. Баженова. На русском языке публикуется впервые.

сисипи — удобный, богатый и красивый штат. Новые английские лесопромышленники вырубали леса далеко от него. Поселенцы приплывали сюда в основном с северо-запада Европы. И очищая плодородную землю, заполненную тысячами озер и ручьев, превращали этот уголок Америки в новый европейский северо-запад. Здесь на глазах росли фермы и зрела золотая пшеница. С момента своего появления Висконсин приносил доходы, и до сих пор в нем нет и намека на бедность или финансовые проблемы. Но все же это беспокойный штат. Почему? Я решил спросить об этом его жителей. И все они, или улыбаясь, или хмурясь, давали по существу один и тот же ответ: «лаффоизм». Они считают виновным во всех бедах одного человека.

Роберт Марио Лаффое родился на ферме в округе Дани в Висконсине 14 июня 1855 года. Его отец был потомственным французским гугенотом из Кентукки; мать — шотландской ирландкой. Когда мальчику было восемь месяцев, отец умер, оставив мать и четырех детей. В возрасте четырнадцати лет «Маленький Боб», как его до сих пор называют сторонники, стал главой семьи. До девятнадцати лет он работал на ферме, потом продал ее и перевез семью в Мадисон, окружной центр и столицу штата. Если бы Лаффое открыл свое небольшое дело, то благодаря таланту он рано или поздно превратился бы в крупного бизнесмена. А его успех, не важно как достигнутый, был бы примером для подражания другим молодым людям. Но он совершил ошибку — поступил в Государственный университет и начал обучение в «классе '79». Он мог бы выбрать другой колледж. Однако французская кровь его отца расшевелила в нем особые чувства — молодой человек трепетал перед славой. У него были способности к ораторскому искусству. А в те дни популярность дебатов в западном колледже была такая же, какую сейчас имеет футбол. И «Боб» Лаффое стал одерживать победы на всех ораторских дискуссиях в колледже, в штате и за его пределами. Речь Лаффое была даже напечатана в газете «Яго». Его голова кружилась от успехов и славы, и «Боб» стал подумывать о карьере актера, пока однажды Джон МакКолоу не сказал ему, что маленький рост и не статная фигура могут помешать ему идти по актерской стезе. А долги прикуют его к земле.

Лаффое должен был идти работать — он выбрал юридическую контору. Через пять месяцев юноша получил право представлять стороны в суде, а в феврале 1880 года открыл собственный офис и занялся адвокатской деятельностью. Через год с небольшим Лаффое мечтал уже о другом поприще...

В Висконсине о Лаффое говорят, что он — честолюбив; что он не может быть счастлив в личной жизни; что ему надо играть на сцене, потому как он рожден быть актером. На это я должен заметить, что человек, способный управлять людьми так, как это делал Лаффое, мог бы найти себе занятие более подходящее порывам души и своим способ-

ностям. Допустим, они правы и Лаффое не нашел себя. Мне все равно. А вам?

Надо заметить, что публичный политик, который ворует или, как заместитель губернатора Миссури мистер Ли, предаст своих избирателей, может стать губернатором и после его никто не обвинит в амбициях. На мой взгляд, они считают, что стремления «взяточника» естественны. У него может быть сотня известных грехов, для них это не важно. Но «реформатор», человек, который желает служить своим людям, — это уже другое дело. Он должен быть одет в белую мантию, быть ангелом без пятен, или... или они будут шептать:

— А он кто? Вор?

— О, нет; да это не так уж страшно, а вот честолюбие...

Так действует Система. В Миссури, поверили, что Фолк честолюбивец, и тысячи долларов оказались потрачены зря. В Висконсине вас отведут в заднюю комнату и предупредят, что Лаффое амбициозен. Я спрашивал, был ли он нечестным. Нет, уважаемые читатели, не был. Никто в штате, даже его самые злейшие враги (с которыми мне удалось встретиться), не говорил о подпорченной репутации Лаффое. Поэтому я могу утверждать, все мы очень хотим прихода во власть честолюбивых людей. И когда они появятся и будут служить обществу не за взятки, не за деньги, а ради собственного честолюбия — страна сделает большой шаг вперед.

У мистера Лаффое есть амбиции. Он сам много раз признавался мне в этом, правда, в не официальной обстановке. Только его амбиций сложнее добиться, чем самого высокого поста на земле. Первая серьезная должность Лаффое — районный прокурор в округе Дани. Его враги заявляли, что он всегда был радикалом. Как я узнал от них же, радикализм Лаффое заключался в единственном стремлении «загонять в ту-пик» присяжных заседателей «и выигрывать дела».

Мистер Лаффое женился на однокласснице. Он говорил, что мечтает только о маленьком, но регулярном жалованьи за свою должность. И как это ни странно, его желание могло сбыться. Он продвигался по службе, выигрывал дела и так зарабатывал себе на хлеб. У Лаффое была блестящая репутация — он достиг ее без особых усилий. Однако мое внимание привлекает не это, а то, как Лаффое пришел в политику. Его путь в управление сможет реально показать, что все обвинения, которые выдвигают против него в Висконсине, — не более чем ложь.

Говорят, что Лаффое — политик.

Говорят, что Фолк из Миссури — политик.

Говорят, что Денин из Иллинойса — политик.

Говорят, что президент Рузвельт в Соединенных Штатах — политик. Они правы. Эти люди политики. Ну и что из этого? Мы так долго обвиняли наших политиков в коррупции нашей политики, что всем, навер-

ное, уже стало казаться, что политический деятель по определению плохой человек. Конечно, это ложь. Только скверная политика — ужасна, но поверьте, скверный бизнес — еще хуже. Я это понял, когда раскапывал тысячи историй о взятках и подкупах. Чтобы успешно проводить реформы, человек должен понимать политику и знать правила игры, иначе его уничтожит «всеядный бизнес». И тогда, как назовут этого человека? Его назовут — «непрактичным реформатором», а это, как известно всем, — верная политическая гибель.

«Боб» Лаффое — политик. В нем ирландская и французская кровь. Он был рожден мастером игры и доказал свой гений в своей первой предвыборной кампании. Он создал себя сам и выступил против Системы, тогда еще не представляя, что это такое.

Каждый в штате отлично понимал, против кого пойдет на выборах Лаффое. Позвольте представить — И. У. Кейс, начальник почтового управления в Мадисоне, глава республиканцев, и конечно, непререкаемый политический лидер округа Дани. Лаффое тоже был республиканцем. Он чувствовал, что местные политические лидеры Кейс и Филипп Л. Спунер выступят против него. Лаффое даже отказался от служебной машины (хотя она была ему положена), чтобы лишний раз не дискредитировать себя. Он выпустил свою политическую программу (ее замысел созрел у Лаффое довольно давно); и она не казалось радикальной. В ней молодой политик пообещал искоренить практику районных прокуроров назначать себе заместителей для мелких дел в округе. С этим обещанием он и его друзья собирали голоса в округе, дом за домом, ферма за фермой. Все это делалось поздно вечером, отчасти потому, что они были заняты целыми днями, отчасти потому, что было необходимо соблюдать осторожность. Злословие по поводу такого «подручного метода» до сих пор оскорбительно для людей, побежденных командой Лаффое. Мистер «Фил» Спунер (брат сенатора) рассказывает с презрением о ночных рейдах команды молодых политиков. Он говорит, что помощники Лаффое кружились на лошадях после наступления темноты и он слышал постоянный стук копыт у их штаба поздно ночью. Конечно, сейчас он понимает, что его политические противники приходили сообщать новости и составлять планы, но тогда он об этом не знал. И глава республиканцев Кейс, который все еще занимает пост начальника почтового управления в Мадисоне, говорил мне, что он абсолютно ничего не подозревал, пока не начался съезд делегатов, на котором все разъяснилось. После съезда остановить Лаффое было уже невозможно. Мистер Кейс считает, что этот случай показал скорее недостатки Лаффое как политика, нежели его политические достоинства.

В Висконсине говорят, что губернатор Лаффое «эгоистичный и властный... он ни с кем никогда не считался». То же самое говорили о губернаторе Миссури Фолке, когда он не стал слушать предпринима-

теля Бутлера и сам назначил себе заместителей. «Уол Стрит Джорнал» сказала то же самое о президенте Рузвельте, когда он запретил обсуждать с Морганом благоразумность ведения судебных дел о Северной безопасности. Этот шаг президента поддержали западные штаты. Однако они сказали то же самое о Паркере, когда тот послал «золотую телеграмму» на демократический национальный съезд. Однако маневр Паркера нашел теплый отклик в восточных штатах.

Естественно, обвиняя Лаффое в «эгоистичности и властности...», каждый имел на то причину. Какую? Мистер Кейс выложил мне все на чистоту. Он заявил, что в то время, когда «Боб» был районным прокурором, «некоторые из нас были здесь — да, мы управляли партией и нас обычно консультировали о... о делах в общем виде. Но Лаффое, он пошел впереди своих собственных идей и ни разу не сказал ни слова ни мне, ни кому-нибудь другому из нас». Эти слова нельзя рассматривать, как «слова диктатора»: кто в них диктует и что? Просто, в случае с Лаффое, Система и местные политические лидеры не были замечены молодым политиком. Он больше смотрел на людей в округе и на делегатов, поэтому не удивительно, что он был избран. Такого отношения достаточно, чтобы он был переизбран. Так и случилось — Лаффое выполнил все свои обещания и пришел во второй раз. В последнем случае он был единственным республиканцем, избранным по окружной карточке.

Лаффое занимал пост окружного прокурора два раза. За это время в политической системе Висконсина произошли изменения, которые расширили политический кругозор «Маленького Боба». Лидер республиканцев Кейс был смещен, а Филитус Сойер стал политической главой штата. Только это совсем не значит, что Сойера избрали губернатором; мы пока не имеем ничего общего с губернаторами. Сойер был сенатором Соединенных Штатов.

Пока Кейс имел политический вес и возглавлял партию республиканцев, штатом управляли из почтовой конторы в Мадисоне. Правда, в ней представляли не людей, а интересы большого бизнеса. Богатые лесопромышленники и владельцы железных дорог превосходно работали вместе друг с другом и мистером Кейсом. Дела обходились практически без серьезных скандалов. А если они и были, большому бизнесу это не причиняло серьезных неудобств. Самые большие взятки давала лесопромышленность. За это у нее были все возможности поддерживать свою оптовую торговлю. Компании просто выигрывали тендеры на поставку леса для строительства железных дорог. Таким образом они помогали «развивать ресурсы штата». Железнодорожники были вхожи на лесопромышленные предприятия, так же как лесопромышленники — в железнодорожные компании. Последние, кстати, скупались лесопромышленниками за бесценок.

Так велись дела. Законодательная власть закрывала на это глаза, потому как именно в Конгрессе находился первостепенный источник, питавший подобный бизнес. Там был головной центр Системы. Мистер Кейс надеялся попасть в Сенат, те же надежды лелеял и мистер Сойер. Он опередил Кейса. И тогда республиканскому лидеру оставалось с подачи большого бизнеса занять только второе место. Однако все решилось по-другому. Мистер Сойер представлял в Сенате интересы лесопромышленников, естественно, что второй человек от штата должен был представлять интересы железных дорог. И этим вторым человеком, занявшим пост младшего сенатора, стал почтенный Джон К. Спунер. Место для которого купил бизнес.

В Маринете, штат Висконсин, сегодня живет богатый старый лесопромышленник Исаак Стефенсон. Он долгое время был связан с сенатором Сойером и другими врагами республиканцев в Висконсине. В конце концов, ему пришлось разорвать эти связи: они не оправдали его честолюбия. Взяв обратный курс, он увидел вещи такими, какими они были на самом деле. Откровенно говоря, не много сейчас живет людей, которые перетерпели столько от коррупции, сколько перетерпел мистер Стефенсон. Он сам признался, что потратил четверть миллиона на политику.

Вот пример. Однажды мистер Стефенсон и сенатор Сойер сравнивали свои расходы на покупку сенаторского места.

— Исаак, — спросил Сойер, — сколько ты тогда вложил, чтобы получить для Спунера место в Сенате?

— Это стоило мне около двадцати двух тысяч, Филитус. Сколько вложил ты?

— Как, — воскликнул удивленный Сойер, — мне это стоило тридцать тысяч. Я думал, ты заплатил столько же.

— Нет, тридцать я заплатил тебе, когда ты стал сенатором.

Мои друзья в Вашингтоне, хорошо знакомые с сенатором Спунером, предупредили меня, когда услышали, что я собираюсь в Висконсин:

— Помни: Спунер — самый полезный человек в Сенате.

Я это знаю и никогда не забывал об этом. Я уверен, сенатор Спунер самый способный, осмотрительный, изобретательный и благоразумный политик. И я понимаю, что он чувствует отвращение к многим механизмам политики. Но у меня есть вопрос, который следует задать сенатору, как представителю штата: а что, собственно, он представляет?

Сенатор Спунер, у себя дома, представлял железные дороги. Когда он работал в законодательном собрании от штата Висконсин, он тоже представлял железные дороги. Потом стал играть роль лоббиста. Нет, он не приезжал в Мадисон, чтобы вырабатывать соглашения со своими клиентами (мистер Спунер проводил заседания на месте). Нет, он не

давал взятки законодателям (Спунер — честный лоббист). Но... Но мистер Спунер умел распускать слухи о критических ситуациях в железнодорожных компаниях. А любой руководитель железнодорожной компании или коррупционер подтвердит вам, что это самый дешевый и самый эффективный способ легитимной коррупции. Сенатора США Спунера можно назвать и «цветком», и «чистым продуктом» Системы (Системы, с которой пришлось бороться Лаффое), но он вызрел за ее пределами.

Система начала противостоять Лаффое задолго до того, как юный оратор узнал об этом. Но он все же попал в Конгресс. Насколько я понимаю, ему не дала покоя его французская кровь. Он искал славу и возможность сиять в ней. Однако после удовлетворения французского тщеславия в нем заговорила ирландская кровь.

Лидер республиканцев мистер Кейс говорил мне, что он контролировал только свой конгрессиональный район, «мы приводили все в порядок, чтобы выставить кандидатом другого человека. Свободное место не принадлежало округу Дани. Была очередь не нашего окружного района, но “Боб” не посоветовался с нами».

«Боб» советовался со своими избирателями. Первой о предвыборной компании окружного прокурора узнала Система. Мистер Кейс, «Фил» Спунер и другие политические лидеры были в ярости. Кейс не хотел вмешиваться в дела другого конгрессионального района. «Фил» Спунер (он сейчас занимает пост начальника системы уличных железнодорожных путей в Мадисоне) понимал опасность, исходящую от этого уверенного в себе молодого кандидата.

— Что это я слышу, ты собираешься стать кандидатом на выборах в Конгресс? — сказал он однажды Лаффое. — Никто не может попасть в Конгресс без нашего одобрения. Ты дурак.

Но соратники Лаффое делали свое дело, и им удалось преодолеть все препятствия, чинимые окружением. Как исключение — три закрытых собрания партийных лидеров (съезды избирателей для выдвижения кандидата, что-то вроде городских встреч), где не произносилось имя Лаффое. Однако люди выбрали его, и Лаффое отправился в Конгресс. В то же время они выбрали законодателей, которые открыли дорогу в Сенат мистеру Спунеру.

В Вашингтоне, куда Лаффое поехал на несколько недель, его встретил сенатор Сойер. Он обратился к нему по-отечески — «наш мальчик». Для Лаффое это значило — «ты — младший». Старый лесопромышленник рассказал Лаффое обо всем и представил его главам департаментов. Как-то он поинтересовался, в какой комитет Лаффое хочет пойти. Конгрессмен ответил, что предпочитает место, где могла бы быть полезна его юридическая практика. Сойер решил, что Лаффое больше всего подойдет «Комитет общественных земель». Однако спикер собрания на-

значил Лаффое не в «Комитет общественных земель», а в «Комитет по делам индейцев». Так Система шла за Лаффое, но пока держалась только позади, видимо, у нее были другие намерения.

Губернатор Висконсина сегодня вам скажет с усмешкой: в то время он был такой «зеленый», что начал «тщательно изучать индейскую тему» — читал специальную бостонскую литературу по этому вопросу и думал, что своими речами сделает для индейцев все неправильное — правильным. Но у молодого оратора не было шансов. Комитет работал, а Лаффое зачитывал законопроекты. Многие из них были весьма тяжелы для чтения и, собственно говоря, не предназначались ни для ничего, кроме чтения. И вот однажды ему попался законопроект, который, по словам Лаффое, «был так полон прорех, что я мог смотреть сквозь них». Документ разрешал продажу сосны в Меномине, месте резервации индейцев, в штате Висконсин. Мистер Лаффое показал его кливлендскому члену «Комитета по делам индейцев», и этот чиновник сказал, что «это самый нормальный из всех идиотских законопроектов, которые он когда-либо видел. Откуда он появился?». Они прочитали: законопроект представил член Конгресса из Оскоша (родного округа Сойера). Несмотря на недоработки Лаффое захотел зачитать его в Конгрессе. На это кливлендский чиновник посоветовал Лаффое для начала сесть и переписать документ. Однако Комитет все же раскритиковал законопроект, и он так и остался лежать мертвым грузом.

Однажды конгрессмен, который внес этот документ, спросил:

— Боб, почему ты не сообщаешь о моем законопроекте?

— Бил, — поинтересовался Боб, — ты сам написал этот билль?

— Почему ты спрашиваешь?

— Он украден.

— Пускай он залеживается. Не сообщай о нем. Я его представил, потому что Сойер попросил меня об этом. Он представил его в Сенат и сделал это через свой комитет.

Сойер никогда не упоминал о законопроекте, и инцидент был исчерпан. Однако после такая же история произошла еще с одним законопроектом. И снова мистер Сойер хранил молчание.

Как то раз «Комитет по делам индейцев» зачитывал длинный законопроект, открывавший большую резервацию индейцев в Южной Дакоте. В документе предусматривалась продажа прав на двенадцать миллионов акр земли через центр. В нем говорилось о необходимости измерения самых важных земель Южной Дакоты, и никто не возражал, пока секретарь не пробубнил о том, что необходимо утвердить соглашение между индейцами и некоторыми железнодорожными компаниями по поводу прав на дорогу и прав на часть земельных судов для пограничных с городом участков. Лаффое прервал чтение, и начал говорить о законах Соединенных Штатов, которые не обеспечивают так

щедро земельными судами железные дороги. Тогда конгрессмен из соседнего штата наклонился вперед и сказал:

— Боб, разве ты не видишь, что речь идет о ваших корпорациях?

Боб ответил, что видит и готов профинансировать все земли для строительства железных дорог, но не вкладывать деньги в участки внутри города. Когда Комитет закончил чтение, Лаффое вернулся на свое место. На столе лежала записка, в которой сенатор Сойер просил о встрече. Лаффое вышел из зала.

Отеческий разговор с мистером Сойером длился час. Пока между ними была дистанция, сенатор не упомянул ни слова о сиукском законопроекте. Потом, понизив голос, он сказал:

— Смотри, когда возник сиукский законопроект, в нем было заложено небольшое снабжение для нашего народа, я хочу, чтобы ты позаботился об этом.

Лаффое ответил, что документ появился незадолго до того, когда уже было утверждено «небольшое снабжение для нашего народа». И он против законопроекта.

— Почему ты так считаешь, — поинтересовался Сойер. — Давай сидим и...

Разговор с сенатором длился еще один час. Но все усилия Сойера оказались бесполезны — Лаффое не «хотел консультироваться». Сенатор закончил разговор, однако не отказался от проекта «небольшого снабжения своего народа». Против Лаффое была применена политическая сила. Правда, исходила она не от сенатора Сойера. У Системы для этих целей был другой человек.

На политической сцене появился Генри К. Пин. Он был председателем Центрального республиканского комитета в Висконсине. По примеру других штатов мы знаем о законодательных функциях этой организации. Пин приехал в Вашингтона через сорок восемь часов после того, как Лаффое «не оправдал надежд политиков». И сразу направился к нему. Лаффое испытал на себе все виды влияния, но остался верен своей позиции. После разговора с молодым конгрессменом мистер Пин был так зол, что публично выразил свое отношение к неуступчивому Лаффое. На собрании в Ибит-хаусе он заявил:

— Лаффое — треклятый дурак. Если он думает, что сможет отбрыкнуться от железной дороги с пятимильной пограничной линией, то он ошибается. Мы позаботимся о нем, когда придет время.

Государственная машина боролась с конгрессменом в его же собственном округе. Однако Лаффое продолжал настойчиво искать покровительства других членов Конгресса и тем самым усиливал свои позиции.

Лаффое переизбирался в Конгресс три раза. Однако в 1890 году, несмотря на то, что конгрессмен пришел на выборы со своей партией, он потерпел поражение. Этому было две причины. Первая — тариф Мак-

Кинли, который Лаффое поддержал на Бюджетной комиссии. Вторая — изменение законодательства относительно государственных школ. Последнее вызвало гнев иностранных и католических избирателей. Сейчас я не хочу разбираться в причинах поражения Лаффое. А действия администрации демократов, которые искусно воспользовались ситуацией, не имеют к этой статье никакого отношения.

Самые крупные взятки в Висконсине (и во многих других штатах) проходили через общественные фонды, охраняемые государственным казначеем. Республиканцы годами вкладывали деньги в банки, принадлежащие Системе, а казначей распределял прибыли. По очереди он выдавал деньги то фондам предвыборных кампаний, то самим партийным лидерам. Демократы пообещали искоренить это зло. Казначей потерял свою неприкосновенность, а многие из них оказались на скамье подсудимых. Системой назначения и снятия казначеев руководил сенатор Сойер, который годами переставлял их как пешек в своей шахматной игре. Его буквально подняли по тревоге. Расчеты следователей показали, что в год казначей получали в виде взяток около 30 000 долларов. Министр юстиции нарушал закон двадцать лет, ему было предписано вернуть все причиненные убытки. На карту было поставлено несколько сот тысяч долларов. Судьей по этому делу был назначен Робер Дж. Сейбекер, шурин и бывший партнер по адвокатской деятельности Роберта М. Лаффое.

В один из сентябрьских дней 1891 года Лаффое получил небольшое письмо от мистера Сойера с предложением встретиться в отеле Плангинтон в Милуоки. Бумагу с предложением Лаффое уничтожил — сенатор просил сохранять конспирацию. Ответ конгрессмен передал по телеграфу. Он содержал лишь одно слово — «да».

Лаффое ответил «да», и два политика встретились. В отеле Плангинтон пожали друг другу руки люди, которые должны были отвечать за то, что случилось. Сойер начал беседу со слов:

— Никто не знает, что я встречаюсь с тобой сегодня.

Сенатор говорил о деле казначеев, о работе в Сенате и Конгрессе, о законодательстве и т.д. Итогом его речи было предложение мистеру Лаффое повлиять на судью Сейбекера за небольшое вознаграждение...

Теперь, когда сенатор Сойер скончался, не стоит искать правых и виноватых в этом особом деле. Для нас, без сомнения, существует лишь одна правда: Филипп Сойер — типичный кукловод в индустрии политики, который деньгами в своем штате развращал чиновников. Лидер республиканцев Кейс тоже не был чист на руку, но для достижения своих целей он использовал больше политические методы: патронирование, компромиссы и т.д. Проще говоря, он создавал правительство, которое представляло особые интересы. А миллионер лесопромышленник Сойер пришел к власти с деньгами. Деньгами он победил Кейса. День-

ги для него были главным инструментом ведения политики. С их помощью он вводил свой режим и свои правила.

Известные нам методы не позволили скандалу разрастаться до тех пор, пока не состоялся съезд республиканской партии. Суды Висконсина пользовались большим доверием в штате. Однако потоки денег, которые проходили через залы заседаний, стали раздражать людей. История вышла наружу. Лаффое, после совета со своими друзьями, рассказал судье Сейбекеру, что произошло. И он согласился слушать дело. Соьер в одиночку отрицал все. Такая позиция, по его расчету, должна была вынудить юного адвоката выступить с заявлением. Лаффое так и поступил, но он рассказал свою историю. Соьер ее опроверг, и каждый остался верен своей позиции. Дело отправили в суд. Штат выиграл. А республиканские законодатели, связанные обещанием возместить все убытки, пошли на компромисс. Так Система сохранила своего лидера. И получила достойного врага. Конгрессмен восстал против нее.

В Висконсине говорят, что Лаффое против железных дорог, что он «ненавидит» корпоративное богатство. Это правда. Самые страшные бои, которые вел Лаффое, были направлены против так называемых законов о железных дорогах. Но в штате забыли о стычке Лаффое с сенатором Соьером. Ведь именно она дала конгрессмену импульс для начала борьбы. Дело казначеев — это не личная обида одного политика на другого. Это нечто большее. Я понимаю душевное состояние Лаффое. До инцидента он думал только о продолжении своей карьеры в Конгрессе. После — он сделал все, чтобы сломать старые политические механизмы сенатора Соьера. Лаффое говорил мне, что после встречи с мистером Соьером он настроил себя на то, чтобы остаться дома и разрушить Систему в Висконсине.

Лаффое пришлось заново создавать все законодательство штата. Коррупция в Висконсине всегда касалась железных дорог. И все самые коррумпированные чиновники вышли из железнодорожных компаний. Главное их стремление всегда заключалось в уходе от налогов. Если я понимаю правильно, некоторые меры, которые позже прозвали «лаффоизмом», были подсказаны Лаффое одним небогатым и честным вермонтским фермером. Он попал в законодательное собрание от Кнапа, штат Висконсин. И я поехал в Кнап. Это был долгий и тяжелый путь, но он воздался сторицей. Теперь я могу сказать, что знал А. Р. Холла. Это — настоящий человек. В своей жизни я встречал около семнадцати подобных людей. Они намного скромнее, честнее и смелее всех этих экс-лидеров законодательного собрания Висконсина. Никто из них не жалует, что в политике им повезло меньше, чем другим.

Холл понимал, что все вокруг контролирует Система. Мне иногда было трудно поверить, но Холл чувствовал ее своим сердцем, добрым и утомленным борьбой. Он пришел в законодательную власть в 1891 году.

Жил в Миннесоте и служил там членом местного законодательного собрания. В начале своей политической карьеры Холл получил весьма забавную просьбу от одного из своих избирателей. Человек просил законодателя дать ему несколько бесплатных билетов на проезд по железной дороге. Холл воспринял это с улыбкой и рассказал об этом своим коллегам. Однако каково же было его удивление, когда спикер собрания воспринял рассказ абсолютно без усмешки, как нечто само собой разумеющееся. Холлу посоветовали обратиться с просьбой избирателя к железнодорожным лоббистам.

— Я взял для себя бесплатные билеты до Миннесоты, — рассказывал мне Холл, — я был законодателем.

Небольшое расследование Холла привело его к ошеломляющему выводу: на таможах в штате Висконсин процветает коррупция. А злоупотребления руководителей железнодорожных компаний — дело обычное. Члены законодательного собрания без всяких проблем брали абонементы на бесплатный проезд для себя, своих семей и избирателей. Получалось, что в штате ни один человек никогда не оплачивал полностью свой проезд.

Холл начал не как реформатор, но я знаю его именно как реформатора. Факты, собранные им, и его предложения дали толчок к огромным изменениям. Холл говорит, что осознал, как законодатели получали голоса (законно), используя систему привилегий. И он выпустил резолюцию о запрете бесплатных перевозок, которая была предложена как поправка к Конституции. Ее отвергли. Против него боролись не только политики, но и железнодорожники. В конце концов, они одержали победу. Однако Холл, мягкий в общении и кроткий, все же был бойцом и не собирался сдаваться.

Однажды он случайно увидел отчет о прибылях железной дороги, адресованный акционерам. Компании в Висконсине платили налоги в виде фиксированного процента на общую прибыль. Лениво листая документ, Холл заметил, что сумма общей прибыли в отчете намного меньше, чем подсчеты казначей штата. Он провел собственное расследование и пришел к заключению, что расчеты компании незаконно занижены. Разница между объявленным доходом и реальным доходом иногда достигала пяти миллионов. Холл обратился к своему комитету с предложением провести расследование и представил законопроект, регулирующий норму выплат для железных дорог. Его обращение отклонили. А в Чикаго отправили комиссию для расследования обстоятельств. Но этого было недостаточно. Холл был «непокорным» и решил не оставаться в стороне от дел. В 1894 году Система отправила в округ Дани людей и деньги, чтобы не позволить Холлу еще раз выставить свою кандидатуру на выборах. Она натравила против него грузоотправителей (тех самых людей, которые благосклонно относились к железнодорожным ком-

паниям). И один из этих бизнесменов прибрал к рукам «деньги для финансирования кампании», которыми, как сказал сам себе, он «убил сразу двух зайцев». У Холла не было ни денег, ни организации, но он знал, как бороться. Партийные совещания проходили в разных местах в разное время, и Холл распространял листовки, в которых просил избирателей на собрании дать ему один час и выслушать его. На этих встречах он объяснял только, что было сделано и почему; он говорил, что, возможно, поступал неправильно, но доказывал, что был прав. Свои слова он подкреплял конкретными доказательствами. После Холл заявлял, что он не выступает против железнодорожных компаний, а только надеется заставить их выполнять обязательства и не злоупотреблять властью.

— Я только честно пытался служить людям, которых я представляю. Но поступая так, я устал вести борьбу за свою политическую жизнь. Я преодолел все трудности. Избиратели приходили на партийные съезды своей партии в округе Дани, чтобы бороться со взяточничеством. А Система потом делала все, чтобы подкупить моих избирателей.

Однако давайте оставим историю и вернемся к моей встрече с Холлом, которая произошла через двенадцать лет после его отставки. Он вспоминал обо всем этом, и его глубокие морщины и влажные глаза заставили меня спросить:

— Это стоило того, мистер Холл?

— Иногда я думаю да, иногда нет. Да, стоило. Округ Дани... — он остановился, — да, стоило. — И добавил. — Они раньше рисовали карикатуры на меня. Они писали памфлеты, высмеивали, они оскорбляли и они поносили и чернили меня. Они называли меня демагогом; говорили, что я честолюбив; спрашивали, кем я стал после, также как спрашивали об этом Лаффое. Но он боец. Он никогда не останавливал борьбы. И если бы я служил им, то мог бы иметь все что угодно, то, что они имеют сейчас. Это тяжело и это больно, когда ты просто стараешься исполнить свои обязанности и быть справедливым. Но это стоит того. Они не поймут меня, никогда.

Нет, Система никогда не задавала вопросов о причине поведения Холла. И после, когда ее представители начинали горячиться, рассказывая мне о Лаффое, я спрашивал: «Что насчет А.Р.Холла?» Интонации менялись мгновенно:

Это — ЧЕЛОВЕК, — они отвечали. Так говорил каждый, когда я упоминал имя А. Р. Холла¹.

Когда Лаффое начал свою открытую борьбу против Системы в 1894-м, он поднимал вопросы о неравенстве в налогообложении, о политических механизмах и о первичных выборах. Холл и Лаффое были

---

¹ Мистер Холл умер 2 июня 1905 года. — *Прим. Л. Стеффенсона.*

друзьями и часто обсуждали эти проблемы вместе в адвокатской конторе Лаффое в Кадисоне.

В Висконсине говорили, что Лаффое оппортунист. Это правда. Но и Фолк оппортунист, и реформаторы в Чикаго тоже. Так есть же «правильные» политики, которые в Висконсине, например, чуть позже включили в свои политические программы те же вопросы, что поднимал Лаффое. А разница между ними следующая: «правильные» политики желали одного — остаться у власти, чтобы продолжать вести свой доходный бизнес (они представляли во власти железнодорожные компании); Холл и Лаффое хотели искоренить злоупотребления и нарушения законов. Лаффое решал и до сих пор решает многие вопросы, которые еще несколько лет назад другие политики только озвучивали.

В 1894 году Лаффое внес свою политическую программу в конвент штата. На пост губернатора в этом году выдвигался Нильсом П. Хуген, американец норвежского происхождения. В Конгрессе он занимался вопросами железных дорог. Лаффое и его сторонники составляли треть конвента. «Правильные» политики, или «стелверсы», как их называли позже, были разделены. Сенатор Сойер образовал коалицию с лесоторговцем У. Х. Афомом. И Хуген со своей политической программой оказался не у дел. Точно так же «правильные» политики поступили с мистером Холлом, который представлял на конвенте программу о бесплатных железнодорожных перевозках.

Соперничество в конвенте послужило образованию демаркационной линии между «гибридами» Лаффое и «стелверсами». Обе фракции работали друг от друга отдельно. Афом был избран губернатором, и «стелверсы», которые имели федеральное покровительство, стали еще и хозяевами штата. Они перестроили механизмы управления Висконсином. Лаффое остался без всякой поддержки, и ему пришлось действовать самостоятельно. Он избрал тот же путь, который ему помог однажды пробиться в Конгресс, — Лаффое направился напрямую к избирателям.

В Висконсине говорят, что Лаффое — демагог. Это правда, если считать демагогией то, что молодой политик шел прямо к избирателям. И мистер Фолк, получается, тоже демагог, и все приходящие реформаторы. Лаффое с самого начала спрашивал не лидеров, а людей — чего они хотят. И после 1894 года он просто расширил поле своей деятельности и удвоил усилия для борьбы. Он ездил по штату и произносил речи, используя для этого любой представившийся случай. Если показателем демагогии служит тон и стиль, с которыми человек говорит, то Лаффое, скорее, находится по другую сторону демагогии. Его ораторский стиль был безличный, жесткий. Несмотря на то что Лаффое сам по себе был человеком страстным и эмоциональным — говорил он умеренно. Его речи были настолько наполнены фактами и так связаны аргументами, что разрушали самое закоренелое представление о вещах и очень часто

вызывали угнетение, которое действует весьма и весьма убедительно. Его серьезность убеждала в искренности слов, а искренность — это как раз то, что он хотел донести до людей своего штата. А какие были методы у мистеров Сойера, Пина и Спунера?

В 1896 году был избран следующий губернатор Висконсина. «Стелверсы» не стали снова выдвигать У. Х. Афома. Так всегда происходит с «куклами». Просто Система использовала этого губернатора в своих целях. В штате укрепился прежний политический механизм, было забыто дело казначеев. Теперь должен был прийти кто-то другой. Выбирая его, политические лидеры «стелверсов» организовали встречу в Сент-Луисе, где была назначена дата национального съезда. На нем и огласили имя нового губернатора — У. Скуфелда. И в этом уж точно не было демагогии...

Лаффое хотел занять пост губернатора, пока на политической сцене еще находился сенатор Сойер. Он согласился приехать на национальный съезд. До этого дня он проводил встречи с избирателями и делегатами. Боясь оступиться в политической игре, Лаффое заключил сделку. Он сам признался в этом. До сих пор Лаффое считает ее политическим грехом. И уверен, что кара, постигшая его за этот шаг, была подобна самому тяжелому искуплению. Он вошел в коалицию с Емилем Бинчем. Вдвоем они должны были искать сторонников в штате. Каждый из них понимал, что в одиночку не соберет достаточного количества избирателей. Так что они заключили договор — действовать вдвоем до начала выборов. Потом кто-то один получит все голоса.

Лаффое рассказывал, что он приехал на съезд с достаточным для победы количеством делегатов. У Бинча их было двадцать семь или около того. Дело было верное, однако на съезде приняли решение отложить выдвижение кандидата на ночь, а утром Лаффое узнал о своем поражении. У него украли часть делегатов, а Бинч перешел к Скуфелду.

Делегаты Лаффое были куплены. Как Бинч сохранил своих делегатов, я не знаю. Однако могу точно сказать, что сам он не был человеком, которого можно купить за деньги. Лаффое сообщили ночью, что Бинч перешел на сторону противника. «Боб» пытался бороться и был уверен, что вернет его, но... Как и раньше, борьба с Лаффое велась старыми проверенными способами, теми способами, которыми привыкло действовать старое окружения Лаффое. Там был мистер Сойер. И там были деньги. Я встречал человека, который видел комнату в отеле Фистер, где на столе лежали пачки денег. В эту комнату периодически заходили делегаты. Вездесущие газетчики рассказали мне эту историю со всеми мельчайшими деталями. Однако были и более веские доказательства, чем те, о которых я писал выше. Люди, которым предлагали взятки в ту ночь, сообщали об этом своим лидерам. Первым о взятках Лаффое рассказал капитан Джона Т. Райс, из Расина:

— Я был с этой старой толпой всю мою жизнь и думал, что знаю самое гадкое о них, но они не имели право просить меня сделать то, что они делали в эту ночь. Я не хочу говорить вам кто, но очень серьезный бизнесмен просил меня назвать цену за то, чтобы я переманил делегацию союза Гров от вас к Скуфелду.

Еще многие рассказывали об этом Лаффое. Некоторые из них называли цену предательства. Им предлагали деньги и политические посты. Лидеры «гибридов» старались поймать за руку взяточников, но эта затея окончилась неудачно. В полночь Чарльз Ф. Фистер, лидер «стелверсов» в Милуоки, позвал к себе Лаффое. «Боб» в то утро услышал от него эти слова:

— Лаффое, мы тебя обставили. Мы забрали твоих делегатов. Ты не можешь больше протестовать, а если будешь вести себя хорошо, мы позаботимся о тебе.

Итак, Лаффое должен был продолжать борьбу. Он не стал «вести себя хорошо». Сторонники Лаффое предложили вести ему борьбу за пост губернатора вне республиканской партии. Однако стать независимым кандидатом «Боб» отказался. Лаффое решил продвигать реформы внутри партии. А горький опыт с подкупом делегатов заставил его еще раз задуматься о стратегии. К этому времени Система принимала угрожающий вид. Растущее корпоративное богатство, круговая порука, коррупция. Уничтожались принципы демократии. Но жители штата еще не понимали этого. Их делегатам давали взятки и распределяли среди них привилегии. Выход из этого был один — отказаться от института представителей (делегатов) и перейти к прямым выборам, т.е. дать возможность избирателям самим решать, кто займет пост губернатора.

В течение двух последующих лет Лаффое вел пропаганду этой идеи. В его предвыборной программе были и другие пункты: вопросы о налогообложении железнодорожных компаний и других крупных корпораций (например, автомобильных), об искоренении коррупции и взяточничества. Он распространял брошюры и книги (некоторые из них были старательно написаны учеными). Но самое большое внимание он уделял выступлениям. Его речи, произносимые на благотворительных встречах, имели громадный успех.

В 1898 году пришло время нового республиканского съезда. Лаффое приехал в Милуоки. Там он встретил около тридцати лидеров республиканской партии. Лаффое подогнал свою предвыборную кампанию под их политическую платформу. События показали, что «стелверсы» не боялись наступающих выборов. Их представители занимали ключевые посты в штате и могли готовить и лоббировать любые законы. Лаффое выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора. Но его обошли тем же самым способом, что и в 1896 году. По оценке посвященного в

дело человека, это стоило 8000 долларов. Скуфелд был выдвинут снова. Правда, мы не можем сказать, что после национального съезда Лаффое остался ни с чем. На съезде была принята программа Лаффое—Холла. Она запрещала бесплатные железнодорожные перевозки, вводила новые принципы налогообложения корпораций, реформировала правила первичных выборов.

В Висконсине говорят, что Лаффое слишком практичный. В течение 1896, 1897 и 1898 годов они говорили, что он был непрактичный реформатор. При этом применяли его непрактичные теории, а некоторые из его реформ предписывали себе.

Та деятельность, которую вел Лаффое, дала свои результаты. В партии признали, что необходимо считаться с общественным мнением, которое так искусно подготовил своими речами «Маленький Боб». Холл наконец провел свой закон о запрете бесплатных перевозок. Была назначена комиссия по дорогам для определения суммы налогов, которые платили железнодорожные компании. Произошло еще несколько позитивных законодательных изменений.

Политическая жизнь продолжалась. Комиссия по дорогам сообщила, что крупнейшие компании Чикаго, Милуоки, Сент-Пола и Северо-Запада не платят пропорциональных долей налогов, и мистер Холл представил законопроект о повышении суммы налогообложения. Его рассмотрели в правительстве и в Сенате. Естественно, документ был зарезан. Лаффое и его сторонники продолжали агитацию. Не дожив нескольких месяцев до следующих выборов, умер сенатор Сойер.

Лаффое набирал очки. Правда, когда пришло время следующих выборов в 1900 году, все были уверены, что он проиграет. Но все обернулось по-другому. За поддержкой к Лаффое стали приходиться «стелверсы». Одним из первых капитулировал Дж. У. Бэбкок, конгрессмен. Другие последовали его примеру. Однако в их число не вошли Спунер, Пин и Фистер. Они предложили своего кандидата — Джона М. Вайтхеда, сенатора штата с чистой репутацией и хорошими рекомендациями. В мае 1900 года Лаффое объявил себя кандидатом на пост губернатора и начал предвыборную кампанию в сильнейшем округе «стелверсов». Ему удалось завоевать сердца своего «старого» окружения — он достаточно много для этого сделал. Другим кандидатам пришлось ретироваться, лишь только сенатор Спунер, робкий по натуре человек, выдвинул свою кандидатуру. В письме, распространенном среди членов партии, он заявил, что больше не желает представлять штат в Сенате. Кандидатура Лаффое была выдвинута анонимно. Победа была полная. Хотя неумолимые «стелверсы» и поддержали демократического кандидата, Лаффое был избран с перевесом в 102 000 голосов.

Победа ради реформ часто терпит поражение. Триумф Лаффое, очевидно, был началом величайшего из всех сражений в Висконсине, сражения, которое продолжается до сих пор.

7 января 1901 года прошла инаугурация губернатора Лаффое.

Законодательная власть всецело принадлежала республиканцам и, очевидно, наступила пора совершенной гармонии в партии. Губернатор в это верил. Линия «стелверсов»—«гибридов» не была точно очерчена. Гибриды имели большинство, особенно в Сенате, поэтому мистер А. Р. Холл был «логичным» кандидатом на должность спикера. Однако сам Холл думал по-другому. Он заявил, что в интересах мира и честной игры кресло спикера должен занять «стелверс». Его предложение приняли.

Губернатор рассказывал, что первый отклик о новом правительстве штата прозвучал из газет. Журналисты писали о том, что «стелверсы» уже были у власти и теперь вряд ли придется ждать реформ. Лаффое разослал циркуляры, в которых требовал исполнения всех программных обещаний. Он объявил, что контроль за всем будут вести партийные лидеры Холл и судья И. Рей Стевенс. Это расшевелило оппозицию. Однако два законопроекта о налогообложении железных дорог, еще один об установлении ставки налога на другие корпорации и законопроект о первичных выборах так и не были приняты, несмотря на яростную борьбу. Почему?

Я уже достаточно хорошо знаю Систему, чтобы быть уверенным, что это принцип ее работы. Она искусственно создает оппозицию. Кичится словами «партиец» и «диктатор». И восстает против любого губернатора, который старается управлять в интересах людей. Я уверен, что Система сможет отыскать лазейки в любой власти и создать наравне с признанным правителем свое, подручное, управление. В 1900 году Лаффое был всем. Неудивительно, что конгрессмен Бэбкок, начальник почтового отделения Кейс, генерал Пин и другие пытались построить свою собственную Систему, которая бы обеспечивала их интересы. Им нужен был «ручной» губернатор. Лаффое говорил словами президента Рузвельта:

— Я хочу быть представителем крупных корпораций своего штата, но представлять их в такой мере, в какой я представляю другие компании или своих избирателей, не больше.

Из Лаффое не получилось «ручного» губернатора. И тогда Система сказала: «Хорошо, пусть будет так». Это было похоже на случай в Сент-Луисе, когда мистер Фолк крикнул в толпу: «Я буду соблюдать свои обязанности». Толпа ответила: «Конечно, старый человек».

Говорят, что Лаффое пообещал железнодорожным корпорациям провести с ними консультации, прежде чем принимать закон о железных

дорогах. Весной 1900 года он написал письмо, адресованное Томасу Х. Гиллу, старому другу губернатора. В то время он курировал в Висконсине деятельность железных дорог. Этот документ был зарегистрирован. Где бы я ни находился, мне все время приходилось слышать о нем. Несмотря на то что письмо произвело столько шумихи (а о нем говорили в штате в течение четырех лет), его так нигде и не опубликовали. Вот оно:

Мадисон, Висконсин, 12 мая 1900 г.

Дорогой Том!

Ты уже двадцать лет мой личный и политический друг. Я стал губернатором. Мне нужна твоя поддержка. Ты поверенный адвокат центральной железнодорожной компании Висконсина. Мне бы очень не хотелось, чтобы ты занял оппозицию и подвергал критике мои проекты. Поэтому сейчас я хочу рассказать тебе, как я вижу решение вопроса налогообложения железных дорог. Ты же знаешь, что эта проблема сейчас как никогда волнует общество. И вероятно, она останется актуальной до того времени, пока не будет разрешена. Итак, мой взгляд в нескольких словах.

Железнодорожные корпорации должны платить не больше не меньше, чем справедливо пропорциональную долю налогов, которая берется с других налоговых имуществ государства. Если я буду занимать эту позицию и законопроект будет принят в подобном виде, перво-наперво мне придется узнать, была ли предложенная в законопроекте норма пропорциональна относительно других корпораций и частных лиц, когда с них брали налог. Определение этого вопроса будет контролироваться. Если норма была меньше, чем справедливо пропорциональная доля, которая должна выплачиваться железными дорогами, тогда я должен буду одобрить ее повышение, чтобы выровнять пропорции. Если она была больше, чем справедливо пропорциональная доля в сравнении с пропорциями других корпораций и частных лиц, налогооблагаемых законом, тогда я должен буду одобрить ее понижение, чтобы выровнять пропорции. Другими словами, я займу позицию равного налогообложения и буду избегать шумных склок между разными отраслями бизнеса. Мне хочется порекомендовать тебе занять такую же позицию. На мой взгляд, она не будет подвергаться критике представителями законного бизнеса.

Мистер Гилл — один из самых интеллигентных и справедливых корпоративных адвокатов, которых я когда-либо встречал. Этот человек убедил меня, что он и другие представители железных дорог ожидали другого, более глубокого решения своего вопроса. Думаю, что здесь было простое непонимание. После того, что я видел в Чикаго, Сент-Луисе, Питсбурге, Миссуре и Иллинойсе, я могу заявить, что от честного чиновника корпорации всегда ожидают большего. Они подобны избалованному американскому ребенку. И поэтому, когда не получают то, что хотят, всегда готовы обратиться за помощью к коррупции.

Губернатор Лаффое рассказывал, как еще во время предвыборной кампании его старое коррумпированное окружение начало обрабаты-

вать законодателей. Они хотели расстроить принятие обещанного законопроекта. Вокруга велись консультации, выбирались лояльные Системе представители законодательной власти. Уверен, что это правда. Как только законопроект появился на свет, сразу возникло стремление воздействовать на членов конгресса в Мадисоне. Профессиональные лоббисты собирали сторонников, которые могли бы выступить против проекта. Ими оказывались федеральные чиновники, и партийные лидеры «стелверсов» были посланы для этого. Для того чтобы провалить законопроект, не гнушались ни взятками, ни покровительством, ни другими нечестными приемами борьбы. Могу привести заявление Ирвина Л.Ленрута, он сейчас занимает пост спикера в законодательном собрании. Он говорил:

«С первого дня заседания лоббисты от железной дороги задействовали силу. Взятничество — тяжелое слово. Оно никогда не принимало конкретную форму. Автор законопроекта не знал о суммах, которые в действительности предлагались или получались за голосование против законопроекта. То, что это происходило, понимали все. Любые члены законодательного собрания тогда без особых усилий могли улучшить свое финансовое состояние. Главное — они должны были проголосовать против. Их знакомили с представителями железнодорожных компаний и предлагали выгодные посты. Интересно, что никакой другой проект никогда не вызывал подобное оживление. Законодатель должен был сделать вывод сам. Ведь он мог получить льготы на проезд и прочие привилегии. Политики, стоявшие в оппозиции к губернатору Лаффое, голосовали против проекта лишь потому, что его предложил Лаффое. А один известный член законодательного собрания заявил, что он не отважится голосовать за законопроект. Он боится, что железнодорожные компании разрушат его бизнес. Просто поднимают цены за перевозки, если он проголосует “за”».

Я побывал на Верхнем озере и встретил там мистера Ленрута. Он рассказал мне историю о взятках в деталях. Тем самым мне открылась возможность поспрашивать об этом других членов конгресса. В особенности того человека, который заявил, что железнодорожные компании могут поднять стоимость его перевозок, если он проголосует «за». И еще были интересные факты. Один из конгрессменов за измену перед своими избирателями получил от железнодорожных компаний льготный тариф и тем утер нос своим конкурентам по бизнесу.

Методы противников законопроекта принесли успех. Документ провалили. Даже несмотря на то, что на заседании было принято много других хороших законопроектов, Лаффое не ощутил триумфа.

Система работала, и ее главная задача была свергнуть губернатора. Стратегию Лаффое в скором времени раскусили и стали использовать против него самого. Собрание партийных лидеров «стелверсов» приняло закон о строительстве офисных зданий в Милвоке и закон о созда-

нии Перманентного Республиканского Союза штата Висконсин. Его называли «Союз одиннадцати актов». Было принято решение о запрете вторжения в законодательную власть должностных лиц любых компаний (точнее было бы это назвать запрет на вторжение коррумпированного мира во все ветви власти).

В штате стали действовать армии вербовщиков. Они приходили в дом каждого избирателя и после разговора оставляли книги и памфлеты. Сейчас эти действия называют демократическими, но тогда они могли погубить Союз. Однако этого не произошло. «Союз одиннадцати актов» подкупил часть газет. В статьях журналистов стали слышаться нотки презрения к губернатору, а в целом газета становилась оппозиционной. Члены Союза заявляли, что не давали взяток редакторам, а просто платили за место на газетной полосе. Но это было взяточничеством, и знали об этом все. Были и прямые подкупы. Я видел письменное показание газетчиков, опубликованное в одной из газет Висконсина, которые заявляли, что к ним приходили с предложением о взятке. Они отказались. Интересно, что после этой статьи журналисты стали возвращать деньги, которые им давали в виде подкупа. Наверное, из-за стыда.

«Демократические» методы Системы провалились. Когда подошло время следующего республиканского съезда партии, «стелверсы» увидели, что люди отправляют своих делегатов голосовать за Лаффое. Он был избран на второй срок. Что могла сделать Система? «Стелверсы» не были теперь даже «правильными» политиками. Лаффое имел партию, она находилась под покровительством федерации и больших бизнес-структур. Но у Системы были иные ресурсы. Куда бы муниципальное реформаторское движение ни прорубало дорогу, его лидеры, такие как Фолк и чикагские реформаторы, видели неизменное движение коррупции, передвигающейся из одной партии в другую, из города в город, из штата в штат.

Политическая Система во многих муниципалитетах Висконсина была не тронута. Там не было серьезных реформ. Жители Милуоки, Ошкоша, Гринбая и других городов очень хорошо подходили для удовлетворения appetites Системы. «Не было ничего похожего на то, что творилось в Менианаполисе и Сент-Луисе», — говорили мне с американским благодушием. Грин Бэй был точно, как Минеанаполис. Я уверенно говорю, потому что это маленькое местечко было брошено на произвол судьбы. Маринет и Ошкош не были заброшены, но они весьма походили на Грин Бэй.

Окружной прокурор Беннет имел отличных адвокатов во время своей работы в Милуоки в 1901 году. Но ему все же удалось вынести обвинительный приговор сорока двум персонам — двенадцати членам городского правления, десяти надзирателям, девяти другим чиновникам, одному сенатору штата и десятерым горожанам.

Взятничество до сих пор ставит свою жертву в затруднительное положение. Факты в моих руках доказывают, что существует высоко-развитая система подкупов. У республиканцев был округ, у демократов — город. Два совета и упитанные надзиратели объединились, чтобы брать взятки за контракты, привилегии и другие интересы бизнеса. Коррупционные связи бизнеса и политики были как на ладони. Лавочники и поставщики, по большей части незначительные люди, сознавались во взятничестве. Самым большим уловом до сих пор называют случай с пивоваром из Колонел Пабс, который оплатил чек на 1500 долларов за то, чтобы не изменяли закон о зданиях. Но думается, что надо смотреть выше. Так, в Чикаго в центре скандала с подкупом оказался один из банков¹.

Я не хочу сказать, что взятничество — это «привилегия» только одной республиканской партии. Наши политики давно доказали обратное. Коррупция живет в двухпартийной системе, она проходит через нее. Генри С. Пин, чиновник Республиканского центрального комитета штата, и И. С. Волл, демократ Висконсина, выдвинутый на национальном демократическом съезде на пост президента США, а сейчас чиновник Демократического центрального комитета штата, предложили законопроект о слиянии двух компаний: одна управляла уличным транспортом в городе, вторая занималась продажей электроэнергии. Когда закон был принят, Пин стал управляющим системы городского транспорта, Волл руководителем компании по продаже электроэнергии. Но это был бизнес. И у меня к ним нет никаких вопросов. Однако есть и другие примеры. В Милуоки произошел скандал из-за расширения привилегий уличному железнодорожному транспорту. Персоны, которые оказались в центре перепалки, известны всем. Это Чарльз Ф. Фистер, стелверский республиканский предприниматель, и Дэвид С. Рос, стелверский мэр-демократ. Привилегии были получены, за это заплатили деньги.

Милуокский «Сэнтел» перепечатал интервью Фистера, в котором он недвусмысленно говорил о взятке. Газета попала в руки «стелверсов». Фистер подал в суд за клевету. Но когда редактор газеты (сейчас он работает в Милуокской Свободной Прессе) заявил, что их адвокаты докажут справедливость обвинений, какой-то миллионер выкупил газету. Для ясности надо добавить, что редактор слегка слукавил. Газета не располагала теми фактами, о которых думал Фистер. Что касается мэра Роса? За него заступились друзья. Они заявили, что Рос доказал им лично, что еще ни разу за всю свою карьеру не давал никому ни цента. Но это не

---

¹ Первый национальный банк, президент которого теперь находится в тюрьме. — Прим. Л. Стеффенсона.

конец истории. Мэр Рос отстаивал интересы своего личного бизнеса. И часто делал это в ущерб интересам города.

Рос потерял в Милуоки шанс захватить Чикаго. Более того, Рос знал, что его соратники были коррумпированы еще до того, как это доказал суд. Он сказал однажды двум бизнесменам, что они не смогут получить никаких привилегий, если будут добиваться их честным путем. А расследование, в котором собрали достаточно улик против него, он назвал «сотрясанием воздуха». Репутация его была весьма подпорчена. Тем не менее Милуоки переизбрал Роса...

Система сохранила саму себя. Республиканцы, с опозоренной администрацией Роса, имели шанс выиграть, и они выставили хорошего человека, мистера Гая Д. Гоффа. Фистер, стелверский республиканский предприниматель, как всем казалось, поддержал Гоффа, у юного кандидата не было подозрений в противоположном. Но... В официальных отчетах было зафиксировано поражение Гоффа. Когда они появились, юный кандидат стал искать мистера Фистера... И... нашел его. Мистер Гофф, республиканский кандидат на пост мэра, нашел Фистера, лидера стелверских республиканцев, когда тот дружно выпивал с выбранным демократическим мэром Росом!

Думаю, что мистер Гофф понимает, что в Милуоки руководит двухпартийная система. И уверен, что губернатор Лаффое знает, что в Висконсине происходит точно так же. Пока он боролся со «стелверсами» на республиканском съезде штата в 1902 году, они объединялись с демократами. Представители-демократы рассказывали мне, что республиканцы готовили «демократическую» программу против Лаффое и что Фистер вместе с другими лидерами республиканцев готовили «демократического» кандидата на пост губернатора.

В Висконсине говорят, что Лаффое демократ, что «он привлекал демократических избирателей». Да. Он допускал это, но всегда добавлял — это были, несомненно, демократические избиратели по сути, а не по партийной принадлежности. В Висконсине выражают недовольство тем, что Лаффое расколол республиканскую партию. Да, он сделал это и развалил демократическую партию.

В 1902 году Лаффое пришел на выборы с голосами двух партий. За него объединились диаметрально противоположные избиратели. Люди в Висконсине переизбрали Лаффое.

Вот почему Висконсин такое беспокойное место. Там была повержена Система.

Лаффое создал свой механизм. После переизбрания он собрал собственную партию. Этот шаг губернатора, наверное, был самым отвратительным в глазах «стелверсов». Они хотели, чтобы я в этой статье выставил его как лидера, который желает использовать штат, чтобы создать собственную организацию. Я напомнил им, что их федеральное

покровительство больше, чем покровительство штата для Лаффое, и объяснил, что я не предубежден против создания организаций. Я лучше выдвину обвинение против того механизма, который распродает партии и людей. Губернатора Лаффое обвинили в том, что он принес в жертву хорошую службу ради строительства своего механизма. Это серьезное обвинение. Я не могу пройти мимо него. Дела, которые я расследовал по просьбе мистера Стелверта, были весьма показательны в этом плане. Предлагаю допустить, что состав и структура власти не всегда такие, какие должны быть. Что тогда? Как и в Чикаго, борьба в Висконсине ведется за самоуправление, но не за «хорошее» правительство. Это борьба за восстановление процесса представления интересов людей в правительстве. Это очень тяжелый процесс. И вы можете быть уверены, что коррумпированную политику и нечестный бизнес нелегко победить.

Поражение мистера Роса не сломило его. «Стелверсы» все еще сохраняют места в Сенате. И у этой партии все еще есть лоббисты, чтобы отменять законопроекты о железнодорожных налогах и первичных выборах. Лаффое продолжает играть. Он долго изучал в государственной комиссии систему, которая регулирует доли налогов на железные дороги. Логично, что, если налоги повышают, железные дороги восполняют убытки за счет пассажиров, просто повышают стоимость перевозок. В других штатах работали точно такие комиссии. И что интересно, в самых крупных из них, Айове и Иллинойсе, цены были ниже, чем в Висконсине. Более того, мы все знаем, что железнодорожные компании имеют целую систему скидок и привилегий для людей, которые дружат с ними.

В 1903 году Лаффое занял очень жесткую позицию. И призвал государственную комиссию наконец-таки урегулировать железнодорожные тарифы. Эффект был потрясающий. «Популизм!» «Социализм!». Противники законопроекта были повержены. Но продолжали бороться в интересах своего бизнеса. Они не поддержали законопроект о первичных выборах, потому что боялись, что люди оставят Лаффое у власти навсегда. Даже когда законопроект о налогообложении железных дорог с кучей исправлений и изменений был вынесен на референдум и его поддержало большинство, большой бизнес не успокоился. Были организованы встречи по всему штату. В Мадисон направили представителей, чтобы опротестовать документ. Получилось, что законопроект в интересах чистого бизнеса был завален самим же бизнесом. А реформа первичных выборов дала о себе знать в выборной кампании этого года (1904). Я постарался пронаблюдать за всем, что происходило.

«Стелверсы» боялись проверять списки избирателей. Они знали одно — съезд республиканцев должен был отсеять всех представителей этой партии. Они организовали отдельную встречу для «правильных»

политиков. «Гибриды» выдвинули Лаффое, «стелверсы» предложили своего кандидата. На их встречу пришел начальник почтового управления Кейс, генерал Пин, сенатор США Спунер и Кварел, конгрессмены и федеральные чиновники. Сломанная Система штата привлекла государственную Систему США. Противоречие должен был разрешить республиканский национальный съезд в Чикаго. И там Система сделала свое дело. Я следил за съездом и слышал, что говорили приватно и публично. Республиканцы, которые выступали на стороне Пина—Спунера—Фистера—Бэбока, говорили, что «Лаффое никак не настоящий республиканец».

Так ли это? Это самый важный вопрос. Да, Лаффое очень демократичен по жизни. Он помогал создавать тарифный закон МакКинли, и он стоит сейчас на национальной республиканской платформе. Его демократия состоит только в вере, что избираемые правители должны представлять людей, а не интересы коррупции. Он считает, что этой позиции должны придерживаться обе партии. Но другие так не считают. Очень часто мы видим, как обе партии представляют как раз интересы коррупции. Политики, особенно на Западе, стремились сделать то, во что верил Лаффое. Демократы в Миссури сделали свою партию демократической; республиканцы в Иллинойсе сделали свою партию демократической. Следующий ответ должен быть получен от людей в Висконсине. «Стелверсы» надеются на суд, который должен подтвердить решения национальной республиканской партии и доказать, что они — настоящие республиканцы. Это не верно. Люди в Висконсине не занимают радикальных позиций. Они остаются верными закону, консерватизму и чистоте. «Стелверсы» затратят много сил на суды, но их неправоту люди должны понять сами. В конце концов, не важно, кто вспомнит длинную и тяжелую борьбу Лаффое, которая развивала в гражданах Висконсина честность, резонность и интеллигентность. Главное в другом. Надо помнить, что лучше бизнеса и политики могут быть только бизнес и политика, которые ведутся для людей¹.

---

¹ Губернатор Лаффое был переизбран с большим преимуществом; он был выбран сенатором США, но прослужил еще целый год на посту губернатора, прежде чем занять свое место в Сенате. — *Прим. Л. Стеффенсона.*

ПУБЛИЦИСТИКА О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ

ДЖОН РИД
(1887–1920)

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МИР¹

Глава IV. Конец Временного правительства

В среду 7 ноября (25 октября) я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный. Напротив запертых дверей Государственного банка стояло несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками.

«Вы чьи? — спросил я. — Вы за правительство?»

«Нет больше правительства! — с улыбкой ответил солдат. — Слава Богу!» Это было все, чего мне удалось от него добиться.

По Невскому, как всегда, двигались трамваи. На всех выступающих частях их висели мужчины, женщины и дети. Магазины были открыты, и вообще улица имела как будто даже более спокойный вид, чем накануне. За ночь стены покрылись новыми прокламациями и призывами, предостерегавшими против восстания. Они обращались к крестьянам, к фронтовым солдатам, к петроградским рабочим. Одна из прокламаций гласила:

---

¹ Джон Рид был одним из немногих иностранцев — свидетелей октябрьского переворота 1917 года. Его документальная книга «Десять дней, которые потрясли мир» издана в марте 1919 года в США и выдержала там четыре тиража. Первое советское издание книги вышло в 1923 году. С усилением культа личности Сталина книга была запрещена, даже несмотря на восторженные предисловия Ленина и Крупской: Дж. Рид почти не писал о роли Сталина в октябрьских событиях и, наоборот, широко освещал деятельность Троцкого. Этот запрет был снят лишь в 1957 году. Пер. с англ. А. Ромма. Печатается в отрывках.

«От Петроградской городской думы.

Городская дума доводит до сведения граждан, что ею в чрезвычайном заседании 24 октября образован Комитет общественной безопасности в составе гласных центральной и районных дум и представителей революционных демократических организаций: Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского исполнительного комитета крестьянских депутатов, армейских организаций, Центрофлота, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета профессионального союза и др.

Дежурства членов Комитета общественной безопасности — в здании городской думы. Телефоны для справок №№ 15-40, 223-77, 138-36».

В тот момент я еще не понимал, что эта думская прокламация была формальным объявлением войны большевикам.

Я купил номер «Рабочего пути», единственной, казалось, газеты, которая была в продаже, немного позже удалось купить у солдата за полтинник уже прочитанный номер «Дня». Большевистская газета, отпечатанная на огромных листах в захваченной типографии «Русской воли», начиналась огромным заголовком: *«Вся власть Советам рабочих, солдат и крестьян! — Мира! хлеба! земли!»*

Передовая статья была подписана Зиновьевым, который скрывался вместе с Лениным. Вот ее начало:

«Всякий солдат, всякий рабочий, всякий истинный социалист, всякий честный демократ не могут не видеть, что созревшее революционное столкновение уперлось в немедленное разрешение.

Или — или.

Или власть переходит в руки буржуазно-помещичьей шайки, и тогда это означает... кровавую всероссийскую карательную экспедицию, которая... кровью солдат и матросов, крестьян и рабочих зальет всю страну. Тогда это — продолжение опустылевшей войны, тогда это — неизбежные смерть и голод.

Или власть перейдет в руки революционных рабочих, солдат и крестьян, и тогда это означает полное уничтожение помещичьей кабалы, немедленное обуздание капиталистов, немедленное предложение справедливого мира. Тогда земля обеспечена крестьянам, тогда контроль обеспечен над фабриками, тогда хлеб обеспечен голодающим, тогда конец бессмысленной бойне...»

«День» давал отрывочные сведения о событиях бурной ночи. Большевики захватили телефонную станцию, Балтийский вокзал и телеграф; петергофские юнкера не могут пробраться в Петроград; казаки колеблются; арестовано несколько министров; убит начальник городской милиции Мейер; аресты, контраресты, стычки между солдатскими патрулями, юнкерами и красногвардейцами...

На углу Морской я встретил меньшевика-оборонца капитана Гомберга, секретаря военной секции своей партии. Когда я спросил его, действительно ли произошло восстание, он только устало пожал плеча-

ми: «Черт его знает!.. Что ж, может быть, большевики и могут захватить власть, но больше трех дней им не удержать ее. У них нет таких людей, которые могли бы управлять страной. Может быть, лучше всего дать им попробовать: на этом они сорвутся...»

Военная гостиница на углу Исаакиевской площади оцеплена вооруженными матросами. В вестибюле собралось довольно много шеголеватых молодых офицеров. Они бродили взад и вперед и перешептывались между собой. Матросы не выпускали их на улицу.

Вдруг раздался громкий выстрел, и началась частая перестрелка. Я выбежал на улицу. Вокруг Мариинского дворца, где заседал Совет Российской республики, творилось что-то необычайное. Широкую площадь пересекала по диагонали цепь солдат. Они держали ружья наизготовку и смотрели на крышу гостиницы.

«Провокация, в нас стреляют!» — крикнул один из них. Другой побежал к подъезду.

У западного угла дворца стоял большой броневик с красным флагом и свежей надписью красным «С.Р.С.Д.» (Совет рабочих и солдатских депутатов). Все его пулеметы были направлены на Исаакиевский собор. Выход на Новую улицу был перегорожен баррикадой — бочки, ящики, старый матрас, поваленный вагон. Конец набережной Мойки был забаррикадирован штабелями дров. Короткие поленья с соседнего склада были сложены вдоль здания и образовывали бруствер.

«Что же, тут будет бой?» — спросил я.

«Скоро, скоро! — беспокойно отвечал солдат. — Проходи, товарищ, как бы тебе не влетело! Вон с той стороны придут...» — И он показал в сторону Адмиралтейства.

«Да кто придет-то?»

«Этого, братишка, не могу сказать», — ответил он, сплевывая.

У подъезда дворца стояла толпа солдат и матросов. Матрос рассказывал о конце Совета Российской республики. «Мы вошли, — говорил он, — и расставили у всех дверей своих товарищей. Я подошел к контрреволюционеру-корниловцу, который сидел на председательском месте. Нет больше вашего Совета, сказал я ему. Ступай домой!»

Все смеялись. Размахивая бумагами и документами, я добрался до двери, ведущей на галерею прессы. Здесь меня остановил огромный улыбающийся матрос. Я показал ему пропуск, но он ответил: «Хоть бы вы были сам святой Михаил, прохода нет, товарищ». Сквозь дверное стекло я разглядел расстроенное лицо и жестикулирующие руки французского корреспондента, оказавшегося взаперти.

Вблизи стоял невысокий, седоусый человек в генеральской форме, окруженный кучкой солдат. Лицо его было багровым.

«Я генерал Алексеев! — кричал он. — Как ваш начальник и как член Совета республики, приказываю вам пропустить меня!»

Часовой чесал в затылке и беспокойно косил во все стороны, наконец, мигнул подходившему офицеру, который очень взволновался, узнав, кто с ним говорит, и начал с того, что взял под козырек.

«Ваше высокопревосходительство, — забормотал он, как будто бы дело было при старом режиме, — вход во дворец строжайше воспрещен... Я не имею права...»

Подъехал автомобиль, в котором я разглядел смеющегося Гоца. Казалось, все происходящее очень забавляло его. Через несколько минут подкатила другая машина. На ее передней скамейке сидели вооруженные солдаты, а за ними были видны арестованные члены Временного правительства. Член Военно-революционного комитета латыш Петерс торопливо пересекал площадь.

«Я думал, что вы переловили всех этих господ еще ночью», — сказал я ему, указывая на арестованных.

«Эх! — И в его голосе звучало разочарование. — Эти глупцы выпустили большую часть, прежде чем мы решили, как с ними быть...»

Вниз по Воскресенскому проспекту двигалась огромная толпа матросов, а за ними, покуда хватал глаз, были видны движущиеся колонны солдат.

Мы пошли по Адмиралтейскому проспекту к Зимнему дворцу. Все выходы на Дворцовую площадь охранялись часовыми, а на западном краю площади был вооруженный кордон, на который напирала огромная толпа. Кроме нескольких солдат, которые выносили из ворот дворца дрова и складывали их против главного входа, все стояли на своих местах.

Мы никак не могли добиться, чьи тут были часовые — правительственные или советские. Наши удостоверения из Смольного не произвели на них никакого впечатления. Тогда мы зашли с другой стороны и, показав свои американские паспорта, важно заявили: «По официальному делу!» — и проскользнули внутрь. В подъезде дворца от нас вежливо приняли пальто и шляпы все те же старые швейцары в синих ливреях с медными пуговицами и красными воротниками с золотым позументом. Мы поднялись по лестнице. В темном, мрачном коридоре, где уже не было гобеленов, бесцельно слонялись несколько старых служителей. У двери кабинета Керенского похаживал, кусая усы, молодой офицер. Мы спросили его, можно ли нам будет проинтервьюировать министра-председателя. Он поклонился и щелкнул шпорами.

«К сожалению, нельзя, — ответил он по-французски. — Александр Федорович крайне занят... — Он взглянул на нас. — Собственно, его здесь нет...»

«Где же он?»

«Поехал на фронт. И знаете, ему не хватило бензина для автомобиля. Пришлось занять в английском госпитале».

«А министры здесь?»

«Да, они заседают в какой-то комнате, не знаю точно».

«Что же, придут большевики?»

«Конечно! Несомненно, придут! Я каждую минуту жду телефонного звонка с сообщением, что они идут. Но мы готовы! Дворец охраняется юнкерами. Они вон за той дверью».

«А можно нам пройти туда?»

«Нет, разумеется, нет! Запрещено...» Вдруг он пожал нам руки и ушел. Мы повернулись к заветной двери, устроенной во временной перегородке, разделявшей комнату. Она была заперта с нашей стороны. За стенкой были слышны голоса и чей-то смех, странно звучащий в важной тишине огромного и старинного дворца. К нам подошел старик швейцар:

«Нельзя, барин, туда нельзя!»

«Почему дверь заперта?»

«Чтоб солдаты не ушли», — ответил он.

Через несколько минут он сказал, что хочет выпить стакан чаю, и ушел. Мы открыли дверь. У порога оказалось двое часовых, но они ничего не сказали нам. Коридор упирался в большую, богато убранную комнату с золотыми карнизами и огромными хрустальными люстрами. Дальше была целая анфилада комнат поменьше, отделанных темным деревом. По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин. Множество солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Тяжелый запах табачного дыма и грязных человеческих тел. Один из юнкеров держал в руках бутылку белого бургундского вина, очевидно украденную из дворцовых погребов. Все с изумлением глядели на нас, а мы проходили комнату за комнатой, пока не добрались до анфилады парадных покоев, окна которых, высокие, но грязные, выходили на площадь. На стенах висели огромные полотна в тяжелых золотых рамах — все исторические и батальные сюжеты: «12 октября 1812 г.», «6 ноября 1812 г.», «16/28 августа 1813 г.». У одной из таких картин был прорван весь правый верхний угол.

Все помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад. На подоконниках были установлены пулеметы, между тюфяками стояли ружья в козлах.

Мы разглядывали картины, когда на меня вдруг пахнуло запахом спирта и чей-то голос заговорил на плохом, но беглом французском языке: «По тому, как вы разглядываете картины, я вижу, что вы иностранцы...» Перед нами был невысокий, одутловатый человек. Когда он приподнял фуражку, мы увидели лысину.

«Американцы? Очень рад!.. Штабс-капитан Владимир Арцыбашев. Весь к вашим услугам...» Казалось, он не видел решительно ничего странного в том, что четверо иностранцев, в том числе одна женщина, расхаживают по месту расположения отряда, ожидающего атаки. Он начал жаловаться на положение дел в России.

«Дело не только в большевиках, — говорил он. — Беда в том, что пропали благородные традиции русской армии. Взгляните кругом: вот это все юнкера, будущие офицеры... Но разве это джентльмены? Керенский открыл военные училища для всех желающих, для каждого солдата, который может выдержать экзамен. Понятно, здесь много, очень много таких, которые заражены революционным духом...»

И вдруг без всякой последовательности заговорил о другом. «Мне бы очень хотелось уехать из России. Я решил поступить в американскую армию... Не будете ли вы добры помочь мне в этом деле у вашего консула? Я дам вам свой адрес».

Несмотря на наши протесты, он написал несколько слов на клочке бумаги и, кажется, сразу почувствовал себя гораздо веселее. Его записка сохранилась у меня: «2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков. Старый Петергоф».

«Сегодня утром у нас был смотр, — продолжал он, водя нас по комнатам и давая разъяснения. — Женский батальон постановил остаться верным правительству».

«Значит, во дворце есть солдаты-женщины?»

«Да, они в задних комнатах. Если что-нибудь случится, они там будут в безопасности». Он вздохнул. «Какая тяжелая ответственность!»

Мы немного постояли у окна, глядя на Дворцовую площадь, где выстроились три роты юнкеров в длинных серых шинелях. Ими командовал высокий, по виду очень энергичный офицер, в котором я узнал главного военного комиссара Временного правительства Станкевича. Через несколько минут две из этих трех рот с резким стуком взяли на плечо, и их колыхающиеся ряды, печатая шаг, пересекли площадь, прошли под красной аркой и скрылись, уходя по направлению к молчаливому городу.

«Пошли брать телефонную станцию!» — сказал чей-то голос. Около нас стояло трое юнкеров. Мы разговорились с ними. Они сказали нам, что они из солдат, и назвали свои имена: Роберт Олев, Алексей Василенко и эстонец Эрни Сакс. Теперь они уже не хотели быть офицерами, потому что офицерство было крайне непопулярно. По-видимому, они попросту не знали, что им делать. Было ясно, что им очень не по себе. Но скоро они расхвастались: «Пусть большевики только сунутся, мы им покажем, как драться! Они не посмеют напасть на нас, они все трусы... Но если они и задавят нас, ну что ж, каждый оставит последнюю пулю для себя...»

В этот момент где-то неподалеку началась перестрелка. Все, кто был на площади, бросились врассыпную. Многие ложились на землю ничком. Извозчики, стоявшие на углах, поскакали во все стороны. Поднялась страшная суматоха. Солдаты бегали взад и вперед, хватались за ружья и кричали: «Идут! Идут!» Но через несколько минут все снова успокоилось. Извозчики вернулись на свои места, люди, лежавшие на земле, встали на ноги. Под красной аркой появились юнкера. Они шли не совсем в ногу, и одного из них поддерживали под руки двое товарищей.

Было уже довольно поздно, когда мы покинули дворец. С площади исчезли все часовые. Огромный полукруг правительственных зданий казался пустынным. Мы зашли пообедать в Hotel de France. Только мы принялись за суп, к нам подбежал страшно бледный официант и попросил нас перейти в общий зал, выходявший окнами во двор: в кафе, выходявшем на улицу, было необходимо погасить свет. «Будет большая стрельба!» — сказал он.

Мы снова вышли на Морскую. Было уже совсем темно, только на углу Невского мигал уличный фонарь. Под ним стоял большой броневик. Его мотор был заведен и выбрасывал струю бензинового дыма. Рядом стоял какой-то мальчишка и заглядывал в дуло пулемета. Кругом толпились солдаты и матросы; они, видимо, чего-то ждали. Мы пошли к арке генерального штаба. Кучка солдат смотрела на ярко освещенный Зимний дворец и громко переговаривалась.

«Нет, товарищи, — говорил один из них. — Как мы можем стрелять в них? Ведь там женский батальон! Скажут, что мы расстреливаем русских женщин...»

Когда мы вышли на Невский, из-за угла выкатил еще один бронированный автомобиль. Из его башенки высунулась голова какого-то человека.

«Вперед! — прокричал он. — Пробьемся — и в атаку!»

Подошел шофер другого броневика и закричал, покрывая треск машины:

«Комитет велел ждать! У них за штабелями дров спрятана артиллерия!...»

Здесь трамваи не ходили, прохожих было мало, а света не было вовсе. Но, пройдя всего несколько домов, можно было снова видеть трамвай, толпы людей, ярко освещенные витрины и электрические вывески кинематографов. Жизнь шла своим чередом. У нас были билеты в Мариинский театр, на балет (все театры были открыты). Но на улице было слишком интересно.

Мы наткнулись в темноте на штабеля дров, загородившие Полицейский мост, а у Строгановского дворца мы видели, как несколько солдат устанавливали трехдюймовки. Другие солдаты, одетые в форму различных частей, бесцельно слонялись взад и вперед...

На Невский, казалось, высыпал весь город. На каждом углу стояли огромные толпы, окружавшие яростных спорщиков. На перекрестках дежурили группы солдат с винтовками и примкнутыми штыками. Краснолицые старцы в богатых меховых шубах показывали им кулаки, а богато одетые женщины осыпали их бранью. Солдаты отвечали очень неохотно и смущенно улыбались. По улице разъезжали броневики, на которых еще были видны старые названия: «Олег», «Рюрик», «Святослав» — имена древнерусских князей. Но поверх старых надписей уже краснели огромные буквы «РСДРП» («Российская социал-демократическая рабочая партия»). На Михайловском проспекте появился газетчик. Толпа бешено набросилась на него, предлагая по рублю, по пять, по десять рублей за номер, вырывая друг у друга газеты. То был «Рабочий и солдат», возвещавший победу пролетарской революции и освобождение арестованных большевиков, призывавший фронтовые и тыловые армейские части к поддержке восстания... В этом номере было всего четыре страницы, набранные огромным шрифтом. Новостей не было никаких.

На углу Садовой собралось около двух тысяч граждан. Толпа глядела на крышу высокого дома, где то гасла, то разгоралась маленькая красная искорка.

«Гляди, — говорил высокий крестьянин, указывая на нее, — там провокатор, сейчас он будет стрелять в народ...» По-видимому, никто не хотел пойти узнать, в чем там дело.

Когда мы подошли к Смольному, его массивный фасад сверкал огнями. Со всех улиц к нему шли люди, торопившиеся сквозь мрак и тьму. Подъезжали и отъезжали автомобили и мотоциклы. Огромный серый броневик, над башенкой которого развевались два красных флага, завывая сиреной, выполз из ворот. Было холодно, и красногвардейцы, охранявшие вход, грелись у костра. У внутренних ворот тоже горел костер, при свете которого часовые медленно прочли наши пропуска и оглядели нас с ног до головы. По обеим сторонам входа стояли пулеметы со снятыми чехлами, и с их казенных частей, извиваясь, как змеи, свисали патронные ленты. Во дворе, под деревьями сада, стояло много броневиков; их моторы были заведены и работали. Огромные, плохо освещенные залы гудели от топота тяжелых сапог, криков и говора... Настроение у всех было решительное. Лестницы были заняты толпой: тут были рабочие в черных блузах и черных меховых шапках, многие с винтовками через плечо, солдаты в грубых шинелях грязного цвета и в серых меховых папахах. Куда-то торопились, протискиваясь, Луначарский и Каменев... Все они говорили одновременно, лица их были озабочены, у каждого под мышкой переполненный бумагами портфель. Закончилось заседание Петроградского Совета. Я остановил Каменева, невысокого человека с быстрыми движениями, живым широким ли-

пом и низко посаженной головой. Он без всяких предисловий перевел мне на французский язык только что принятую резолюцию:

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как Советское правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это правительство твердо пойдет к социализму — единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны.

Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый, демократический мир всем воюющим народам.

Оно немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст рабочий контроль над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками вместе с превращением их в одно государственное предприятие.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и все крестьянство со всей энергией беззаветно поддерживать рабочую и крестьянскую революцию. Совет выражает уверенность, что городские рабочие в союзе с беднейшим крестьянством проявят непреклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма.

Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы».

«Значит, вы думаете, дело выиграно?..»

Он пожал плечами: «Надо еще очень много сделать. Страшно много!.. Дело только еще начинается...»

На площадке лестницы я увидел заместителя председателя совета профессиональных союзов Рязанова. Он мрачно глядел перед собой, покусывая свою седеющую бороду. «Это безумие, безумие! — восклицал он. — Европейский пролетариат не поднимется! Вся Россия...» Он рассеянно махнул рукой и побежал дальше.

Рязанов и Каменев возражали против восстания и испытали на себе всю страшную силу ленинской аргументации.

То было очень важное заседание. Троцкий от имени Военно-революционного комитета заявил, что Временного правительства больше не существует.

«Специфика буржуазных и мелкобуржуазных правительств, — сказал он, — состоит в том, что они обманывают массы.

Нам в настоящее время, — нам, Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, предстоит небывалый в истории опыт создания власти, которая не знала бы иных целей, кроме того, что нужно солдатам, рабочим и крестьянам».

На трибуне появился Ленин. Его встретили громовой овацией. Он предвозвестил мировую социалистическую революцию... После него выступил Зиновьев, заявивший: «Сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар всем империалистам и, в частности, палачу Вильгельму».

После этого Троцкий сообщил, что на фронт уже отправлены телеграммы, извещающие о победе восстания, но ответ еще не пришел. По слухам, на Петроград движутся войска. Необходимо отправить к ним делегацию, чтобы рассказать им всю правду.

Г о л о с а с м е с т: «Вы предпринимаете волю Всероссийского съезда Советов!»

Троцкий (х о л о д н о): «Воля Всероссийского съезда Советов предпринята огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат».

Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, теснящуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертом воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: «Товарищи, не курите!» И курение продолжалось. Делегат от Обуховского завода, анархист Петровский усадил меня рядом с собой. Грязный и небритый, он едва держался на ногах от бессонницы: он работал в Военно-революционном комитете трое суток без перерыва.

На возвышении сидели лидеры старого ЦИК, в последний раз доводилось им вести заседание непокорных Советов, которыми они правили с первых дней революции. Теперь Советы восстали против них. Кончился первый период русской революции, который эти люди старались вести на тормозах. Трех крупнейших из них не было в президиуме: не было Керенского, бежавшего на фронт через города и села, уже охваченные волнением; не было старого орла Чхеидзе, с презрением удалившегося в родные грузинские горы и там свалившегося в чахотке; не было и прекрасногодушного Церетели, тоже тяжелобольного, но впоследствии вернувшегося и истощившего все свое лошениное красноречие на защиту погибшего дела. На трибуне сидели Гоц, Дан, Либер, Богда-

нов, Бройдо, Филипповский — все бледные и негодующие, с ввалившимися глазами. Под ними кипел и бурлил II Всероссийский съезд Советов, а над их головами лихорадочно работал Военно-революционный комитет, державший в руках все нити восстания и наносивший меткие и сильные удары... Было 10 часов 40 минут вечера.

Дан, бесцветный человек с дряблым лицом, в мешковатом мундире военного врача, позвонил в колокольчик. Сразу наступила напряженная тишина, нарушаемая лишь спорами и бранью людей, теснившихся у входа...

«Власть в наших руках, — печально начал Дан. Он остановился на мгновение и тихо продолжал: — Товарищи, съезд Советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК (с м у т н ы й ш у м). Объявляю первое заседание II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов открытым».

Президиум избирался среди общего шума и движения. Аванесов заявил, что по соглашению между большевиками, левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами решено составить президиум на основе пропорционального представительства. Несколько меньшевиков, громко протестуя, повскакали с мест. «Вспомните, — крикнул им какой-то бородатый солдат, — вспомните, что вы делали с нами, большевиками, когда мы были в меньшинстве!» Результаты выборов: четырнадцать большевиков, семь эсеров, три меньшевика и один интернационалист (из группы Горького). Гендельман заявляет от имени правых эсеров и эсеров центра, что они отказываются от участия в президиуме. Хинчук делает такое же заявление от имени меньшевиков. Меньшевики-интернационалисты тоже не могут войти в президиум до выяснения некоторых обстоятельств. Жидкие аплодисменты и крики. Г о л о с с м е с т а: «Ренегаты! И вы называете себя социалистами!» Представитель делегатов Украины просит и получает место в президиуме. После этого старый ЦИК покидает трибуны и его место занимают Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Ногин... Весь зал встает, гремя рукоплесканиями. Как высоко взлетели они, эти большевики, — от непризнанной и всеми гонимой секты всего четыре месяца назад и до величайшего положения рулевых великой России, охваченной бурей восстания.

В порядке дня, сообщает Каменев, значит: во-первых, вопрос об организации власти, во-вторых, вопрос о войне и мире и, в-третьих, вопрос об Учредительном собрании. Лозовский встает и объявляет, что по соглашению между бюро всех фракций предлагается сначала заслушать

и обсудить отчет Петроградского Совета, затем дать слово членам ЦИК и представителям партий и, наконец, перейти к порядку дня.

Но неожиданно послышался новый шум, более тяжелый, чем шум толпы, настойчивый, тревожный шум — глухой гром пушек. Все нервно повернулись к темным окнам, и по собранию пронеслась какая-то дрожь. Мартов попросил слова и прохрипел: «Гражданская война началась, товарищи! Первым нашим вопросом должно быть мирное разрешение кризиса. И принципиально и тактически мы обязаны спешно обсудить пути предупреждения гражданской войны. Там на улице стреляют в наших братьев! В тот момент, когда перед самым открытием съезда Советов вопрос о власти решается путем военного заговора, организованного одной из революционных партий... — Крик и шум на мгновение покрыли его слова. — Все революционные партии обязаны смотреть фактам прямо в лицо! Задача съезда заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти, и этот вопрос уже поставлен на улицах, он уже разрешается оружием! Мы должны создать власть, которая будет пользоваться признанием всей демократии. Съезд, если хочет быть голосом революционной демократии, не должен сидеть сложа руки перед лицом развертывающейся гражданской войны, результатом которой, может быть, будет вспышка контрреволюции. Возможностей мирного выхода надо искать в создании единой демократической власти... Необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями...»

Отдаленный гром артиллерийской стрельбы, непрерывные споры делегатов... Так под пушечный гром в атмосфере мрака и ненависти, дикого страха и беззаветной смелости рождалась новая Россия.

Левые эсеры и объединенные социал-демократы поддержали предложение Мартова. Оно было принято. Какой-то солдат объявил, что Всероссийский исполнительный комитет крестьянских Советов отказался прислать на съезд своих делегатов; он предложил отправить туда комиссию с формальным приглашением. «Здесь присутствует несколько крестьянских депутатов, — сказал он. — Предлагаю предоставить им право голоса». Предложение принимается.

Слова попросил капитан Харраш. «Политические лицемеры, возглавляющие этот съезд, — страстно кричал он с места, — говорят нам, что мы должны поставить вопрос о власти, а между тем этот вопрос уже поставлен за нашей спиной еще до открытия съезда! Расстреливается Зимний дворец, но удары, падающие на него, заколачивают гвозди в крышку гроба той политической партии, которая решила на подобную авантюру!» Общее возмущение. Слово берет Гарри: «Пока здесь вносится предложение о мирном улажении конфликта, на улицах идет бой... Эсеры и меньшевики считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и призывают все общественные силы оказать

сопротивление попыткам захватить власть...» Трудовик Кучин, делегат XII армии: «Я послан сюда только для информации. Я немедленно возвращаюсь на фронт, где все армейские комитеты твердо уверены, что захват власти Советами за три недели до открытия Учредительного собрания есть нож в спину армии и преступление перед народом!» Яростные крики: «Ложь! Лжете!» Снова слышен голос оратора: «Необходимо покончить с этой петроградской авантюрой! Во имя спасения родины и революции призываю всех делегатов покинуть этот зал!» Он сошел с трибуны. Рев возмущения. Многие с угрожающим видом встают к нему навстречу... Выступает Хинчук — офицер с рыжеватой острой бородкой, с мягкой и убедительной речью: «Я говорю от имени фронтовых делегатов. Армия недостаточно представлена на этом съезде, и, кроме того, она не считает съезд Советов необходимым в настоящий момент, то есть всего за три недели до открытия Учредительного собрания...» Бурные, все нарастающие крики и топот. «Армия считает, что съезд Советов не имеет необходимой власти...» Солдаты, бывшие в зале, вскочили с мест.

«От чьего вы имени говорите? Кого вы представляете?» — кричали они.

«Центральный исполнительный комитет Пятой армии, второй Ф-ский, первый Н-ский, третий С-ский стрелковые полки...»

«Когда вас избрали? Вы представляете не солдат, а офицеров! А солдаты что говорят?» Протестующие крики.

«Мы, фронтовая группа, слагаем с себя всякую ответственность за то, что происходит сейчас и еще произойдет в будущем, и считаем необходимым мобилизовать все сознательные революционные силы для спасения революции! Фронтовая группа покидает съезд... Место для боя — на улицах».

Громкий выкрик: «От штаба вы говорите, а не от армии!»

«Призываю всех благоразумных солдат покинуть съезд!»

«Корниловец! Контрреволюционер! Провокатор!» — неслось из зала.

Затем Хинчук от имени меньшевиков заявляет: единственная возможность мирного выхода состоит в том, чтобы съезд начал переговоры с Временным правительством об образовании нового кабинета, который опирался бы на все слои общества. В течение нескольких минут страшный шум не давал ему говорить. Возвысив голос до крика, он огласил декларацию меньшевиков:

«Поскольку большевики организовали военный заговор, опираясь на Петроградский Совет и не посоветовавшись с другими фракциями и партиями, мы не считаем возможным оставаться на съезде и поэтому покидаем его, приглашая все прочие группы и партии следовать за нами и собраться для обсуждения создавшегося положения».

«Дезертиры!»

Гендельман, ежеминутно прерываемый общим шумом и криком, еле слышным голосом протестует от имени социалистов-революционеров против бомбардировки Зимнего дворца. «Мы не признаем подобной анархии...»

Не успел он замолчать, как на трибуну взбежал молодой солдат с худощавым лицом и горящими глазами. Он драматическим жестом поднял руку:

«Товарищ! — воскликнул он, и наступила тишина. — Моя фамилия Петерсон. Я говорю от имени второго латышского стрелкового полка. Вы выслушали заявление двух представителей армейских комитетов, и эти заявления имели бы какую-нибудь ценность, если бы их авторы являлись действительными представителями армии...» (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.) «Они не представляют солдат... — Оратор потрясает кулаком. — Двенадцатая армия давно настаивает на переизбрании Совета и Искосола, но наш комитет точно так же, как и ваш ЦИК, отказался созывать представителей масс до конца (середины) сентября, так что эти реакционеры смогли послать на настоящий съезд своих лже-делегатов. А я вам говорю, что латышские стрелки уже неоднократно заявляли: “Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки!” Пусть эти самозванные делегаты уходят! Армия не с ними!»

Зал разразился бурей рукоплесканий. В первые минуты заседания делегаты, ошеломленные стремительностью событий, оглушенные пушечной пальбой, заколебались. В течение целого часа с этой трибуны на них раз за разом падали удары молота, сбивая их в единую массу, но в то же время подавляя. Не останутся ли они в одиночестве? Не поднимется ли против них Россия? Верно ли, что на Петроград уже идут войска? Но заговорил этот светлоглазый молодой солдат, и все сразу поняли, что в его словах, сверкнувших, как молния, была правда... *Его голос был голосом солдат* — миллионов одетых в шинели рабочих и крестьян, охваченных тем же порывом, теми же мыслями и чувствами, как и сами они, делегаты...

На трибуне снова солдаты... Гжельщак заявляет от имени фронтовых делегатов, что вопрос об уходе со съезда был решен лишь весьма незначительным большинством голосов, причем *делегаты-большевики даже не принимали участия в голосовании*, считая, что решение надо принимать по фракциям, а не по группам. «Сотни делегатов с фронта, — сказал он, — избраны без участия солдат, потому что армейские комитеты уже давно перестали быть истинными представителями массы рядовых...» Лукьянов кричит, что офицеры вроде Харраша или Хинчука представляют на съезде не солдат, а высшее командование. «Жители окопов ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов». Настроение стало меняться...

Затем от имени Бунда (Еврейской социал-демократической партии) выступил Абрамович. Он дрожал от гнева, глаза его сверкали из-под толстых стекол очков:

«События, происходящие в настоящий момент в Петрограде, являются величайшим несчастьем! Группа Бунд присоединяется к декларации меньшевиков и социалистов-революционеров и покидает съезд! — Он возвысил голос и поднял руку. — Наш долг перед русским пролетариатом не позволяет нам остаться здесь и принять на себя ответственность за это преступление. Так как обстрел Зимнего дворца не прекращается, то городская дума вместе с меньшевиками, эсерами и исполнительным комитетом крестьянских Советов постановила погибнуть вместе с Временным правительством. Мы присоединяемся к ним! Безоружные, мы открываем свою грудь пулеметам террористов... Мы призываем всех делегатов съезда...» Остаток речи потонул в буре криков, угроз и проклятий, превратившихся в адский грохот, когда пятьдесят делегатов поднялись со своих мест и стали пробираться к выходу.

Каменев размахивал председательским звонком, крича: «Оставайтесь на местах! Приступим к порядку дня!» Троцкий встал со своего места. Лицо его было бледно и жестоко. В сильном голосе звучало холодное презрение. «Все так называемые социал-соглашатели, все эти перепуганные меньшевики, эсеры и бундовцы пусть уходят! Все они просто сор, который будет сметен в сорную корзину истории!..»

Рязанов сообщил от имени большевиков, что Военно-революционный комитет по просьбе городской думы отправил делегацию для переговоров с Зимним дворцом. «Таким образом, мы сделали все возможное, чтобы предупредить кровопролитие...»

Нам было пора уходить отсюда. На минутку мы задержались в комнате, где, принимая и отправляя запыхавшихся связных, рассылая во все уголки города комиссаров, облеченных чрезвычайными полномочиями, лихорадочно работал Военно-революционный комитет. Беспрерывно жужжали полевые телефоны. Когда дверь открылась, навстречу нам пахнул спертый, прокуренный воздух, и мы разглядели взъерошенных людей, склоненных над картой, залитой ярким светом электрической лампы с абажуром... Товарищ Иосифов-Духвинский, улыбающийся юноша с целой копной белокурых волос, выдал нам пропуска.

Мы вышли в холодную ночь. Перед Смольным — огромное скопление подъезжающих и уезжающих автомобилей. Сквозь их шум были слышны глухие раскаты отдаленной канонады. Огромный грузовик весь трясся, пыхтя мотором. Какие-то люди подавали в кузов связки печатных листов, а другие принимали и укладывали их, держа под рукой винтовки.

«Куда вы поедете?» — спросил я.

«По всему городу!» — ответил мне, улыбаясь, маленький рабочий. Он широко и восторженно взмахнул рукой.

Мы показали свои удостоверения. «Едемте с нами! — пригласили нас. — Но, возможно, в нас будут стрелять...» Мы вскарабкались на грузовик. С резким скрежетом сдвинулся рычаг сцепления, огромная машина рванулась вперед, и мы все попадали на людей, еще взбравшихся на наш грузовик. Промчавшись мимо костров у внутренних и внешних ворот, освещавших красным светом сгрудившихся у огня рабочих с винтовками, машина, подпрыгивая и мотаясь из стороны в сторону, вылетела на Суворовский проспект. Один из наших спутников сорвал обертку с одной связки и принялся пачками разбрасывать какие-то листки. Мы стали помогать ему. Так неслись мы по темным улицам, оставляя целый хвост разлетающихся белых бумажек. Запоздалые прохожие останавливались и подбирали их. На перекрестках патрули оставляли свои костры и, подняв руки, ловили листки. Иногда навстречу нам выскакивали вооруженные люди. Они вскидывали винтовки и кричали: «Стой!» Но наш шофер кидал несколько непонятных слов, и мы мчались дальше. Я взял одно из воззваний и при свете редких уличных фонарей кое-как разобрал:

«К гражданам России!»

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

*Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете
рабочих и солдатских депутатов».*

Мой сосед, человек с раскосыми глазами и монгольскими чертами лица в кавказской папахе из козьего меха, проговорил: «Смотрите! Провокаторы всегда стреляют из окон!...» Мы завернули на темную и почти пустую Знаменскую площадь, обогнули нелепый памятник работы Трубецкого и вылетели на широкий Невский, причем трое из нас стояли с ружьями наготове, приглядываясь к окнам. Улица была полна народа. Все эти люди, пригибаясь, двигались в разные стороны. Пушек мы больше не слышали, и чем ближе мы подвигались к Зимнему дворцу, тем тише и пустыннее становились улицы. Городская дума сверкала всеми окнами. Дальше виднелась густая масса народа и цепь моряков, которые яростно кричали, требуя, чтобы мы остановились. Машина замедлила ход, и мы соскочили на мостовую.

То было удивительное зрелище. Как раз на углу Екатерининского канала под уличным фонарем цепь вооруженных матросов перегорода-

живала Невский, преграждая дорогу колонне людей, построенных по четыре в ряд. Здесь было триста — четыреста человек: мужчины в хороших пальто, изящно одетые женщины, офицеры — самая разнообразная публика. Среди них мы узнали многих делегатов съезда, меньшевистских и эсеровских вождей. Здесь был и худощавый рыжебородый председатель исполнительного Комитета крестьянских Советов Авксентьев, и сподвижник Керенского Сорокин, и Хинчук, и Абрамович, а впереди всех — седобородый петроградский городской голова старый Шрейдер и министр продовольствия Временного правительства Прокопович, арестованный в это утро и уже выпущенный на свободу. Я увидел и репортера газеты «Russian Daily News» Малкина. «Идем умирать в Зимний дворец!» — восторженно кричал он. Процессия стояла неподвижно, но из ее передних рядов неслись громкие крики. Шрейдер и Прокопович спорили с огромным матросом, который, казалось, командовал цепью.

«Мы требуем, чтобы нас пропустили! — кричали они. — Вот эти товарищи пришли со съезда Советов! Смотрите, вот их мандаты! Мы идем в Зимний дворец!..»

Матрос был явно озадачен. Он хмуро чесал в затылке своей огромной рукой. «У меня приказ от комитета — никого не пускать во дворец, — бормотал он. — Но я сейчас пошлю товарища позвонить в Смольный...»

«Мы настаиваем, пропустите! У нас нет оружия! Пустите вы нас или нет, мы все равно пойдем!» — в сильном волнении кричал старик Шрейдер.

«У меня приказ...» — угрюмо твердил матрос.

«Стреляйте, если хотите! Мы пойдем! Вперед, — несло со всех сторон. — Если вы настолько бессердечны, чтобы стрелять в русских, в своих товарищей, то мы готовы умереть! Мы открываем грудь перед вашими пулеметами!»

«Нет, — заявил матрос, упрямо глядя на них. — Не могу вас пропустить».

«А что вы сделаете, если мы пойдем? Стрелять будете?»

«Нет, стрелять в безоружных я не стану. Мы не можем стрелять в безоружных русских людей...»

«Мы идем! Что вы можете сделать?»

«Что-нибудь да сделаем, — отвечал матрос, явно поставленный в тупик. — Не можем мы вас пропустить! Что-нибудь да сделаем...»

«Что вы сделаете? Что сделаете?»

Тут появился другой матрос, очень раздраженный. «Мы вас прикладами! — решительно крикнул он. — А если понадобится, будем и стрелять. Ступайте домой, оставьте нас в покое!»

Раздались крики гнева и негодования. Прокопович влез на какой-то ящик и, размахивая зонтиком, стал произносить речь.

«Товарищи и граждане! — сказал он. — Против нас применяют грубую силу! Мы не можем допустить, чтобы руки этих темных людей были

запятнаны нашей невинной кровью! Быть расстрелянными этими стрелочниками — ниже нашего достоинства. (Что он понимал под словом «стрелочники», я так и не понял.) Вернемся в думу и обсудим наилучшие пути спасения страны и революции!»

После этого толпа в строгом молчании повернулась и двинулась вверх по Невскому все еще по четыре в ряд. Мы воспользовались замешательством, проскользнули мимо цепи и направились к Зимнему дворцу.

Здесь была абсолютная тьма. Никакого движения, встречались только солдатские и красногвардейские патрули. Напротив Казанского собора посреди улицы стояла полевая трехдюймовка, немного сдвинутая отдачей после последнего выстрела, направленного поперек крыш домов. У всех дверей стояли солдаты. Они потихоньку переговаривались, поглядывая в сторону Полицейского моста. Я разобрал слова: «Может быть, мы допустили ошибку...» На всех углах проходящих останавливали патрули. Характерным был состав этих патрулей: солдатами повсюду командовали красногвардейцы... Стрельба прекратилась.

В тот момент, как мы выходили на Морскую, кто-то крикнул: «Юнкера послали сказать, что они ждут, чтобы мы пришли и выгнали их!» Послышались слова команды, и в глубоком мраке мы рассмотрели темную массу,двигающуюся вперед в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Мы присоединились к первым рядам.

Подобно черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков, прокатились мы под красной аркой. Человек, шедший передо мной, тихо сказал: «Ох, смотрите, товарищи, не верьте им! Они наверняка начнут стрелять...» Выйдя на площадь, мы побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. Так бежали мы, пока внезапно не наткнулись на пьедестал Александровской колонны.

«А много ваших убито?» — спросил я.

«Не знаю, верно, человек десять...»

Простояв здесь несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого приказа снова кинулся вперед. В это время при ярком свете, падавшем из всех окон Зимнего дворца, я заметил, что передовые двести — триста человек были все красногвардейцы. Солдат среди них попадалось очень мало. Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, спрыгнув вниз, разразились восторженными криками: под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь. Оттуда лился свет, но из огромного здания не доносилось ни звука.

Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходивший в огромную и пустую сводчатую ком-

нату — подвал восточного крыла, откуда расходился лабиринт коридоров и лестниц. Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Один взвалил на плечо бронзовые часы. Другой нашел страусовое перо и воткнул его в свою шапку. Но как только начался грабеж, кто-то закричал: «Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это народное достояние!» Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: «Стой! Клади все назад! Ничего не брать! Народное достояние!» Десятки рук протянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей отобрали бронзовые часы. Вещи поспешно, кое-как сваливались обратно в ящики, возле которых стали часовые. Все это делалось совершенно стихийно. По коридорам и лестницам все глуше и глуше были слышны замирающие в отдалении крики: «Революционная дисциплина! Народное достояние!»

Мы пошли к левому входу, то есть к западному крылу дворца. Здесь тоже уже был восстановлен порядок. «Очистить дворец! — кричали красногвардейцы из внутренних дверей. — Идемте, товарищи, пусть все знают, что мы не воры и не бандиты! Все вон из дворца, кроме комиссаров! Поставить часовых!..»

Двое красногвардейцев — солдат и офицер — стояли с револьверами в руках. Позади них за столом сидел другой солдат, вооруженный пером и бумагой. Отовсюду раздавались крики: «Всех вон! Всех вон!» — и вся армия начала выходить из дверей, толкаясь, жалуясь и споря. Самочинный комитет останавливал каждого выходящего, выворачивал карманы и ощупывал одежду. Все, что явно не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось, причем солдат, сидевший за столом, записывал отобранные вещи, а другие сносили их в соседнюю комнату. Здесь были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры, писанные масляными красками, пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, всевозможное платье, одеяла. Один красногвардеец притащил три винтовки и заявил, что две из них он отобрал у юнкеров. Другой принес четыре портфеля, набитых документами. Виновные либо мрачно молчали, либо оправдывались, как дети. Члены комитета в один голос объясняли, что воровство недостойно народных бойцов. Многие из обличенных сами помогали обыскивать остальных товарищей.

Стали появляться юнкера кучками по три, по четыре человека. Комитет набросился на них с особым усердием, сопровождая обыск восклицаниями: «Провокаторы! Корниловцы! Контрреволюционеры! Палачи народа!» Хотя никаких насилий произведено не было, юнкера каза-

лись очень испуганными. Их карманы тоже были полны награбленных вещей. Комитет тщательно записал все эти вещи и отправил их в соседнюю комнату... Юнкеров обезоружили. «Ну что, будете еще подымать оружие против народа?» — спрашивали громкие голоса.

«Нет!» — отвечали юнкера один за другим. После этого их отпустили на свободу.

Мы спросили, можно ли нам пройти во внутренние комнаты. Комитет колебался, но какой-то внушительного роста красногвардеец заявил, что это воспрещено. «И вообще кто вы такие? — сказал он. — Почему я знаю, что вы все не от Керенского?» (Нас было пятеро, в том числе две женщины.)

«Пожалуйста, товарищи! Дорогу, товарищи!» В дверях появились солдат и красногвардеец. Они раздвигали толпу, расчищая дорогу, а позади них шло еще несколько рабочих, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. За ними гуськом брели с полдюжины штатских: то были члены Временного правительства. Впереди шел Кишкин, бледный, с вытянутым лицом; дальше Рутенберг, мрачно глядевший себе под ноги; Терещенко, сердито посматривавший по сторонам. Его холодный взгляд задержался на нашей группе. Они проходили молча. Победители сдвигались поглядеть на них, но негодующих выкриков было очень мало. Позже мы узнали, что на улице народ хотел расправиться с арестованными самосудом и что даже были выстрелы, но солдаты благополучно доставили их в Петропавловскую крепость...

Между тем мы беспрепятственно прошли внутрь дворца. Множество людей приходило и уходило, обыскивая все новые комнаты огромного здания, ища спрятавшихся юнкеров, которых на самом деле вовсе не было. Мы поднялись вверх по лестнице и стали обходить комнату за комнатой. Эта часть дворца была занята другим отрядом, наступавшим со стороны Невы. Картины, статуи, занавеси и ковры огромных парадных апартаментов остались не тронуты. В деловых помещениях, наоборот, все письменные столы и бюро были перерыты, по полу валялись разбросанные бумаги. Жилые комнаты тоже были обысканы, с кроватей были сорваны покрывала, гардеробы открыты настежь. Самой ценной добычей считалось платье, в котором так нуждался рабочий народ. В одной комнате, где помещалось много мебели, мы застали двух солдат, срывавших с кресел тисненую испанскую кожу. Они сказали нам, что хотят сшить из нее сапоги...

Старые дворцовые служители в своих синих ливреях с красной и золотой отделкой стояли тут же, нервно повторяя по старой привычке: «Сюда, барин, нельзя... воспрещается...» Наконец мы попали в малахитовую комнату с золотой отделкой и красными парчовыми портьерами, где весь последний день и ночь беспрерывно шло заседание совета министров и куда дорогу красногвардейцам показали швейцары. Длинный

стол, покрытый зеленым сукном, оставался в том же положении, что и перед самым арестом правительства. Перед каждым пустым стулом на этом столе находились чернильница, бумага и перо. Листы бумаги были исписаны какими-то планами, черновыми набросками воззваний и манифестов. Почти все это было зачеркнуто, как будто сами авторы постепенно убеждались в безнадежности своих планов... Вся остальная бумага была исчерчена какими-то геометрическими фигурами. Казалось, заседавшие машинально чертили их, безнадежно слушая, как выступавшие предлагали все новые и новые химерические проекты. Я взял на память один из этих листков. Он был исписан рукой Коновалова. «Временное правительство, — прочел я, — обращается ко всем классам населения с предложением поддержать Временное правительство...»

Надо заметить, что хотя Зимний дворец и был окружен, однако Временное правительство ни на минуту не теряло сообщения с фронтом и провинциальными центрами. Большевики захватили военное министерство еще утром, но они не знали, что на чердачном этаже находится телеграф, не знали и того, что здание министерства связано секретным проводом с Зимним дворцом. А между тем на чердаке весь день сидел молодой офицер и рассылал по всей стране целый поток призывов и прокламаций. Узнав же, что Зимний дворец пал, он надел фуражку и спокойно покинул здание...

Мы так увлеклись, что совершенно не обращали внимания на солдат и красногвардейцев, а между тем их поведение как-то странно изменилось. Небольшая группа уже давно ходила за нами из комнаты в комнату. Наконец, когда мы пришли в огромную картинную галерею, в которой мы еще днем разговаривали с юнкерами, вокруг нас столпилось около сотни человек. Перед нами стоял огромный солдат. Лицо его было мрачно и выражало недоверие.

«Кто вы такие? — крикнул он. — Что вы здесь делаете?» Вокруг нас собиралось все больше людей. Нас пристально разглядывали. Начался ропот. До меня донеслось: «Провокаторы!», «Громилы!» Я показал наши удостоверения, выданные Военно-революционным комитетом. Солдат схватил их, перевернул вверх ногами и уставился на них непонимающим взглядом. Он явно не умел читать. Подержавши документы, он вернул их мне и сплюнул на пол. «*Бумаги!*» — презрительно проговорил он. Толпа стала все теснее сжиматься вокруг нас, как дикие лошади смыкаются вокруг пешего ковбоя. Я заметил вдали офицера, глядевшего очень беспомощно, и окликнул его. Он стал проталкиваться к нам.

«Я комиссар, — сказал он мне. — Кто вы такие, в чем дело?»

Толпа отодвинулась и стала выжидать. Я снова показал бумаги.

«Вы иностранцы? — быстро спросил офицер по-французски. — Плохо дело... — Он повернулся к толпе и замахал в воздухе нашими до-

кументами. — Товарищи, — закричал он, — эти люди — наши иностранные товарищи, американцы! Они явились сюда, чтобы после рассказать своим землякам о храбрости и революционной дисциплине пролетарской армии!..»

«А вы почему знаете? — ответил высокий солдат. — Говорю вам, это провокаторы. Плетут, что пришли сюда смотреть на революционную дисциплину пролетарской армии, а сами расхаживают по всему дворцу. Почему мы знаем, что они тут не награбили полные карманы?»

«Правильно!» — закричала толпа, надвигаясь на нас.

На лбу офицера выступил пот. «Товарищи, товарищи! — воскликнул он. — Я комиссар Военно-революционного комитета. Вы что, не верите мне? Так вот я вам говорю, что эти мандаты подписаны теми же именами, что и мой собственный!»

Он провел нас по дворцу и открыл перед нами дверь, выходившую на набережную Невы. Перед этой дверью находился все тот же комитет, обыскивавший карманы.

«Ну, счастливо мы отделались», — прошептал он, вытирая лицо.

«А что с женским батальоном?» — спросили мы.

«Ах, эти женщины!.. — Он улыбнулся. — Они все забились в задние комнаты. Нелегко нам пришлось, пока мы решили, что с ними делать: сплошная истерика и так далее... В конце концов мы отправили их на Финляндский вокзал и посадили в поезд на Левашево: там у них лагерь...»

И мы снова вышли в холодную беспокойную ночь, полную приглушенного гула неведомых движущихся армий, наэлектризованную патрулями. Из-за реки, где смутно чернел огромный массив Петропавловской крепости, доносились хриплые возгласы... Тротуар под нашими ногами был засыпан штукатуркой, обвалившейся с дворцового карниза, куда ударило два снаряда с «Авроры». Других повреждений бомбардировка не причинила.

Был четвертый час утра. На Невском снова горели все фонари, пушки уже убрали, и единственным признаком военных действий были красногвардейцы и солдаты, толпившиеся вокруг костров. Город был спокоен, быть может, спокойнее, чем когда бы то ни было. В эту ночь не было совершено ни одного грабежа, ни одного налета.

Здание городской думы было освещено сверху донизу. Мы вошли в Александровский зал, окруженный галереями и увешанный натянутыми красной материей царскими портретами в тяжелых золотых рамах. Вокруг трибуны столпилось около ста человек. Говорил Скобелев. Он настаивал на том, чтобы Комитет общественной безопасности был расширен с целью объединить все антибольшевистские элементы в одну организацию — Комитет спасения родины и революции. Пока мы на-

ходились в зале, комитет был сформирован. Это был тот самый комитет, который впоследствии стал самым могущественным врагом большевиков, выступая на протяжении последующей недели то под собственным именем, то в качестве строго непартийного Комитета общественной безопасности.

Здесь были Дан, Год, Авксентьев, несколько отколовшихся делегатов съезда, члены исполкома крестьянских Советов, старик Прокопович и даже члены Совета республики, в том числе Винавер и другие кадеты. Либер кричал, что съезд Советов незаконен, что старый ЦИК еще сохраняет свои полномочия... Тут же набрасывалось воззвание к стране.

Мы вышли и подозвали извозчика. «Куда ехать?» Когда мы сказали «в Смольный», извозчик отрицательно затряс головой. «Нет! — заявил он. — Там эти черти...» Только после долгих и утомительных поисков удалось нам найти извозчика, который согласился довезти нас. Но он потребовал тридцать рублей и остановился за два квартала до Смольного.

Окна Смольного все еще сверкали огнями. Подъезжали и отъезжали автомобили. Вокруг костров, продолжавших гореть ярким пламенем, толпилась охрана, жадно выпрашивая у всех последние новости. Коридоры были переполнены куда-то спешащими людьми, с глубоко запавшими глазами. В некоторых комитетских комнатах люди спали на полу. Около каждого лежала его винтовка. Несмотря на уход отколовшихся делегатов, зал заседания был набит народом и шумел, как море. Когда мы вошли, Каменев оглашал список арестованных министров. Имя Терещенко было покрыто громовыми аплодисментами, радостными криками и смехом. Рутенберг произвел меньшее впечатление, но при имени Нальчикского разразилась буря криков и рукоплесканий... Было объявлено, что комиссаром Зимнего дворца назначен Чудновский.

Тут случился истинно драматический эпизод. На трибуну взбежал высокий крестьянин. Его бородатое лицо было искажено гневом. Он ударил кулаком по столу президиума.

«Мы, социалисты-революционеры, настаиваем на немедленном освобождении министров-социалистов, арестованных в Зимнем дворце! Товарищи! Известно ли вам, что четверо наших товарищей, жертвовавших жизнью и свободой в борьбе с царской тиранией, брошены в Петропавловскую крепость, историческую могилу русской свободы?!»

Поднялся общий шум. Крестьянин продолжал кричать и стучать кулаками. На трибуну взобрался другой делегат, встал рядом с ним и, указывая рукой в сторону президиума, закричал:

«Могут ли представители революционных масс спокойно заседать здесь в тот момент, когда большевистская охранка пытается их вождей?»

Троцкий жестом потребовал тишины. «Мы поймали этих “товарищей” в тот момент, когда они вместе с авантюристом Керенским составляли заговор с целью разгрома Советов. С какой стати нам церемониться с ними? Разве они церемонились с нами после третьего — пятого июля? — в его голосе появились торжествующие ноты. — Теперь, когда оборонцы и малодушные ушли и задача защиты и спасения революции целиком возложена на наши плечи, особенно необходимо работать, работать и работать! Мы решили скорее умереть, чем сдаться!..»

На трибуну взошел задыхающийся, покрытый дорожной грязью комиссар из Царского Села. «Царскосельский гарнизон стоит на подступах к Петрограду, в полной готовности защищать съезд Советов и Военно-революционный комитет!» Грохот рукоплесканий. «Корпус самокатчиков, присланный с фронта, прибыл в Царское и перешел на нашу сторону. Он признает власть Советов, признает необходимость немедленной передачи земли крестьянам и контроля над производством — рабочим. Пятый батальон самокатчиков, расположенный в Царском, наш...»

Выступил делегат от третьего батальона самокатчиков. Под громкие крики восторга он рассказал, как корпус самокатчиков всего три дня назад получил приказ двинуться с Юго-Западного фронта на «защиту Петрограда». Однако солдаты заподозрили, что смысл приказа несколько иной. На станции Передольск они были встречены представителями пятого батальона из Царского. Собрался общий митинг, и оказалось, что «среди самокатчиков нет никого, кто согласился бы проливать братскую кровь или поддерживать правительство помещиков и капиталистов».

Капелинский предложил от имени меньшевиков-интернационалистов создать особую комиссию для изыскания мирного выхода и предупреждения гражданской войны. «Нет никакого мирного выхода! — гремел весь зал. — Единственный выход — победа!» Предложение было отвергнуто подавляющим большинством, и меньшевики-интернационалисты под градом насмешек и оскорблений покинули съезд. Среди делегатов не было и тени страха. Каменев кричал с трибуны вслед уходящим: «Меньшевики-интернационалисты внесли свое предложение о мирном выходе в порядке внеочередного заявления. Но ведь они всегда голосовали за нарушение порядка дня ради деклараций тех фракций, которые хотели уйти со съезда! Совершенно ясно, что уход всех этих ренегатов был предreshен заранее!..» Собрание решило не считаться с уходом ряда фракций и заслушало воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам всей России:

«Рабочим, солдатам и крестьянам!

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде

присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов... Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд призывает солдат к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы — Керенский, Каледин и др. — делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманым путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

*Всероссийский съезд Советов рабочих
и солдатских депутатов
Делегаты от крестьянских Советов».*

Было ровно 5 часов 17 минут утра, когда Крыленко, шатаясь от усталости, поднялся на трибуну и показал собранию какую-то телеграмму.

«Товарищи, с Северного фронта! Двенадцатая армия приветствует съезд Советов и сообщает о создании Военно-революционного комитета, который взял на себя командование Северным фронтом!..» Началось нечто совершенно неопишное. Люди плакали и обнимали друг друга. «Генерал Черемисов признал комитет. Комиссар Временного правительства Войтинский подал в отставку!»

Свершилось...

Ленин и петроградские рабочие решили — быть восстанию, Петроградский Совет низверг Временное правительство и поставил съезд Советов перед фактом государственного переворота. Теперь нужно было завоевать на свою сторону всю огромную Россию, а потом и весь мир. Откликнется ли Россия, восстанет ли она? А мир, что скажет мир? Откликнутся ли народы на призыв России, подымется ли мировой красный прилив?

Было шесть часов. Стояла тяжелая холодная ночь. Только слабый и бледный, словно неземной, свет робко крался по молчаливым улицам, заставляя тускнеть сторожевые огни. Тень грозного рассвета вставала над Россией.

Глава X. Москва

Военно-революционный комитет с неослабевающей энергией развивал свое победоносное наступление.

«Ноября 1-го:

Всем армейским, корпусным, дивизионным, полковым комитетам, всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всем, всем, всем.

На основании соглашения казаков, юнкеров, солдат, матросов и рабочих решено было Александра Федоровича Керенского предать гласному народному суду. Просим задержать Керенского и требовать от него от имени вышепоименованных организаций немедленно явиться в Петроград для передачи себя суду.

Подписи: казаки 1-й Донской казачьей Уссурийской конной дивизии, комитет юнкеров партизанского отряда Петроградского округа, представитель V армии.

Народный комиссар *Дыбенко*».

Комитет спасения, дума, Центральный комитет партии социалистов-революционеров, с гордостью считавший Керенского своим членом, — все горячо возражали против этого воззвания, утверждая, что Керенский несет ответственность только перед Учредительным собранием.

Вечером 16 (3) ноября я наблюдал, как по Загородному проспекту двигались две тысячи красногвардейцев с военным оркестром, игравшим «Марсельезу» (как верно попадала она в тон этому войску!), и кро-

ваво-красными флагами, реявшими над густыми рядами рабочих, которые встречали своих братьев, защитников красного Петрограда. В холодных сумерках шагали они, мужчины и женщины, и над ними качались длинные штыки их винтовок; они шли по еле освещенным и скользким от грязи улицам, и толпы буржуа молча глядели на них, презрительно, но боязливо.

Все были против них: дельцы, спекулянты, рантье, помещики, армейские офицеры, политические деятели, учителя, студенты, люди свободных профессий, лавочники, чиновники, служащие. Все остальные социалистические партии ненавидели большевиков самой черной ненавистью. На стороне Советов были простые рабочие, матросы, сохранившие верность революции солдаты, безземельные крестьяне да горсточка, крохотная горсточка интеллигенции.

Из отдаленнейших уголков необъятной России, по которой прокатилась волна ожесточенных уличных боев, весть о разгроме Керенского отозвалась громовым эхом пролетарской победы; Казань, Саратов, Новгород, Винница, где улицы были залиты кровью, Москва, где большевики направили артиллерию на последнюю цитадель буржуазии — на Кремль. «Они обстреливают Кремль!» Эта новость передавалась на петроградских улицах из уст в уста, вызывая ужас. Те, кто приезжал из «матушки Москвы белокаменной», рассказывали страшные вещи. Тысячи людей убиты. Тверская и Кузнецкий в пламени, храм Василия Блаженного превращен в дымящиеся развалины, Успенский собор в руинах, Спасские ворота Кремля вот-вот обрушатся, дума сожжена дотла.

Ничто из того, что уже было совершено большевиками, не могло сравниться с этим ужасным святотатством, совершенным в самом сердце святой Руси. Набожным людям слышался гром пушек, палящих прямо в лицо святой православной церкви и разбивающих вдребезги святая святых русской нации.

15 (2) ноября комиссар народного просвещения Луначарский разрыдался на заседании Совета Народных Комиссаров и выбежал из комнаты с криком:

«Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого чудовищного уничтожения красоты и традиции...»

Вечером в газетах появилось его заявление об отставке:

«Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве.

Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется.

Жертв тысячи.

Борьба ожесточается до звериной злобы.

Что еще будет? Куда идти дальше?

Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилен.

Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя.

Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров.

Я сознаю всю тяжесть этого решения, но я не могу больше...»

В тот же день белогвардейцы и юнкера сдали Кремль. Их беспрепятственно отпустили на свободу. В мирном договоре значилось:

«1. Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружия. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о чем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписания мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются...»

Вот уже два дня, как большевики стали хозяевами положения в Москве. Перепуганные обитатели вылезли из подвалов и отправились на розыски своих родных и близких, которые могли погибнуть во время уличных боев. С улиц убрали баррикады. Однако рассказы о разрушении Москвы распространялись все шире и шире... Именно эти ужасные слухи и побудили нас отправиться в Москву.

В сущности, Петроград, хоть он вот уже двести лет является резиденцией русского правительства, все же так и остался искусственным городом. Москва — настоящая Россия, Россия, какой она была в прошлом и какой станет в будущем; в Москве мы сможем почувствовать истинное отношение русского народа к революции. Там жизнь была более напряженной.

За минувшую неделю Петроградский Военно-революционный комитет при поддержке рядовых железнодорожных рабочих захватил Николаевский вокзал и гнал один за другим эшелоны матросов и красновардейцев на юго-восток. В Смольном нам выдали пропуска, без которых никто не мог уехать из столицы... Как только подали состав, толпа оборванных солдат, нагруженных огромными мешками с продуктами, кинулась в вагоны, вышибая двери и разбивая оконные стекла, и забила все купе и проходы, а многие залезли даже на крыши вагонов. С гре-

хом пополам трое из нас пробились в свое купе, но к нам сейчас же втиснулось около двадцати солдат... Здесь было всего четыре места; мы спорили и требовали, кондуктор поддерживал нас. Но солдаты только смеялись. С какой стати им заботиться об удобствах кучки буржуев! Мы показали мандаты из Смольного. Солдаты немедленно переменили свое отношение к нам.

«Идем отсюда, товарищи! — закричал один из них. — Это американские товарищи! Они приехали посмотреть нашу революцию за тридцать тысяч верст... И наверное, здорово устали!..»

Вежливо и очень дружелюбно извинившись, солдаты ушли из нашего купе. Скоро мы услышали, как они выламывали дверь в соседнем купе, где заперлось двое толстых и хорошо одетых русских, давших взятку кондуктору.

Около семи часов вечера мы двинулись. Маленький и слабый паровоз, топившийся дровами, еле-еле тянул за собой длинный, перегруженный состав и часто останавливался. Солдаты, ехавшие на крыше, стучали каблуками и пели заунывные крестьянские песни. В коридоре, забитом так, что пройти было совершенно невозможно, всю ночь шли ожесточенные политические споры. Время от времени появлялся кондуктор и, по привычке, спрашивал билеты. Но, кроме нас, билетов почти ни у кого не было, и, поругавшись с полчаса, кондуктор в отчаянии воздевал руки к потолку и уходил. Воздух был спертый, прокуренный и зловонный. Если бы не разбитые окна, мы, наверное, задохнулись бы в ту ночь.

Утром, опоздав на много часов, мы увидели мир, весь засыпанный снегом. Стоял жестокий холод. Около 12 часов дня появилась какая-то крестьянка с корзинкой, полной ломтей хлеба, и большим чайником тепловатого суррогата кофе. С того самого часа и до самой ночи мы уже ничего не видели, кроме нашего тряского, переполненного народом и поминутно останавливающегося поезда да редких станций, на которых прожорливая толпа моментально врывается в буфеты и опустошала их скудные запасы. На одной из таких станций я увидел Ногина и Рыкова, отколовшихся комиссаров, которые возвращались в Москву для того, чтобы изложить свои жалобы перед собственным Советом. Тут же был и Бухарин, невысокий рыжебородый человек с глазами фанатика, о котором говорили, что он «более левый, чем сам Ленин».

Третий звонок, и мы кидаемся к поезду, прокладывая себе путь через проход, забитый шумной толпой. То была необычайно добродушная толпа, переносившая все неудобства с каким-то добродушным спокойствием; она без конца спорила обо всем на свете, от положения в Петрограде до организации английских тред-юнионов, и вступала в громкие пререкания с немногими «буржуями», какие были в поезде. Пока мы доехали до Москвы, почти в каждом вагоне организовался комитет по

добыванию и распределению продовольствия, и эти комитеты также распались на политические фракции, не замедлившие начать спор об основных принципах...

В Москве вокзал был совершенно пуст. Мы зашли к комиссару, чтобы достать билеты на обратный проезд. Это был мрачный юноша с погонами поручика на мундире. Когда мы показали свои мандаты из Смольного, он вышел из себя и заявил, что он не большевик, а представитель Комитета общественной безопасности. Характерная черточка: в общей сумятице, поднявшейся при завоевании города, победители позабыли о главном вокзале...

Кругом ни одного извозчика. Впрочем, пройдя несколько кварталов, мы нашли то, что искали. До смешного закутанный извозчик дремал на козлах своих узеньких санок. «Сколько до центра города?»

Извозчик почесал в затылке.

«Вряд ли, барин, вы найдете комнату в гостинице, — сказал он. — Но за сотню, так и быть, свезу...» До революции это стоило всего два рубля! Мы стали торговаться, но он только пожимал плечами. «В такое время не всякий и поедет-то, — говорил он. — Тоже храбрость нужна». Больше пятидесяти рублей нам выторговать не удалось. Пока мы ехали по молчаливым, заснеженным, еле освещенным улицам, извозчик рассказывал нам о своих злоключениях за время шестидневных боев. «Едешь себе или стоишь у угла, — говорил он, — и вдруг — бац! — ядро. Бац! — другое. Та-та-та — пулемет... Я скорей в сторону, нахлестываю, а кругом эти черти орут. Только найдешь спокойную улочку, станешь на месте да задремлешь — бац! — опять ядро. Та-та-та... Вот черти, право, черти!..»

В центре города занесенные снегом улицы затихли в безмолвии, точно отдыхая после болезни. Редкие фонари, редкие торопливые пешеходы. Ледяной ветер пробирает до костей. Мы бросились в первую попавшуюся гостиницу, где горели две свечи.

«Да, конечно, у нас есть очень удобные комнаты, но только все стекла выбиты. Если господа не возражают против свежего воздуха...»

На Тверской окна магазинов были разбиты, бульжная мостовая вся разворочена, часто попадались воронки от снарядов. Мы переходили из гостиницы в гостиницу, но одни были переполнены, а в других перепуганные хозяева упорно твердили одно и то же: «Комнат нет! Нет комнат...» На главных улицах, где сосредоточены банки и крупные торговые дома, были видны зияющие следы, оставленные большевистской артиллерией. Как сказал мне один из советских работников, «когда нам не удавалось в точности установить, где юнкера и белогвардейцы, мы прямо палили по их чековым книжкам».

Наконец нас приютили в огромном отеле «Националь» (как-никак мы были иностранцами, а Военно-революционный комитет обещал ох-

ранять жилища иностранных подданных). Хозяин гостиницы показал нам в верхнем этаже окна, выбитые шрапнелью. «Скоты! — кричал он, потрясая кулаками по адресу воображаемых большевиков. — Ну, погодите! Придет день расплаты! Через несколько дней ваше смехотворное правительство пойдет к черту! Вот когда мы вам покажем!..»

Мы пообедали в вегетарианской столовой с соблазнительным названием: «Я никого не ем». На стенах были развешаны портреты Толстого. После обеда мы вышли пройтись по улицам.

Московский Совет помещался в импозантном белом здании на Скобелевской площади — в бывшем дворце генерал-губернатора. Вход охранялся красногвардейцами. Поднявшись по широкой парадной лестнице, стены которой были заклеены объявлениями о комитетских собраниях и воззваниях политических партий, мы прошли через несколько величественных приемных залов, увешанных картинами в золотых рамах, и вошли в роскошный парадный зал с великолепными хрустальными люстрами и позолоченными карнизами. Тихий говор многих голосов и стрекот нескольких швейных машин заполняли помещение. На полу и на столах были разостланы длинные полосы красной и черной материи, и около полсотни женщин кроили и сшивали ленты и знамена для похорон жертв революции. Лица этих женщин были покрыты морщинами и огрубели от нужды и лишений. Они работали, печальные и суровые, у многих были слезы на глазах... Красная Армия понесла тяжелые потери.

В углу за письменным столом сидел бородатый Рогов, одетый в черную рабочую блузу. У него было умное лицо, на носу — очки. Он пригласил нас принять участие вместе с членами исполнительного комитета в похоронной процессии, назначенной на следующее утро.

«Меньшевиков и эсеров ничему не выучишь! — воскликнул Рогов. — Они соглашательствуют просто по привычке... Представьте себе, они предложили нам организовать похороны совместно с юнкерами!..»

Через зал шел человек в потрепанной солдатской шинели и в шапке. Лицо его показалось мне знакомым: я узнал Мельничанского, с которым мне приходилось встречаться в Байоне (штат Нью-Джерси) во время знаменитой забастовки на предприятиях компании «Стандард ойл». В те времена он был часовщиком и звался Джорджем Мельчером. Теперь из его слов я узнал, что он является секретарем Московского профессионального союза металлистов, а во время уличных боев был комиссаром Военно-революционного комитета.

«Вот полюбуйтесь! — кричал он, показывая на свои жалкие лохмотья. — Когда юнкера в первый раз явились в Кремль, я как раз был там с нашими хлопцами. Меня бросили в подвал, отняли у меня пальто, деньги, часы, даже кольцо с пальца сняли. Вот в чем теперь приходится ходить!..»

Он рассказал мне много подробностей о кровавом шестидневном сражении, которое разделило Москву на два лагеря. Московская дума, не в пример Петроградской, непосредственно руководила юнкерами и белогвардейцами. Городской голова Руднев и председатель думы Минов направляли действия Комитета общественной безопасности и войск. Комендант города Рябцев был настроен демократически и отнюдь не был уверен в том, что ему следует начинать борьбу с Военно-революционным комитетом. Вступить в эту борьбу заставила его именно дума. Захват Кремля был произведен по настоянию городского головы. «Если вы займете Кремль, большевики не посмеют обстрелять вас», — говорил он.

Обе борющиеся стороны старались привлечь на свою сторону совершенно деморализованный долгим бездействием один из полков гарнизона. Этот полк устроил собрание и на нем обсудил положение. В конце концов солдаты решили оставаться нейтральными и продолжать свою прежнюю деятельность, то есть торговать камушками для зажигалок и подсолнухами.

«Но хуже всего, — рассказывал Мельничанский, — было то, что нам приходилось организовывать свои силы уже во время боя. Враги прекрасно знали, чего хотели, а у нас солдаты создали свой Совет, а рабочее — свой... Страшная ссора произошла из-за того, что никак не могли решить, кому быть командующим. Некоторые полки, прежде чем определить свою позицию, митинговали по нескольку дней. А когда офицеры вдруг ушли от нас, мы оказались без штаба...»

Он набросал предо мной много живых картинок. Однажды в серый холодный день он стоял на углу Никитской, который обстреливался пулеметным огнем. Тут же скопилась кучка уличных сорванцов, обычно торговавших газетами. Они придумали себе новую игру: дождавшись момента, когда обстрел несколько стихал, они принимались бегать взад и вперед через улицу. Вся компания была очень увлечена новой игрой. Многие были убиты, но остальные продолжали перебегать с тротуара на тротуар, подзадоривая друг друга.

Поздно вечером я отправился в Дворянское собрание, где московские большевики собрались для обсуждения доклада Ногина, Рыкова и других, вышедших из Совета Народных Комиссаров.

Собрание происходило в театральном зале, где при старом режиме актеры-любители разыгрывали французские комедии перед публикой, состоявшей из офицеров и блестящих дам.

Сначала в зале сидели одни лишь интеллигенты: они жили ближе к центру города. Выступал Ногин, и большая часть присутствующих была на его стороне. Рабочие стали появляться гораздо позже: они жили на окраинах, а трамвай в те дни не ходили. Но около полуночи они уже поднимались по лестницам группами по десять — двенадцать человек.

То были крупные, крепкие люди в грубой одежде, только что покинувшие места боев. Целую неделю отчаянно сражались они, видя, как умирают, сраженные пулями, их товарищи.

Как только собрание было открыто, Ногина стали осыпая насмешками и бранью. Напрасно пытался он оправдываться, его не хотели слушать. Он оставил Совет Народных Комиссаров, он дезертировал со своего поста в самом разгаре боя!.. Что до буржуазной печати, то здесь, в Москве, ее уже не было. Даже городская дума была распущена. На трибуну поднялся взбешенный, неумолимо логичный Бухарин и разнес Ногина в пух и прах. Собравшиеся слушали его с горящими глазами. Резолюция о поддержке действий Совета Народных Комиссаров собрала подавляющее большинство голосов. Так сказала свое слово Москва...

Поздней ночью мы прошли по опустевшим улицам и через Иверские ворота вышли на огромную Красную площадь, к Кремлю. В темноте смутно вырисовывались фантастические очертания ярко расписанных, витых и резных куполов Василия Блаженного, но никаких признаков повреждений видно не было. На одной стороне площади вздымались ввысь темные башни и стены Кремля. На высокой стене вспыхивали красные отблески невидимых огней. Через всю огромную площадь до нас долетали чьи-то голоса, стук кирок и лопат. Мы перешли площадь.

У подножия стены были навалены горы земли и булыжника. Взорвавшись повыше, мы заглянули вниз и увидели два огромных рва в десять — пятнадцать футов глубины и пятьдесят ярдов длины, где при свете больших костров копали землю сотни рабочих и солдат.

Молодой студент заговорил с нами по-немецки. «Это братская могила, — сказал он, — завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию».

Он свел нас в ров. Кирки и лопаты работали с лихорадочной быстротой, и гора земли все росла и росла. Все молчали. Над головой небо было густо усеяно звездами, а древняя стена царского Кремля уходила куда-то ввысь.

«Здесь, в этом священном месте, — сказал студент, — самом священном во всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь — народ...» Рука у него была на перевязи, ее пробил пуля во время уличных боев. Студент глядел на нее. «Вы, иностранцы, — продолжал он, — смотрите на нас, русских, сверху вниз, потому что мы так долго терпели средневековую монархию. Но мы видели, что царь был не единственным тираном в мире; капитализм еще хуже, а ведь он повелевает всем миром, как настоящий император... Нет революционной тактики лучше русской...»

Когда мы уходили, рабочие, уже сильно уставшие и мокрые от пота, несмотря на мороз, стали медленно выбираться из рвов. Через Красную

площадь уже торопилось им на смену множество людей. Они соскочили во рвы, схватили лопаты и молча принялись копать, копать, копать...

Всю эту долгую ночь добровольцы от народа сменяли друг друга, ни на минуту не прекращая своей работы, и вот холодный утренний свет уже озарил огромную, засыпанную снегом площадь и два зияющих темных рва, которые скоро станут братской могилой.

Мы поднялись еще до восхода солнца и поспешили по темным улицам к Скобелевской площади. Во всем огромном городе не было видно ни души. Но со всех сторон доносился глухой шум, словно начинался ветер. В бледных сумерках начинающегося утра перед зданием Совета собралась небольшая группа мужчин и женщин. Они держали красные знамена с золотыми надписями — знамена исполнительного комитета Московского Совета. Светало... Приглушенный шум крепчал, становился все громче, переходя в рокот. Город поднимался на ноги. Мы двинулись вниз по Тверской, неся над собой реюющие знамена. Часовенки, мимо которых нам пришлось идти, были заперты. В них было темно. Заперта была и часовня Иверской Божией Матери, которую посещал перед коронацией в Кремле каждый новый царь. Обычно она была открыта и наполнена толпой круглые сутки, а на золоте, серебре и драгоценных камнях икон сияли отблески свечей, зажженных набожной рукой. Теперь же, как уверяли, впервые со времени наполеоновского нашествия, свечи погасли.

Святая православная церковь лишила своего благословения Москву — это гнездо ядовитых ехидн, осмеливавшихся обстреливать Кремль. Церкви были погружены во мрак, безмолвие и холод, священники исчезли. Для красных похорон нет попов, не будет панихид по усопшим, над могилой святотатцев никто не вознесет молитв. А вскоре московский митрополит Тихон наложит на Советы отлучение.

Магазины были тоже закрыты, и представители имущих классов сидели дома по другим причинам. Этот день был днем народа, и молва о его пришествии гремела, как морской прибой.

Через Иверские ворота уже потекла людская река, и народ запрудил всю Красную площадь. Я заметил, что, проходя мимо Иверской, никто не крестился, как это делали раньше...

Мы протолкались сквозь густую толпу, сгрудившуюся у Кремлевской стены, и поднялись на огромную кучу земли. Здесь уже стояли несколько человек, в том числе солдат Муралов, избранный на пост коменданта Москвы, высокий, бородатый, с добродушным взглядом и благородным лицом.

Со всех улиц на Красную площадь стекались огромные толпы народа. Здесь были тысячи и тысячи людей, истощенных трудом и бедностью. Пришел военный оркестр, игравший «Интернационал», и вся толпа стихийно подхватила гимн, медленно и торжественно разлившийся

по площади, как морская волна. С зубцов Кремлевской стены свисали до самой земли огромные красные знамена с белыми и золотыми надписями: «Мученикам авангарда мировой социалистической революции» и «Да здравствует братство рабочих всего мира!»

Резкий ветер дул над площадью, развевая знамена. Теперь начали прибывать рабочие фабрик и заводов, которые находились в отдаленнейших районах города; они несли тела убитых. Было видно, как они идут через ворота под трепещущими знаменами, неся красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетесаных досок, покрашенных красной краской; их держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами. За гробами шли женщины, громко рыдая или молча, окаменевшие, мертвенно-бледные; некоторые гробы были открыты, и за ними отдельно несли крышки; иные были покрыты золотой или серебряной парчой, или к крышке была прикреплена солдатская фуражка. Было много венков из искусственных цветов...

Процессия медленно приближалась к нам по открывавшемуся перед нею и снова смыкавшемуся неровному проходу. Теперь через ворота лился бесконечный поток красных знамен с золотыми и серебряными надписями, с черным крепом на древках. Было здесь и несколько анархистских знамен, черных с белыми надписями. Оркестр играл революционный похоронный марш, и огромная толпа людей, стоявших с непокрытыми головами, вторила ему. Пение часто прерывалось рыданиями...

Между рабочими шли отряды солдат также с гробами, их сопровождал воинский эскорт — кавалерийские эскадроны и артиллерийские батареи, пушки которых были увиты красной и черной материей, увиты, казалось, навсегда. На знаменах воинских частей сверкали надписи: «Да здравствует III Интернационал!» или «Требуем всеобщего, справедливого, демократического мира!» Похоронная процессия медленно подошла к могилам, и те, кто нес гробы, спустили их в рвы. Многие из них были женщины — крепкие, коренастые пролетарки. А за гробами шли другие женщины — молодые, убитые горем, или морщинистые старухи, кричавшие нечеловеческим криком. Многие из них пытались броситься в могилу вслед за своими сыновьями и мужьями и страшно вскрикивали, когда жалостливые руки удерживали их. Так любят друг друга бедняки...

Весь день до самого вечера шла траурная процессия. Она входила на площадь через Иверские ворота и уходила с нее по Никольской улице, — непрерывный поток красных знамен, на которых были написаны слова надежды и братства, удивительные пророчества. Эти знамена развевались на фоне пятидесятитысячной толпы, а смотрели на них все трудящиеся мира и их потомки, отныне и навеки...

Один за другим опущены в могилу пятьсот гробов. Уже сгущались сумерки, а знамена все еще развевались и шелестели в воздухе, оркестр

играл похоронный марш, а огромная толпа пела. Над могилой, на обнаженных ветвях деревьев, словно странные многокрасочные цветы, повисли венки. Двести человек взялись за лопаты и стали засыпать могилу. Земля гулко стучала по гробам, и этот резкий звук был ясно слышен, несмотря на пение.

Зажглись фонари. Пронесли последние знамена, прошли, оглядываясь на могилу, последние плачущие женщины. Пролетарская волна медленно схлынула с Красной площади...

И вдруг я понял, что набожному русскому народу уже не нужны больше священники, которые помогали бы ему вымаливать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какого не найдешь ни на каком небе, такое царство, за которое умереть — счастье...

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

(1866–1946)

РОССИЯ ВО МГЛЕ¹

1. Гибнущий Петроград

В январе 1914 года я провел недели две в Петрограде и Москве; в сентябре 1920 года г. Каменев, член русской торговой делегации в Лондоне, предложил мне снова посетить Россию. Я ухватился за это предложение и в конце сентября отправился туда с моим сыном, немного говорившим по-русски. Мы пробыли в России 15 дней; большую часть из них — в Петрограде, по которому мы бродили совершенно свободно и самостоятельно и где нам показали почти все, что мы хотели посмотреть. Мы побывали в Москве, и у меня была продолжительная беседа с г. Лениным, о которой я расскажу дальше. В Петрограде я жил не в отеле «Интернационал», где обычно останавливаются иностранцы, а у моего старого друга Максима Горького. Нашим гидом и переводчиком оказалась дама, с которой я познакомился в России в 1914 году, племянница бывшего русского посла в Лондоне. Она получила образование в Ньюхэме, была пять раз арестована при большевиках; выезд из Петрограда был ей запрещен после ее попытки пробраться через границу в Эстонию, к своим детям; поэтому уж она-то не стала бы участвовать в попытке ввести меня в заблуждение. Я говорю об этом потому, что на каждом шагу, и дома и в России, мне твердили, что нам придется столкнуться с самой тщательной маскировкой реальной действительности и что нас все время будут водить в шорах.

На самом же деле подлинное положение в России настолько тяжело и ужасно, что не поддается никакой маскировке. Иногда можно отвлечь внимание каких-нибудь делегаций шумихой приемов, оркестров и речей. Но почти невозможно приукрасить два больших города ради двух случайных гостей, часто бродивших порознь, внимательно ко всему приглядываясь. Естественно, когда желаешь посмотреть школу или тюрьму, показывают не самое худшее. В любой стране показали

---

¹ Публицистическая книга «Россия во мгле» была написана Г. Уэллсом после возвращения из России на родину в 1920 году. Впервые на русском языке опубликована в 1959 году. Пер. с англ. И. Виккер, В. Пастоева. Печатается в отрывках.

бы лучшее, и Советская Россия — не исключение. Это вполне понятно.

Основное наше впечатление от положения в России — это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию. Насквозь прогнившая Российская империя — часть старого цивилизованного мира, существовавшая до 1914 года, — не вынесла того напряжения, которого требовал ее агрессивный империализм; она пала, и ее больше нет. Крестьянство, бывшее основанием прежней государственной пирамиды, осталось на своей земле и живет почти так же, как оно жило всегда. Все остальное развалилось или разваливается. Среди этой необъятной разрухи руководство взяло на себя правительство, выдвинутое чрезвычайными обстоятельствами и опирающееся на дисциплинированную партию, насчитывающую примерно 150 000 сторонников, — партию коммунистов. Ценой многочисленных расстрелов оно подавило бандитизм, установило некоторый порядок и безопасность в измученных городах и ввело жесткую систему распределения продуктов.

Я сразу же должен сказать, что это — единственное правительство, возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что ее сплачивает. Но все это имеет для нас второстепенное значение. Для западного читателя самое важное — угрожающее и тревожное — состоит в том, что рухнула социальная и экономическая система, подобная нашей и неразрывно с ней связанная.

Нигде в России эта катастрофа не видна с такой беспощадной ясностью, как в Петрограде. Петроград был искусственным творением Петра Великого; его бронзовая статуя все еще возвышается в маленьком сквере близ Адмиралтейства, посреди угасающего города. Дворцы Петрограда безмолвны и пусты или же нелепо перегорожены фанерой и заставлены столами и пишущими машинками учреждений нового режима, который отдает все свои силы напряженной борьбе с голодом и интервентами. В Петрограде было много магазинов, в которых шла оживленная торговля. В 1914 году я с удовольствием бродил по его улицам, покупая разные мелочи и наблюдая многолюдную толпу. Все эти магазины закрыты. Во всем Петрограде осталось, пожалуй, всего с полдюжины магазинов. Есть государственный магазин фарфора, где за семьсот или восемьсот рублей я купил как сувенир тарелку, и несколько цветочных магазинов. Поразительно, что цветы до сих пор продаются и покупаются в этом городе, где большинство оставшихся жителей почти

умирает с голоду и вряд ли у кого-нибудь найдется второй костюм или смена изношенного и залатанного белья. За пять тысяч рублей — примерно 7 шиллингов по теперешнему курсу — можно купить очень красивый букет больших хризантем.

Я не уверен, что слова «все магазины закрыты» дадут западному читателю какое-либо представление о том, как выглядят улицы в России. Они не похожи на Бонд-стрит или Пикадилли в воскресные дни, когда магазины с аккуратно спущенными шторами чинно спят, готовые снова распахнуть свои двери в понедельник. Магазины в Петрограде имеют самый жалкий и запущенный вид. Краска облупилась, витрины треснули, одни совсем заколочены досками, в других сохранились еще засиженные мухами остатки товара; некоторые заклеены декретами; стекла витрин потускнели, все покрыто двухлетним слоем пыли. Это мертвые магазины. Они никогда не откроются вновь.

Сейчас, когда идет отчаянная борьба за общественный контроль над распределением продуктов и за то, чтобы лишить спекулянтов возможности фантастически взвинчивать цены на остатки продовольствия, все большие рынки Петрограда также закрыты. Прогуливаться по улицам при закрытых магазинах кажется совершенно нелепым занятием. Здесь никто больше не «прогуливается». Для нас современный город, в сущности, — лишь длинные ряды магазинов, ресторанов и тому подобного. Закройте их, и улица потеряет всякий смысл. Люди торопливо пробегают мимо; улицы стали гораздо пустынее по сравнению с тем, что осталось у меня в памяти с 1914 года. Трамваи все еще ходят до шести часов вечера; они всегда битком набиты. Это единственный вид транспорта для простых людей, оставшихся в городе, унаследованный от капитализма. Во время нашего пребывания в Петрограде был введен бесплатный проезд. До этого билет стоил два или три рубля — сотая часть стоимости одного яйца. Но отмена платы мало что изменила для тех, кто возвращается с работы в часы вечерней давки. При посадке в трамвай — толкучка; если не удастся втиснуться внутрь, висят снаружи. В часы «пик» вагоны обвешаны гроздьями людей, которым, кажется, уже не за что держаться. Многие из них срываются и попадают под вагон. Мы видели толпу, собравшуюся вокруг ребенка, перерезанного трамваем; двое из наших хороших знакомых в Петрограде сломали ноги, упав с трамвая.

Улицы, по которым ходят эти трамваи, находятся в ужасном состоянии. Их не ремонтировали уже три или четыре года; они изрыты ямами, похожими на воронки от снарядов, зачастую в два-три фута глубиной. Кое-где мостовая провалилась; канализация вышла из строя; торцовые мостовые разобраны на дрова. Лишь один раз видели мы попытку отремонтировать улицу в Петрограде. Какая-то таинственная организация доставила в переулочек воз торцов и две бочки смолы. Почти все наши

длительные поездки по городу мы совершали в предоставленных нам властями автомобилях, оставшихся от былых времен. Автомобильная езда состоит из чудовишных толчков и резких поворотов. Уцелевшие машины заправляют керосином. Они выпускают облака бледно-голубого дыма, и, когда трогаются с места, кажется, что началась пулеметная перестрелка. Прошлой зимой все деревянные дома были разобраны на дрова, и одни лишь их фундаменты торчат в зияющих провалах между каменными зданиями.

Люди обносились; все они, и в Москве и в Петрограде, тащат с собой какие-то узлы. Когда идешь в сумерках по боковой улице и видишь лишь спешащих бедно одетых людей, которые тащат какую-то поклажу, создается впечатление, что все население бежит из города. Такое впечатление не совсем обманчиво. Большевицкая статистика, с которой я познакомился, совершенно откровенна и честна в этом вопросе. До 1919 года в Петрограде насчитывалось 1 200 000 жителей, сейчас их немногим больше 700 000, и число их продолжает уменьшаться. Многие вернулись в деревню; многие уехали за границу; огромное количество погибло, не вынеся тяжких лишений. Смертность в Петрограде — свыше 81 человека на тысячу; раньше она составляла 22 человека на тысячу, но и это было выше, чем в любом европейском городе. Рождаемость среди недоедающего и глубоко удрученного населения — 15 человек на тысячу; прежде она была почти вдвое больше.

Узлы, которые все таскают с собой, набиты либо продуктовыми пайками, выдаваемыми в советских организациях, либо предметами, предназначенными для продажи или купленными на черном рынке. Русские всегда любили поторговать и поторговаться. Даже в 1914 году в Петрограде всего несколько магазинов торговало по твердым ценам. Цены без запроса были не в чести; беря в Москве извозчика, каждый раз приходилось торговаться с ним из-за 10 копеек.

Столкнувшись с нехваткой почти всех предметов потребления, вызванной отчасти напряжением военного времени — Россия непрерывно воюет уже шесть лет, — отчасти общим развалом социальной структуры и отчасти блокадой, при полном расстройстве денежного обращения, большевики нашли единственный способ спасти городское население от тисков спекуляции и голодной смерти и, в отчаянной борьбе за остатки продовольствия и предметов первой необходимости, ввели пайковую систему распределения продуктов и своего рода коллективный контроль.

Советское правительство ввело эту систему, исходя из своих принципов, но любое правительство в России вынуждено было бы сейчас прибегнуть к этому. Если бы война на Западе длилась и поныне, в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты, одежда и жилье. Но в России это пришлось делать на основе не поддающегося кон-

тролю крестьянского хозяйства и с населением недисциплинированным по природе и не привыкшим себя ограничивать. Борьба поэтому неизбежно жестока.

С пойманным спекулянтом, с настоящим спекулянтом, ведущим дело в мало-мальски значительном масштабе, разговор короткий — его расстреливают. Самая обычная торговля сурово наказывается. Всякая торговля сейчас называется «спекуляцией» и считается незаконной. Но на мелкую торговлю из-под полы продуктами и всякой всячиной в Петрограде смотрят сквозь пальцы, а в Москве она ведется совсем открыто, потому что это единственный способ побудить крестьян привозить продукты. Множество подпольных сделок совершается между известными друг другу людьми. Всякий, кто может, пополняет таким путем свой паек. Любая железнодорожная станция превратилась в открытый рынок. На каждой остановке мы видели толпу крестьян, продающих молоко, яйца, яблоки, хлеб и т.д. Пассажиры выбираются из вагона и возвращаются с узелками. Яйцо или яблоко стоит 300 рублей.

У крестьян сытый вид, и я сомневаюсь, чтобы им жилось много хуже, чем в 1914 году. Вероятно, им живется даже лучше. У них больше земли, чем раньше, и они избавились от помещиков. Они не примут участия в какой-либо попытке свергнуть советское правительство, так как уверены, что, пока оно у власти, теперешнее положение вещей сохранится. Это не мешает им всячески сопротивляться попыткам Красной Гвардии отобрать у них продовольствие по твердым ценам. Иной раз они нападают на небольшие отряды красногвардейцев и жестоко расправляются с ними. Лондонская печать раздувает подобные случаи и преподносит их как крестьянские восстания против большевиков. Но это отнюдь не так. Просто-напросто крестьяне стараются повольготнее устроиться при существующем режиме.

Но все остальные слои общества, включая и должностных лиц, испытывают сейчас невероятные лишения. Кредитная система и промышленность, выпускавшая предметы потребления, вышли из строя, и пока что все попытки заменить их каким-либо иным способом производства и распределения оказались несостоятельными. Поэтому нигде не видно новых вещей. Единственное, что имеется в сравнительно большом количестве, — это чай, папиросы и спички. Спичек здесь больше, чем было в Англии в 1917 году, и надо сказать, что советская спичка — весьма недурного качества. Но такие вещи, как воротнички, галстуки, шнурки для ботинок, простыни и одеяла, ложки и вилки, всяческую галантерею и обыкновенную посуду достать невозможно. Купить стакан или чашку взамен разбитых удастся только у спекулянтов, после кропотливых поисков. Мы ехали из Петрограда в Москву в спальном вагоне-люксе, но там не было ни графинов для воды, ни стаканов, ни тому подобных мелочей. Все это исчезло. Бросается в глаза, что большинство мужчин

плохо выбрито, и сначала мы склонны были думать, что это одно из проявлений всеобщей апатии, но поняли, в чем дело, когда один из наших друзей в разговоре с моим сыном случайно упомянул, что пользуется одним и тем же лезвием почти целый год.

Так же невозможно достать лекарства и другие аптекарские товары. При простуде и головной боли принять нечего; нельзя и думать о том, чтобы купить обыкновенную грелку. Поэтому небольшие недомогания легко переходят в серьезную болезнь. Почти все, с кем мы встречались, казались удрученными и не вполне здоровыми. В этой неблагоустроенной, полной повседневных трудностей обстановке очень редко попадаются жизнерадостный, здоровый человек.

Мрачное будущее ожидает того, кто тяжело заболеет. Мой сын побывал в Обуховской больнице и рассказал мне, что она находится в самом бедственном состоянии: нехватка медикаментов и предметов ухода ужасающая, половина коек пустует оттого, что большее количество больных обслужить невозможно. Не может быть и речи об усиленном, подкрепляющем питании, если только родные каким-то чудом не доставят его и не принесут больному. Д-р Федоров сказал мне, что операции производятся всего раз в неделю, когда удастся к ним подготовиться. В остальные дни это немыслимо, и больные вынуждены ждать.

Вряд ли у кого в Петрограде найдется во что переодеться; старые, дырявые, часто не по ноге сапоги — единственный вид обуви в огромном городе, где не осталось никаких других средств транспорта, кроме нескольких битком набитых трамваев. Порой наталкиваешься на самые удивительные сочетания в одежде. Директор школы, которую мы посетили без предупреждения, был одет с необычайным щегольством: на нем был смокинг, из-под которого выглядывала синяя саржевая жилетка. Несколько крупных ученых и писателей, с которыми я встречался, не имели воротничков и обматывали шею шарфами. У Горького — только один-единственный костюм, который на нем.

Когда я встретился с группой петроградских литераторов, известный писатель г. Амфитеатров обратился ко мне с длинной желчной речью. Он разделял общепринятое заблуждение, что я слеп и туп и что мне втирают очки. Амфитеатров предложил всем присутствующим снять свои благообразные пиджаки, чтобы я воочию увидел под ними жалкие лохмотья. Это была тягостная речь и — что касается меня — совершенно излишняя, и я упоминаю о ней здесь для того, чтобы подчеркнуть, до чего дошла всеобщая нищета.

Плохо одетое население этого пришедшего в невероятный упадок города к тому же неимоверно плохо питается, несмотря на непрекращающуюся подпольную торговлю. Советское правительство при всех своих благих намерениях не в состоянии обеспечить выдачу продовольствия в количестве, достаточном для нормального существования. Мы

зашли в районную кухню и наблюдали, как происходит раздача пищи по карточкам. На кухне было довольно чисто, работа была хорошо организована, но это не могло компенсировать недостаток самих продуктов. Обед самой низшей категории состоял из миски жидкой похлебки и такого же количества компота из яблок.

Всем выданы хлебные карточки, и люди выстаивают в очередях за хлебом, но во время нашего пребывания петроградские пекарни не работали три дня из-за отсутствия муки. Качество хлеба совершенно различно: бывает хороший, хрустящий черный хлеб, но попадаете и сырой, липкий, почти несъедобный.

Я не знаю, смогут ли эти разрозненные подробности дать западному читателю представление о повседневной жизни Петрограда в настоящее время. Говорят, что в Москве больше жителей и острее чувствуется недостаток топлива, но внешне она выглядит гораздо менее мрачно, чем Петроград. Мы видели все это в октябре, когда стояли необычно ясные и теплые дни. Мы видели все это в обрамлении багрово-золотой листвы, озаренной солнцем. Но вот однажды повеяло холодом, и желтые листья закружились вместе с хлопьями снега. Это было первое дыхание наступающей зимы. Наши друзья, поживаясь и поглядывая в окна, в которые были уже вставлены вторые рамы, рассказывали нам о том, что было в прошлом году. Затем снова потеплело.

Мы покидали Россию великолепным солнечным днем. Но у меня щемит сердце, когда я думаю о приближении зимы. Советское правительство прилагает исключительные усилия, чтоб подготовить Северную коммуны к наступлению холодов. Повсюду, где только можно, вдоль набережных, посреди главных проспектов, во дворах лежат штабеля дров. В прошлом году температура во многих жилых домах была ниже нуля, водопровод замерз, канализация не работала. Читатель может представить себе, к чему это привело. Люди ютились в еле освещенных комнатах и поддерживали себя только чаем и беседой. Со временем какой-нибудь русский писатель расскажет нам, что это значило для русского сердца и ума. Эта зима, возможно, окажется не такой тяжелой. Говорят, что положение с продовольствием также лучше, но я в этом сильно сомневаюсь. Железные дороги находятся в совершенно плачевном состоянии; паровозы, работающие на дровяном топливе, изношены; гайки разболтались, и рельсы шатаются, когда поезда тащатся по ним с предельной скоростью в 25 миль в час. Если бы даже железные дороги работали лучше, это мало что изменило бы, так как южные продовольственные центры захвачены Врангелем. Скоро с серого неба, распростертого над 700 000 душ, все еще остающихся в Петрограде, начнет падать холодный дождь, а за ним снег. Ночи становятся все длиннее, а дни все тусклее.

Вы, конечно, скажете, что это зрелище беспросветной нужды и упадка жизненных сил — результат власти большевиков. Я думаю, что это не так. О самом большевистском правительстве я скажу позднее, когда обрисую всю обстановку в целом. Но я хочу уже здесь сказать, что эта несчастная Россия не есть организм, подвергшийся нападению каких-то пагубных внешних сил и разрушенный ими. Это был больной организм, он сам изжил себя и потому рухнул. Не коммунизм, а капитализм построил эти громадные, немыслимые города. Не коммунизм, а европейский империализм втянул эту огромную, расшатанную, обанкротившуюся империю в шестилетнюю изнурительную войну. И не коммунизм терзал эту страдающую и, быть может, погибающую Россию субсидированными извне непрерывными нападениями, вторжениями, мятежами, душил ее чудовищно жестокой блокадой. Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист несут гораздо большую ответственность за эти смертные муки, чем любой коммунист. Но я вернусь к этому после того, как несколько подробнее опишу все, что мы видели в России во время нашей поездки. Только получив какое-то представление о материальных и духовных проявлениях русской катастрофы, можно понять и правильно оценить большевистское правительство.

2. Потоп и спасательные станции

Многое особенно сильно интересовало меня в России, переживавшей грандиозную социальную катастрофу, в том числе — как живет и работает мой старый друг Максим Горький. То, что рассказывали мне члены рабочей делегации, вернувшейся из России, усилило мое желание самому ознакомиться с тем, что там происходит. Меня взволновало также сообщение г. Бертрана Рассела о болезни Горького, но я с радостью убедился, что в этом отношении все обстоит хорошо. Горький так же здоров и бодр на вид, как в 1906 году, когда мы с ним познакомились. И он неизмеримо вырос, как личность. Г-н Рассел писал, что Горький умирает и что культура в России, по-видимому, также на краю гибели. Я думаю, что художник в г. Расселе не устоял перед искушением закончить свое описание в эффектных, но мрачных тонах. Он застал Горького в постели, во время приступа кашля; все остальное — плод его воображения.

Горький занимает в России совершенно особое, я бы сказал, исключительное положение. Он не в большей мере коммунист, чем я, и я слышал, как у себя дома, в разговоре с такими людьми, как бывший глава петроградской Чрезвычайной Комиссии Бакаев и один из молодых руководителей коммунистической партии — Залуцкий, он совершенно свободно оспаривал их крайние взгляды. Это было вполне убедительное доказательство свободы слова, ибо Горький не столько спорил,

сколько обвинял, к тому же в присутствии двух весьма любознательных англичан.

Но он пользуется доверием и уважением большинства коммунистических руководителей и в силу обстоятельств стал при новом режиме своего рода полуофициальным «спасателем». Горький страстно убежден в высокой ценности культуры Запада и в необходимости сохранить связь духовной жизни России с духовной жизнью остального мира в эти страшные годы войны, голода и социальных потрясений. Он пользуется прочной поддержкой Ленина. В его деятельности собраны, как в фокусе, многие значительные явления русской действительности, и это помогает понять, насколько катастрофично положение в России.

В конце 1917 года Россия пережила такой всеобъемлющий крах, какого не знала ни одна социальная система нашего времени. Когда правительство Керенского не заключило мира и британский военно-морской флот не облегчил положения на Балтике, развалившаяся русская армия сорвалась с линии фронта и хлынула обратно в Россию — лавина вооруженных крестьян, возвращающихся домой без надежд, без продовольствия, без всякой дисциплины. Это было время разгрома, время полнейшего социального разложения. Это был распад общества. Во многих местах вспыхнули крестьянские восстания. Поджоги усадеб часто сопровождалась жестокой расправой с помещиками. Это был вызванный отчаянием взрыв самых темных сил человеческой натуры, и в большинстве случаев коммунисты несут не большую ответственность за эти злодеяния, чем, скажем, правительство Австралии. Среди бела дня на улицах Москвы и Петрограда людей грабили и раздевали, и никто не вмешивался. Тела убитых валялись в канавах порой по целым суткам, и пешеходы проходили мимо, не обращая на них внимания. Вооруженные люди, часто выдававшие себя за красногвардейцев, врываются в квартиры, грабили и убивали. В начале 1918 года новому, большевистскому правительству приходилось вести жестокую борьбу не только с контрреволюцией, но и с ворами и бандитами всех мастей. И только к середине 1918 года, после того как были расстреляны тысячи грабителей и мародеров, восстановилось элементарное спокойствие на улицах больших русских городов. Некоторое время Россия была не цивилизованной страной, а бурным водоворотом беззаконий и насилия, где слабое, неопытное правительство вело борьбу не только с неразумной иностранной интервенцией, но и с полнейшим внутренним разложением. И Россия все еще прилагает огромные усилия, чтобы выйти из этого хаоса.

Искусство, литература, наука, все изящное и утонченное, все, что мы зовем «цивилизацией», было вовлечено в эту стихийную катастрофу. Наиболее устойчивым элементом русской культурной жизни оказался театр. Театры остались в своих помещениях, и никто не грабил и

не разрушал их. Артисты привыкли собираться там и работать, и они продолжали это делать; традиции государственных субсидий оставались в силе. Как это ни поразительно, русское драматическое и оперное искусство прошло невредимым сквозь все бури и потрясения и живо и по сей день. Оказалось, что в Петрограде каждый день дается свыше сорока представлений, примерно то же самое мы нашли в Москве. Мы слышали величайшего певца и актера Шаляпина в «Севильском цирюльнике» и «Хованщине»; музыканты великолепного оркестра были одеты весьма пестро, но дирижер по-прежнему появлялся во фраке и белом галстуке. Мы были на «Садко», видели Монахова в «Царевиче Алексее» и в роли Яго в «Отелло» (жена Горького, г-жа Андреева, играла Дездемону). Пока смотришь на сцену, кажется, что в России ничто не изменилось; но вот занавес падает, оборачиваешься к публике, и революция становится осязаемой. Ни блестящих мундиров, ни вечерних платьев в ложах и партере. Повсюду однообразная людская масса, внимательная, добродушная, вежливая, плохо одетая. Как на спектаклях лондонского театрального общества, места в зрительном зале распределяются по жребию. В большинстве случаев билеты бесплатны. На одно представление их раздают, скажем, профсоюзам, на другое — красноармейцам, на третье — школьникам и т.д. Часть билетов продается, но это скорее исключение.

Я слышал Шаляпина в Лондоне, но не был тогда знаком с ним. На этот раз мы с ним познакомились, пообедали у него и видели его прелестную семью. У Шаляпина двое пасынков, почти взрослых, и две маленькие дочки, которые очень мило, правильно, немного книжно говорят по-английски; младшая очаровательно танцует. Шаляпин, несомненно, одно из самых удивительных явлений в России в настоящее время. Это художник, бунтарь; он великолепен. Вне сцены он пленяет такой же живостью и безграничным юмором, как г. Макс Бирбом. Шаляпин наотрез отказывается петь бесплатно и, говорят, берет за выступление 200 тысяч рублей — около 15 фунтов стерлингов; когда бывает особенно трудно с продуктами, он требует гонорар мукой, яйцами и тому подобным. И он получает то, что требует, так как забастовка Шаляпина пробила бы слишком большую брешь в театральной жизни Петрограда. Поэтому его дом, быть может, последний, в котором сохранился сейчас относительный достаток. Революция так мало коснулась г-жи Шаляпиной, что она спрашивала нас, что сейчас носят в Лондоне. Из-за блокады последний дошедший до нее модный журнал был трехлетней давности.

Но театр занимает совершенно особое положение. Для других областей искусства, для литературы в целом, для науки катастрофа 1917—1918 годов оказалась совершенно губительной. Покупать книги и картины больше некому; ученый получает жалованье в совершенно обесцененных

рублях. Новый, незрелый еще общественный строй, ведущий борьбу с грабежами, убийствами, с дикой разрухой, не нуждается в ученых; он забыл о них. Первое время советское правительство так же мало обращало на них внимания, как французская революция, которой «не требовались химики». Поэтому научным работникам, жизненно необходимым каждой цивилизованной стране, приходится терпеть сейчас невероятную нужду и лишения. Именно помощью им, их спасением занят теперь в первую очередь Горький. Главным образом благодаря ему и наиболее дальновидным деятелям большевистского правительства сейчас создан ряд «спасательных» учреждений; лучше всего поставлено дело в Доме ученых в Петрограде, занимающем старинный дворец великой княгини Марии Павловны. Здесь находится специальный центр распределения продовольствия, снабжающий в меру своих возможностей четыре тысячи научных работников и членов их семей, в общей сложности около десяти тысяч человек. Тут не только выдаются продукты по карточкам, но имеются и парикмахерская, ванны, сапожная и портняжная мастерские и другие виды обслуживания. Есть даже небольшой запас обуви и одежды. Здесь создано нечто вроде медицинского стационара для больных и ослабевших.

Одним из самых необычных моих впечатлений в России была встреча в Доме ученых с некоторыми крупнейшими представителями русской науки, изнуренными заботой и лишениями. Я видел там востоковеда Ольденбурга, геолога Карпинского, лауреата Нобелевской премии Павлова, Радлова, Белопольского и других всемирно известных ученых. Они задали мне великое множество вопросов о последних достижениях науки за пределами России, и мне стало стыдно за свое ужасающее невежество в этих делах. Если бы я предвидел это, я взял бы с собой материалы по всем этим вопросам. Наша блокада отрезала русских ученых от иностранной научной литературы. У них нет новой аппаратуры, не хватает писчей бумаги, лаборатории не отапливаются. Удивительно, что они вообще что-то делают. И все же они успешно работают; Павлов проводит поразительные по своему размаху и виртуозности исследования высшей нервной деятельности животных; Манухин, говорят, разработал эффективный метод лечения туберкулеза, даже в последней стадии, и т.д. Я привез с собой для опубликования в печати краткое изложение работ Манухина, оно сейчас переводится на английский язык. Дух науки — поистине изумительный дух. Если этой зимой Петроград погибнет от голода, погибнут и члены Дома ученых, если только нам не удастся помочь им какими-нибудь чрезвычайными мерами; однако они почти не заговаривали со мной о возможности посылки им продовольствия. В Доме литературы и искусств мы слышали кое-какие жалобы на нужду и лишения, но ученые молчали об этом. Все они страстно желают получить научную литературу; знания им дороже хлеба.

Надеюсь, что смогу оказаться полезным в этом деле. Я посоветовал им создать комиссию, которая составила бы список необходимых книг и журналов; этот список я вручил секретарю Королевского общества в Лондоне, и он уже предпринял кое-какие шаги. Понадобятся средства, приблизительно три или четыре тысячи фунтов стерлингов (адрес секретаря Королевского общества — Берлингтон Хаус, Вест); согласие большевистского правительства и нашего собственного на это духовное снабжение России уже получено, и я надеюсь, что в ближайшее время первая партия книг будет отправлена этим людям, которые так долго были отрезаны от интеллектуальной жизни мира.

Если б у меня и не было других оснований испытывать удовлетворение от поездки в Россию, я нашел бы его в тех надеждах и утешении, которые одна лишь встреча с нами принесла выдающимся деятелям науки и искусства. Многие из них отчаялись уже получить какие-либо вести из зарубежного мира. В течение трех лет, очень мрачных и долгих, они жили в мире, который, казалось, неуклонно опускался с одной ступени бедствий на другую, все ниже и ниже, в непроглядную тьму. Не знаю, может быть, им довелось встретиться с той или иной политической делегацией, посетившей Россию, но совершенно очевидно, что они никак не ожидали, что им когда-либо придется снова увидеть свободного и независимого человека, который, казалось, без затруднений, сам по себе, прибыл из Лондона и который мог не только приехать, но и вернуться снова в потерянный для них мир Запада. Это произвело такое же впечатление, как если б в тюремную камеру вдруг зашел с визитом неожиданный посетитель.

Всем английским любителям музыки знакомо творчество Глазунова; он дирижировал оркестрами в Лондоне и получил звание почетного доктора Оксфордского и Кембриджского университетов. Меня глубоко взволновала встреча с ним в Петрограде. Я помню его крупным, цветущим человеком, а сейчас он бледен, сильно похудел, одежда висит на нем, как с чужого плеча. Мы говорили с ним о его друзьях — сэре Хьюберте Перри и сэре Чарльзе Вильерсе Стэнфорде. Он сказал мне, что все еще пишет, но запас нотной бумаги почти иссяк. «И больше ее не будет». Я ответил, что бумага появится, и даже скоро, но он усомнился в этом. Он вспоминал Лондон и Оксфорд; я видел, что он охвачен нестерпимым желанием снова очутиться в большом, полном жизни городе, с его изобилием, с его оживленной толпой, в городе, где он нашел бы вдохновляющую аудиторию в теплых, ярко освещенных концертных залах. Мой приезд был для него как бы живым доказательством того, что все это еще существует. Он повернулся спиной к окну, за которым виднелись пустынные в сумерках воды холодной свинцово-серой Невы и неясные очертания Петропавловской крепости. «В Англии не будет революции, нет? У меня было много друзей в Англии, много хороших

друзей...» Мне тяжело было покидать его, и ему очень тяжело расставаться со мной...

Глядя на всех этих выдающихся людей, живущих как беженцы среди жалких обломков рухнувшего империалистического строя, я понял, как безмерно зависят люди большого таланта от прочности цивилизованного общества. Простой человек может перейти от одного занятия к другому; он может быть и матросом, и заводским рабочим, и землекопом, и т.д. Он должен работать вообще, но никакой внутренний демон не заставляет его заниматься только чем-то одним и ничем больше, не заставляет его быть именно таким или погибнуть. Шалапин должен быть Шалапиным или ничем, Павлов — Павловым, Глазунов — Глазуновым. И пока они могут продолжать заниматься своим единственным делом, эти люди живут полнокровной жизнью. Шалапин все еще великолепно поет и играет, не считаясь ни с какими коммунистическими принципами; Павлов все еще продолжает свои замечательные исследования — в старом пальто, в кабинете, заваленном картофелем и морковью, которые он выращивает в свободное время. Глазунов будет писать, пока не иссякнет нотная бумага. Но на многих других все это подействовало гораздо сильнее. Смертность среди русской творческой интеллигенции невероятно высока. В большой степени это, несомненно, вызвано общими условиями жизни, но во многих случаях, мне кажется, решающую роль сыграло трагическое сознание бесполезности большого дарования. Они не смогли жить в России 1919 года, как не смогли бы жить в краале среди кафров.

Наука, искусство, литература — это оранжерейные растения, требующие тепла, внимания, ухода. Как это ни парадоксально, наука, изменяющая весь мир, создается гениальными людьми, которые больше, чем кто бы то ни было другой, нуждаются в защите и помощи. Под развалинами Российской империи погибли и теплицы, где все это могло произрастать. Грубая марксистская философия, делящая все человечество на буржуазию и пролетариат, представляет себе всю жизнь общества как примитивную «борьбу классов» и не имеет понятия об условиях, необходимых для сохранения интеллектуальной жизни общества. Но надо отдать должное большевистскому правительству: оно осознало угрозу полной гибели русской культуры и, несмотря на блокаду и непрестанную борьбу с субсидируемыми нами и французами мятежами и интервенцией, которыми мы до сих пор терзаем Россию, разрешило эти «спасательные» организации и оказывает им содействие. Наряду с Домом ученых создан Дом литературы и искусств. За исключением некоторых поэтов, никто сейчас в России не пишет книг, никто не создает картин. Но большинство писателей и художников нашли работу по выпуску грандиозной по своему размаху, своеобразной русской энциклопедии всемирной литературы. В этой непостижимой России, воюющей, хо-

лодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке. В Англии и Америке выпуск серьезной литературы по доступным ценам фактически прекратился сейчас «из-за дороговизны бумаги». Духовная пища английских и американских масс становится все более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит. Большевицское правительство, во всяком случае, стоит на большей высоте. В умирающей с голоду России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются и смогут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному другому народу. Я наблюдал эту работу и видел некоторые из этих книг. Я пишу «смогут» без твердой уверенности. Потому что, как и все остальное в этой разрушенной стране, эта созидательная работа носит отрывочный, наспех организованный характер. Какими путями всемирная литература дойдет до русского народа, я не представляю. Книжные магазины закрыты, а торговля книгами запрещена, как и всякая торговля вообще. Вероятно, книги будут распределяться по школам и другим учреждениям.

Совершенно очевидно, что большевики еще ясно не представляют себе, как будет распространяться эта литература. Они также не представляют себе многих подобных вещей. Оказывается, что у марксистского коммунизма нет никаких планов и идей относительно интеллектуальной жизни общества. Марксистский коммунизм всегда являлся теорией подготовки революции, теорией, не только лишенной созидательных, творческих идей, но прямо враждебной им. Каждый коммунистический агитатор презирает «утопизм» и относится с пренебрежением к разумному планированию. Даже английские бизнесмены старого типа не верили так слепо, что все само по себе «образуется», как эти марксисты. Наряду со множеством других созидательных проблем русское коммунистическое правительство вплотную столкнулось сейчас с проблемой сохранения научной жизни, мысли и обмена мнениями, содействия художественному творчеству. Пророк Маркс и его священное писание не дают никаких наставлений по всем этим вопросам. Поэтому, не имея готовой программы, большевики вынуждены неуклюже импровизировать и ограничиваться пока отчаянными попытками спасти обломки прежней интеллектуальной жизни. Но ее можно уподобить очень больному и несчастному существу, готовому в любую минуту погибнуть у них на руках.

Максим Горький пытается спасти не только русскую науку и литературу и их деятелей: существует и третья, еще более любопытная спасательная организация, с которой он связан. Это экспертная комиссия, занимающая здание бывшего британского посольства. Когда рухнет общественный порядок, основанный на частной собственности, и ког-

да эта собственность упраздняется внезапно и безоговорочно, всем этим не упраздняются и не уничтожаются вещи, которые составляли раньше эту частную собственность. Здания со всем находящимся в них имуществом по-прежнему стоят на своих местах, в них по-прежнему живут люди, их бывшие владельцы, за исключением тех, кто бежал. Когда большевистские власти реквизируют дом или занимают брошенный дворец, они сталкиваются с этой проблемой имущества. Всякий, кто знает человеческую натуру, поймет, что кое-какие привлекательные вещи были неумышленно присвоены некоторыми должностными лицами и, пожалуй, не столь неумышленно — их женами. Но по общему духу своему большевизм, безусловно, честен и решительно выступает против грабежей и всяких подобных проявлений частной предприимчивости. Когда дни катастрофы остались позади, грабежи в Петрограде и Москве стали сравнительно малочисленны. Бандитизм был поставлен к стенке в Москве весной 1918 года. Мы заметили, что в особняках, где останавливаются гости правительства, и тому подобных местах все пронумеровано и внесено в инвентарные списки. Кое-где нам попадались разрозненные вещи — какой-нибудь хрустальный стакан или фамильное серебро с гербами, неуместно выглядевшие в чужеродной обстановке, но большей частью это были вещи, обмененные их бывшими владельцами на продукты и другие предметы первой необходимости. Матрос, которому поручено было заботиться о наших удобствах во время поездки в Москву и обратно, был снабжен изящным серебряным чайничком, который, очевидно, украшал раньше чью-то прелестную гостиную. Но, по-видимому, этот чайник вступил на путь служения обществу совершенно законным образом.

Все, что признано произведением искусства, экспертная комиссия для большей сохранности отбирает и заносит в каталог. Дворец, в котором помещалось британское посольство, похож сейчас на битком набитую антикварную лавку на Бромптон-роуд. Мы обошли одну за другой все комнаты, загроможденные великолепной рухлядью, оставшейся от старой России. Там есть большие залы, заставленные скульптурой; в жизни я не видел столько беломраморных венер и сильфид в одном месте, даже в музее Неаполя. Картины всех жанров сложены штабелями, коридоры до самого потолка забиты инкрустированными шкафчиками. Одна комната заполнена ящиками со старыми кружевами, в другой — горы роскошной мебели. Вся эта масса вещей пронумерована и внесена в каталог. И на этом дело кончается. Я так и не узнал, имеет ли хоть кто-нибудь ясное представление о том, что делать с этим изящным, восхитительным хламом. Эти вещи никак не подходят новому миру, если только на самом деле русские коммунисты строят новый мир. Они никогда не предполагали, что им придется иметь дело с такими вещами. Точно так же они не задумывались всерьез над тем, что делать с ма-

газинами и рынками, когда они упразднили торговлю. Не задумывались они и над проблемой превращения города дворцов и особняков в коммунистический улей.

Марксистская теория довела их воображение до «диктатуры классово сознательного пролетариата» и затем намекала, весьма туманно, как мы теперь видим, что там их ожидают новые небеса и новая земля. Если б это сбылось, это действительно означало бы переворот в судьбах человечества. Но мы увидели в России все те же небеса и все ту же землю, покрытую развалинами, брошенными реликвиями и обломками развороченной старой государственной машины, с тем же упрямым мужиком, крепко сидящим на своем наделе, и — коммунизм, отважно и честно правящий в городах и все же во многих отношениях похожий на фокусника, который забыл захватить голубя и кролика и не может ничего вытащить из шляпы.

Крах — это самое главное в сегодняшней России. Революция, власть коммунистов, которым я посвящаю следующую главу, — все это имеет второстепенное значение. Все это свершилось во время краха и вследствие его. Исключительно важно, чтобы это поняли на Западе.

Если бы мировая война продолжалась еще год или больше, Германия, а затем и державы Антанты, вероятно, пережили бы свой национальный вариант русской катастрофы. То, что мы застали в России, — это то, к чему шла Англия в 1918 году, но в обостренном и завершенном виде. Здесь тоже нехватка продуктов, как это было в Англии, но достигшая чудовищных масштабов; здесь тоже карточная система, но она сравнительно слаба и неэффективна; в России спекулянтов не штрафуют, а расстреливают, и вместо английского D. O. R. A. (Закона о защите государства) здесь действует Чрезвычайная Комиссия. То, что являлось неудобством в Англии, возросло до размеров бедствия в России. Вот и вся разница. Насколько я знаю, Западной Европе даже сейчас еще угрожает подобная катастрофа. Я отнюдь не уверен, что кризис уже миновал. Война, расточительство и паразитическая спекуляция, быть может, все еще поглощают больше того, что западный мир производит. В таком случае вопрос о том, когда произойдет катастрофа у нас — расстройство денежного обращения, нехватка всех предметов потребления, социальный и политический развал и все прочее, — лишь вопрос времени. Магазины Риджент-стрит постигнет судьба магазинов Невского проспекта, и господам Голсуорси и Беннету придется спасать сокровища искусства из роскошных особняков Мэйфэра. Утверждать, что ужасающая нищета в России — в какой-либо значительной степени результат деятельности коммунистов, что злые коммунисты довели страну до ее нынешнего бедственного состояния и что свержение коммунистического строя молниеносно осчастливит всю Россию, — это значит извращать положение, сложившееся в мире, и толкать людей на неверные

политические действия. Россия попала в теперешнюю беду вследствие мировой войны и моральной и умственной неполноценности своей правящей и имущей верхушки (как может попасть в беду и наше британское государство, а со временем даже и американское государство). У правителей России не хватило ни ума, ни совести прекратить войну, перестать разорять страну и захватывать самые лакомые куски, вызывая у всех остальных опасное недовольство, пока не пробил их час. Они правили, и расточали, и грызлись между собой, и были так слепы, что до самой последней минуты не видели надвигающейся катастрофы. И затем, как я расскажу в следующих главах, пришли коммунисты...

3. Квинтэссенция большевизма

В двух предыдущих главах я старался передать читателю полученные мною в Петрограде и Москве впечатления от жизни в России, показать картину развала, развала политической, социальной и экономической системы, такой же, как наша, но только более слабой и гнилой, рухнувшей под бременем шестилетней войны и безответственного управления. Основная катастрофа произошла в 1917 году, когда чудовищно бездарный царизм стал окончательно невыносим. Он разорил страну, потерял контроль над армией и доверие всего населения. Его полицейский строй выролдился в режим насилия и разбоя. Падение царизма было неизбежно.

Но в России не было другого правительства, способного прийти ему на смену. На протяжении многих поколений усилия царизма были направлены главным образом на то, чтобы уничтожить всякую возможность замены его другим правительством. Он держался у власти именно благодаря тому, что, как бы плох он ни был, заменить его было нечем. Первая русская революция превратила Россию в дискуссионный клуб и арену политической драки. Либеральные круги, не привыкшие действовать и брать на себя ответственность, пустились в шумные споры о том, должна ли Россия быть конституционной монархией, либеральной республикой, социалистической республикой и так далее. Среди всей этой неразберихи позерствовал «благородный либерал» Керенский; на поверхность всплывали разные авантюристы, «сильные личности», лже-сильные личности, российские монахи и российские бонапарты. Исчезли последние остатки общественного порядка. К концу 1917 года на улицах Москвы и Петрограда убийства и ограбления стали таким же обычным явлением, как автомобильные происшествия на улицах Лондона, с той разницей, что на них обращали еще меньше внимания. На пароходе, шедшем из Ревеля, я встретил американца, бывшего представителя «Америкэн харвестер компани» в России, который находился в Москве во время этой полнейшей анархии. Он рассказывал об ограбле-

ниях среди бела дня, о часами валявшихся в канавах трупах, мимо которых занятые своими делами люди проходили так же, как проходят у нас мимо валяющегося на тротуаре дохлого котенка.

По этой лихорадящей, объятый смятением стране разъезжали представители Англии и Франции, неспособные понять сущность безмерной трагедии, происходившей на их глазах, думавшие только о войне и настойчиво требовавшие от русских, чтобы они продолжали сражаться и начали новое наступление против Германии. Но, когда немцы стали прорываться к Петрограду — через Прибалтику и морем, — британское адмиралтейство то ли из чистой трусости, то ли из-за интриг монархистов не пришло на помощь России. Это совершенно ясно подтвердил ныне покойный лорд Фишер. И вот эта несчастная страна, смертельно болящая, в бреду, приближалась к гибели.

И во всей России и среди русских, разбросанных по всему свету, была лишь одна организация, объединенная общей верой, общей волей, общей программой; это была партия коммунистов. В то время как вся остальная Россия была либо пассивна, как крестьянство, либо занималась бесплодными спорами, либо предавалась насилию или дрожала от страха, коммунисты, воодушевленные своими идеями, были готовы к действию. Число коммунистов было очень мало; они и теперь составляют меньше одного процента населения России. Партия насчитывает не более 600 000 человек; из них, вероятно, не больше 150 000 активных членов. Тем не менее она сумела захватить и удержать власть в развалившейся Империи, потому что в те страшные дни она была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия. Это было и есть единственно возможное в России, идейно сплоченное правительство. Сомнительные авантюристы, терзающие Россию при поддержке западных держав, — Деникин, Колчак, Врангель и прочие — не руководствуются никакими принципиальными соображениями и не могут предложить какой-либо прочной, заслуживающей доверия основы для сплочения народа. По существу, это просто бандиты. Коммунисты же, что бы о них ни говорили, — это люди идеи, и можно не сомневаться, что они будут за свои идеи бороться. Сегодня коммунисты морально стоят выше всех своих противников. Они сразу же обеспечили себе пассивную поддержку крестьянских масс, позволив им отобрать землю у помещиков и заключив мир с Германией. Ценой многочисленных расстрелов они восстановили порядок в больших городах. Одно время расстреливали всякого, кто носил оружие, не имея на то разрешения. Это была примитивная, кровавая, но эффективная мера. Для того чтобы удержать власть, коммунистическое правительство создало Чрезвычайную Комиссию, наделив ее почти неограниченными полномочиями, и красным террором подавило всякое сопротивление. Красный террор повинен во мно-

гих ужасных жестокостях; его проводили по большей части ограниченные люди, ослепленные классовой ненавистью и страхом перед контрреволюцией, но эти фанатики, по крайней мере, были честны. За отдельными исключениями, расстрелы ЧК вызывались определенными причинами и преследовали определенные цели, и это кровопролитие не имело ничего общего с бессмысленной резней деникинского режима, не признававшего даже, как мне говорили, советского Красного Креста. И, по-моему, сейчас большевистское правительство в Москве не менее устойчиво, чем любое правительство в Европе, и улицы русских городов так же безопасны, как улицы европейских городов.

Советское правительство не только упрочило свое положение и восстановило порядок, но и создало заново русскую армию в качестве боеспособной силы; в этом немалая заслуга бывшего пацифиста Троцкого. Восстановление армии, конечно, замечательное достижение. Я не знакомился вплотную с русской армией, в России меня интересовало другое, но предприимчивый американский финансист г. Вандерлип, который вел в Москве какие-то таинственные переговоры с советским правительством, присутствовал на смотре многотысячных воинских частей и был восхищен их боевым духом и снаряжением. Мы с сыном видели несколько войсковых частей, отправлявшихся на фронт, а также отряды новобранцев, и у нас создалось впечатление, что их боевой дух несколько не ниже, чем у английских призывников в Лондоне в 1917—1918 годах.

Кто же все-таки эти большевики, так прочно утвердившиеся в России? По версии наиболее безумной части английской прессы, это участники некоего загадочного расистского заговора, агенты тайного общества, в котором перемешались самым диким образом евреи, иезуиты, франкмасоны и немцы. На самом же деле нет ничего менее загадочного, чем идеи, методы и цели большевиков, и их организация меньше всего походит на тайное общество. Но у нас, в Англии, существует особый образ мышления, настолько невосприимчивый к общим идеям, что даже самые простые человеческие реакции мы обязательно объясняем деятельностью каких-то заговорщиков. Если, например, поденщик в Эссексе возмущается тем, что цены на детскую обувь растут гораздо быстрее, чем его заработок, и заявляет, что его самого и его товарищей наддувают и обсчитывают, издатели «Таймса» и «Морнинг пост» усматривают в этом результаты коварной пропаганды некоего тайного общества в Кенигсберге или Пекине. Они не могут себе представить, где еще он мог бы набраться таких идей. Маниакальная боязнь заговоров настолько распространена, что, пожалуй, мне следует принести извинения в том, что я не подвержен ей. Мне кажется, что большевики именно те, за кого они себя выдают, и я вынужден был относиться к ним, как к прямым и честным людям. Я не согласен ни с их взглядами, ни с их методами, но это другой вопрос.

Большевики — социалисты-марксисты. Маркс умер в Лондоне около 40 лет назад; пропаганда его учения продолжается уже свыше полувека. Оно распространилось по всему миру и почти в каждой стране имеет пусть немногочисленных, но убежденных последователей. Это — естественное следствие мирового экономического положения. Везде и всюду марксизм выражает одни и те же ограниченные идеи в одних и тех же отчетливых формулировках. Он стал культом, символом интернационального братства. Для того чтобы познакомиться с большевистскими идеями, нет надобности изучать русский язык. Вы найдете их полностью в лондонском «Плебсе» или нью-йоркском «Либерейторе» в тех же самых выражениях, как в русской «Правде». Они ничего не скрывают, они открыто говорят все. И то, о чем они говорят и пишут, марксисты пытаются провести в жизнь.

Я буду говорить о Марксе без лицемерного почтения. Я всегда считал его скучнейшей личностью. Его обширный незаконченный труд «Капитал», это нагромождение утомительных фолиантов, в которых он, трактуя о таких нереальных понятиях, как «буржуазия» и «пролетариат», постоянно уходит от основной темы и пускается в нудные побочные рассуждения, кажется мне апофеозом претенциозного педантизма. Но до моей последней поездки в Россию я не испытывал активной враждебности к Марксу. Я просто избегал читать его труды и, встречая марксистов, быстро отделялся от них, спрашивая: «Из кого же состоит пролетариат?» Никто не мог мне ответить: этого не знает ни один марксист. В гостях у Горького я внимательно прислушивался к тому, как Бакаев обсуждал с Шалапиным каверзный вопрос — существует ли вообще в России пролетариат, отличный от крестьянства. Бакаев — глава петроградской Чрезвычайной Комиссии диктатуры пролетариата, поэтому я не без интереса следил за некоторыми тонкостями этого спора. «Пролетарий», по марксистской терминологии, — это то же, что «производитель» на языке некоторых специалистов по политической экономике, т.е. нечто совершенно отличное от «потребителя». Таким образом, «пролетарий» — это понятие, прямо противопоставляемое чему-то, именуемому «капитал». На обложке «Плебса» я видел бросающийся в глаза лозунг: «Между рабочим классом и классом работодателей нет ничего общего». Но возьмите следующий случай. Какой-нибудь заводской мастер садится в поезд, который ведет машинист, и едет посмотреть, как подвигается строительство дома, который возводит для него строительная контора. К какой из этих строго разграниченных категорий принадлежит этот мастер — к нанимателям или нанимаемым? Все это — сплошная чепуха.

Должен признаться, что в России мое пассивное неприятие Маркса перешло в весьма активную враждебность. Куда бы мы ни приходили, повсюду нам бросались в глаза портреты, бюсты и статуи Маркса. Око-

ло двух третей лица Маркса покрывает борода — широкая, торжественная, густая, скучная борода, которая, вероятно, причиняла своему хозяину много неудобств в повседневной жизни. Такая борода не вырастает сама собой; ее холят, лелеют и патриархально возносят над миром. Своим бессмысленным изобилием она чрезвычайно похожа на «Капитал»; и то человеческое, что остается от лица, смотрит поверх нее совиным взглядом, словно желая знать, какое впечатление эта растительность производит на мир. Вездесущее изображение этой бороды раздражало меня все больше и больше. Мне неудержимо захотелось обрить Карла Маркса. Когда-нибудь, в свободное время, я вооружусь против «Капитала» бритвой и ножницами и напишу «Обритие бороды Карла Маркса».

Но Маркс для марксистов — лишь знамя и символ веры, и мы сейчас имеем дело не с Марксом, а с марксистами. Мало кто из них прочитал весь «Капитал». Марксисты — такие же люди, как и все, и должен признаться, что по своей натуре и жизненному опыту я расположен питать к ним самую теплую симпатию. Они считают Маркса своим пророком, потому что знают, что Маркс писал о классовой войне, непримиримой войне эксплуатируемых против эксплуататоров, что он предсказал торжество эксплуатируемых, всемирную диктатуру вождей освобожденных рабочих (диктатуру пролетариата) и венчающий ее коммунистический золотой век. Во всем мире это учение и пророчество с исключительной силой захватывают молодых людей, в особенности энергичных и впечатлительных, которые не смогли получить достаточного образования, не имеют средств и обречены нашей экономической системой на безнадежное наемное рабство. Они испытывают на себе социальную несправедливость, тупое бездушие и безмерную грубость нашего строя, они сознают, что их унижают и приносят в жертву, и поэтому стремятся разрушить этот строй и освободиться от его тисков. Не нужно никакой подрывной пропаганды, чтобы взбунтовать их; пороки общественного строя, который лишает их образования и превращает в рабов, сами порождают коммунистическое движение всюду, где растут заводы и фабрики. Марксисты появились бы даже, если бы Маркса не было вовсе. В 14 лет, задолго до того как я услышал о Марксе, я был законченным марксистом. Мне пришлось внезапно бросить учиться и начать жизнь, полную утомительной и нудной работы в ненавистном магазине. За эти долгие часы я так уставал, что не мог и мечтать о самообразовании. Я поджег бы этот магазин, если б не знал, что он хорошо застрахован. Это мрачное время ожило у меня в памяти в разговоре с Зориным, одним из руководителей Северной коммуны. Это очень симпатичный, остроумный молодой человек, вернувшийся из Америки, где он был чернорабочим. Зорин — хороший оратор и пользуется большой популярностью в Петроградском Совете. Мы вспоминали прошлое, и он рассказал мне, что до сих пор не может забыть о грубости и жестокости, с которыми он столкнулся в Америке в

большом мануфактурном магазине, куда пришел наниматься упаковщиком. Мы говорили с ним о том, как наш общественный строй изматывает, калечит, ожесточает честных и полных энергии людей. Это общее негодование сблизило нас, как братьев.

Именно это негодование молодости, жизненных сил, отвергнутых, не нашедших применения, а не какие-то экономические теории, вдохновляет и объединяет марксистское движение во всем мире. Дело не в том, что Маркс был безгранично мудр, а в том, что наш экономический строй неразумен, эгоистичен, расточителен и анархичен. Коммунисты сформулировали эти бунтарские настроения в нескольких ходких призывах и лозунгах: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т.д. Они внушили этим людям, что некая таинственная группа злодеев, именуемых капиталистами, вступила в заговор против счастья всего человечества. В нашем скудоумном мире маниакальная боязнь заговоров в одном лагере вызывает такую же боязнь в другом; трудно убедить марксистов в том, что в совокупности своей капиталисты — всего лишь беспорядочная кучка дерущихся из-за жирного куса, недалеких, духовно убогих людей. Коммунистическая пропаганда сплотила всех озлобленных и обездоленных во всемирную организацию бунта и надежды, хотя при ближайшем рассмотрении эта надежда оказывается весьма расплывчатой. Они избрали Маркса своим пророком и красное знамя — своим символом... И вот, когда произошла катастрофа в России, где не осталось других сил, которые могли бы бескорыстно сплотиться для общего блага, из Америки и Западной Европы вернулось много эмигрантов, энергичных, полных энтузиазма, еще молодых людей, утративших в более предприимчивом западном мире привычную русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца. У них был одинаковый образ мыслей, одни и те же смелые идеи, их вдохновляло видение революции, которая принесет человечеству справедливость и счастье. Эти молодые люди и составляют движущую силу большевизма. Многие из них — евреи; большинство эмигрировавших из России в Америку было еврейского происхождения, но очень мало кто из них настроен националистически. Они борются не за интересы еврейства, а за новый мир. Большевики отнюдь не намерены продолжать традиции иудаизма, они арестовали большую часть сионистских лидеров и запретили преподавание древнееврейского языка, как «реакционного». Некоторые из самых видных большевиков, с которыми я встречался, были вовсе не евреи, а светловолосые северяне. У Ленина, любимого вождя всего живого и сильного в сегодняшней России, татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей.

Большевистское правительство — самое смелое и в то же время самое неопытное из всех правительств мира. В некоторых отношениях оно поразительно неумело и во многих вопросах совершенно несведуще. Оно

исполнено нелепых подозрений насчет дьявольских хитростей «капитализма» и незримых интриг реакции; временами оно начинает испытывать страх и совершает жестокости. Но по существу своему оно честно. В наше время это самое бесхитростное правительство в мире.

О его простодушии свидетельствует вопрос, который мне постоянно задавали в России: «Когда произойдет социальная революция в Англии?» Меня спрашивали об этом Ленин, руководитель Северной коммуны Зиновьев, Зорин и многие другие.

Дело в том, что, согласно учению Маркса, социальная революция должна была в первую очередь произойти не в России, и это смущает всех большевиков, знакомых с теорией. По Марксу, социальная революция должна была сначала произойти в странах с наиболее старой и развитой промышленностью, где сложился многочисленный, в основном лишенный собственности и работающий по найму рабочий класс (пролетариат). Революция должна была начаться в Англии, охватить Францию и Германию, затем пришел бы черед Америки и т.д. Вместо этого коммунизм оказался у власти в России, где на фабриках и заводах работают крестьяне, тесно связанные с деревней, и где по существу вообще нет особого рабочего класса — «пролетариата», который мог бы «соединиться с пролетариями всего мира». Я ясно видел, что многие большевики, с которыми я беседовал, начинают с ужасом понимать: то, что в действительности произошло на самом деле, — вовсе не обещанная Марксом социальная революция, и речь идет не столько о том, что они захватили государственную власть, сколько о том, что они оказались на борту брошенного корабля. Я старался способствовать развитию этой новой и тревожной для них мысли. Я также позволил себе прочесть им небольшую лекцию о том, что на Западе нет многочисленного «классово сознательного пролетариата», разъяснив, что в Англии имеется, по меньшей мере, 200 различных классов и единственные известные мне «классово сознательные пролетарии» — это незначительная группа рабочих, преимущественно шотландцев, которых объединяет под своим энергичным руководством некий джентльмен по имени МакМанус. Мои, несомненно, искренние слова подрывали самые дорогие сердцу русских коммунистов убеждения. Они отчаянно цепляются за свою веру в то, что в Англии сотни тысяч убежденных коммунистов, целиком принимающих марксистское евангелие, — сплоченный пролетариат — не сегодня завтра захватят государственную власть и провозгласят Английскую Советскую Республику. После трех лет ожидания они все еще упрямо верят в это, но эта вера начинает ослабевать. Одно из самых забавных проявлений этого своеобразного образа мыслей — частые нагоняи, которые получает из Москвы по радио рабочее движение Запада за то, что оно ведет себя не так, как предсказал Маркс. Ему следует быть красным, а оно — только желтое.

Особенно любопытен был разговор с Зиновьевым. Это человек с черными, как смоль, выющимися волосами, напоминающий своим голосом и общей живостью Хилара Беллока. «В Ирландии идет гражданская война», — сказал он. «По существу, да», — ответил я. «Кого из них вы считаете представителями пролетариата — шинфейнеров или ульстерцев?» — спросил Зиновьев. Он долго бился, пытаясь выразить положение в Ирландии в формулах классовой борьбы. Эта головоломка так и осталась нерешенной; затем мы перешли к Азии. Досадуя на то, что западный пролетариат все еще не переходит к решительным действиям, Зиновьев в сопровождении Бела Куна, нашего Тома Квелча и ряда других ведущих коммунистов поехал в Баку поднимать пролетариат Азии. Они отправились воодушевлять классово сознательных пролетариев Персии и Туркестана. В юртах прикаспийских степей они искали фабричных рабочих и обитателей городских трущоб. В Баку был созван съезд — ошеломляющий калейдоскоп людей с белой, черной, желтой и коричневой кожей, азиатских одежд и необыкновенного оружия. Это многолюдное сборище поклялось в неугасимой ненависти к капитализму и британскому империализму. Потом состоялось грандиозное шествие по улицам Баку, в котором, как я, к сожалению, должен отметить, фигурировали и британские пушки, неосторожно брошенные поспешно бежавшими «строителями Британской империи». Были вырыты и вновь торжественно похоронены останки 13 человек, расстрелянных без суда этими самыми «строителями Британской империи», и сожжены чучела г. Ллойд Джорджа, г. Мильерана и президента Вильсона. Я не только видел в Петроградском Совете кинофильм в пяти частях об этом замечательном фестивале, но благодаря любезности Зорина даже привез его с собой. Этот фильм следует демонстрировать с осторожностью и только совершеннолетним. Там есть места, от которых г. Гройана из «Морнинг пост» и г. Редьярда Киплинга начнут преследовать кошмары, если только они вообще не лишатся сна, просмотрев его.

Я приложил все усилия, чтобы выяснить у Зиновьева и Зорина, чего, по их мнению, они добивались на бакинском съезде. И, по правде говоря, я не думаю, чтоб это было вполне понятно им самим. Сомневаюсь, чтоб у них была какая-нибудь ясная цель, если не считать смутного желания нанести через Месопотамию и Индию удар английскому правительству в ответ на те удары, которые оно наносило Советской республике при помощи Колчака, Деникина, Врангеля и поляков. Это контрнаступление почти так же неуклюже и глупо, как английское наступление, против которого оно направлено. Трудно себе представить, чтобы большевики могли надеяться, что между ними и разношерстной толпой недовольных, собравшихся на съезде, установится классовая солидарность. Один из самых эффектных номеров этого замечательно-го бакинского фильма — танец, исполненный джентльменом из окрест-

ностей Баку. В отороченной мехом куртке, папахе и сапогах он стремительно и искусно танцует что-то вроде чечетки. Вынув два кинжала, он берет их в зубы и устанавливает на них два других, лезвия которых оказываются в опасном соседстве с его носом. Наконец, он кладет себе на лоб пятый кинжал, продолжая с тем же искусством отбивать чечетку в такт типичной восточной мелодии. Подбоченясь, он изгибается и идет вприсядку, как это делают русские казаки, все время описывая медленные круги и не переставая хлопать в ладоши. Сейчас в хранящейся у меня свернутой в рулон копии фильма он ожидает подходящего случая, чтобы снова пуститься в пляс. Я пытался установить, был ли он типичным азиатским пролетарием или символизировал нечто иное, но так и не добился ясности. Однако в фильме ему отведены десятки ярдов пленки. Я с удовольствием воскресил бы Карла Маркса специально для того, чтоб посмотреть, как он будет глубокомысленно разглядывать его поверх своей бороды. Фильм не дает никаких указаний об отношении к этому танцору г. Тома Квелча.

Надеюсь, что я не обижу товарища Зорина, к которому питаю искреннее чувство дружбы, если признаюсь здесь, что не могу серьезно отнестись к его бакинскому съезду. Это был карнавал, театрализованное зрелище, красочная инсценировка. Было бы абсурдом считать это съездом пролетариата Азии. Но если сам по себе съезд не имеет большого значения, он важен как признак перемены курса. Для меня главный его смысл в том, что он свидетельствует о новой большевистской ориентации, представителем которой является Зиновьев. До тех пор, пока большевики непоколебимо придерживались учения Маркса, они обращали взоры на Запад, немало удивляясь тому, что «социальная революция» произошла не там, где она ожидалась, а значительно дальше на Восток. Теперь, когда они начинают понимать, что их привела к власти не предсказанная Марксом революция, а нечто совсем иное, они, естественно, стремятся установить новые связи. Идеалом русской республики по-прежнему остается исполинский «Рабочий Запада» с огромным серпом и молотом. Но если мы будем продолжать свою жесткую блокаду и тем самым лишим Россию возможности восстановить свою промышленность, этот идеал может уступить место кочевнику из Туркестана, вооруженному полудюжиной кинжалов. Мы загоним то, что останется от большевистской России, в степи и заставим ее взяться за нож. Если мы поможем какому-нибудь новому Врангелю свергнуть не такое уж прочное московское правительство, ошибочно полагая, что этим самым установим «представительный строй» и «ограниченную монархию», мы можем весьма сильно просчитаться. Всякий, кто уничтожит теперешнюю законность и порядок в России, уничтожит все, что осталось в ней от законности и порядка. Разбойничий монархический режим оставит за собою новые кровавые следы по всей русской земле

и покажет, на какие грандиозные погромы, на какой террор способны джентльмены, пришедшие в ярость; после недолгого страшного торжества он распадется и сгинет. И тогда надвинется Азия. Снова, как тысячу лет назад, на огромной равнине, до берегов Днестра и Немана, всадник будет грабить крестьянина и крестьянин подстергать всадника. Города превратятся в груды развалин среди безлюдной пустыни, железнодорожные пути — в ржавый лом, пароходы исчезнут с затихших рек...

Бакинский съезд произвел на Горького глубоко удручающее впечатление. Ему мерещится кошмарное видение — Россия, уходящая на Восток. Быть может, и я заразился его настроением.

4. Созидательная работа в России

В первых трех главах я старался изложить свои впечатления от происходящего в России — стране, где цивилизация, не имевшая достаточно глубоких корней, благодаря бездарному царскому правительству, невежественности и, наконец, изнурительной шестилетней войне пришла в окончательный упадок. Я рассказал о безнадежном состоянии науки и искусства, о почти полном исчезновении жизненных благ и удобств. Надо сказать, что в Вене положение не менее серьезно, и там тоже погибают от голода такие выдающиеся ученые, как профессор Маргулис. Если бы Англии пришлось вынести еще четыре года войны, почти то же самое происходило бы и в Лондоне. В наших каминах сейчас не было бы угля, мы ничего не получали бы по своим продуктовым карточкам, и магазины Бонд-стрит были бы так же пусты, как магазины Невского. Большевицское правительство не несет ответственности ни за то, что эти бедствия произошли, ни за то, что они продолжают.

В своем рассказе я старался также дать беспристрастную оценку деятельности большевицкого правительства. Большевики, составлявшие менее пяти процентов населения, сумели захватить и удержать власть в стране только потому, что во время этой грандиозной катастрофы они явились единственной группой людей, связанных общностью убеждений и стремлений. Я не разделяю их убеждений, мне смешон их пророк Маркс, но я понимаю и уважаю их стремления. Несмотря на все свои недостатки — а их отнюдь не мало, — только они могли стать стержнем возрождающейся России. И только на основе Советской власти может она вернуться к цивилизации. Огромная масса населения России — крестьяне, неграмотные, жадные и политически пассивные. Они суеверны, постоянно крестятся и прикладываются к иконам — особенно это заметно в Москве, — но они далеки от истинной религии. Политические и социальные вопросы интересуют их только, поскольку дело идет об их собственных нуждах. В основном большевиками они доволь-

ны. Православный священник совершенно не похож на католического священника Западной Европы; он сам — типичный мужик, грязный и неграмотный, не имеющий никакого влияния на совесть и волю своей паствы. Ни у крестьян, ни у духовенства нет никакого творческого начала. Что касается остальных русских, как в самой стране, так и за ее пределами, — это пестрая смесь более или менее культурных людей, не связанных ни общими политическими идеями, ни общими стремлениями. Они способны только на пустые споры и беспочвенные авантюры.

Политический облик русских эмигрантов в Англии вызывает презрение. Они бесконечно твердят о «зверствах большевиков»: крестьяне поджигают усадьбы, разбежавшаяся солдатня грабит и убивает в глухих переулках, и все это — дело рук большевистского правительства. Спросите их, какое же правительство они хотят вместо него, и в ответ они несут избитый вздор, обычно приспособляясь к предполагаемым политическим симпатиям своего собеседника. Они надоедают вам до тошноты, восхваляя очередного сверхчеловека, Деникина или Врангеля, который наведет, наконец, полный порядок, хотя одному Господу Богу известно, как он это сделает. Эти эмигранты не заслуживают ничего лучшего, чем царь, и они не в состоянии даже решить, какого царя они хотят. Лучшая часть русской интеллигенции, еще оставшаяся в России, постепенно начинает — во имя России — пока неохотно, но честно сотрудничать с большевиками.

Сами большевики — марксисты и коммунисты. Как я уже говорил, они оказались у власти в России в полном противоречии с учением Карла Маркса. Почти все их силы поглощены глубоко патриотической борьбой с нападениями, вторжениями, блокадой и всякого рода другими бедствиями, которые западные державы с жестоким упорством обрушивают на потрясенную трагической катастрофой страну. Остаток сил уходит у них на то, чтобы спасти Россию от голодной смерти и установить какой-то общественный порядок среди всеобщего развала. Я уже говорил, что большевики исключительно неопытны как государственные деятели, — это интеллигенты-эмигранты из Женевы и Хэмпстэда и сравнительно малокультурные рабочие, вернувшиеся из Соединенных Штатов. Со времен ранних мусульман, захвативших власть над Египтом, Сирией и Месопотамией, история не знала еще такого дилетантского правительства.

Я думаю, что многие из большевиков в глубине души порядком обеспокоены гигантским объемом стоящих перед ними задач. Но их, а следовательно, и Россию спасает одно — их коммунистические убеждения. И англичанам пришлось узнать во время подводной войны, что перед лицом голода у городского населения только два выхода: гибель или общественный контроль. У себя в Англии мы вынуждены были ввести контроль над распределением продовольствия, мы вынуждены были

подавить спекуляцию суровыми законами. Коммунисты, придя к власти в России, немедленно провели все это в жизнь, исходя из своих убеждений, сделав, таким образом, самый необходимый шаг для преодоления царящего в стране хаоса. Вопреки всем русским привычкам и традициям они установили самый жесткий контроль и нормирование. Их карточная система, по-видимому, проводится в жизнь, насколько позволяют характер и условия теперешнего производства и потребления в России; на бумаге она совершенно безупречна. Легко подмечать ошибки и недостатки, но гораздо труднее указать, как их избежать, когда имеешь дело с истощенной и дезорганизованной страной. Россия находится сейчас в таком состоянии, что если даже предположить, что большевики будут свергнуты и на смену им придет другое правительство — безразлично какое, — ему пришлось бы сохранить введенную большевиками карточную систему, продолжать сурово наказывать и расстреливать спекулянтов и пресекать сомнительные политические авантюры. В тяжких условиях блокады и голода большевики делают в силу своих убеждений то, что другое правительство вынуждено было бы сделать в силу необходимости.

Перед лицом величайших трудностей они стараются построить на обломках прошлого новую Россию. Можно оспаривать их идеи и методы, называть их планы утопией, можно высмеивать то, что они делают, или бояться этого, но нельзя отрицать того, что в России сейчас идет созидательная работа. Часть большевиков действительно упрямые, несговорчивые доктринеры, фанатики, верящие в то, что одно лишь уничтожение капитализма, отмена торговли и денег и стирание всех классовых различий само по себе обеспечит приход некоего унылого золотого века. Среди них есть и такие тупицы, которые способны отменить преподавание химии, если только не заверить их, что это «пролетарская» химия, или наложить запрет на любой орнамент, как реакционный, если в нем не фигурирует сочетание букв РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика). Я говорил уже, что изучение древнееврейского языка запрещено, как «реакционное» занятие. Когда я жил у Горького, мне часто приходилось присутствовать при его ожесточенных спорах с некоторыми деятелями нового режима, которые держались крайних взглядов и отрицали всю литературу прошлого, за исключением произведений с революционными тенденциями. Но в новой России есть и люди с широкими взглядами, и, если им дадут возможность, они будут строить и, вероятно, строить хорошо. Среди людей такой творческой силы я могу назвать самого Ленина, который поразительно вырос со времен своей эмиграции и недавно выступил с резкой критикой экстремистских заскоков в своей собственной партии, Троцкого, который никогда не был экстремистом и обладает большими организаторскими способностями, Луначарского — нарко-

ма просвещения, Рыкова — руководителя Совета Народного Хозяйства, Лилину — из петроградского отдела народного образования и Красина — главу торговой делегации в Лондоне. Это имена, которые первыми пришли мне в голову, но ими отнюдь не исчерпывается список подлинных государственных деятелей в большевистском правительстве. Эти люди добились уже известных успехов, несмотря на блокаду, гражданскую войну и интервенцию. Им приходится работать над восстановлением страны, обнищавшей до такой степени, какую английский или американский читатель даже представить себе не может, к тому же еще с исключительно беспомощным аппаратом. Россия сейчас нуждается в административно-технических кадрах даже еще больше, чем в медикаментах и продовольствии. Самое обычное делопроизводство в русских правительственных учреждениях ведется из рук вон плохо, с неопишущей расхлябанностью и небрежностью. Создается впечатление, что служащие тонут в ворохе неразобранных дел и горах окурков. И этого тоже не смог бы изменить никакой контрреволюционный переворот; это неотъемлемая черта современной русской действительности. Если бы кто-нибудь из военных авантюристов, которым покровительствуют западные державы, по роковой случайности захватил власть в России, это лишь прибавило бы к общему развалу пьяный разгул, казнокрадство и засилье развратных содержанок. Как бы плохо ни отзываться о большевиках, невозможно отрицать, что подавляющее большинство из них ведет не просто трудовую, но прямо аскетическую жизнь.

Я говорю об этой русской неорганизованности с особенной резкостью, потому что из-за нее я не смог встретиться с Луначарским. Ради того, чтобы побеседовать в течение полутора часов с Лениным и Чичериным, мне пришлось потратить около 80 часов на разъезды, телефонные переговоры и ожидание. При таких темпах для встречи с Луначарским мне понадобилась бы по меньшей мере еще неделя, а я торопился попасть на пароход, совершавший нерегулярные рейсы между Ревелем и Стокгольмом. Все мое пребывание в Москве было исковеркано глубоко раздражающей неразберихой. По столице меня сопровождал матрос с серебряным чайником, совершенно не знавший города, а договариваться по телефону о моих встречах должен был американец, плохо владевший русским языком. Хотя я сам слышал, как Горький заранее договорился по междугородному телефону о моей встрече с Лениным, в Москве мне заявили, что там ничего не знали о моем приезде. Наконец, когда я возвращался в Петроград, меня посадили в самый медленный поезд, который шел 22 часа вместо 14. Все это может показаться мелочами, не стоящими упоминания, но они приобретают весьма существенное значение, если учесть, что в России предо мной из всех сил старались шегольнуть деловитостью и порядком. Когда, сев в вагон, я узнал, что мы тащимся с черепашьей скоростью, а курьерский поезд

ушел три часа назад, в то время как мы томились в вестибюле нашего особняка у своих чемоданов, нетерпеливо ожидая, пока за нами придут, на меня снизошел дух красноречия и уста мои разверзлись. Я поговорил с нашим гидом как мужчина с женщиной и высказал ему все, что я думаю о русских порядках. Он почтительно выслушал мою язвительную тираду и, когда я, наконец, остановился, ответил мне извинением, характерным для теперешнего умонастроения русских: «Видите ли, блокада...»

Хотя мне не удалось лично повидаться с Луначарским, я сумел познакомиться со многим, что сделано им в области народного просвещения. Основной материал, с которым приходится иметь дело работнику народного просвещения, — это люди, а в них, во всяком случае, Россия все еще не испытывает недостатка; так что в этом отношении Луначарский находится в лучшем положении, чем большинство его коллег. И должен признаться, что работа большевиков в этой области, к которой я сперва отнесся с большим недоверием и предубеждением, оказалась мне поразительно плодотворной, если принять во внимание стоящие перед ними огромные трудности.

Начало было весьма неудачным. Как только я приехал в Петроград, я попросил показать мне школу, и это было сделано на следующий день; я уехал оттуда с самым неблагоприятным впечатлением. Школа была исключительно хорошо оборудована, гораздо лучше, чем рядовые английские начальные школы; дети казались смыслеными и хорошо развитыми. Но мы приехали после занятий и не смогли побывать на уроках; судя по поведению учеников, дисциплина в школе сильно хромала. Я решил, что мне показали специально подготовленную для моего посещения школу и что это все, чем может похвалиться Петроград. Человек, сопровождавший нас во время этого визита, начал спрашивать детей об английской литературе и их любимых писателях. Одно имя господствовало над всеми остальными. Мое собственное. Такие незначительные персоны, как Мильтон, Диккенс, Шекспир, копошились у ног этого литературного колосса. Опрос продолжался, и дети перечислили названия доброй дюжины моих книг. Тут я заявил, что абсолютно удовлетворен всем, что видел и слышал, и не желаю больше ничего осматривать — ибо, в самом деле, чего еще я мог желать? — и покинул школу с натынутой улыбкой, возмущенный организаторами этого посещения.

Через три дня я внезапно отменил всю свою утреннюю программу и потребовал, чтобы мне немедленно показали другую школу, любую школу поблизости. Я был уверен, что первый раз меня вводили в заблуждение и теперь-то я попаду в поистине скверную школу. На самом деле все, что я увидел, было гораздо лучше — и здание, и оборудование, и дисциплина школьников. Побывав на уроках, я убедился в том, что обучение поставлено превосходно. Большинство учителей — женщины

средних лет; они производят впечатление опытных педагогов. Я выбрал урок геометрии, так как он излагается универсальным языком чертежей на доске. Мне показали также массу отличных чертежей и макетов, сделанных учениками. Школа располагает большим количеством наглядных пособий; из них мне особенно понравилась хорошо подобранная серия пейзажей для преподавания географии. Там есть также много химических и физических приборов, и они, несомненно, хорошо используются. Я видел, как готовили обед для детей (в Советской России дети питаются в школе); он был вкусно сварен из продуктов гораздо лучшего качества, чем обед, который мы видели в районной кухне. Все в этой школе производило несравненно лучшее впечатление. Под конец мы решили проверить необычайную популярность Герберта Уэллса среди русских подростков. Никто из этих детей никогда не слышал о нем. В школьной библиотеке не было ни одной его книги. Это окончательно убедило меня в том, что я нахожусь в совершенно нормальном учебном заведении. Теперь я понял, что в первой школе меня вовсе не хотели ввести в заблуждение относительно состояния обучения в России, как я решил в гневе, а все произошло потому, что мой литературный друг, критик г. Чуковский, горячо желая показать мне, как меня любят в России, подготовил эту невинную инсценировку, слегка позабыв о всей серьезности моей миссии.

После того как я собрал дополнительный материал и обменялся впечатлениями с теми, кто побывал в России, в частности с д-ром Хэйденом Гэстом, который тоже «застал врасплох» несколько школ в Москве, я пришел к убеждению, что в условиях колоссальных трудностей в Советской России непрерывно идет грандиозная работа по народному просвещению и что, несмотря на всю тяжесть положения в стране, количество школ в городах и качество преподавания неизмеримо выросли со времен царского режима. (Все это, как и в других случаях, почти не касается крестьянства, за исключением некоторых «показательных» районов.) Школы, которые я видел, не отличались от хороших средних школ Англии. Туда принимают всех, и делаются попытки ввести обязательное обучение. Конечно, Россия сталкивается с особыми затруднениями. Во многих школах не хватает учителей; не всегда удается заставить посещать занятия детей, которые предпочитают заниматься уличной торговлей. Большая часть нелегальной торговли в России ведется детьми. Их труднее поймать, чем взрослых; к тому же русские коммунисты — убежденные противники наказания детей. А русские дети развиваются поразительно быстро для северян.

Совместное обучение подростков до 15–16 лет в стране с такими расшатанными устоями, как Россия наших дней, привело к дурным последствиям. Я узнал об этом, когда бывший глава петроградской Чрезвычайной Комиссии Бакаев и его коллега Залуцкий приехали к Горько-

му посоветоваться по этому вопросу. Они совершенно откровенно обсуждали все это при мне, и их разговор тут же переводился на английский. Мне показали собранные и опубликованные большевиками потрясающие статистические данные о моральном разложении петроградской молодежи. Не знаю, как бы они выглядели по сравнению с английскими статистическими данными, если таковые имеются, о некоторых страшных для молодежи районах Лондона или таких славящихся своими притонами городах, как Ридинг. (Читателю следует ознакомиться с отчетом фабианского общества о состоянии проституции, озаглавленным «Пути падения».) Не знаю, каков был бы результат сопоставления этих данных с тем, что было при царском режиме. Я не могу даже судить о том, в какой степени это ужасное явление в России можно отнести за счет отчаяния, вызванного нуждой и тяжелыми жилищными условиями. Несомненно только, что в городах России наряду с подъемом народного просвещения и интеллектуальным развитием молодежи возросла и ее распущенность, особенно в вопросах пола; и все это происходит в то время, когда старшее поколение соблюдает беспримерную, пуританскую моральную чистоту. Тяжелая нравственная лихорадка, переживаемая русской молодежью, — единственное темное пятно на фоне успехов народного просвещения в России. Я думаю, что в основном ее нужно рассматривать как одно из проявлений общей социальной разрухи; в любой европейской стране война вызвала заметное ослабление моральных устоев молодежи, но и сама революция, изгнав из школ немало старых, опытных педагогов и поставив под сомнение все моральные нормы, безусловно, способствовала, пока трудно сказать в какой степени, усилению неразберихи в этих вопросах в современной России.

Когда перед большевиками встали во весь рост проблемы голода, распада семейных очагов, социального хаоса, они начали брать городских детей под опеку государства, организуя для них школы с общежитиями. Подобно детям высших классов Англии, городские дети России учатся в школах-интернатах. Рядом со второй из посещенных мною в Петрограде школ находятся два больших здания — общежитие для мальчиков и общежитие для девочек. В этих учреждениях прививают детям навыки элементарной гигиены и приучают к моральной дисциплине. И этого тоже требуют не только коммунистические принципы, но и жестокая необходимость. Некоторые русские города постепенно превращаются по своим условиям в сплошные трущобы, и большевики вынуждены играть роль некоего гигантского д-ра Барнардо.

Мы познакомились с работой приемника-распределителя, куда приводят своих детей родители, не имеющие возможности в этих ужасных условиях уберечь их от влияния улицы, прокормить и содержать в чистоте. Приемник помещается в здании Европейской гостиницы, куда при

старом режиме приезжало поужинать множество веселых компаний. На крыше еще сохранился летний сад, где обычно играл струнный квартет, и, поднимаясь по лестнице, мы прошли мимо матового стекла, на котором золотыми буквами было написано по-французски «Coiffeur des Dames».

Изящные золоченые стрелки указывали путь в «Ресторан» — понятие, давно вышедшее из обихода мрачной петербургской действительности. Сюда приводят детей. Сперва их помещают в карантин, где выясняют, не больны ли они заразными болезнями, и проводят санитарный осмотр (у девяти из десяти новичков водятся насекомые), а затем — во второй карантин, где некоторое время проверяют, нет ли у них дурных привычек и каких-либо отклонений от нормы. Некоторых приходится отправлять в специальные школы для дефективных, остальные вливаются в общую массу детей, взятых под опеку государства, и распределяются по школам-интернатам.

Здесь мы, конечно, имеем дело с процессом «разрушения семьи», который идет полным ходом; опека распространяется на детей самого различного происхождения. Родители могут посещать своих детей в течение дня без особых ограничений. Но они не имеют права вмешиваться в вопросы воспитания, одежды и т.д. Мы провели некоторое время среди детей, всесторонне знакомясь с их жизнью в приемнике, и они показались нам здоровыми, довольными и счастливыми. Дело в том, что они находятся под присмотром очень хорошего персонала. Немало людей, политически неблагонадежных или открыто недовольных новым режимом, но желающих тем не менее служить России, находят в таких детских учреждениях работу, которую они могут выполнять с чистым сердцем и спокойной совестью. Оказалось, что моя переводчица хорошо знает даму, которая показывала нам приемник; они часто обедали и ужинали в Европейской гостинице в дни ее бывшего великолепия. Теперь эта дама очень скромно одета, у нее стриженные волосы, держится она очень серьезно; ее муж — белогвардеец и служит в польской армии, двое ее детей живут в интернате, и она по-матерински заботится о десятках других малышей. Чувствовалось, что эта женщина гордится работой своего учреждения, и она сама говорила нам, что в этом городе нужды, под угрозой надвигающегося голода, она живет гораздо более интересной и содержательной жизнью, чем в былые дни.

Объем книги не позволяет мне остановиться на всей той работе в области просвещения и воспитания, с которой мы познакомились в России. Я хочу сказать лишь несколько слов о доме отдыха для рабочих на Каменном острове. Это начинание показалось мне одновременно и превосходным и довольно курьезным. Рабочих посылают сюда на 2—3 недели отдохнуть в культурных условиях. Дом отдыха — прекрасная дача с большим парком, оранжереей и подсобными помещениями. В столовой — белые скатерти, цветы и т.д. И рабочий должен вести себя в соот-

ветствии с этой изящной обстановкой; это один из методов его перевоспитания. Мне рассказывали, что, если отдыхающий забудется и, откашлявшись, по доброй старой простонародной привычке сплюнет на пол, служитель обводит это место мелом и предлагает ему вытереть окверненный паркет. Аллея, ведущая к дому отдыха, украшена в футуристическом духе; у ворот возвышается огромная фигура рабочего, опирающегося на молот; она сделана из гипса, взятого из запасов хирургических отделений петроградских больниц... Но ведь, в конце концов, стремление перевоспитать рабочих, поместив их в культурную обстановку, само по себе не может вызывать возражений...

Мне трудно дать окончательную оценку многим из этих усилий большевиков. Можно сказать одно — здесь идет созидательная и просветительная работа, в которой перемешалось и достойное восхищения и нелепое, но, во всяком случае, появились островки созидающего, самоотверженного труда, вселяющего надежду на лучшее будущее в этом море ужасающей нужды и беспредельного упадка. Кто может сказать, окажутся ли они достаточно прочными, чтобы не дать погибнуть этой идущей ко дну стране? Кто может угадать, насколько они вырастут и окрепнут, если Россия получит передышку от гражданской войны и интервенции, от голода и нужды? Об этой-то обновленной России, России будущего, я и хотел больше всего поговорить с Лениным, направляясь в Кремль. Об этой беседе я расскажу в последней главе.

5. Петроградский Совет

В четверг, 7 октября, мы присутствовали на заседании Петроградского Совета. Нам говорили, что этот законодательный орган сильно отличается от английской палаты общин, и это действительно так. Работа этой организации, как и всех других в Советской России, показалась нам исключительно непродуманной и бесплановой. Трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность, как Петроградский Совет.

Заседание происходило в Таврическом дворце, когда-то принадлежавшем фавориту Екатерины II Потемкину. При царском режиме здесь заседала Государственная дума; я посетил ее в 1914 году и слышал скучные прения. Г-н Морис Беринг и один из Бенкендорфов провели меня на хоры для гостей, охватывавшие полукругом зал заседаний. В самом зале около тысячи мест, но большинство из них пустовало. Председатель, вооруженный колокольчиком, сидел на возвышении над трибуной; позади него расположились стенографистки. Я забыл, какой вопрос тогда обсуждался; во всяком случае, он не представлял большого интереса. Помню, Беринг обратил мое внимание на то, что среди депу-

татов Думы было много священников; их рясы и бороды заметно выделялись среди малочисленной аудитории.

На этот раз мы были уже не посторонними наблюдателями, а активными участниками заседания; нас поместили позади стола президиума, на возвышении, где обычно сидят члены правительства, официальные посетители и т.п. Стол президиума, трибуна и места для стенографисток — все оставалось как раньше, но атмосфера вялого парламентаризма сменилась обстановкой многолюдного, шумного, по-особому волнующего массового митинга. Вокруг нас, на возвышении позади президиума, на идущих полукругом скамьях, с трудом разместилось более двухсот человек — военные моряки, люди, принадлежавшие, судя по одежде, к интеллигенции и рабочему классу, много женщин с хорошими, серьезными лицами, один или два азиата и несколько человек неопределенного вида. Зал был битком набит; две или три тысячи человек, мужчин и женщин, занимали не только кресла, но все проходы, ступени и толпились под хорами, которые также были переполнены. Все они были членами Петроградского Совета, по существу представляющего собой совместную ассамблею всех районных Советов.

За столом президиума, спиной к нам, сидели Зиновьев, его правая рука Зорин и председатель. Обсуждались условия мира с Польшей. Чувствовалось, что люди остро переживают поражение и настроены против принятия условий поляков. Вскоре после нашего прихода Зиновьев произнес длинную и, насколько я могу судить, убедительную речь, подготавливая участников заседания к мысли о необходимости капитуляции. Польские требования возмутительны, но в данное время России приходится идти на уступки. После него выступил пожилой человек, который с ожесточением упрекал русский народ и правительство в безбожии; Россия, говорил он, несет наказание за свои грехи, и, пока она не раскается и не вернется в лоно религии, ее будет преследовать одно бедствие за другим. Хотя участники заседания не разделяли его взглядов, ему дали высказаться беспрепятственно. Затем открытым голосованием было принято решение заключить мир с Польшей. После этого наступил мой черед. Членам Совета сообщили, что я приехал из Англии, чтобы познакомиться с большевистским режимом; меня осыпали похвалами и затем призвали отнестись к этому режиму со всей справедливостью и не следовать примеру г-жи Сноуден, г. Гэста и г. Бертрана Рассела, которые воспользовались недавно гостеприимством Советской республики, а по возвращении стали неблагоприятно отзываться о ней. Я холодно отнесся к этим призывам; я приехал в Россию, чтобы беспристрастно оценить большевистское правительство, а не восхвалять его. Затем мне надлежало подняться на трибуну и обратиться с речью к переполненному залу. Я знал, что для

кое-кого, кто побывал в России до меня, эта трибуна оказалась роковой: им трудно было впоследствии объяснить, откуда взялись те речи, о содержании которых их переводчики с помощью радио оповестили весь мир. К счастью, я представлял себе, что последует, и, чтобы избежать недоразумений, написал короткую речь и приготовил точный перевод ее. Прежде всего, я совершенно недвусмысленно заявил, что я не марксист и не коммунист, а коллективист и что русским следует ждать мира и помощи в своих бедствиях не от социальной революции в Европе, а от либерально настроенных умеренных кругов Запада. Я сказал, что народы западных стран решительно стоят за мир с Россией, чтоб она могла идти своим собственным путем, но что их развитие может пойти иным, совершенно отличным от России путем. Закончив выступление, я вручил перевод своей речи Зорину, не только облегчив его задачу как переводчика, но и устранив этим всякую возможность недоразумений. Моя речь была напечатана в «Правде» полностью и без искажений.

Затем началось обсуждение предложения Зорина послать Зиновьева в Берлин на съезд независимых социалистов. Зорин — остроумный оратор, своим юмором он привел аудиторию в отличное настроение. Его предложение было принято открытым голосованием; затем последовали доклад и прения о выращивании овощей в окрестностях Петрограда. Этот практический вопрос вызвал в зале огромное оживление. Люди вскакивали, произносили короткие речи с места и снова усаживались; они кричали и перебивали друг друга. Все это гораздо больше напоминало многочисленный рабочий митинг в Куин Холле, чем работу законодательного органа в понимании западноевропейца.

Когда было покончено и с этим вопросом, произошло нечто еще более необычное. Все мы, сидевшие за трибуной, перешли в и без того переполненный до отказа зал и кое-как разместились там, а позади стола президиума был спущен экран; на хорах появился духовой оркестр, и началась демонстрация кинофильма в пяти частях об упомянутом мною выше бакинском съезде. Фильм смотрели с интересом, но аплодировали мало. В конце оркестр исполнил «Интернационал», а публика — прошу прощения! — Петроградский Совет начал расходиться под пение этой популярной песни. По существу, это был многочисленный митинг, который мог, самое большее, одобрить или не одобрить предложения правительства, но сам не способен ни на какую настоящую законодательную деятельность. По своей неорганизованности, отсутствию четкости и действенности Петроградский Совет так же отличается от английского парламента, как груда разрозненных часовых колесиков от старомодных, неточных, но все еще показывающих время часов.

6. Кремлевский мечтатель

Основной целью моей поездки из Петрограда в Москву была встреча с Лениным. Мне было интересно повидаться с ним, и я должен сказать, что был предубежден против него. На самом деле я встретился с личностью, совершенно не похожей на то, что я себе представлял.

Ленин — не человек пера; его опубликованные труды не дают правильного представления о нем. Написанные в резком тоне брошюры и памфлеты, выходящие в Москве за его подписью, полные ложных концепций о психологии рабочих Запада и упорно отстаивающие абсурдное утверждение, что в России произошла именно предсказанная Марксом социальная революция, вряд ли отражают даже частицу подлинного ленинского ума, в котором я убедился во время нашей беседы. В этих работах порой встречаются проблески вдохновенной проницательности, но в целом они лишь повторяют раз навсегда установленные положения и формулировки ортодоксального марксизма. Быть может, это необходимо. Пожалуй, это единственно понятный коммунистам язык; переход к новой фразеологии сбил бы их с толку и вызвал полную растерянность. Левый коммунизм можно назвать позвоночным столбом сегодняшней России; к сожалению, это неподвижный позвоночник, сгибающийся с огромным трудом и только в ответ на почтительную лесть.

Жизнь в Москве, озаренной ярким октябрьским солнцем и украшенной золотом осенней листвы, показалась нам гораздо более оживленной и легкой, чем в Петрограде. На улицах — большое движение, сравнительно много извозчиков; здесь больше торгуют. Рынки открыты. Дома и мостовые — в лучшем состоянии. Правда, сохранилось немало следов ожесточенных уличных боев начала 1918 года. Один из куполов нелепого собора Василия Блаженного, у самых ворот Кремля, был разбит снарядом и все еще не отремонтирован. Трамваи, которые мы видели, перевозили не пассажиров, а продукты и топливо. Считают, что в этом отношении Петроград лучше подготовлен к зиме, чем Москва.

Десять тысяч крестов московских церквей все еще сверкают на солнце. На кремлевских башнях по-прежнему простирают крылья императорские орлы. Большевики или слишком заняты другими делами, или просто не обращают на них внимания. Церкви открыты; толпы молящихся усердно прикладываются к иконам, нищим все еще порой удается выпросить милостыню. Особенной популярностью пользуется знаменитая часовня чудотворной Иверской Божией Матери возле Спасских ворот; многие крестьянки, не сумевшие пробраться внутрь, целуют ее каменные стены.

Как раз напротив нее на стене дома выведен в рамке знаменитый ныне лозунг: «Религия — опиум для народа». Действенность этой надписи, сделанной в начале революции, значительно снижается тем, что русский народ не умеет читать.

У меня произошел небольшой, но забавный спор насчет этой надписи с г. Вандерлипом, американским финансистом, жившим в том же правительственном особняке, где и мы. Он считал, что она должна быть уничтожена. Я находил, что ее стоит сохранить как историческую реликвию, а также потому, что веротерпимость должна распространяться и на атеистов. Но г. Вандерлип принимал это так близко к сердцу, что не мог понять моей точки зрения.

Особняк для гостей правительства, где мы жили вместе с г. Вандерлипом и предприимчивым английским скульптором, каким-то образом попавшим в Москву, чтобы лепить бюсты Ленина и Троцкого, — большое, хорошо обставленное здание на Софийской набережной (№ 17), расположенное напротив высокой кремлевской стены, за которой виднеются купола и башни этой крепости русских царей. Мы чувствовали себя здесь не так непринужденно, более изолированно, чем в Петрограде. Часовые, стоявшие у ворот, оберегали нас от случайных посетителей, в то время как в Петрограде ко мне мог зайти поговорить, кто хотел. Г. Вандерлип, по-видимому, жил там уже несколько недель и собирался пробыть еще столько же. С ним не было ни слуги, ни секретаря, ни переводчика. Он не обсуждал со мной свои дела и лишь два осторожно заметил, что они носят строго финансовый, экономический и отнюдь не политический характер. Мне говорили, что он привез рекомендательное письмо к Ленину от сенатора Хардинга, но я не любопытен по природе и не пытался ни проверить это, ни соваться в дела г. Вандерлипа. Я даже не спрашивал его, как вообще можно в коммунистическом государстве вести коммерческие переговоры и финансовые операции с кем бы то ни было, кроме самого правительства, и как можно иметь дело с правительством, совершенно не касаясь политики. Должен признаться, что все эти таинственные вещи выше моего понимания. Но мы вместе ели, курили, пили кофе и беседовали, соблюдая полнейшую сдержанность. Благодаря тому, что мы избегали упоминать о «миссии» г. Вандерлипа, она раздулась в нашем сознании до огромных размеров, и мысль о ней стала неотвязной.

Формальности, связанные с подготовкой моей встречи с Лениным, были утомительно длинны и вызывали раздражение, но вот, наконец, я отправился в Кремль в сопровождении г. Ротштейна, в прошлом видного работника «коммунистической партии в Лондоне», и американского «товарища» с большим фотоаппаратом, который, как я понял, тоже был сотрудником Наркоминдела.

Я помню Кремль в 1914 году, когда в него можно было пройти так же беспрепятственно, как в Виндзорский замок; по нему бродили тогда небольшие группы богомольцев и туристов. Но теперь свободный вход в Кремль отменен и попасть туда очень трудно. Уже в воротах нас ожидала возня с пропусками и разрешениями. Прежде чем мы попали к Ле-

нину, нам пришлось пройти через пять или шесть комнат, где наши документы проверяли часовые и сотрудники Кремля. Возможно, что это и необходимо для личной безопасности Ленина, но это затрудняет живую связь России с ним и — что еще важнее с точки зрения эффективности руководства — затрудняет его живую связь с Россией. Если то, что доходит до него, пропускается через некий фильтр, то так же фильтруется и все, что исходит от него, и во время этого процесса могут произойти весьма значительные искажения.

Наконец, мы попали в кабинет Ленина, светлую комнату с окнами на кремлевскую площадь; Ленин сидел за огромным письменным столом, заваленным книгами и бумагами. Я сел справа от стола, и невысокий человек, сидевший в кресле так, что ноги его едва касались пола, повернулся ко мне, облокотившись на кипу бумаг. Он превосходно говорит по-английски, но г. Ротштейн следил за нашей беседой, вставляя замечания и пояснения, и это показалось мне весьма характерным для теперешнего положения вещей в России. Тем временем американец взялся за свой фотоаппарат и, стараясь не мешать, начал усердно снимать нас. Беседа была настолько интересной, что все это шелканье и хождение не вызывало досады.

Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло. Мне говорили, что Ленин любит поучать людей, но он, безусловно, не занимался этим во время нашей беседы. Когда описывают Ленина, уделяют много внимания его смеху, будто бы приятному вначале, но затем принимающему оттенок цинизма; я не слышал такого смеха. Линии его лба напомнили мне кого-то, я никак не мог вспомнить, кого именно, пока на днях не увидел г. Артура Бальфура, сидевшего возле затененной лампы. У него в точности такой же высокий, покатый, слегка асимметричный лоб.

У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка; слушая собеседника, он шурит один глаз (возможно, эта привычка вызвана каким-то дефектом зрения). Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежавшими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые.

Через весь наш разговор проходили две — как бы их назвать — основные темы. Одну тему вел я: «Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?» Вторую тему вел он: «Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтоб подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?» Эти темы пе-

реплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Вторая тема возвращала нас к первой: «Что вам дала социальная революция? Успешна ли она?» А это, в свою очередь, приводило ко второй теме: «Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?»

До 1918 года все марксисты рассматривали социальную революцию как конечную цель. Пролетарии всех стран должны были соединиться, сбросить капитализм и обрести вечное блаженство. Но в 1918 году коммунисты, к своему собственному удивлению, оказались у власти в России, и им надлежало наглядно доказать, что они могут осуществить свой золотой век. Коммунисты справедливо ссылаются на условия военного времени, блокаду и тому подобное, как на причины, задерживающие создание нового и лучшего социального строя, но, тем не менее, совершенно очевидно, что они начинают понимать, что марксистский образ мышления не дает никакой подготовки к практической деятельности. Есть множество вещей — я упоминал некоторые из них, — за которые они не знают, как взяться... Но рядовой коммунист начинает негодовать, если вы осмелитесь усомниться в том, что при новом режиме все делается самым лучшим и самым разумным способом. Он ведет себя, как обидчивая хозяйка, которая хочет, чтобы ее похвалили за образцовый порядок в доме, хотя там все перевернуто вверх дном из-за переезда на новую квартиру. Такой коммунист напоминает забытых теперь суфражисток, обещавших рай на земле, как только удастся освободиться от тирании «установленных мужчиною законов». Но Ленин с откровенностью, которая порой ошеломляет его последователей, рассеял недавно последние иллюзии насчет того, что русская революция означает что-либо иное, чем вступление в эпоху непрестанных исканий. Те, кто взял на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим, пока, наконец, они не найдут тот, который наиболее соответствует их целям и задачам, писал он недавно.

Мы начали беседу с обсуждения будущего больших городов при коммунизме. Мне хотелось узнать, как далеко пойдет, по мнению Ленина, процесс отмирания городов в России. Разоренный Петроград навел мысль, которая раньше не приходила мне в голову, что весь внешний облик и планировка города определяются торговлей и что уничтожение ее, прямо или косвенно, делает бессмысленным и бесполезным существование девяти десятых всех зданий обычного города. «Города станут значительно меньше», — подтвердил Ленин. — «И они станут иными, да, совершенно иными». Я сказал, что это означает снос существующих городов и возведение новых и потребует грандиозной работы. Соборы и величественные здания Петрограда превратятся в исторические памятники, как церкви и старинные здания Великого Новгорода и храмы Пестума. Огромная часть современного города исчезнет. Ленин охотно

согласился с этим. Я думаю, что ему было приятно беседовать с человеком, понимавшим неизбежные последствия коллективизма, которых не могли полностью осознать даже многие его сторонники. Россию надо коренным образом перестроить, воссоздать заново...

А как промышленность? Она тоже должна быть реконструирована коренным образом?

Имею ли я представление о том, что уже делается в России? Об электрификации России?

Дело в том, что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов, сам впал в утопию, утопию электрификации. Он делает все, от него зависящее, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности. Он сказал, что в порядке опыта уже электрифицированы два района. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасла торговля и промышленность? Такие проекты электрификации осуществляются сейчас в Голландии, они обсуждаются в Англии, и можно легко представить себе, что в этих густонаселенных странах с высокоразвитой промышленностью электрификация окажется успешной, рентабельной и вообще благотворной. Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего предвидения.

— И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?

Будут перестроены не только города; деревня тоже изменится до неузнаваемости.

— Уже и сейчас, — сказал Ленин, — у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расширяться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой. Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед...

Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко. Говоря о крестьянах, Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать.

Я спорил с ним, доказывая, что большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. По традициям и привычкам русские — индивидуалисты и любители поторговать; чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию. Ленин спросил, что мне удалось повидать из сделанного в области просвещения. Я с похвалой отозвался о некоторых вещах. Он улыбнулся, довольный. Он безгранично верит в свое дело.

— Но все это только наброски, первые шаги, — сказал я.

— Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время, — ответил он.

Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все-таки может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся на необоснованную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальных трудностей сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново.

Ему хотелось услышать от меня побольше о моих впечатлениях от России. Я сказал, что, по-моему, во многих вопросах коммунисты проводят свою линию слишком быстро и жестко, разрушая раньше, чем они сами готовы строить; особенно это ощущается в Петроградской коммуне. Коммунисты уничтожили торговлю раньше, чем они были готовы ввести нормированную выдачу продуктов; они ликвидировали кооперативную систему вместо того, чтобы использовать ее, и т.д. Эта тема привела нас к нашему основному разногласию — разногласию между эволюционным коллективистом и марксистом, к вопросу о том, нужна ли социальная революция со всеми ее крайностями, нужно ли полностью уничтожать одну экономическую систему до того, как может быть приведена в действие другая. Я верю в то, что в результате большой и упорной воспитательной работы теперешняя капиталистическая система может стать «цивилизованной» и превратиться во всемирную коллективистскую систему, в то время как мировоззрение Ленина издавна неотделимо связано с положениями марксизма о неизбежности классовой войны, необходимости свержения капиталистического строя в качестве предварительного условия перестройки общества, о диктатуре пролетариата и т.д. Он вынужден был поэтому доказывать, что совре-

менный капитализм неисправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка, и пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и бесцельно эксплуатировать все, созданное руками человека, что капитализм всегда будет сопротивляться использованию природных богатств ради общего блага и что он будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его.

Должен признаться, что в споре мне пришлось очень трудно. Ленин внезапно вынул новую книгу Киоцца Монеи «Триумф национализации», с которой он, очевидно, был хорошо знаком.

— Вот видите, как только у вас появляется хорошая, действенная коллективистская организация, имеющая хоть какое-нибудь значение для общества, капиталисты сразу же уничтожают ее. Они уничтожили ваши государственные верфи, они не позволяют вам разумно эксплуатировать угольные шахты.

Он постучал пальцем по книге.

— Здесь обо всем этом сказано.

И в ответ на мои слова, что войны порождаются националистическим империализмом, а не капиталистической формой организации общества, он внезапно спросил:

— А что вы скажете об этом новом республиканском империализме, идущем к нам из Америки?

Здесь в разговор вмешался г. Ротштейн, сказал что-то по-русски, чему Ленин не придавал значения.

Невзирая на напоминания г. Ротштейна о необходимости большей дипломатической сдержанности, Ленин стал рассказывать мне о проекте, которым один американец собирался поразить Москву. Проект предусматривал оказание экономической помощи России и признание большевистского правительства, заключение оборонительного союза против японской агрессии в Сибири, создание американской военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессию сроком на пятьдесят — шестьдесят лет на разработку естественных богатств Камчатки и, возможно, других обширных районов Азии. Поможет это укрепить мир? А не явится ли это началом новой всемирной драки? Понравится ли такой проект английским империалистам?

Капитализм, утверждал Ленин, — это вечная конкуренция и борьба за наживу. Он прямая противоположность коллективным действиям. Капитализм не может перерасти в социальное единство или всемирное единство.

— Но какая-нибудь промышленная страна должна прийти на помощь России, — сказал я. — Она не может сейчас начать восстановительную работу без такой помощи...

Во время нашего спора, касавшегося множества вопросов, мы не пришли к единому мнению. Мы тепло распрощались с Лениным; на

обратном пути у меня и моего спутника снова неоднократно проверяли пропуск, как и при входе в Кремль.

— Изумительный человек, — сказал г. Ротштейн. — Но было неосторожно с его стороны...

У меня не было настроения разговаривать; мы шли в наш особняк вдоль старинного кремлевского рва, мимо деревьев, листва которых золотилась по-осеннему; мне хотелось думать о Ленине, пока память моя хранила каждую черточку его облика, и мне не нужны были комментарии моего спутника. Но г. Ротштейн не умолкал.

Он все уговаривал меня не упоминать г. Вандерлипу об этом проекте русско-американского сближения, хотя я с самого начала заверил его, что достаточно уважаю сдержанность г. Вандерлипа, чтобы нарушить ее каким-нибудь неосторожным словом.

И вот — снова дом на Софийской набережной, поздний завтрак с г. Вандерлипом и молодым скульптором из Лондона. Подавая на стол, старик слуга грустно глядел на наше скудное меню, вспоминая о тех великолепных днях, когда в этом доме останавливался Карузо и пел в одной из зал второго этажа перед самым избранным обществом Москвы. Г-н Вандерлип предлагал нам днем познакомиться с московским рынком, а вечером смотреть балет, но мы с сыном решили в тот же вечер уехать обратно в Петроград, а оттуда — в Ревель, чтобы не опоздать на пароход, уходящий на Стокгольм.

7. Заключение

Предыдущие главы написаны от первого лица и в очерковом стиле, так как я хотел, чтобы читатель ни на минуту не упускал из виду краткость нашего пребывания в России и ограниченность моих возможностей. Сейчас, заканчивая книгу, я хотел бы, если у читателя хватит терпения прочесть еще несколько строк, изложить с меньшей субъективностью и с большей ясностью свои основные соображения о положении в России. Эти соображения вытекают из моих глубоких убеждений и касаются не только России, но и всего будущего нашей цивилизации. Это всего лишь мои личные убеждения, но они глубоко волнуют меня, и потому я излагаю их без каких-либо оговорок.

Начнем с того, что Россия, которая представляла собой цивилизацию западного типа — наименее организованную и наиболее шаткую из великих держав, — сейчас представляет собой современную цивилизацию при последнем издыхании. Непосредственная причина крушения России — последняя война, которая привела ее к физическому истощению. Только благодаря этому большевики смогли захватить власть. История не знает ничего, подобного крушению, переживаемому Россией. Если этот процесс продлится еще год, крушение станет оконча-

тельным. Россия превратится в страну крестьян; города опустеют и обратятся в развалины, железные дороги зарастут травой. С исчезновением железных дорог исчезнут последние остатки центральной власти.

Крестьяне совершенно невежественны и в массе своей тупы, они способны сопротивляться, когда вмешиваются в их дела, но не умеют предвидеть и организовывать. Они превратятся в человеческое болото, политически грязное, раздираемое противоречиями и мелкими гражданскими войнами, поражаемое голодом при каждом неурожае. Оно станет рассадником всяческих эпидемических заболеваний в Европе и все больше и больше будет сливаться с Азией.

Крушение цивилизации в России и замена ее крестьянским варварством на долгие годы отрежет Европу от богатых недр России, от ее сырья, зерна, льна и т.п. Страны Запада вряд ли могут обойтись без этих товаров. Отсутствие их неизбежно поведет к общему обнищанию Западной Европы.

Единственное правительство, которое может сейчас предотвратить такой окончательный крах России, — это теперешнее большевистское правительство, при условии, что Америка и западные державы окажут ему помощь. В настоящее время никакое другое правительство там немыслимо. У него, конечно, множество противников, — всякие авантюристы и им подобные готовы с помощью европейских государств свергнуть большевистское правительство, но у них нет и намека на какую-нибудь общую цель и моральное единство, которые позволили бы им занять место большевиков. Кроме того, сейчас уже не осталось времени для новой революции в России. Еще один год гражданской войны — и окончательный уход России из семьи цивилизованных народов станет неизбежным. Поэтому мы должны приспособиться к большевистскому правительству, нравится нам это или нет.

Большевистское правительство чрезвычайно неопытно и неумело; временами оно бывает жестоким и совершает насилие, но в целом — это честное правительство. В нем есть несколько человек, обладающих подлинно творческим умом и силой, и они смогут, если дать им возможность и помочь им, совершить великие преобразования. Судя по всему, большевистское правительство старается действовать в соответствии со своими убеждениями, которых большинство его сторонников до сих пор придерживается с чуть ли не религиозным пылом. Если оказать большевикам щедрую помощь, они, возможно, сумеют создать в России новый, цивилизованный общественный строй, с которым остальной мир сможет иметь дело. Вероятно, это будет умеренный коммунизм с централизованным управлением транспортом, промышленностью и, позднее, сельским хозяйством.

Если народы западных стран хотят по-настоящему помочь русскому народу, они должны научиться понимать и уважать убеждения и прин-

ципы большевиков. До сего времени правительства западных стран самым грубым образом игнорировали эти убеждения и принципы. Советское правительство, как оно само о том заявляет, — коммунистическое правительство, и оно полно твердой решимости строить свою деятельность на принципах коммунизма. Оно отменило частную собственность и частную торговлю в России не из конъюнктурных соображений, а потому, что считало это справедливым; и во всей России не осталось сейчас лиц и организаций, занимающихся торговлей, с которыми мы могли бы вести дела на основе обычаев и норм западноевропейской торговой практики. Нам следует понять, что большевистское правительство в силу самой своей природы испытывает сильнейшее предубеждение против частных предпринимателей и торговцев и всегда будет, с точки зрения последних, обращаться с ними несправедливо и без уважения; оно всегда будет не доверять им и везде, где только возможно, ставить их в самое невыгодное положение. Оно считает их пиратами, а в лучшем случае — каперами. Поэтому частным лицам и фирмам нечего и думать о торговле с Россией. В этой стране есть только одно юридическое лицо, которое может предложить западному миру необходимые гарантии и с которым можно эффективно вести дела, а именно — само большевистское правительство, и для этого существует только один путь — создать какой-нибудь национальный, а еще лучше международный трест. Такой трест, который представлял бы одно или несколько государств и даже был бы номинально связан с Лигой Наций, мог бы иметь дело с большевистским правительством на равных началах. Ему пришлось бы признать это правительство и вместе с ним приняться за разрешение назревшей задачи создания материальной основы для восстановления условий цивилизованной жизни в европейской и азиатской частях России. По своей общей структуре он должен походить на один из тех крупных закупочно-распределительных трестов, которые сыграли такую важную роль в жизни европейских государств во время мировой войны. Этот трест имел бы дело с отдельными промышленниками, а большевистское правительство, со своей стороны, имело бы дело с населением России; за короткое время он мог бы стать совершенно незаменимым для большевистского правительства. Только по такому пути может развиваться торговля капиталистического государства с коммунистическим. Все попытки, которые делались в прошлом году и раньше, найти какой-либо способ вести частную торговлю с Россией без признания большевистского правительства, были с самого начала столь же безнадежны, как поиски северо-западного пути из Англии в Индию. Лед непреодолим.

Любая страна или группа стран, обладающая достаточными промышленными ресурсами, которая пойдет на признание большевистской России и будет оказывать ей помощь, неизбежно станет опорой, пра-

вой рукой и советником большевистского правительства. Она будет воздействовать на это правительство и, в свою очередь, подвергаться его воздействию. Страны, входящие в такой трест, станут более склонны к методам коллективизма, а с другой стороны, строгости, налагаемые крайним коммунизмом в России, вероятно, значительно смягчатся под их влиянием.

Соединенные Штаты Америки — единственная держава, которая может взять на себя роль такого спасителя, являющегося в последнюю минуту. Вот почему дело, которое замыслил предприимчивый и не лишенный воображения г. Вандерлип, представляется мне весьма значительным. Я сомневаюсь в положительных результатах его переговоров; возможно, они представляют собой лишь начальную стадию обсуждения русской проблемы на новой основе, которое может привести, наконец, к тому, что эта проблема будет решаться всеобъемлюще, в мировом масштабе. Так как мировые ресурсы истощены, если не считать США, другим державам придется объединить свои усилия, чтобы иметь возможность оказать России эффективное содействие. У коммунистов нет отвращения к ведению дел в большом масштабе; напротив, чем больше масштаб, тем больше и приближение к коллективизму. Это высший путь к коллективизму для немногих, в отличие от низшего пути, которым идут массы.

Я твердо убежден, что без такой помощи извне в большевистской России произойдет окончательное крушение всего, что еще осталось от современной цивилизации на территории бывшей Российской империи. Это крушение вряд ли ограничится ее пределами. Другие государства, к востоку и западу от России, одно за другим будут втянуты в обреченную таким образом пропасть. Возможно, что эта участь постигнет всю современную цивилизацию.

Эти соображения относятся не к какому-то гипотетическому будущему; излагая их, я пытался дать общую картину событий, развивающихся с огромной быстротой в России и во всем мире, и наметить возможные перспективы, — как все это мне представляется. Такова общая характеристика создавшегося положения, и я хотел бы, чтоб читатель руководствовался ею, знакомясь с моими очерками о России. Так я толкую письма на восточной стене Европы.

ЗАПАДНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА 1920–1930-х годов

ЭГОН ЭРВИН КИШ
(1885–1948)

У ФОРДА В ДЕТРОЙТЕ¹

При первом посещении заводов Форда бросаются в глаза распухшие щеки у всех рабочих. Вы спрашиваете, отчего это происходит. Вам отвечают: «Да мистер Форд — некурящий».

Это значит, что он не терпит курящих. О, не только за работой — рабочий за конвейером не имеет времени затянуться папироской. Но и до работы и по окончании ее курение воспрещается; никто не смеет курить ни в мастерских, где нет никаких воспламеняющихся частей и где и без того полно дыма и жару от печей, ни вне рабочих помещений, на улице, на площадях и у заболоченных пространств между фабричными зданиями, по которым тянутся дымящиеся поезда; в автобусе, который подвозит посетителей к разрешенным к осмотру отделениям завода; в столовых, где обедают инженеры и служащие.

Чтобы чем-нибудь заменить папиросы, персонал целыми днями жует табак, поэтому кажется, что у них всех распухшие щеки. Время от времени они выплевывают свою жвачку — плюют куда попало. В литейных отделениях они целятся в содовую воду, которая течет по раскаленному железу и кипящие брызги которой попадают в лица товарищей...

Ведь мистер Форд — некурящий.

В мастерских развозят на тележках съестные припасы. Пакетик с тремя бутербродами (два с мясом, один с вареньем) стоит пятнадцать цен-

---

¹ Репортаж написан во время путешествия Киша по США (1928–1929 гг.) и вошел в книгу «Американский рай». На русском языке репортаж опубликован в 1931 году. Пер. с нем. А. Ариан.

тов. За пять центов можно из котла получить порцию супа в бумажном бокале. Бутылка с горячим кофе стоит десять центов, но за пустую бутылку возвращают пять центов. Перед тележками и суповым котлом стоят длинные хвосты рабочих.

Приходится терять приблизительно восемь минут, прежде чем получишь свою порцию. Обеденный перерыв в мастерских, работающих в три смены, продолжается пятнадцать минут, в других — двадцать минут. Таким образом, горячий суп, бутерброды, кофе, который пьют прямо из горлышка бутылки, и — обязательно — яблоко надо проглотить за семь минут. Едят стоя или сидя на корточках. Скамеек или стульев нет. Столовые сданы на откуп трем обществам, строго ограничившим районы своей деятельности. Им не приходится бояться конкуренции, почему они и не заботятся об удобстве своих потребителей.

Мистер Форд не только некурящий, он также не является постоянным клиентом продуктовых тележек.

Посередине каждой залы помещается эстрада, где рабочие вешают свое платье, когда надевают рабочие халаты. Но это делают лишь немногие. Они предпочитают идти домой в пропотевшей рубашке и в пропотевшем костюме, без пальто, даже зимой, так как мало-мальски сносное платье воруют, если его оставляют незапертым. Работа в три смены у Форда происходит не так, что в определенное время сменяется вся партия рабочих, каждый рабочий сменяется в разные часы и минуты. Тот, кто покидает мастерскую в то время, как тысячи других еще заняты, может незаметно унести с собою одежду другого.

Мало уборных, и приходится становиться в очередь.

Мистер Форд не только, не курит и не питается у тележек и у котлов, но он и не снимает верхнего платья и не пользуется уборными в своих мастерских.

Новое здание «Rouge Plant» («Красная фабрика») названо так потому, что оно расположено у Rouge River (Красной реки). Мистер Форд желает, чтобы весь поселок назывался городом «City Ford» (Форсона), но против этого протестует община Дирборн, в которую входит этот участок.

Прежняя фабрика «Highland Park» как раз теперь ликвидируется, и помещение ее передано другому промышленному предприятию.

Тысячи служащих и рабочих поселились по соседству с этой фабрикой — и в одно прекрасное утро они проснулись на расстоянии десяти миль от места своей работы. Десятки тысяч служащих и рабочих не в состоянии оплатить квартирной платы в Детройте, и больше двух часов они тратят на поездку в «Rouge Plant», стоя почти весь путь, так как автобусы, трамваи и паромы переполнены. Рабочие, живущие вне трамвайной сети, обычно покупают маленький автомобиль и ездят за своими товарищами, взимая с них за это месячную плату. Это те автомобили рабочих, которые во множестве стоят перед американскими фаб-

риками и демонстрируются, как показатели благосостояния американских рабочих.

Однако некурящий Генри Форд живет в Дирборне.

Путем бесед с рабочими на фабриках не удастся дополнить те сведения, которые получаешь от администрации Форда. Во-первых, потому, что у рабочего нет времени на разговоры, во-вторых, потому, что ни у кого нет охоты попасть на подозрение. Зато невозможно познакомиться с кем-либо в Детройте или в окрестностях Детройта без того, чтобы разговор не перешел на Форда. Каждый начал там работать или работает еще и теперь на фабриках Форда; здесь имеются рабочие со всего мира, все они подвластны Форду, представляя собою как бы иностранный легион индустрии. Эти люди очень мало говорят о политике и не знают, кем является земляк, который так интересуется рассказами об условиях работы на фабрике. И все же от них ничего, кроме жалоб, не услышишь.

Самое ужасное, по их словам, — это *lay off*.

И это действительно самое ужасное.

За оплошность в работе, за незначительную ошибку (если бы ошибка была значительной, то рабочего без разговоров просто уволили бы) рабочего на время устраняют от работы на один день или на более долгий срок — до четырнадцати дней. Об этих единичных, производимых в виде наказания, локаутах вы не прочтете ничего в тех книгах, которые говорят о Форде.

В кодексе о наказаниях вы тоже не найдете ничего об этом. В кодексе о наказаниях говорится, что всякий, совершивший преступление, должен быть приведен к судье, который разбирает его дело на основании норм закона, выслушав свидетелей, экспертов и защитников. Но право, законы и применение их регулируются компанией Форда гораздо проще. Кто принял участие в споре, кто выпил во время работы глоток молока или кто замечен старшим мастером (*general foreman*) в чем-либо, тот временно устраняется. Если бы, к примеру сказать, Джон Д. Рокфеллер был также оштрафован за свою нерадивую работу у станка, то есть если бы он был лишен половины своего месячного заработка, то этот штраф ни в коем случае не был бы равносителен штрафу рабочего, теряющего свой двухнедельный заработок, ибо Джон Д. Рокфеллер мог бы покрыть этот убыток в миллион долларов из своих сбережений, рабочий же Форда не имеет шестидесяти долларов сбережений. Для рабочего эти четырнадцать дней безделья равносильны голодовке его и его семьи, упрекам и невольному шатанию без дела.

Конечно, он мог бы позаботиться о работе в другом месте — в Детройте достаточно автомобильных фабрик: Крайслер-Додж, Дженерал Мотор, Паккард, Студебекер, но пока он подыщет новую должность, уже пройдет этот срок наказания, и он может вернуться к Форду.

При обратном приеме его недельный заработок урезывается на двадцать пять долларов, что, конечно, идет в карманы карающего. Часто случается — так было весной 1927 года, — что десятки тысяч рабочих были отставлены по «технически-производственным причинам», скоро, однако, они были приняты вновь, но уже не по старым расценкам, а за пять долларов в день. (У Форда рабочая неделя состоит всего из пяти дней.)

Надо признать, что мистер Генри Форд из-за конкуренции других фирм, в особенности фирмы «Дженерал Мотор», уже не в состоянии так загребать деньги, как это было раньше. В этом виновато его упрямство. Подобно многим предпринимателям, которым удавалось благодаря удачной конъюнктуре использовать новое изобретение, Форд считал себя непогрешимым. Во время процесса, который Генри Форд затеял против газеты «Chicago Tribune», обвинявшей его в неинтеллигентности, он не выдержал самого простого экзамена на зрелость. Газета по окончании процесса объявила конкурс среди восьмилетних детей, которые должны были дать ответы на вопросы, предложенные Форду. Форд не писал сам «своих книг», от некоторых из них он впоследствии даже отрекся.

Он упрямо держался за модель автомобиля *T* даже тогда, когда новые модели давно опередили ее и она стала посмешищем. Вместо того чтобы со своим гигантским аппаратом держать в своих руках производство небольших автомобилей, он увлекся пропагандой маленьких аэропланов (flivver planes), массами терпевших аварию, и другими проектами, пока, наконец, не остановился на производстве модели *A* и восьмичилиндрового «линкольна». Тем временем конкуренты во многом его опередили.

Теперь он экономит на заработной плате.

Если рабочий получает увечье, то ему оказывают медицинскую помощь и он тотчас же опять становится на работу. Если он сломал правую руку, то ему дают такую работу, при которой нужна только левая рука: он становится одним из многочисленных substandard-men. 3595 отдельных манипуляций (всего их на заводе Форда 7882) могут быть выполнены рабочими с пониженной трудоспособностью: 670 манипуляций могут выполнять безногие, 2637 — одноногие, 2 — безрукие, 715 — однорукие и 10 — слепые. Рабочие по металлу продолжают свою работу даже в больнице: над кроватью черная затянутая клеенкой доска изображает станок, пациенты на ней прикрепляют шурупы к болтам. Все это настолько невероятно, что мы вынуждены процитировать из книги Генри Форда «Моя жизнь и мое дело» то, что он пишет о введении работы в больнице: «Находившиеся в больнице рабочие были в состоянии выполнять эти работы в такой же мере, как и рабочие на фабрике, благодаря чему они продолжали вырабатывать свой регулярный заработок. Более того: их производительность даже превышала на 20% произво-

длительность фабричных рабочих. Никого, конечно, не принуждали к работе, но все больные изъявили готовность работать. Работа помогала им убивать время, улучшала их сон и аппетит, и они быстрее поправлялись».

Тот, кто не в состоянии продолжать работу, не получает ни заработной платы, ни вспомоществования. Только в том случае, если рабочий на производстве получил увечье, перешедшее в инвалидность, он получает некоторую сумму, устанавливаемую на основании «билля о возмещении».

В первом этаже фабричного здания *В* происходит выдача заработной платы. Каждому рабочему приходится затратить приблизительно полчаса, пока он получит от кассира свой пакет с зарплатой. Прибавьте это к тем часам, которые рабочий тратит на поездку из дома на фабрику и обратно, и к восьмичасовому — почти непрерывному — рабочему дню!

Машинные отделения, в которые допускают посетителей, поражают блеском и чистотой. Вряд ли где еще в мире найти более сверкающую чистотой фабрику металлических изделий. Менее поражает чистота на силовых установках отделения для выдувки стекла, на бумажном и кожевенном производстве — количество занятых там людей сравнительно невелико. Тщательно подметенные или асфальтированные дороги и площади между восьмитрубными мастерскими представляют приятный контраст с остальным Детройтом. Даже прибрежная полоса болот в районе мастерских содержится в порядке, а локомотивы фордовской железной дороги Detroit—Toledo—Fronton сделаны из гладкого, как зеркало, никеля.

Под токарными станками моторных мастерских едва ли можно приметить крошечные кучки железных стружек, и бегущая линия конвейера сверкает, как горный ручей.

Рабочие стоят плечом к плечу, друг возле друга, каждый хватается из-под руки соседа бегущую по конвейеру часть, начинает выполнять свою работу перед самым лицом соседа слева и кончает свою долю работы непосредственно перед лицом соседа справа.

Конвейер бежит в буквальном смысле слова над самыми головами рабочих, прикасаясь к их волосам, на сверкающих цепях его висят различные предметы, как бы подарки на рождественской елке.

Каждый должен схватить предназначенный ему подарок, иначе «подарок» промчится дальше, а тогда получился бы недурной праздник.

Но почему такая теснота? Разве мы не видели больших свободных площадей в помещении фабрики, разве фабричные залы недостаточно высоки для того, чтобы расположить бегущую ленту несколько выше, так, чтоб она не угрожала головам рабочих?

О! далекие расстояния — это потеря времени. А время — это заработная плата. Вот причина этой тесноты, причина того, что отсутствуют скамьи или столы для обеда, отсутствуют раздевальни, где бы можно

было оставить свое платье, ощущается недостаток уборных, запрещено курить.

Ни одна секунда рабочего времени не теряется понапрасну, день и ночь бежит лента конвейера, в которую как бы вплетены люди.

Р-раз! — и натянута гайка. Р-раз! — и закрепляется болт. Р-раз! — два удара молотка.

Р-раз! — приставляется автогенное сверло — искры летят! Р-раз! — скреплены свинцовые пластинки, есть парафиновый картон, гильза, пачка свечей, вал! Каждый раз что-нибудь снимается с цепи. Движение рукой и результат, напряжение тела и концентрация внимания, человек и машина. Собранные моторы, гремящие на испытательных станциях!

«Final assembly line» — последний конвейер — напоминает уже не тихий ручеек, а бурную реку, длиною в 268 метров, со многими притоками. Из огромного чана с эмалевым лаком выскакивает задняя ось шасси; подкатываясь наверх, колеса, снабженные шинами, налетают на ось; над ними машут уже защитные от грязи крылья; вылетает шасси, на раму укрепляется мотор, радиаторы помещаются впереди, лакировщики брызжут краской; кузов с кожаными сиденьями, оконными стеклами и фонарями садится уже как цельное на другое целое, остается только закрепить его винтами.

Теперь становится ясным, что конвейер определяет темп работы, а не работа — темп конвейера. Лишь немногие из рабочих остаются около него, большинство уезжает за обрабатываемым ими предметом, сидя на тележках вышиною едва в тридцать сантиметров, вроде тех, какими пользуются для передвижения безногие нищие. Ноги рабочего волочатся по полу, он должен догонять части машины, над которой он работает, на ходу продолжая отделявать и полировать их.

Сумма всех отдельных частей все более приближается к тому, что называют автомобилем. Внезапно на сиденье шофера вскакивает человек и нажимает автомобильный рожок — раздается первый крик новорожденного, и по круто спускающейся ленте мчится живое существо все быстрее и быстрее. Вот оно отрывается от бегущей пуповины и вбегает в фабричный зал А — А.

Восемь инспекторов ощупывают и осматривают автомобиль. Пробуют ручки дверей, стекла, радиаторы, колеса. Каждый день здесь появляются на свет 550 автомобилей. Торговцы и их служащие, держа в руках номер автомобиля, ждут очереди и, накачав бак бензином, уезжают домой на новорожденной машине.

В Дирборне, в той части его, которую и Форд вынужден называть Дирборном, имеется аэродром и стоит его фабрика аэропланов: один ангар и два других, обращенных в мастерские. Здесь вы не найдете ни конвейера, ни тэйлоризма, ни фордизма. Фордовские металлические

трехмоторные аэропланы укрупненного типа «Ford-Tri-Motor stout type», вмещающие четырнадцать пассажиров и стоящие шестьдесят пять тысяч долларов, строятся по методу любой другой аэропланной фабрики.

Тем не менее и эту фабрику осматривают как достопримечательность туристы, а потому и тут имеется несколько музейных предметов: аэроплан «Pride of Detroit» («Гордость Детройта»), облетевший земной шар в 193 часа; аэроплан, участвовавший в арктической экспедиции капитана Берда; копия биплана, на котором Блерио в 1909 году перелетел через Ламанш...

Зачем, однако, приходить сюда туристам? Провожатый усиленно рекомендует посетителям совершить полет над Детройтом, плата восемь долларов...

Направо и налево от входа в гигантский комплекс фордовских заводов высится гряда холмов из железного лома: это остатки четырехсот военных судов, eagle boats, американского морского министерства. Они, как лом, переданы мистеру Форду.

Часть этого материала идет на выработку пригодной для автомобилей ванадиевой стали, остальная часть — на сооружение грузовых судов, плавающих по рекам Руж-ривер и Детройт-ривер.

Миновав эту ржаво-красную площадь, вы покидаете суверенные владения Форда в узком смысле. Вы можете уже закурить папиросу в автомобиле или на стоянке трамвая, вы едете домой через восточную часть Детройта — города, в котором совершается больше преступлений, чем в Чикаго, больше грабежей и убийств, преднамеренных и случайных, чем в какой бы то ни было стране мира.

Но мистер Форд — некурящий.

ШЕСТИДНЕВНЫЕ ГОНКИ¹

В десятый, значит в юбилейный, раз в Спортпаласе на Потсдамерштрассе неистовствуют шестидневные гонки. Тринадцать велосипедистов, из которых каждый принадлежит к определенной паре, в пятницу в девять часов вечера опустили ноги на педали, семь тысяч людей заняли свои дорого оплаченные места, и вот с тех пор день и ночь, ночь и день беснуется сумасбродная карусель. За двадцать четыре часа велосипедисты отмахивают семьсот километров: есть основание надеяться, что на этот раз они побьют мировой рекорд, тот самый исторический мировой рекорд, когда в 1914 году за шесть бессонных дней в Берлине отмахали

---

¹ Репортаж написан во время путешествия Киша по США (1928–1929 гг.) и вошел в книгу «Американский рай». На русском языке репортаж опубликован в 1931 году. Пер. с нем. А. Ариан.

не более и не менее как 4260,96 километра, после чего и грянула мировая война.

Шесть дней и шесть ночей тринадцать ездоков не глядят ни вправо, ни влево, а только прямо перед собой; они рвутся вперед, а между тем они все на том же месте, все на том же овале беговой дорожки, на продольных ее сторонах или на почти перпендикулярных кривых ее поворотов. Иногда все они жутко сбиваются в кучу, иногда отдельные ездоки оказываются то во главе роя, то в его хвосте, а иногда — и тут публика ревет «гип-гип!» — отстают от него на несколько метров; если же кто-нибудь и опередит остальных на один или два круга, то все равно он снова окажется там же, где был, снова прилепится к рою тринадцати. И так все они остаются на том же месте, хотя и спешат вперед, хотя и пролетают с головокружительной скоростью пространства, равные диагоналям Европы или расстояниям от Константинополя до Лондона и от Мадрида до Москвы. Но не увидеть им ни Босфора, ни Ллойд Джорджа, ни Эскуриала, ни Кремля, ничего похожего на гарем, ни одной леди-амазонки в Хайд-Парке и ни одной Кармен, соблазняющей дона Хозе. Они остаются все на том же месте, все в том же кругу, среди тех же людей, — смертельно серьезная, убийственная карусель. А когда дело подойдет к концу, когда пробьет сто сорок четвертый час, тогда первый, тот, кто уже близок к белой горячке, бессмысленно лепеча, свалится с велосипеда — одержит победу, явит собой образец закаленности.

Шесть дней и шесть ночей нажимают на педали тринадцать пар ног — правая нога на правую, левая — на левую, тринадцать спин сгибаются, головы беспрерывно кивают то вправо, то влево, смотря по тому, которая нога в этот миг нажимает, а тринадцать пар рук только и делают, что держат руль. Случается, что один из ездоков вытащит из-под сиденья бутылку лимонада и поднесет ко рту, не переставая перебирать ногами — правой, левой, правой, левой. Их тринадцать партнеров тем временем в полном изнеможении лежат в подземных стойлах, и им делают массаж.

Шесть дней и шесть ночей. На воле разносчицы тащат из экспедиции утренние газеты, из парка выходят первые вагоны трамвая, идут на фабрику рабочие, супруг дарит молодую жену утренним поцелуем, один полицейский сменяет на углу другого, в кафе входят посетители, кто-то обдумывает, какой ему сегодня повязать галстук, серо-черный, полосатый или же коричневый вязаный, доллар поднимается, преступник решается, наконец, сознаться, мать порет своего мальчугана, стучат пишущие машинки, фабричные гудки возвещают обеденный перерыв, в «Немецком театре» идет пьеса Георга Кайзера на тему о шестидневных гонках, кельнер не несет бифштекса, начальник увольняет служащего, у которого четверо детей, у кассы кино толпятся сотни людей, старый бонвиван соблазняет девчонку, дама красит волосы у

парикмахера, школьник решает арифметические задачи, в рейхстаге происходят бурные сцены, в залах филармонии — какие-то индийские празднества, дома в клозетах сидят люди и читают газету, кто-то в одной рубашке и подштанниках грезит, что он попал на бал, гимназист никак не может уснуть от страха, что он не сумеет завтра доказать Пифагорову теорему, врач ампутирует кому-то ногу, люди рождаются и люди умирают, распускается почка и увядает цветок, падает звезда и взбегается по стене дома маляр, светит солнце и обучаются стрельбе рекруты, гремит гром и исполняют свои обязанности банковские директора, в зоологическом саду кормят птиц и зверей и где-то справляют свадьбу, светит луна и принимает резолюции конференция послов, стучит мельничное колесо и томятся в темницах борцы за дело рабочего класса, человек добр и человек зол, а эти тринадцать, упершись задом в кожаный сферический треугольник, безостановочно мчатся по кругу, все кругом да кругом, мелькая наголо выбритой головой и волосатыми ногами, раскачиваясь направо, налево, направо, налево.

Мерно вращается земля, чтобы улавливать свет солнца, мерно вращается луна, чтобы быть ночником земли, мерно вращаются колеса, производя ценности, только человек бессмысленно вертится, неравномерно ускоряя свой бег по произвольной, совершенно произвольной эклиптике, впустую, целых шесть дней и шесть ночей. Если бы Творец солнца, земли, луны и человека поглядел из небесной мастерской на венец своего создания, на приписываемый ему автопортрет, то ему пришлось бы установить, что человек с самого Сотворения мира только и делает, что ступает по собственным следам правой, левой, правой, левой, что человек непрерывно маячит по одному и тому же кругу, как червяк, изогнув спину и шею, тем напряженней и яростней, чем более оскудевают его силы. Даже Эдгару По не выдумать бы, что на краю его страшного Мальстрема стоит приятно возбужденная толпа зрителей, поощряя смертоносное вращение водяной воронки возгласами «гип-гип!», а здесь именно это и происходит, здесь дважды тринадцать жертв сами создают себе Мальстрем, уносящий их в Оркус.

Инквизитор, который в мрачайшие годы средневековья изобрел бы такую пытку, назвав ее, скажем, «эллиптическим колесом», был бы сам предан колесованию, да на каком еще старофранкском, идиллическом колесе! Но в двадцатом веке должны существовать шестидневные гонки. Устанавливаются призы: например, в десять долларов для тех, кто окажутся первыми на десяти ближайших оборотах. Хриплый человек выкликает это в мегафон, поворачиваясь во все стороны в смешной и принужденной позе, и объявляет фамилию мецената, который почти всегда оказывается опереточным композитором, содержателем бара или фабрикантом кинофильмов. Раздается револьверный выстрел, и начинается борьба; тринадцать сердец — «гип-гип», бьющихся у всех

на глазах, бьются еще яростней, еще быстрее перебирают ноги: правой, левой, правой, левой; рев публики становится непомерным — «гип-гип»; чудится, будто находишься в палате буйно помешанных, да, почти что в парламенте; замкнутый строй ездовых распадается.

Разве беда, что голландец-фермер во вторую ночь слетел крутой параболой с велосипеда прямо в публику? Нет, это просто «аут». Разве что-нибудь меняется от того, что Тиц падает замертво? Нет, ничего не меняется. Если кто-нибудь убьется насмерть, какое тебе до этого дело? Что ж, случайность. Оскар Тиц выбыл из игры почти у самого старта. Гонки продолжаются. Катятся живые шары рулетки. «Гип, Гушка!» «Ну-ка, Адольф!» «Покажи-ка им!» «Плутуешь!»

С утра до полуночи дом битком набит, и с полуночи до утра еще бешеной кипит движение. Высоким сводом перекинут над беговой дорожкой мост, ведущий во внутреннее помещение. Во внутреннем помещении находятся два бара с джазбандом: бокал шампанского стоит три тысячи бумажных марок, бутылка — двадцать тысяч бумажных марок. Сидят голые дамы в вечерних туалетах, преступники в спецодежде (фрак и бальные башмаки). Устанавливают призы. Когда и эта забава наскучит, внимание с кривой гонок переносится на соседку, которая сама образует кривую. В изящной позе склоняется она к барьеру, кавалеры заглядывают к ней в декольте направо, налево, направо, налево. Вот они, шестидневные гонки ночной жизни. В партере и на трибунах толпятся германские националисты, социал-демократы, направо, налево, направо, налево, все места в Спортпаласе раскуплены еще за две недели, ложи и галереи битком набиты, направо, налево, направо, налево, целые районы на севере и на юге, должно быть, обезлюдели, пустуют дома наверху и внизу, направо, налево.

И больше половины мест удержано одержимыми, которые — статистика с торжеством устанавливает это — высиживают от старта до финиша всю стосорокачетырехчасовую гонку. В берлинских спортивных кругах известно, что институт Six Days (Шесть дней) имеет благотворное влияние даже на несчастные браки. Вырвавшийся из-под башмака жены муж шесть дней и шесть ночей может пребывать вне дома, бесконтрольно, не опасаясь супружеской головоломки. Даже ревнивец-супруг на шесть дней и ночей оставляет жену вне всякого подозрения и присмотра; она может идти, куда ей хочется, направо, налево, направо, налево. Преспокойно есть, пить и спать у своего друга, так как супруг телом и душой находится на шестидневных гонках. Зрители уже не сдвинутся с места, безразлично, получили ли они отпуск у начальника, сказались ли на службе больными, заперли ли свои лавки, предоставили ли заместителям распутывать дела, пропустят ли назначенное клиенту свидание. Только в виде исключения бывает, что их удовольствие прерывается до срока, как случилось, например, со спортолюбивым господи-

ном Вильгельмом Ганке из дома № 139 по Шенхаузер-штрассе. На третий день гонок упомянутый герольд возвестил в мегафон направо, налево, направо, налево, семитысячной толпе зрителей:

— Господину Вильгельму Ганке, с Шенхаузер-штрассе, 139, надо идти домой: его жена скончалась.

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ В ГОЛЛИВУДЕ¹

И не только положение статистов поражает того, кому удалось проникнуть в цитадель обетованной страны фильма. Подчас и «звездам» живется очень трудно.

Мы имели необыкновенное счастье столкнуться у ворот одной виллы со всемирно известной фильмовой дивой X, вышедшей оттуда.

— Она как раз хотела меня обработать, — сказал хозяин дома.

— Об-ра-бо-тать! В чью пользу? Зачем?

— Ей нечем заплатить за квартиру.

— Не понимаю!

— Вы не имеете никакого представления о том, что такое договор, мистер Киш!

— Нет, я имею представление.

«Договор — это клочок бумаги», — этому научился мистер Киш еще во время войны. Но теперь мистер Киш узнал, что так понимает договор только международное право, там, где договоры просто рвут и ради выгод нескольких человек жертвуют миллионами людей.

Но в кинематографической промышленности договоры отнюдь не клочки бумаги. Здесь договоры не могут быть порваны, даже если они сопряжены с открытой торговлей людьми и рабством.

Об этом редко приходится что-либо узнавать. Как раз те, кто является жертвой этих договоров, меньше всего стремятся к огласке их.

Уже давно не пользуются стеклянными домами для съемок, теперь живут в стеклянных домах. Съемки вне закрытых помещений производятся очень редко, но частная жизнь киноартистов протекает на глазах у всех. Кинодива остается в бюстгальтере и тогда, когда ложится в постель. Уверена ли она в том, что в углу комнаты не спряталась какая-нибудь почитательница или репортер, или, по меньшей мере, фотографическая камера?

— Что? — спросили меня испуганно. — Вы собираетесь писать о контрактах, мистер Киш? Какое дело обществу до контрактов и какое отношение имеют контракты к искусству?

---

¹ Репортаж написан во время путешествия Киша по США (1928–1929 гг.) и вошел в книгу «Американский рай». На русском языке репортаж опубликован в 1931 году. Пер. с нем. А. Ариан.

— Как сказать. Может быть, общественному мнению гораздо больше дела до контрактов, чем до супружеской и прочей частной жизни киноактеров. А к искусству контракты имеют, по меньшей мере, такое же отношение, какое имеют изготовленные в Голливуде фильмы! Если бы все социальные отношения не были здесь так извращены, то, вероятно, и искусство Голливуда вылилось бы в другие формы.

Мистер Киш будет писать о контрактах.

В картине Любича «Поцелуй меня еще раз» играла молодая девушка, Клара Боу. Она играла хорошо. Бен Шуберг, тогда еще маленький кинопредприниматель, ангажировал ее для своих очень дешевых фильмов на небольшое жалованье, с правом возобновления договора (правом односторонним, конечно, только для него) в течение пяти лет. Бен Шуберг сделал карьеру, он стал во главе производства «Famous Players» («Знаменитые артисты») и получил право покупать для этой богатой фирмы людей, то есть контракты. Кто может быть ближе к теперешнему главному директору Шубергу, чем прежний Шуберг, хозяин маленьких кино? Итак, Шуберг покупает у Шуберга договор на Клару Боу. Продавец Шуберг делает блестящее дело, но и покупатель тоже не в проигрыше, он может блестяще доказать своей фирме все выгоды покупки. Клара Боу получает еженедельно не меньше четырех-пяти тысяч писем от своих почитателей. И эта fan mail (фан — сокращенное слово «фанатик») и представляет на голливудской человеческой бирже, как свидетельство популярности, вполне реальную ценность. Еще важнее, конечно, сведения, доставленные кассами кинотеатров. Но и касса целиком за Клару Боу. Между тем Клара Боу при этой сделке личной материальной выгоды не получает. Даже если бы она нарушила контракт, она не могла бы выступать в другом кинообществе, так как они все связаны между собою картелем. В лучшем случае она получает прибавку к жалованью, «to be happy» (чтобы ее успокоить). Ведь она могла бы обратиться к суду или даже к прессе, а разоблачения относительно договоров — это тот единственный вид гласности, которого в Голливуде не терпят.

Сью Каррол, в действительности мисс Дедерер из Чикаго, приехала в Голливуд и познакомилась там с Маклином, молодым комиком, выступавшим в кино. Он пригласил девушку, заключил с ней договор на пять лет, с жалованьем от полутора до трехсот долларов. Так как его дело было весьма ненадежно, то в моменты затишья у себя он часто одалживал Сью Каррол за хорошую плату другим фирмам. В конце концов он уступил ее на целый год фирме «Фоксфильм», получая за нее по полторы тысячи долларов в месяц. Жалованье же Сью Каррол, согласно договорам, к этому времени повысилось. Она предлагает своему хозяину пятьдесят тысяч долларов чистоганом отступного, тот, однако, не желает освободить ее от контракта. Она подала в суд, который и разрешил это дело.

— Да, мистер Киш, контракт — это контракт! Она не должна была его подписывать.

Если бы Маклин, владевший по договору актрисой Сью Каррол, продолжал оставаться предпринимателем, то он не имел бы права взимать за «прокат» актрисы в восемь раз больше того, что составляет ее жалованье, так как фирмы договорились между собою взимать при «прокате» артистов сверх жалованья всего лишь 25%. Поэтому приходится прибегать к другим трюкам, чтобы обойти это абсолютно ясное условие и выколачивать более высокую плату за «прокат» артиста.

Например, Лупе Велец получает двести пятьдесят долларов жалованья. Конкурентная фирма телефонирует, что она желала бы заполучить для одного фильма эту артистку примерно на срок шесть—восемь недель за сумму в десять тысяч долларов.

— Нет, — сказал принципал этой дамы, не теряя присутствия духа, — ты можешь получить «диву», но только за тридцать пять тысяч долларов.

— Что вы, что вы! — возражает конкуренция на беглом английском языке.

— Да, видите ли, мы хотим через пять недель начать крутить фильм, — лжет продавец. — Если же она будет играть у вас, то мы ее не можем использовать. Она освободилась бы для нас только через пять месяцев. Вот эти-то пять месяцев плюс двадцать пять процентов лишку вы и должны заплатить.

И это платит другая фирма.

— Да, мистер Киш, это случается очень часто. В конце концов общества платят своим артистам жалованье не для того, чтобы конкурентные фирмы могли их использовать в случае надобности.

Кинофирма *А* желает пригласить режиссера, который работает у фирмы *Б*, но имеет право ее покинуть.

Составляется предварительный договор между фирмой *А* и режиссером. Жалованье определяется в полторы тысячи долларов в неделю.

— А сколько вы теперь получаете? — спросил представитель фирмы *А*.

Лгать не имеет никакого смысла, так как *А* все равно вызовет по телефону *Б* и осведомится о получаемом режиссером жалованье. Фирмы же обязались говорить друг другу только правду относительно цен на людей. Поэтому режиссер честно отвечает ему:

— Девятьсот.

— Не сердитесь, — отвечает на это *А* и разрывает предварительный договор, — тогда мы вас просто купим у *Б*.

Договор обыкновенно заключается на пять лет. Право подтвердить договор через год или полгода всегда односторонне. Это значит, что только фирма вправе продлить договор.

Артист не должен вести переговоры с фирмой даже частным образом, точно так же и фирма не вправе частным образом вести перегово-

ры с уже ангажированным артистом. Такие переговоры рассматриваются как нарушение контракта и наказуются тем, что артист остается пять лет без ангажемента.

Неоднократно происходит следующее: в последнюю неделю ноября артист запрашивает свою фирму о том, не может ли он расторгнуть договор. Он этого желает, так как ему известно, что другая фирма взяла бы его на работу: в новой картине этой фирмы имеется роль, для которой режиссер наметил его. Поэтому он спрашивает своего принципала: «Могу ли я расторгнуть договор?» — «Нет». Между тем неделю спустя, 30 ноября, общество, в котором он работал, не возобновляет договора, роль же, предназначенная артисту в другой фирме, уже занята. Теперь ему только и остается одно — выпрашивать себе работу или поручить это дело тем «четырнадцати агентам», выручающим из беды безработных артистов.

Но четырнадцать голливудских агентов этого не делают. Они только рассылают списки предпринимателям: «Мы поддерживаем просьбу...» Если на предложение агентов приходит предложение работы или если артист сам получает ангажемент, то агент получает 10% с жалования артиста. Без всякого торга. Цены при сношениях фирм, работающих в разных штатах, не должны рассматриваться как коммерческая тайна, и он, как безработный «свободный художник», *free lancer*, получает при новом ангажементе, как самый высокий оклад, лишь то, что он получал в прошлый ангажемент. Случаи повышения оклада чрезвычайно редки: это бывает лишь тогда, когда артист достиг большого успеха или когда несколько фирм одновременно приглашают его.

Достиг успеха! Успех определяет амплуа. Тот, кто не ангажирован, большей частью считается просто хорошим артистом, поскольку он дает возможность артисту, достигшему успеха, пожинать лавры также и в дальнейшем. Как правило, артисты на второстепенных ролях играют в гораздо худших условиях, чем протагонисты: они должны брать любые роли, также и роли злодеев, благодаря чему бывают случаи, что артисты теряют навеки весь свой капитал — свою популярность симпатичного юноши. Ведь благодаря фильму земной шар обратился в ту тирольскую деревню, в которой был избит артист, игравший Франца Моора.

Отклонить роль? Мауриц Штиллер отказался взять на себя режиссуру фильма «Все преходяще». Он отказался расточать свои творческие силы благородных артистов и миллионы долларов на претворение в жизнь такой дрянной рукописи.

— Знаете ли вы, — сказал Шуберг с достоинством, — что этим отказом вы лишаетесь вашего жалования в двадцать пять тысяч долларов?

— А если бы и так, — ответил швед.

И Штиллер уехал из Голливуда, уехал в Европу. Теперь он умер.

Не всякий, попавший в эту тюрьму, в этот Синг-Синг киноиндустрии, получает одну и ту же меру наказания: один переносит свое положение легче, другой — тяжелее; один почитает себя счастливым оттого, что он в золотой клетке, другой счастлив тем, что его клетка кажется ему золотой, а третий счастлив оттого, что его домашние почитают его клетку золотой...

Мы встретились с молодой артисткой. Она живет более чем скромно, более чем бедно. Но она с гордостью показывает нам журналы своего отечества, скажем, Испании. Ее портрет на заглавном листе журнала, открытые письма, которые она послала, воспроизводятся, отпечатываются в виде facsimile, все газеты ее страны по телеграфу просят ее высказаться по тому или другому вопросу для помещения ее изречения в рождественском номере; девушки и юноши забрасывают ее письмами, расспрашивая, как бы это устроить, чтобы тоже очутиться в счастливом Голливуде; ей предлагают руку и сердце. Она остается в Голливуде, может быть, из-за этого, может быть, в надежде все же когда-нибудь сыграть роль.

Любовь и брак регулируются железными законами. В каждом договоре имеется пункт, по которому фирма вправе расторгнуть договор, если поведение артиста или артистки вызывает публичное порицание. И фирма это делает, ибо, как ни сильна кинопромышленность, сплетня сильнее ее, в особенности сплетня, пущенная в печать, и еще сильнее всех — власть сексуальной зависти на этом пуританском, фарисейском континенте.

Если какой-нибудь знаменитый артист попался в сети женщины, которая записалась к нему в ученицы, а затем, достигши своей цели, стала домогаться брака с ним, то он хорошо сделает, если воспользуется улетающим из Лос-Анджелоса в Нью-Йорк в шесть часов вечера аэропланом и захватит там ближайший пароход, уходящий в Европу. Коллеги помогут ему собраться в путь.

Не без зависти прислушиваются обожаемые публикой кинолюбимцы к заурядным приключениям, рассказываемым европейским посетителем. Они не могут позволить себе этого. Если вы отправляетесь с каким-нибудь всемирно известным любимцем покутить в Лос-Анджелосе, то он обязательно переодевается, чтобы его не узнали, и дает своему спутнику подробную инструкцию: не делать никаких намеков, ни словом не обмолвиться о фильме, он боится — самая невинная шалость может привести к вымогательству или стать предметом скандальной газетной хроники.

То, что повсюду рассматривается как флирт, здесь считается очень рискованным делом; все то, что в киноателье старого мира само собою разумеется, здесь, в новом мире, представляет собою исключение. В Голливуде режиссер в ателье не рискнет услужливо поддержать девушку под руку.

Брак и любовь протекают наиболее безболезненно среди лиц, получающих одинаковое жалование. Самое разумное, конечно, когда Дуглас Фербенкс женится на Мэри Пикфорд и оба остаются вместе. Однако не всегда отношения складываются так удачно. Бывает и так, что какая-нибудь актриса лишается роли из-за неспособности к ней, в то время как ее супруг получает новый блестящий ангажемент. Неделию позже такой брак, став уже мезальянсом, расторгается. Артист ищет себе в супруги какую-нибудь «звезду».

Но не все те имена, которые публика произносит с робким благоговением, действительно «звезды». Имеются признанные величины, которые, однако, месяцами сидят без работы и без жалования и вынуждены, как мы это видели, занимать деньги для уплаты за квартиру. И даже тот, который за продажу своей тени получает больше, чем Петер Шлемиль, не зарабатывает еще и малой доли того, что получают коммерческие участники в этой отрасли промышленности; мистер Ирвинг Тальберг, двадцати восьми лет, главный директор общества «Метро Голдвин», зарабатывает один миллион долларов в год. Видите ли — это дело, это приносит доход...

— ...однако не каждый на это способен, нужно понимать, мистер Киш!

БОРИНАЖ¹

Приезжий покидает главную улицу, наполненную гулом проходящей здесь узкоколейки, идет вдоль высоких каменных стен и низких рабочих домов; дети играют в грязи, трактирщик стоит возле своего почерневшего от копоти кабачка, женщина несет домой овощи.

Но вот городок кончается, начинается другой, который выглядит точно так же, как первый: стены вокруг заводских зданий, убогие домишки из закоптелого кирпича, немошенные улицы, жалкие лавчонки. Здесь приезжий не встречает уже никого. Вагонетки громяхают по железным канатам почти над самой его головой, поднимаются вверх под острым углом и взлетают к вершине горы.

На каждой из виднеющихся здесь гор, превращающих зеленую равнину Геннегау в мрачную обрывистую возвышенность, стоит сказочный базилик. Упершись ногами в вершину горы и распластав туловище над обрывом, чудовище вытягивает вперед шею и пасть. С самого раннего утра до двух часов дня оно каждые две минуты выплевывает мусор и землю.

Эти горы и базилики созданы не природой, а человеком. Это отбросы из шахты, подползающие сюда по рельсам или взлетающие по

---

¹ *Боринаж* — бельгийские угольные копи. Киш побывал там в 1934 году. На русском языке репортаж впервые опубликован в 1937 году. Пер. с нем. М. Живова.

канату и попадающие в опрокидыватель-чудовище на вершине горы. Что здесь делать природе? Здесь — индустрия.

На глубине тысячи трехсот метров под землей, под ногами приезжего, находятся люди, добывающие уголь, выбрасывающие землю и камень наверх, на гору, поднявшуюся на двести метров над землей, по которой идет приезжий.

Там, где территорию пересекает ширококолейная дорога, шлагбаум почти всегда опущен. Приезжий переходит на другой берег рельсового потока по мосту, а под ним громяют огромные вагоны, точно так же, как раньше подвесные вагонетки над ним, они движутся сами, ни один человек не сопровождает их. В этих железнодорожных вагонах не везут отбросов или шлака, в них перевозится уголь, и на нем следы хитрой человеческой предосторожности: верхний слой посыпан известью, и если по дороге кто-нибудь посторонний вскочит на поезд и сбросит для своего очага несколько кусков угля, то это сразу заметят.

Это было бы кражей у анонимного общества, которому принадлежат местные угольные предприятия и которое, в свою очередь, находится под контролем другого анонимного общества — банка. Анонимные правления и анонимные директора «Генерального бельгийского общества» и «Брюссельского банка» издавна управляют угольными копиями Боринажа: *Etablissement du grand Hornu, Charbonnages du Nord de Geuly, Societe du Levant du Flenu, Compagnie de Charbonnages beiges et Charbonnages reunis* — всеми предприятиями, которые здесь с их рудоподъемными башнями, машинными зданиями, промывальнями для угля, угольными шахтами, штольнями и тридцатью тысячами подземных рабочих становятся реальностью, но которые в курсовом бюллетене брюссельской биржи — только ежедневно меняющаяся цифра...

Пятнадцать миллионов тонн каменного угля выбрасывает ежегодно Боринаж из глубины в тысячу триста метров, из капризных и неравномерных рудных пластов, имеющих мощность всего в сорок сантиметров, то есть едва половину мощности рудных пластов Рурского бассейна.

Рабочие добывают этот уголь в удушливой, спирающей дыхание атмосфере при жаре, доходящей до сорока восьми градусов. Наверху, где живет семья горняка и где он после окончания работы обретает кров, не лучше, пожалуй, чем внизу. И даже не более безопасно. Непрерывно в чреве этой изборожденной земли идет брожение, кожа ее лопается, целые деревни проваливаются, исчезая бесследно, сквозь зияющие трещины почвы прорывается вода каналов и затопляет землю. Вместе с выбрасываемыми камнями и щебнем на горы мусора неизбежно попадают и небольшие куски угля, и они привлекают бедноту этого богатого углем района, ищущую топлива для своего очага. Ее не смущает, что на всех этих искусственных горках и холмах запечатлена угроза: «Воспрещается ходить по территории свалки под угрозой судебной ответственности!»

Собиратели угля, преимущественно старики и дети, ежедневно в полдень взбираются по опасному крутому обрыву. Старые мешки, точно шапки капуцинов, покрывают их головы и спины для защиты от пыли и осколков, когда они набрасываются на опрокидывающуюся вагонетку, чтобы быстро перерыть ее содержимое. Надпись, запрещающая подниматься на горы, освобождает управление рудников от обязанности платить потерпевшим при несчастных случаях — если обвалится гора или соскользнет вагонетка.

И так уже несчастные случаи в шахтах стоят много денег. *Боринаж — классическая страна гремучего газа.*

В прежние времена перед каждой новой сменой человек, которого звали «Кающийся грешник» (первоначально это был какой-нибудь каменщик), в мокрой одежде и маске опускался в шахту и проходил по всем подземным путям, держа в руках факел длиной в метр. Только тогда, когда он возвращался из глубины, рабочие спускались в шахты; если же «кающийся» не возвращался, то уже знали, что от пламени его факела вспыхнул газ и убил его. И люди наверху ждали, чтобы газ сгорел и воздух очистился.

Эта ежедневно в течение столетий приносившаяся в жертву человеческая жизнь защищала от катастроф не больше, чем все прочие средства, рожденные верой и суевериями. Каждая горняцкая семья по внушению церкви ежегодно заказывала девятидневное молебствие — говорили, что это помогает у Бога и у всех святых. Но для того чтобы заслужить такое расположение нечистых духов, находящихся в шахте, носили в кармане еловую веточку, сорванную при лунном свете.

Приезжий искал в провинциальном архиве Монса документы по истории угольных предприятий Боринажа. И он нашел только сообщения о катастрофах, мрачную хронику этого мрачного района. Данные о добыче и ежегодной прибыли лежат у угольных баронов, анонимных и неанонимных, которые имеют свои резиденции вдали от угольного царства.

В средние века, когда в Геннегау нибелунги замыслили месть и вероломство, их крепостные за свой риск и страх искали каменное топливо, так как таскать дрова из леса им было запрещено. Но очень скоро графы из Геннегау и аббаты из Сен-Водрю заставили их работать на них, графов и аббатов, и стали продавать уголь заводам. Чем сильнее росла индустрия, чем более капиталистический характер принимало горное дело, тем глубже опускалась шахта и тем выше поднималась кривая несчастных случаев. Статистика гласит:

«С 1821 до 1850 года — 217 катастроф. С 1851 до 1880 года — 202 катастрофы. С 1900 до 1929 года — 110 катастроф».

И какие! Приезжий перелистывает эти мартирологи. Перед ним преимущественно документы церковных архивов, так как с давних пор духовенство старалось создавать здесь легенды, и только между строк сообщений о чудесных избавлениях можно прочесть, сколько горняков

не удостоились чудесного спасения. В 1818 году *аббат* из Сен-Гислена сообщает своему начальству, что один из его священников во время спасательной работы в обвалившейся штольне читал Евангелие от Иоанна и неожиданно уронил ключ от ризницы; увидя в этом небесное знамение, он приказал копать землю в этом месте, и действительно, там обнаружили засыпанных землей людей, которые еще были живы.

Не всегда ключ от ризницы служит указующим перстом, часто не находят даже трупов. В 1837 году, когда была затоплена шахта «Святая Виктория», не удалось похоронить ни одну из жертв, и только спустя десятки лет наткнулись на них — это были двадцать семь мумий, лежавших в один ряд. В том же году, когда была обнаружена эта страшная находка, бесследно погибли восемнадцать шахтеров при взрыве гремучего газа на шахте «Святая Екатерина», а в 1865 году на той же шахте погибли пятьдесят семь человек, кости которых до сих пор не найдены.

Самый злополучный рудник — это рудник «L'Agrappe». Однажды осенью 1875 года на глубине пятисот шестидесяти метров погибли сто двенадцать рабочих. «Обвал вследствие самовозгорания гремучего газа» — констатацией этого факта следственные власти вполне удовлетворились. Следствие велось особенно тщательно, так как за день до катастрофы на стене было написано мелом: «*Demain tout sautera*», что значит: завтра все взлетит на воздух. Эта надпись наполнила рабочих страхом и ужасом, но спуститься в шахту все же надо было, и вскоре в осуществление угрозы сто двенадцать человек легли трупами.

Следующая катастрофа на том же руднике — 17 апреля 1879 года. На шахте «Эвек» в половине восьмого утра на глубине шестисот десяти метров взрывается гремучий газ, взрывается с такой силой, что земля на поверхности дает трещину. Убиты рабочие на рудничном дворе и человек на рудоподъемной башне. Штольня и штреки в один миг оказываются охваченными бурным пламенем, огонь поднимается по подъемнику, словно он хочет выбраться наверх и зажечь всю страну. Шесть взрывов, от которых далеко кругом сотрясается земля, вырываются из глубин.

Парализованная ужасом толпа, окружившая место катастрофы, видит вдруг перед собой хоровод привидений, показавшийся на небе сейчас же после одного из взрывов. Там, наверху, в облаке, реют призрачные фигуры, колеблются руки, колышутся ноги, фигуры спускаются и поднимаются, снова крутятся и переплетаются друг с другом, словно бестелесные создания.

Наконец туманное видение рассеивается, и призраки медленно опускаются на землю. Теперь все видят, что это — платья. Смена, работавшая в одной из обвалившихся штолен, ввиду невыносимой жары сняла с себя одежду. Новый взрыв поднял эти платья, пронес их через шахту наверх и взметнул под небеса.

До трех часов дня пламя пожара гонит перед собою четыре тысячи двести гектолитров угольной пыли и ищет все новых и новых жертв.

Пожар бросает языки пламени во все уголки лабиринта и хватается всех, кого настигает.

Помощь приближается. Из соседних шахт и селений углекопов, из Кюсма, из Квареньона, из Фрамери, из Патюража, из Васм, из Ля Бувери, из Горню, из Монтреля, из Нуаршен, из Кьеврена, из Виери, из Тулена и из Кваркини спешат бурильщики — солдаты солидарности. Они протискиваются через толпу женщин и детей, стоящих с искаженными от страха лицами, пробираются к горящему, рушащемуся под пламенем руднику. В то время как внизу еще бушует разъяренная стихия, они на веревках опускаются на глубину шестисот метров (подъемник уже сгорел) и в тот же вечер спасают восемьдесят девять живых товарищей. На следующий день вытаскивают только трупы, еще через день — снова трупы, сто двадцать одну жертву. 20 апреля, однако, наталкиваются на пять еще живых забойщиков. Когда их выносят наверх и приводят в чувство, они рассказывают о сценах ужаса, о самоубийствах, о том, как люди, метавшиеся в поисках спасения от настигавшей их всюду стихии, сходили с ума.

Среди людей, окруживших спасенных, молодой проповедник из Голландии. Он приехал в Боринаж несколько месяцев тому назад, чтобы в этой католической епархии вербовать души для протестантской церкви.

Серьезный, страстно отдавшийся своему делу человек, он был взволнован и потрясен ужасами здешней жизни, он хотел быть евангелистом в библейском смысле этого слова, жить не лучше, чем эти шахтеры, он раздарил свое платье и даже последнюю рубашку отдал бедному. Он мерз в своей комнатке, он проводил дни у жертв тифозной эпидемии, во время забастовки он носил еду семьям бастующих, а теперь он помогает пострадавшим при катастрофе на руднике «L'Agrappe».

Однако не желание слиться с массой шахтеров, а лишь сострадание побуждает его оказывать помощь горнякам, привязывает его к ним. Он считает нужным подчеркнуть, что их нищета отнюдь не доказывает, что они плохие люди.

«Вот уже почти два года я живу среди них, — пишет он своему брату, — я немножко изучил их оригинальный характер, в особенности характер шахтеров. И все больше и больше трогательного, даже потрясающего нахожу я в этих бедных и несчастных рабочих, в этих, так сказать, последних и презреннейших людях, которых мы обычно, может быть, вследствие слишком живой фантазии, но, во всяком случае, несправедливо представляем себе злодеями и разбойниками. Пьяниц, воров и грабителей здесь можно найти, как и везде, но это отнюдь не типично для них...»

Молодой миссионер любит ландшафт Боринажа и пишет в своих письмах, что этот ландшафт очень выразителен, что темные предгрозово-дневенские дни напоминают ему средневековые деревенские картины, особенно картины Брейгеля.

Но что пользы в том, что жители здесь не сплошь разбойники и что пейзаж напоминает картины Брейгеля; два года спустя вышеописанный евангелист надламывается под тяжестью горя, прочно обосновавшегося на этом клочке земли, он возвращается к отцу, а то, что с ним происходит потом, историки искусства, занимавшиеся его биографией, но едва ли имевшие представление о Боринаже, так и не могли понять.

Его дальнейшая жизнь и творчество не что иное, как безумное бегство из самой мрачной тьмы к самому яркому свету. Бегство от мрака к краскам. Бегство из глубины в высоту. Бегство от угольной пыли к цветочной пыльце. Бегство из тесных шахтерских жилищ в широкие золотистые поля. Бегство от гор угольного шлака в долины золота.

Ничего больше о Евангелии, ничего больше о людях этих рудников. Он весь отдается живописи совсем так же, как он раньше отдавался своей миссионерской деятельности. Он становится гением флоры, он упивается солнцем, цветами, яркой пестротой — всем, чего он так жаждал в Боринаже, — и несколько лет спустя Винсент Ван Гог умирает в припадке творческого неистовства.

При следующей крупной катастрофе (на шахте Буль-де-Кер, сто тридцать убитых) присутствовал другой художник, тоже выбитый из колеи Боринажем и тоже переменивший профессию, с которой он дождался зрелого возраста. Но он не бежал. Наоборот, этот Константин Менье, который подобно Ван Гогу видел своих предшественников в революционных художниках Курбе и де Гро, вырастает в Боринаже из посредственного художника, преподавателя Академии художеств в Лувене, в гигантского мастера пластического искусства.

Он посвящает свое новое искусство шахтерам, и благодаря ему *Боринаж становится классической страной социального искусства*.

Менье высек из камня фигуру шахтера Боринажа: впалое лицо с полуоткрытым ртом; холщовая блуза от пота прилипла к истощенному телу, и складки ее похожи на ребра; мускулистые руки, которые в течение всей жизни поднимали и опускали кайло, чтобы долбить каменную черную стену.

Менье видел молодого шахтера, нерешительно протянувшего руку в момент ссоры со старым забойщиком. Менье проходил мимо, когда девушка в плотно облегающих шароварах, только что подкатившая тачку к угольной барже, остановилась, упершись руками в бока, чтобы не остаться в долгу и дать достойный ответ молодому матросу на его непристойности. Менье знал обреченных людей этого уголка земли. Ему знаком был также образ матери в Боринаже.

После той катастрофы на шахте Буль-де-Кер 4 марта 1887 года мать стояла в сарае, куда снесли сто тридцать трупов. Ни один крик не вырвался из ее груди, на глазах ее не было ни слезинки, только руки были крепко стиснуты, так как они не знали еще, против кого они должны

сжаться в кулаки. Так Менье изобразил ее, а у ее ног сына, павшего жертвой. Может быть, это ее единственный сын, ее последний сын? Да, она должна была ждать, что когда-нибудь с ним произойдет несчастье. Теперь это опасение оправдалось. И вот стоит мать, у которой уже нет сына.

С той же силой, с которой Бориная прогнал Ван Гога, он привлек к себе Ван-Менье. Если Винсент создавал свои произведения, чтобы подавить мрачные впечатления, чтобы заглушить пережитые ужасы, то Константен творил, вполне сознательно отдаваясь своему творчеству. Он открыл миру искусства мир труда, стал предшественником натуралистической литературы, графики Кете Кольвитц и Стенлейна.

На этом клочке земли, на котором уничтожили природу, не дав взамен хотя бы цивилизации, Менье нашел свои модели, оригиналы того памятника, который он воздвиг труду. Этот памятник шахтерам стоит не в стране шахтеров. Даже милитаристский культ героев не в почете в этом неприветливом краю — в приютах для бедных и в госпиталях, в которых умерли великие люди, не принято ведь прибивать мемориальные доски.

Ничто или почти ничто не напоминает о том, что здесь во все века солдаты доблестно убивали друг друга. *Бориная — классический театр военных действий.*

В окрестностях Сен-Дени сохранились названия: «Ущелье кровавых шлемов», «Холм зарубленных воинов» — и в этих названиях живы еще ужасы битвы, происходившей почти тысячу лет назад. Рошильд из Генегау и Роберт из Фрисланда спорили за обладание Фландрией, и они заставили своих людей драться до тех пор, пока изрубленные тела их не образовали холм, а окровавленные шлемы не заполнили ущелье.

Вокруг этого же холма и в этом же самом ущелье легли солдаты Людовика XIV: в первый раз — в 1678 году и во второй — в 1709 году. Песни прославляют их полководцев — «Принц Евгений благородный рыцарь», «Мальбрук в поход собрался», — но кто знает хотя бы одного из двадцати трех тысяч солдат, которые победителями легли на полях Мальплаке вместе с одиннадцатью тысячами убитых врагов?

В конце восемнадцатого века, начало которого ознаменовалось на территории Бориная войной за испанское наследство, в этом самом Бориная развернулась другая война, где дело шло не о престолонаследии и не о власти династии. Здесь уже сражаются не крепостные или наемники одного князя против крепостных или наемников другого. На арену выступила революция, и дрожащие от страха монархи Европы посылают сюда свои армии, чтобы проучить парижскую «чернь», которая осмелилась установить свою власть.

Битва при Жемаппе. Австрийский маршал, герцог фон Саксен-Тешен, улыбается презрительной улыбкой, когда утром 6 ноября 1792 года осматривает с Монт-Герибуса неприятельскую армию, и его генерал

Клерфе от души смеется вместе с ним. Парни без мундиров, едва вооруженные, наивные, ничего не подозревающие, бегут через болото против армии, находящейся под водительством испытанного фельдмаршала Габсбургов, против построенной по всем правилам военного искусства тройной линии редутов, прямо под огонь новых пушек.

После полудня королевский маршал герцог фон Саксен-Тешен и генерал Клерфе уже не смеются. Кому придет на ум смеяться, когда надо бежать с совершенно разбитой армией. Приходят ли им во время этого бегства в голову те же мысли, что веймарскому государственному министру Вольфгангу фон Гете, который был прикомандирован к левому флангу, тоже потерпевшему поражение? Тот сказал в Вальми: «Отсюда и теперь начинается новая эпоха истории, и вы можете сказать, что присутствовали при этом».

Но старая эпоха еще не отступила. Воинствующие императоры не перевелись, империалистические войны не прекратились, и в августе 1914 года Бориная переживает самые кровавые бои. Двести пятьдесят тысяч немцев и англичан стоят друг против друга между Монсом и Мобежем. Орудия сметают с лица земли дома и церкви, рудоподъемные башни, фабричные трубы и холмы, образовавшиеся от отвалов шлака. Солдаты и штатские умирают одной и той же смертью. Десятки тысяч убитых. Премучий газ, пожар в шахтах, чума — все злые силы природы, вместе взятые, не обладают такой разрушительной силой, как человек. Человек мог бы даже дать отпор злым силам природы, но ему не позволяют дивиденды.

Здесь нигде нет памятника, напоминающего об этом сражении и об оккупации; только на боковой стене какого-то сарая между Фленю и Жемаппом приезжий видит надпись, сделанную неумелой рукой: *«Здесь 24 августа 1914 года были предательски расстреляны бошами: Кондрон Тимоте, Дюпон Альфонс, Дюпон Жан-Баптист, Дюпон Жюль, Фине Эмануэль, Фине Флоран-отец, Фине Флоран-сын, Эме Эмиль»*.

В Сен-Гислене, ржаво-бурым угольным местечке, отличающемся, однако, от других тем, что в нем имеется верфь для угольных барж, стеклянный завод, несколько представительств угольных обществ и транспортных страховых агентств, в этом местечке приезжий еще может почти на каждой входной двери прочесть надписи германских квартирмейстеров: «Комната для... офицеров, помещение для... солдат, подвал для стольких-то человек, конюшня для... лошадей». На фронто-не дома, стоящего у моста, уже позже было написано: «Разрушен немцами в 1918, восстановлен в 1923». Кладбище героев, украшением которого тыловое начальство доказывало необходимость своего существования, расположено возле Спьянна, на расстоянии нескольких километров; в самом Бориной жертвы мировой войны, друзья и враги, были похоронены на местных кладбищах.

Жена кладбищенского сторожа, стирающая белье у открытых дверей часовни, глядит изумленно: в будничный день!.. в рабочее время!.. кто-то входит в ворота... Приезжий пробирается через заросли сорняков. У стены тринадцать полусгнивших деревянных крестов в память капитана, лейтенанта и одиннадцати солдат королевского шотландского стрелкового полка; их сосед немецкий вице-фельдфебель Эрих Ромберг 24-го пехотного полка, по крайней мере, удостоился железной дощечки с указанием имени и грядки цветов, обнесенной решеткой. Над другими могильными холмиками венки из бисера под стеклом, кое-где над могилами витрины с гипсовыми вазами и бумажными цветами, на надгробных плитах блестят фарфоровые медальоны с фотографиями — покойницы на этих фотографиях обычно в огромных шляпах и кокетливо улыбаются.

Приезжий констатирует, что на одном ряду крестов обозначена одна и та же дата смерти. Восемь похороненных здесь человек жили от девятинадцати до тридцати лет. Причина их смерти не указана, но она понятна сама собой. Эти восемь жертв одной и той же катастрофы находятся теперь там, где они провели свою жизнь, где их оставшиеся в живых товарищи находятся и сейчас: под землей. Приезжий покидает эту обитель мертвых к облегчению женщины, стоящей у корыта; он снова идет через рельсы, мимо дымящихся, вечно горящих куч мусора, никого не встречая по пути.

Приезжий взбирается на вершину одной из искусственных гор отбросов и шлака. Небольшие глыбы скользят под его ногами и падают вниз, в долину. С вершины, над которой, точно подкарауливающий василиск, раскачивается тележка подвесной дороги, приезжий смотрит вдаль, далеко за пределы этого района, и взор его достигает Франции. Вокруг мрачно-серого наряда здешнего ландшафта обвивается пояс из матового серебра — канал между Сомброй и Шельдой. Лениво плывут баржи в Конде, их груз тот же, что и на железной дороге, где паровозы присоединяют свой дым к дыму вечно горящего мусора.

Дальше Шарлеруа — центр металлургической промышленности. В Сипли добывают фосфор. В Каю-ки-Бик стоит дом, из которого война изгнала Эмиля Верхарна. Приезжий видит тюрьму в Монсе, в нее был заключен Поль Верлен, арестованный за какой-то случайный детски безрассудный выстрел в пьяном состоянии; его приговорили к высшей мере наказания, потому что он был принят за бежавшего участника Парижской Коммуны. Им он не был ни в коем случае, меньше всего был он коммунаром. И все же он чувствовал весь ужас тюремного двора даже тогда, когда находился за пределами тюремных стен.

Нет, не дома —
Здесь край лачуг,
От труб вокруг
Сплошная тьма.

Вокзал. С утра
Там шум и лязг.
И ищет глаз:
— Шарлеруа?
Тяжелый дух
Кругом стоит.
Что там шумит
И режет слух?
Здесь нет игры.
Здесь все гнетет —
Рабочий пот,
Металла крик.
И кобольд вскачь
В траве сухой,
И ветра злой
Мне слышен плач.

У подножия горы из шлака, с высоты которой приезжий осматривает окрестности, расположена деревня Патюраж. Отсюда бельгийский институт угольной промышленности рассылает во все горные лаборатории один экспортный предмет, которым он владеет монопольно и запасы которого у него неиссякаемы: бомбы, начиненные гремучим газом.

Деревни, расположенные здесь, совершенно похожи одна на другую: все это предместья несуществующего большого города, это деревни без полей и лугов. Владельцы угольных предприятий никогда не чувствовали необходимости строить в Боринаже рабочие поселки, парки для гулянья или клубы, которыми в других угольных районах обычно привлекают рабочих и предупреждают текучесть. Рабочие местных угольных предприятий здесь родились и здесь умирают. В одной песенке, сочиненной на местном диалекте, шахтеры сами высмеивают свою привязанность к насиженному месту, свой местный патриотизм. «Все ж здесь не то, что в Фрамери», — поет шахтер, когда ему показывают брусельские дворцы, собор и центральную площадь. И даже на небе, когда апостол Петр водит его по всем достопримечательностям рая, шахтер остается при своем: «Все ж здесь не то, что в Фрамери».

Низенькие домишки для рабочих, высокие здания для угля. Кроме рудоподъемных башен, являющихся входом в обширные, широко разветвленные, невидимые снаружи лабиринты, на этой голой плоскости возвышаются только горы из шлака, огромные фабричные трубы, конусы коксовых печей и церкви. В деревне Квареньон строится новая церковь, в которой будут проповедовать смирение перед Богом, покорность судьбе и послушание угольным баронам. Восемь миллионов франков будет стоить эта церковь. Строительные материалы для нее лежат в рабочих квартирах, из которых для этой цели выселили прежних жильцов.

В Сен-Пислен издалека приходят крестьяне и крестьянки, чтобы потереться задом о поколь каменного медведя: это должно избавить от проклятия бесплодия. Горнорабочие не прибегают к этому чудесному камню: дети — это единственное, что они имеют в избытке.

Иной памятник поставили горнорабочие в Фрамери. Это памятник в честь Альфреда де Фюиссо. Фюиссо в восьмидесятых годах поднял сильное движение за всеобщее избирательное право и основал первую социалистическую организацию в Боринаже, этой *классической стране борьбы за заработную плату на всем континенте*.

Когда Карл Маркс в «Капитале» писал о длительной более или менее скрытой гражданской войне между капиталистами и рабочим классом, результатом которой явилось создание нормального рабочего договора, он привел в качестве примера положение Бельгии: «*Бельгия*, рай континентального либерализма, не обнаруживает и следов этого движения. Даже в ее угольных *копях* и *металлических рудниках* рабочие обоего пола и всякого возраста потребляются с полной “свободой” *во всякое время* и в течение всякого *времени*. На каждую тысячу лиц, занятых в этих отраслях промышленности, приходится 733 мужчины, 88 женщин, 135 подростков и 44 девочки моложе 16 лет; в доменных печах и т.д. на каждую тысячу приходится 668 мужчин, 149 женщин, 98 подростков и 85 девочек моложе 16 лет. К этому присоединяется еще низкая заработная плата за огромную эксплуатацию зрелых и незрелых рабочих сил, составляющая в среднем 2 шилл. 8 пенс. в день для мужчин, 1 шилл. 8 пенс. для женщин и 1 шиллинг 2½ пенса для подростков. Зато Бельгия в 1863 г. по сравнению с 1850 г. почти удвоила количество и стоимость вывезенного ею угля, железа и т.д.» (Маркс К. Капитал. 1934. Т. 1. С. 338—339, прим. 190).

Точно так же, как великий защитник интересов рабочего класса ссылался на горняков Боринажа и металлистов Шарлеруа, чтобы доказать их страшнейшую эксплуатацию и бесправие, точно так же защитники английского горнозаводского капитала указывали на блаженную «жизнь бельгийских рудокопов, получающих ровно столько, сколько нужно, чтобы поддержать свое существование на пользу “хозяев”, и не желающих ничего большего» (Там же. С. 679, прим. 50). Они указывали, что надо снизить заработную плату английских рабочих до уровня заработной платы бельгийских рабочих, чтобы иметь возможность выдержать конкуренцию.

Эта «похвала», с которой английский капитализм отзывался о не требовательности и долготерпении шахтеров Боринажа, рассматривая эти качества как результат низкой заработной платы и выставляя их как пример, достойный подражания для Англии, была очень скоро и основательно разоблачена во всей ее лжи. Еще во время печатания «Капитала» Маркс имел возможность противопоставить этим указаниям уэльс-

ких угольных баронов, наступавших на заработную плату, один факт, весьма выразительно и весьма кратко изложенный им в одном предложении: «В феврале 1867 г. ответ был дан стачкой бельгийских рудокопов (у Маршьен), подавленной свинцом и порохом» (Там же).

Это было первое возмущение «свободного» бельгийского рабочего, выведенного из себя духовенством, земельной аристократией, либеральной буржуазией и бюрократией, но ни в коем случае не тред-юнионами и фабричным законодательством, — возмущение рабочего, бюджет которого, если наряду с ним зарабатывали еще жена и двое детей из четырех, был ниже расходов на содержание преступников в бельгийских тюрьмах (Там же. С. 765–766).

Много забастовок последовало затем, очень часто на многие недели останавливались подъемники, в течение столетия не знавшие отдыха, умолкало звучное эхо забойного молотка, в течение веков не затихавшее в этих черных пропастях. Горняцкие лампочки, зажигавшиеся ежедневно в течение столетий, висели неподвижно, потухшие. И в то же время на улицах этой в течение столетий тупой и покорной страны шли оживленные бои.

В 1930 году девятью акционерными обществами, которые, несмотря на кризис, выдали сто два миллиона франков дивиденда, снизили годовую заработную плату горняков на шестьсот пятьдесят миллионов франков. Когда они увидели, что это сокращение заработной платы сошло для них гладко, они 6 июня 1932 года расторгли соглашение и потребовали нового снижения на пять–семь франков за смену. Тогда Боринаж забастовал.

Забастовщики шли колоннами от шахты к шахте, чтобы призвать работающих покинуть забои, чтобы разъяснить штрейкбрехерам позорность их поступка. Эти шествия, участники которых несли плакаты с портретами Маркса и Ленина, а также собрания и посылка делегаций на другие рудники дали успешные результаты. Забастовка распространилась на соседний угольный бассейн «Le centre», где предприниматели собирались объявить о снижении заработной платы после усмирения Боринажа. Рабочие металлургических предприятий также присоединились к забастовке. Число бастующих достигало двухсот сорока тысяч человек. Три месяца стойко держался Боринаж.

Пособие, выдаваемое профессиональным союзом, составляло только семь бельгийских франков в день на всю семью. Четыре полка солдат и несметное количество жандармов утопили в крови рабочую агитацию. Из Франции, из Уэльса, из Рурского бассейна шел уголь в Бельгию без пошлин. Во Фландрии, где среди фламандцев искусно разжигался против валлонских углекопов огонь националистической травли, положение также сложилось невыгодно для бастующих. И вот, в конце концов, забастовка была подавлена, и рабочие Боринажа, еще

более голодные, чем раньше, но более сплоченные и более революционно настроенные, снова приступили к работе.

Приезжий медленно спускается вниз по катящемуся из-под ног шлаку, и вот перед ним проходят те, кого на сегодня земля выпустила из своих недр. Вдоль канала идут они крупными шагами, в деревянных башмаках, по направлению к своему дому или железнодорожной станции. Шерстяной шарф защищает их от свистящего ветра. На поясе, точно штык, раскачивается фляга с кофе.

Они идут, эти живые статуи труда. Рельефным фоном вырисовывается позади них рудоподъемная башня, в которой непрерывно движутся друг против друга зубчатые колеса подъемника, и цоколем им служит на много миль простирающийся черный камень, изборожденный лабиринтом извилин. В зале железнодорожной станции сидит, согнувшись в три погибели, старик, прадед здешних горняков; он сидит на корточках на полу, несмотря на то, что на скамьях достаточно свободного места. Его глаза, привыкшие глядеть в темноту, и при свете дня видят перед собой один только мрак.

По всем направлениям идут поезда, со всех сторон приближаются группы пешеходов. Люди приходят в свои деревни. Дети бегут им навстречу — это будущие горняки. Кое-кого ждут девушки. Другие пьют пиво в кабачке.

Люди, жизнь которых висит на канате подъемника, легкие которых пропитаны угольной пылью, глаза которых теряют зрение в постоянном мраке, кости которых поражены ревматизмом от жары и сквозняков в проклятой дыре шахты, люди, которые часто в течение многих дней отрезаны от внешнего мира, люди, которые всегда видят перед собой своих неотступных врагов — газ, обвал, воду, — эти люди получили теперь отпуск на ночь.

Сегодня вечером во время дискуссии в доме «восьмичасового рабочего дня» — так называются в Бельгии социалистические клубы — приезжий снова увидит этих людей, которые теперь устало проходят перед ним, спеша домой; он увидит их страстными ораторами, вдохновенными агитаторами и борцами за лучшую жизнь.

ДЕБЮТ НА ПОЖАРЕ МЕЛЬНИЦ¹

На бирже были недовольны тем, что моя газета в качестве преемника господина Мельцера, который когда-то в школе полировал парты вместе с самыми высокими чинами полиции, прислала такого щенка, как я. В редакции я был лишь репортером.

---

¹ Пер. с нем. К. Видмайера.

Да и факт, что мои начинания озаменовались так называемым успехом, свершился при обстоятельствах, которые ни один из сотрудников «Богемии» не счел бы благоприятными для меня.

В своей первой заметке я описал визит в больницу к другу, который накануне Нового года убил на дуэли студента и сам был опасно ранен. С ним лежал акробат, который тоже задолго до начала моей работы упал с воздушной трапеции в публику. Другой сосед по койке, мальчик, был в рождественский вечер перед виллой бывшего бургомистра Вельского искусан сторожевыми псами. Каждый из этих трех случаев журналисты в свое время избили до смерти. То, что я сплавил в одну заметку, было уже с длинной бородой. Но «Франкфуртер цайтунг» перепечатала ее. Впервые за долгое время что-то из пражских газет удостоилось милости ножниц всезнающего и непогрешимого Федора Мамрота из Франкфурта («Ножницы Мамрота» рифмуются с «почетом», самодовольно рифмовал заведующий отделом фельетонов «Прагер тагеблат», когда «Франкфуртер цайтунг» перепечатывала те же отрывки, которые выбирал и он).

Поэтому цитирование нашей газеты должно было быть воспринято так, будто всю редколлегию отметили в приказе. Если бы только достижение не принадлежало как раз самому молодому новичку — хроникеру — и похвала не звучала бы упреком остальным. «В пражской “Богемии”», — такое вступление предпослал перепечатке Верховный судья во Франкфурте, — помещена следующая заметка, написанная необычно хорошо...»

Моя новая профессия казалась мне детски легкой. Я должен был получать в полиции или на нашей бирже информации о последних событиях и стилистически обрабатывать их. Чем больше я украшал их словесными выкрутасами, тем больше чувствовалась в них претензия на художественные зарисовки, которые, хотя и именовались борзописью, тем не менее — как стало очевидно — скорее могли удостоиться признания и перепечатки, чем голо изложенный факт.

Так тянул я свою лямку до той ночи, когда мне предстояло впервые испытать себя на месте действия. Шитткауэровы мельницы объяло пламя. Я ринулся туда.

Огонь намеревался обратить в прах и пепел весь комплекс мельниц, символ города с незапамятных времен. И — что еще хуже — вся свора репортеров была уже тут, в гуще усердной работы.

Под фонарем, на повозке с гидрантом, все обозревая и видимый всеми, восседал папаша Вейвара. Он строчил и строчил. Полицейские и пожарники подбегали к нему, выкладывали информацию и поспешали дальше. Время от времени показывались на велосипедах посыльные из редакции. Папаша Вейвара протягивал им рукопись и продолжал писать.

Я же, я не знал о чем писать. Ни одной строки не мог я извлечь из этого, окутанного паром фурунограда, из перекрестного огня водяных

струй, из этих маневров пожарной команды. Я протиснулся сквозь оцепление. Минуло полчаса, прежде чем мне удалось обойти весь район пылающих мельниц в надежде как-нибудь, где-нибудь, что-нибудь разузнать. Я ничего не разузнал.

Мне ничего не оставалось, как смиренным просителем приблизиться к подножию бронзового трона, на котором царствовал папаша Вейвара. Он склонился ко мне, я вытянул ему навстречу шею, наострив носки и уши, чтоб не пропустить ни звука из сенсации, которую он собирался мне доверить. Но его шепот донес до меня лишь одно: «Горит».

Отчаяние заставило меня пропустить издевку мимо ушей. Я взмолился, чтоб он все же дал мне несколько деталей. Он указал на пламя: разве я не вижу здесь достаточно деталей? Нет, деталей я не видел. Я видел только пламя, орудующих пожарников да своих коллег, орудующих еще энергичней. Подобно наконечнику шланга сновал между огнетушителями и струями воды Бледный Проныра; он одновременно поспевал всюду. Он смерил меня с миной превосходства: «Ну, краснобай, покажите-ка теперь, на что вы способны».

У подножия пожарной лестницы собиралась и обменивалась информацией биржа «Ходиера». Я подкрался ближе, надеясь что-нибудь «подслушать». Они заметили меня и замолкли, кто-то засмеялся. Бледный Проныра прямо-таки живот надрывал со смеху.

Они могли смеяться, мне же хотелось плакать. Я решительно стал пробиваться локтями к коменданту пожарной охраны. Но когда я уже оказался перед ним, я вспомнил, что даже не знаю, о чем его расспрашивать. Хорош репортер, который даже не знает, о чем спрашивать. Я спросил о причине пожара.

— Ничего еще не установлено.

Как и у меня. Ничего-то я не установил, и пустым оставался мой блокнот. Слезы не смогли бы погасить мой стыд. Даже если паровой тушитель въехал бы в мои глаза, то и он не смог бы погасить мой стыд. Никогда, никогда не поверил бы я, что я так бездарен. К чертям мои попытки описать пожар! К черту репортаж!

На сверкающей бронзовой колеснице победителя, окруженный свитой в шлемах, величественно въезжает Призванный в триумфальный зал журналистики... а внизу согбенно и подавленно плетется один из тех, кто многое хотел свершить, но так ничего и не смог.

Проталкиваясь сквозь толпу любопытных, между мрачными ночными фигурами, я гнал себя все дальше назад. Только бы уйти отсюда!

Куда? Ни в коем случае не назад в редакцию. К чему мне там выслушивать излияния их бешенства по поводу того, что я ничего не принес, к чему выслушивать еще ругань перед тем, как тебя уволят.

Хотя и галантного в этом мало — оставить редакцию попросту на мели. Мужественней было бы пойти и признаться в своем фиаско.

Медленно брел я по улицам. А что скажут на бирже? Я вспомнил анекдоты, которые самодовольно пересказывали там, анекдоты о бездарных репортерах.

Одного журналиста, приглашенного из провинции, послали на окраину города расследовать какое-то происшествие. Он все разыскал и подробно разнюхал, но не нашел дороги в редакцию. О этот находчивый репортер! Ха-ха-ха!

Другого направили на свадьбу знаменитого актера М. Он вернулся и ничего не написал. «Где отчет о свадьбе?» — спросили его. «Нет. Жених не явился, гости ждали напрасно, свадьба не состоялась. Так что мне не о чем писать». Ха-ха-ха-ха!

Но это еще ничего! На величайшем пожаре нашего времени, когда сгорели Шитткауэровы мельницы, присутствовал один репортер — его звали Киш, — он не смог написать ни строки. Ха-ха-ха-ха!

Так мое имя войдет в историю репортажа!

— Слава Богу, что вы, наконец, вернулись, — встретил меня уже на лестнице ночной редактор. — Я оставил вам полтора столбца. Пишите скорей, чтоб мы смогли отпечатать побольше до отхода почты! — и он шустро, насколько ему позволяли его семьдесят лет, заковылял в наборный цех.

Полторы колонки — это сто пятьдесят строк! У меня же не было ни одной. Хотя нет, одна все же была — заголовок: «Пожар на Шитткауэровых мельницах». Это твердо. Но под ним зияла мертвящая пустота... глубиной в сто пятьдесят строк!

Выбора не было, мне предстояло нырнуть в эту разверзнувшуюся пустоту. Я писал... Писал о пламени и снова о пламени... Оно у меня пылало, вспыхивало, лизало, полыхало, потрескивало, взвивалось... Балки хрустели, трещали, лопались. Мешки с мукой я заставил тлеть и лопаться, чадить, испускать пар и дымиться... Струям воды позволил вонзаться, как кинжал, и со свистом падать, подобно удару сабли. И все это вместе, все это составило только двадцать строк.

Метранпаж вырвал их у меня из рук. «Быстрой, быстрой остальное», — подогнал он меня и исчез.

Остальное! Его не было, хотя еще сто тридцать строк оставались свободными, и верстальщик, наборщик и ночной редактор ждали их.

Я пососал свой карандаш. Из него я высосал, что поблизости от Шитткауэровых мельниц находится городской приют. Мой карандаш пригнал к пожарищу группу бездомных. Мой карандаш увидел, как они, пораженные, протискивались к пожарищу, мой карандаш помог им приблизиться к кордону полицейских, которых они в иное время предпочитали обходить поспешно и как можно дальше. Полиция, окруженная непроницаемым мраком, не видела того, что видел мой карандаш, не видела, какого рода масса привалила к ним. И лишь когда огненный сноп, вместо того чтобы подняться к небу, метался в сторону, станови-

лись видимыми эти лица, которые, казалось, вышли из преисподней, а на самом деле — из моего карандаша: бродяги с дублеными лицами, растрепанными бородами, всклокоченными волосами и пристально уставленными на огонь глазами.

Мой карандаш — куда более наблюдательный, чем его хозяин — пронаблюдал в один из таких освещенных моментов, как стояли друг против друга полицейский и саженный великан. Возможно, полицейский знает этого детину, возможно, он насильник, который при аресте оказал ему сопротивление и сбежал. А возможно, насильник вовсе и не думал уходить, а поклялся отомстить полицейскому, который теперь вот находится в пределах его досягаемости. Сейчас огненный сноп снова уступит место темноте, непроглядному мраку, опасному удобному случаю. В таком духе строчил и описывал мой карандаш, пока его не застопорила стопятидесятая строка.

Обычно, если я сдавал крупный материал, то направлялся в наборный цех, якобы корректировать оттиск, а на самом деле, чтобы услышать суждение наборщиков о моем изделии.

На сей раз я покинул редакцию без этого. Я ничего не хотел знать, больше всего я боялся, что кто-нибудь похвалит мой нелепый вздор. То, что я стабал «отчет», ни на йоту не изменяло того факта, что в нем так и осталось неизвестным, как протекал пожар и какие к нему добавились происшествия.

А ведь, возможно, были и погибшие, и раненые.

Мысли подать на расчет, как и вероятность быть уволенным, все еще не развеялись.

На следующее утро в нашей газете я увидел свои фантазии в еще более грубой форме. Ночной редактор изменил мой заголовок. Гигантскими буквами, казавшимися мне горящими балками, были набраны слова «Натиск бездомных у пекла страстей».

То, что остальные репортеры узнали вчера на пожаре, я узнал из их газет. Они обыгрывали все детали, оставшиеся для меня вчера сокрытыми. Однако в большинстве своем детали эти были такого рода, о которых в нашем кругу говорят: «Интересно, но скучно». Из некоторых сообщений явствовало, что огонь заметила в 8.16 вечера супруга мясника, живущая поблизости, из других — что ровно в 9.00, и притом крестьянином, случайно шедшим по дороге из Южной Богемии. Согласно «Национальцайтунг», первой на огонь прилетела пожарная команда пригорода Каролиненталь в составе брандмейстера имярек и двух трехконных паровых насосов. Но, по утверждению «Фольксгемайншафт», первой на пожаре оказалась дружина с Соколштрассе со своим новым автоматическим огнетушителем.

Единогласно утверждалось лишь то, что с небольшими интервалами прибыли на место пожара все пожарные команды. Почти во всех газетах писали, что он распространился из соседнего амбара, Бледный Проныра

из «Прагер тагеблат» разнюхал, однако, что вначале огонь бушевал целый час на втором этаже и только потом перекинулся на нижние.

Когда я пришел в редакцию, в вестибюле, который в часы завтрака превращался в подобие клуба, стояли, беседуя, несколько сотрудников.

— Эта толпа бездомных, — обратился ко мне художественный критик, — должно быть, походила на полотна Брейгеля. Я с интересом прочитал ваш отчет.

— Но он ведь записал не более того, что увидел, — сказал доктор Дыкший.

Наверное, чтоб смягчить скептический тон доктора Дыкший, критик возразил в том смысле, что наблюдал я, во всяком случае, внимательно.

— Именно — лишь наблюдал. А что сделал бы из этого поэт! Ярмарку бедствий при сполохах пламени!

Полиция и голытьба беспомощно стоят друг против друга. Но этот молодой человек и не заметил, что держит в руках сцену, полную драматизма. Ну, в конце концов, это и не входит в его обязанности.

Меня так и подмывало заявить ему, что я и сам знаю цену материалу, раз уж он исходит из моей фантазии. Но тогда доктор Дыкший стал бы повторять, а другие бы соглашаться с ним, что это не моя обязанность.

Еще прежде, чем закончился день, в который доктор Дыкший дал прочувствовать мне малоценность правды, мне прочли лекцию о цене неправды.

— Я должен поставить вас в известность, что вы вылетите с биржи, если напишете еще что-нибудь в этом духе, — встретил меня папаша Вейвара, когда я вечером пришел на биржу.

— В каком же это духе я писал?

— В духе лжи! — взорвался он. — Сплошной бесстыжей лжи. Вам еще всыпят, когда придет опровержение из городского приюта. Оттуда ночью никто не может выходить, потому что двери заперты, а при входе каждый сдает свою одежду.

— Я не писал, что это обитатели ночлежки. Я говорил лишь о бездомных вообще, я упомянул о соседстве приюта, не утверждая, что люди пришли оттуда.

Этот трюк взбесил папашу Вейвару еще сильнее. Он уже затребовал от приютоуправления опровержение моего отчета, но получил ответ, что вследствие стилизации против моего сообщения ничего нельзя предпринять. Зачем папаша Вейвара это сделал? Он не скрывал, почему.

— Своим враньем вы подведете нас под монастырь. Сегодня утром редактор накинулся на меня, как это, мол, я ни словом не обмолвился о нашествии бездомных на пожар.

— Но, господин Вейвара, вы могли б ему сказать, что это выдумка.

— Избавьте меня от своих советов!

Вмешался коллега Фильде: «Когда этим клейстерным журналистам говоришь, что конкурент врет, они считают, что это увертка».

Папаша Вейвара подтвердил это, ударив кулаками по столу. Ему, мол, вот что дословно сказал редактор: «Комично, что другие всегда выдумывают занимательные враки, а вам всегда известна лишь скучная правда». Тут папаша Вейвара опустил с высот ярости в глубины горечи: «И это я должен выслушивать на тридцатом году своей деятельности».

— Из-за какого-то сопляка, — сказал рыцарь Вук фон Розенберг, лишь для того, чтоб не казаться невежливым.

— А что мне оставалось делать? — возразил я. — У меня же не было никаких фактов. Когда я попросил вас, господин Вейвара, сказать мне что-нибудь, вы ответили: «Горит».

Этот саркастический ответ папаша Вейвары вызвал безгласное порицание. Господин Адальберт Бетцек мягко и кротко посоветовал мне всегда в таких случаях действовать, как учит религия: «“Не солги”, — сказано в десяти заповедях, и коль скоро вы уж изобретаете столь наглую ложь, вы обязаны телефонировать ее нам, чтоб и мы могли дать ее, а не выглядели глупыми девственницами».

На бирже «Ходьера» в этот вечер появился господин Чупик, вместо Бледного Проныры, которого в «Прагер тагеблат» освободили от должности.

Что все это значило?

Пока я писал изложения докладов и зарисовки, я никогда не был беспомощным и ни разу, даже если в теме ничего не понимал, не сочинял от фонаря и не подвергал опасности должность коллеги.

По-видимому, непосредственное описание действительности намного трудней. Ни один критик при обсуждении книги, представления или выставки не испытывает подобное чувство профессионального бессилия, как я вчера в сиянии пожара. И, тем не менее, сотрудники отделов культуры рассматривают репортеров как нечто низшее, как тех, кто должен навестать ногами то, чего нет в голове.

Несколькими днями раньше я наткнулся на длинноволосого заведующего отделом фельетонов, имени которого не помню. Он выразил свое неудовольствие тем, что я стал репортером.

— По поводу вас я имел другие намерения, — сказал он. — Я хотел сделать вам имя.

Доктор Дыкший тоже находил мою службу достойной презрения. Он, конечно, был последователен. В своих критических статьях он признавал искусством только импульсивно-своенравное, мечтательно-неясное, бессвязно-абсурдное, логически-неустойчивое или иррационально-мистическое. Он строго отвергал «бескрылый рационализм и поверхностный материализм быстро устаревшей французской школы», под которой разумел Бальзака, Флобера и, конечно, Золя. Доктору Дыкший,

который в свое время поощрил в своем отзыве томик моей упадочной лирики, сцена с бездомными могла и не понравиться, поскольку он считал ее реальностью.

Но главные редакторы — эти журналисты на ответственных постах — разве они не должны уважать реальность? Как бы эффектно ни была сформулирована антитеза, которую употребил шеф папаши Вейвары, разве мог он требовать ложь, потому что она интересна? Мог ли он предпочесть ее правде, будь она самая смертельно скучная?

Эти вопросы были далеко не риторическими, на них имелись ответы.

Некоторые издатели, великий Гордон Беннет например, признали, что газеты, будь они коммерческими или служащими распространению идей, должны в своих целях предпочесть благоприятную их целям ложь правде, противоречащей их целям. Один циник придумал даже изречение: «Фальшивая новость — мой любимейший жанр: во-первых, ты обладаешь ею один, а, во-вторых, приходит опровержение, которым опять располагаешь только ты».

Сама аргументация эта неверна, ибо ничто не опротестовывается столь аккуратно, обоснованно и энергично, как истинная правда. Но тем больше оснований взять на вооружение это кредо циника есть у издателя газеты, если он не жаждет опровержений.

Ну, а читатель? Какое ему дело до того, второй или четвертый выстрел убийцы оказался смертельным, пятьсот или пять тысяч японцев пало при штурме Порт-Артура или что огонь на Шитткауэровых мельницах распространился не из амбара, а прежде со второго этажа?

Камень истины, который приобрести лишь по высокой цене, ничем не отличается от дешевой имитации под него. Ни один читатель не заметил в моем рассказе о местном и общеизвестном случае — событии пожара на мельнице, что в его основе не было ничего. Как же можно при более затемненном состоянии дел, например, в событиях за рубежом, отличить фантазию от действительности? Если к тому же следовать завету благочестивого господина Адальберта Бетцека — передавать всякую выдумку своим коллегам, то отпадает даже последняя возможность разоблачения.

Я уяснил себе, что представляет собой вообще корреспонденция. Это форма выражения, возможно, даже форма искусства, пусть даже всего лишь малая, вроде «былин» слепого Мефодия или татуировки в арестантской.

Специфика корреспонденции в том, что в основе ее лежит подлинный случай. И недостаточно ли просто создать впечатление, что случай якобы произошел? Нет. Если событие выдуманно — заметит это читатель или нет, — то изложение его уже не корреспонденция. Романисты, новеллисты и рассказчики анекдотов часто утверждают, что событие,

описанное ими, произошло на самом деле. И если читатель не верит их заверениям, то это отнюдь не вредит репутации поэта, а, напротив, возвышает его. Но летописец, который врет, погиб как таковой.

И все-таки трактовка сюжета таит в себе альтернативу: брать ли событие за исходный пункт и подключать фантазию (что сделал я вчера при описании пожара) или постараться найти такие связи и детали, чтоб результат был бы, по меньшей мере, столь же интересен, как и продукт фантазии. (Я должен был открыть сцену с бездомными, а не позволить себе выдумать ее.)

В названном «ли» я проявил мастерство, в названном «или» свое неумение. Однако я должен был избрать вторую часть альтернативы.

О, совсем не из моральных побуждений! Толкало к этому все то же дантово любопытство.

Еще в детстве, каждый раз, когда я ходил к купцам или на почту, я приносил домой благодаря этому любопытству целый ворох ценных новостей, которые воспринимались по меньшей мере как преувеличения. Мне досаждала эта подозрительность, ведь мне не нужно было выдумывать, потому что я и так видел и слышал повсюду столько невероятного, которое, однако, все равно оказывалось правдой. Как могло быть, что события, для меня само собой понятные, казались другим невозможными?

Вчера я в первый раз что-то придумал, и все поверили этому...

Остаться мне и впредь при лжи? Нет.

Именно потому, что в первой охоте за истиной истина от меня ускользнула, мне захотелось отныне гнаться за ней по пятам. Это было спортивное решение.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Совершенствование техники и технологии издательского дела в XIX веке	6
Технические и технологические изобретения (6). Социально-политические изменения (16).	
Французская пресса в эпоху Наполеона I	18
Наполеон Бонапарт (18). Консульский указ о газетах 17 января 1800 года (19). Газета <i>Le Moniteur Universel</i> (19). Дальнейшая политика Наполеона в отношении прессы (20). Военная пресса (22). Политика в области прессы в завоеванных странах (23). Новаторство Наполеона в отношении прессы (24). Пресса в период Ста дней (25).	
Экономическая революция во французской прессе	28
Пресса накануне перемен (28). Июльская революция 1830 года и пресса (28). Первые агентства (30). Новый класс читателей (31). Эмиль де Жирарден (32).	
Французская пресса между двумя республиками (1848–1871)	40
Революция 1848 года и пресса (40). Наполеон III и журналистика (42). Печать Второй империи (42). Моиз Полидор Мийо (44). Журналистика в период Крымской войны (1854–1856) (46). Французская пресса накануне революции 1870 года (47). Печать Парижской Коммуны (48).	
«Золотой век» французской прессы	51
Закон о свободе печати 1881 года (51). Французская журналистика после принятия Закона о свободе печати (52). Политическая пресса (55). Типология прессы к концу XIX века (56). Пресса и Дело Дрейфуса (57). Публицистика Эмиля Золя в деле Дрейфуса (57).	
Журналистика Германии XIX века	60
Особенности журналистики Германии (60). Карл Маркс (61). Информационное агентство Вольфа (66). Отто фон Бисмарк (66). Концентрация печати. Газетные магнаты (70).	
Развитие английской журналистики в XIX веке	72
Английская журналистика в первой половине XIX века (72). Пресса чартизма (73). Информационное агентство <i>Reuter's</i> (74). Печать в годы Крымской войны (75). Рост журналистики в 1855-м — 1870-е годы (76). Джордж Ньюнес и его издания (77). Пресса братьев Хармсворсов (78). Артур Пирсон и его методы распространения прессы (81). Качественная журналистика в конце XIX — начале XX века (83).	
Журналистика США в XIX веке	85
Особенности журналистики США в XIX веке (85). Создание массовой прессы (86). Персональный и новый журнализм (92). Информационное агентство <i>Associated Press</i> (92). Пресса в Гражданскую войну (1861–1865) (93). Джозеф Пулитцер и его газетная империя (93). Уильям Рэндольф Хёрст и его газетная империя (95). Движение «разгребателей грязи» (97). Американская пресса на рубеже XIX–XX веков (98).	
Особенности развития журналистики стран Запада в 1914–1929 годах	100
Журналистика эпохи Первой мировой войны (1914–1918) (100). Пропаганда в годы войны (101). Западная журналистика и революция в России (102). Пресса Коминтерна (103). Публицисты Запада о Советской России (104). Становление и разви-	

тие радиовещания в Европе и Америке (106). Зарождение публичных отношений (107).
Новое в западной прессе 1920-х годов (107). Эгон Эрвин Киш (108).

<i>Приложение. Основные даты и события</i>	111
--	-----

ХРЕСТОМАТИЯ

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ФРАНЦИИ XIX ВЕКА

Наполеон Бонапарт. Письмо Наполеона	114
Эмиль де Жирарден. Газета <i>La Presse</i>	116
Моиз Полидор Мийо. <i>Le Petit Journal</i>	129
Эмиль Золя. Письмо Франции	137
Я обвиняю	145

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА

Карл Маркс. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции	157
Дебаты шестого рейнского ландтага	180
Фридрих Энгельс. Маркс и « <i>Neue Rheinische Zeitung</i> » (1848–1849)	207
Новая прусская газета. <i>Neue Preussische Zeitung</i>	215

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ XIX ВЕКА

Ведущие английские газеты. Газета <i>The Observer</i>	231
Газета <i>The Times</i>	233

ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА США XIX ВЕКА

Ведущая пресса США. Газета <i>The New York Tribune</i>	235
<i>The New York Times</i> . 30 января 1898 г. Правит Бисмарк	244
<i>The New York Times</i> . 15 апреля 1912 г.	245
Нелли Блай. Вокруг света за 72 дня	259
Джозеф Линкольн Стеффенс. Висконсин: возвращение представителя правительства	270

ПУБЛИЦИСТИКА О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ

Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир	295
Герберт Уэллс. Россия во мгле	331

ЗАПАДНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА 1920–1930-х годов

Эгон Эрвин Киш. У Форда в Детройте	378
Шестидневные гонки	384
Торговля людьми в Голливуде	388
Боринаж	393
Дебют на пожаре мельниц	405

Учебное издание

Прутков Григорий Владимирович

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
1800–1929

Учебно-методический комплект

Учебное пособие

Хрестоматия

Ведущий редактор *Л. В. Шипова*

Корректор *А. А. Барина*

Художник *Д. А. Сенчагов*

Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*

Подписано к печати 4.05.2010. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 26. Тираж 1500 экз. Заказ № .

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111398 Москва, Зеленый просп., 8.

e-mail: info@aspectpress.ru www.aspectpress.ru

Тел. (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.